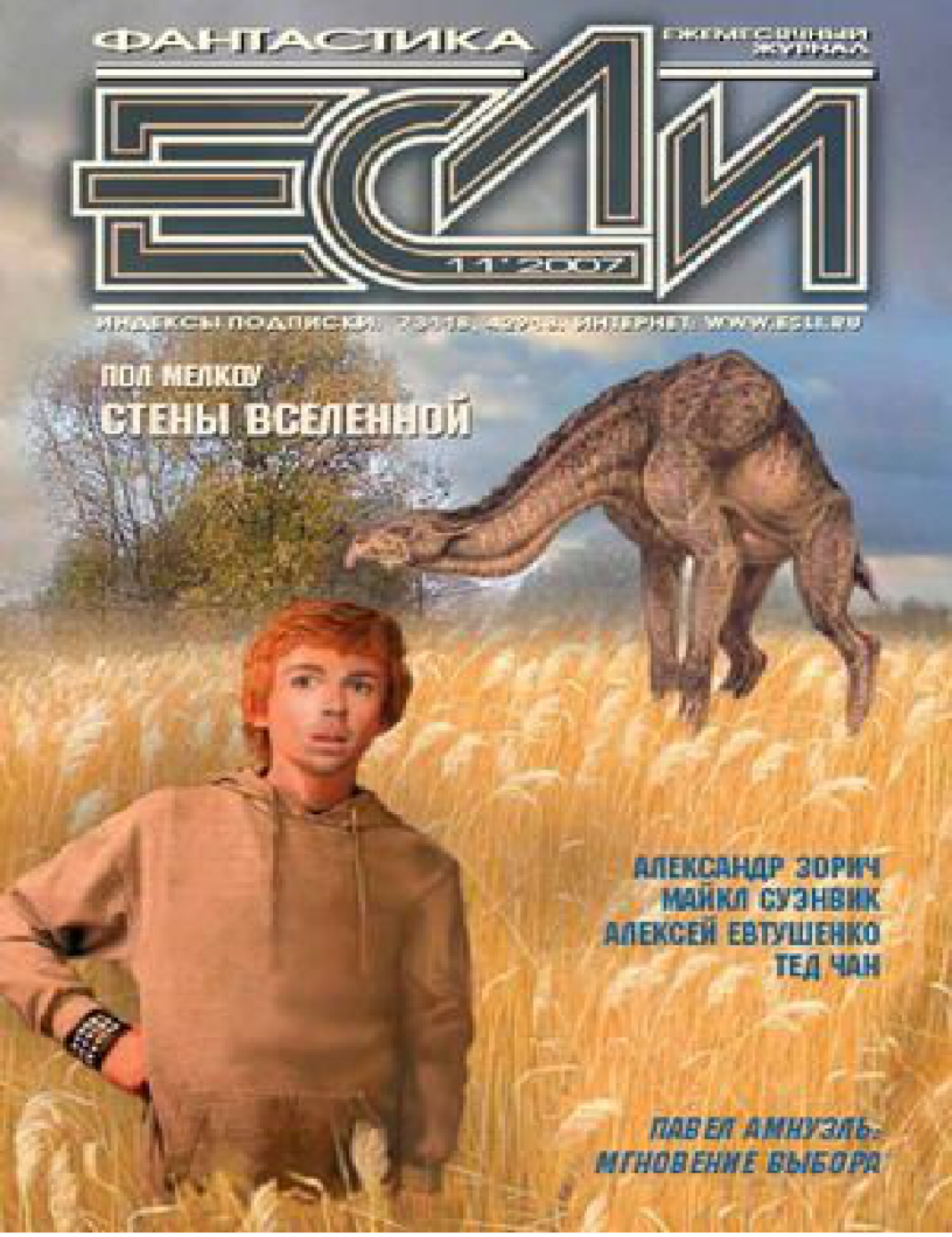
ФАНТАСТИКА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

11'2007

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73116, 42916; ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU



ПОЛ МЕЛКОУ
СТЕНЫ ВСЕЛЕННОЙ

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ
МАЙКЛ СУЭНВИК
АЛЕКСЕЙ ЕВТУШЕНКО
ТЕД ЧАН

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ.
МГНОВЕНИЕ ВЫБОРА

SHOUT
SHARE
IT

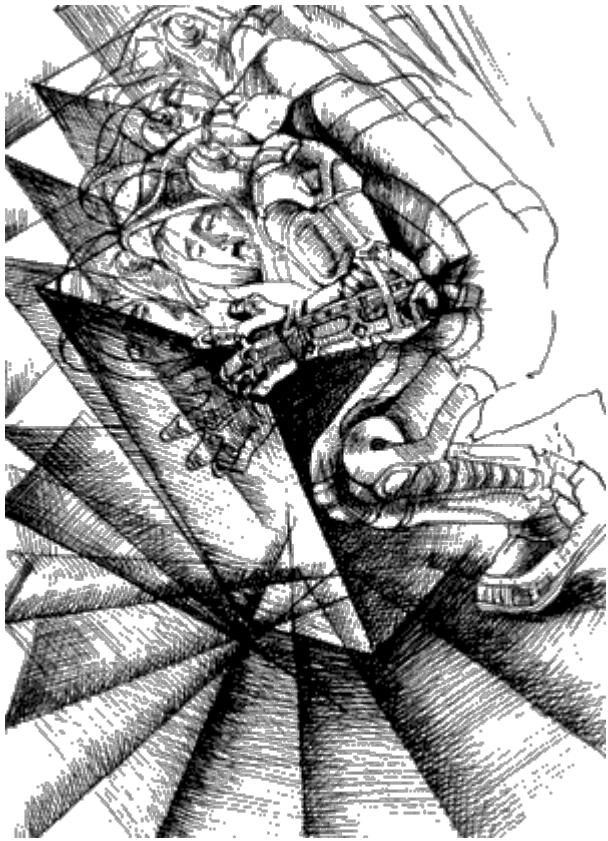
- ЖУРНАЛ «ЕСЛИ»
  - ПРОЗА
    - Карл Фредерик
    - Алексей Евтушенко
      -
    - Майкл Суэнвик
      -
    - Джудит Моффетт
      -
      - 1
      - 2
      - 3
      - 4
      - 5
      - 6
      - 7
      - 8
      - 9
      - 10
    - Тед Чан
      -
      - ПОВЕСТЬ О СЧАСТЛИВОМ КАНАТЧИКЕ
      - ПОВЕСТЬ О ТКАЧЕ, КОТОРЫЙ ОБОКРАЛ САМОГО СЕБЯ
      - ПОВЕСТЬ О ЖЕНЕ И ЕЕ ЛЮБОВНИКЕ
    - Александр Зорич
      -
    - Тим Пратт
      -
    - Пол Мелкоу
      -
  - ВИДЕОДРОМ
    - «ЗВЕЗДОЧКА МОЯ ЯСНАЯ…»
    - РЕЦЕНЗИИ
      -
    - ТЕМА
      - ДИАГНОЗ: КСЕНОФИЛИЯ
      - ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ
  - ПУБЛИЦИСТИКА
    - МИРЫ, В КОТОРЫХ МЫ ЖИВЕМ
  - РЕЦЕНЗИИ
    -
  - КРУПНЫЙ ПЛАН

        - ■ ПОЛДЕНЬ МАКДЕВИТА
    - ○ КУРСОР
        - ■
    - ○ PERSONALIA
        - ■
- notes
    - ○ 1
    - ○ 2
    - ○ 3
    - ○ 4
    - ○ 5
    - ○ 6
    - ○ 7
    - ○ 8
    - ○ 9
    - ○ 10
    - ○ 11
    - ○ 12
    - ○ 13
    - ○ 14
    - ○ 15
    - ○ 16
    - ○ 17
    - ○ 18
    - ○ 19

ЖУРНАЛ «ЕСЛИ»
2007 № 11

ПРОЗА

Карл Фредерик
ЗООПАРК В ДЖУНГЛЯХ



Евгений вел луномобиль к дальней стенке кратера, а Артур Дэвидсон сидел рядом, глядя на Землю — ее гигантский шар почти касался края этой стены, самого ободка кратера. Если бы Артур сейчас находился дома, в Нью-Йорке, он бы отмечал свой двадцать восьмой день рождения. Не то чтобы это было празднование: он считал себя большим нелюдимом с весьма ограниченным контингентом друзей, да вдобавок полгода назад умерла его мать. Однако ее уход дал ему некоторую эмоциональную свободу, возможность направиться по стопам отца, искренне надеясь, что не совсем след в след.

Артур опустил взгляд на абсолютно черную стену кратера, четким силуэтом выделяющуюся на фоне проколотого звездами мрака неба. Где-то возле стены около девятнадцати лет назад, во время последней Лунной миссии, пропал его отец. Как только Артур достиг совершеннолетия и получил возможность принимать самостоятельные решения, он записался на участие в

космической программе, и его приняли, но, возможно, только из уважения к отцу.

Теперь, несмотря на молодость, — он на Луне, участник объединенной российско-американской экспедиции. Он знал, что обязан этим лишь авторитету отца. Конечно, помогло и то, что он в совершенстве владел русским языком.

С выключенными огнями, чтобы поберечь энергию, луномобиль пропечатывал следы больших колес на лунном ландшафте. Бело-серая внутренняя поверхность кратера светилась мягким голубоватым оттенком, отраженным от яркой Земли в темноте неба, а скалы-баскетболисты отбрасывали черные тени с нечеткими границами.

— Ты спокоен, как сама Луна, — сказал Евгений.

Евгений говорил по-английски не слишком уверенно, иногда не сразу подбирал нужное слово и часто строил фразы «по-русски». Это не мешало Артуру понимать его, а желание друга совершенствоваться служило первой причиной того, что разговаривали они по-английски. Второй причиной был командор Драммонд, который заявил: «Меня нервирует, когда люди говорят на языках, которых я не понимаю», — что автоматически делало единственным языком общения именно английский.

— Наверное, ты слишком близко к сердцу принимаешь то, что мы, возможно, найдем, — предположил Евгений через пару секунд.

— Нет, Женя, — ответил Артур. — Мой отец погиб так, как и хотел — во имя науки и исследований.

Интересно, не идеализирует ли он отца? Когда Артуру было шесть лет, родители развелись и, несмотря на его протесты, мать признали единственным опекуном мальчика. Конечно, он любил мать, но отсутствие отца всегда ощущал очень остро.

Евгений кивнул головой в сторону диска Земли, занимающего полнеба:

— Я не думаю, что Центр управления считает нашу миссию научной. — Он взмахнул рукой и с чувством продолжил: — Девятнадцать лет никому не было дела до Луны, но сейчас…

Артур глубоко вздохнул и четко услышал свой вздох внутри шлема. Он прекрасно понимал, что в передатчике Евгения это прозвучит как порыв ветра.

— Знаю. Нам надо всего лишь застолбить местечко до прибытия Новоаравийской миссии, и начальники будут счастливы. Но мне действительно хочется, чтобы наша экспедиция была более солидной, более значимой.

Евгений пожал плечом:

— Сколько надо людей, чтобы установить флаг?

— Глупо заявлять свои права на Луну. — Артур сжал кулак. — Глупо, и может привести к войне. — Он вздохнул еще раз, теперь уже потише. — А вот исследование космоса — единственная игра в городе.

— Единственная игра в городе? — переспросил Евгений, обратив к Артуру недоуменный взгляд. — Не понял.

— Это означает самое лучшее, единственно правильное решение, даже при наличии других вариантов, — объяснил Артур и снова засмотрелся на зелено-голубой диск: — В наши дни Земля похожа на джунгли.

— Хуже, — ответил Евгений.

— Ну, человечество эволюционирует…

— Или вымрет.

— Я верю в будущее, — сказал Артур; эти слова звучали для него самого скорее как желание, чем как убежденность.

— Я тоже верю в будущее, но только не в ближайшее.

Евгений включил фары. Луномобиль двигался вперед — стена кратера поднялась и загородила лик Земли. Кроме освещенного фарами пятна впереди, грунт вокруг едва-едва виднелся.

— Туда! — Артур указал вдаль, где фары отразились ярким бликом на металле.

Евгений слегка подкорректировал курс, и далекий отсвет постепенно превратился в другой луномобиль, притулившийся возле самой стенки кратера.

— Чудеса! — сказал Евгений, притормозив возле безжизненного луномобиля. — Машинке двадцать лет, а выглядит в точности как эта, такая же новенькая.

Артур выпрыгнул на грунт.

— Думаю, она и есть копия нашей, — сказал он. — Только у нашей еще и дистанционное управление. — Он слегка покачал головой. — Если бы тут тоже была дистанционка, — тихо сказал он, — может, мой отец был бы спасен, или, на худой конец, мы смогли бы определить, что с ним случилось.

Евгений отключил энергию луномобиля, и все погрузилось во тьму, кроме бриллиантового звездного полога, растянутого по черному небу. Он включил нашлемный фонарь.

— Погоди, выключи ненадолго, — попросил Артур, глядя в небеса. — Я хочу полюбоваться звездами.

Евгений выключил свет и улыбнулся:

— Да у тебя русская душа…

Артур внимательно оглядел небо в зловещей тишине, нарушаемой только тихим шелестом радио и звуком его собственного дыхания. Через пару минут, когда его глаза

привыкли к темноте, он сказал:

— Как же красиво! Никогда не видел столько звезд.

— Они выглядят ненастоящими, — заметил Евгений. — Звезды должны… как это… моргать.

— Ты прав, — ответил Артур, — без атмосферы звезды выглядят искусственными. Как в планетарии. Небо планетария без музыки. — И он представил музыку: величественную и горделивую, неторопливую и страстную, всеобъемлющую и всепоглощающую.

Он наблюдал за звездами с самого детства, с тех пор как отец впервые зажег его воображение грандиозностью Вселенной. Артур закусил губу — он пытался отсрочить неизбежное. Он опустил глаза, с минуту смотрел на отдаленный кровавый глаз — сигнальный маячок посадочного модуля, потом повернулся, включил нашлемный фонарь и сказал:

— Ладно, Женя, пойдем.

Евгений тоже включил фонарь и пошел в направлении заспавшегося за долгие годы луномобиля. Он быстро и внимательно осмотрел машину, потом опустил голову, осветив грунт.

— Ха! — воскликнул он. — Смотри: следы!

Артур тут же подскочил, осторожно, чтобы не наступать на отпечатки, которые совершенно определенно были отцовскими. Цепочка следов вела к стене кратера. Артур кивнул Евгению, они вместе пошли по следу и минут через пять приблизились почти к самой стенке кратера.

— Но обратных следов что-то не видать, — заметил Евгений.

— Может, ему зачем-то понадобилось пройти вдоль стены?

— Боже мой! — воскликнул Евгений по-русски. Его голос дрогнул, когда луч фонаря вдруг исчез и снова появился на стене кратера.

— Это еще что такое?

Он поводил лучом по стене туда-сюда.

— Точно. Проход в стене, — отметил Артур. — Странно. Евгений полупрыгнул-полушагнул вперед.

— Да, странно. Может, это лавовое русло?

Артур присоединился к Евгению и тоже заглянул в проем шириной примерно метр, а высотой два.

— Никогда не слышал о лавовых руслах в стенах лунных кратеров, а тем более о прямоугольных.

Он опасливо шагнул в проем и осмотрел его края.

— Гладкие, — сказал он. — Похоже, искусственного происхождения. Будто специально создано: вертикальные стены и горизонтальный пол.

— Думаешь, предыдущая миссия постаралась?

— Нас об этом почему-то не информировали. — Направив луч фонаря вперед, Артур шагнул в пещеру.

— Погоди! — крикнул сзади Евгений, хотя можно было и не кричать, так как связь они держали по радио. — Там может быть опасно. Там совершенно определенно опасно, потому что твой…

— Знаю, — перебил Артур, замедляя ход, но не останавливаясь. — Потому что мой отец, возможно…

— Думаю, нам надо вернуться. — Евгений стоял у входа в пещеру.

— Нужно доложить командору и дождаться его инструкций.

— Да я только чуть подальше пройду. — Артур напряженно вглядывался в глубь прохода. — Может, найду что-нибудь, о чем действительно стоит рапортовать.

— Нет! — раздался другой голос.

Артур вздрогнул. Он всегда ощущал некоторую странность, оттого что обычный разговор с помощью радио можно слышать на огромных расстояниях.

— Нет, — повторил голос командора Драммонда. — Мы предполагаем, что там опасно. Возвращайтесь на модуль.

— Так точно, — быстро, словно рефлекторно, откликнулся Евгений.

Артур остановился и повернул на выход из туннеля. Но он ничего командору не ответил. Евгений протопал несколько шагов, потом с любопытством обернулся к американцу.

Артур почувствовал, что разрывается между долгом перед командором и долгом по отношению к отцу.

— Извини, Женя, — сказал он по-русски, чуть помедлив. — Я должен посмотреть, куда ведет этот туннель.

Он резко развернулся и зашагал в глубину пещеры. Через пару секунд он оглянулся и увидел, что Евгений пожимает плечом — это ясно читалось даже через скафандр. Затем Евгений пошел за Артуром в пещеру.

— Дэвидсон, ответьте! — донесся голос командора. Артур проигнорировал вызов.

— Дэвидсон, Жуков, ответьте! — настаивал Драммонд. Евгений уловил мысль, похлопал Артура по плечу, и оба товарища устремились вперед.

Метров через двадцать туннель пошел под уклон. Артур оглянулся и не увидел точек звездного света через входной проем. Они шли все дальше в тишине, нарушаемой только голосом командора, повторяющего вызов. По мере продвижения все больше и больше камня преграждало путь сигналам между астронавтами и посадочным модулем, и радиоголос Драммонда

все больше потрескивал, все меньше доносился из динамиков и в конце концов совсем стих.

— Тебе не надо было идти, — сказал Артур, как только понял, что командор вне зоны доступа радиоволн.

— Но я очень хотел пойти, дружище, — радостно улыбнулся Евгений. — Ты тут не единственный искатель приключений.

— Большое спасибо, — сказал Артур по-русски. — Я действительно рад, что ты со мной. Но мы нарушили приказ.

— Есть такая русская поговорка: генералы делают вид, что отдают приказы, а мы делаем вид, что их выполняем.

Минут через пятнадцать коридор снова стал горизонтальным, а еще минут через пять Евгений и Артур выбрались в большой круглый зал. Они осмотрели огромное помещение, освещая его яркими лучами нашлемных фонарей. По прикидкам Артура, зал составлял метров сорок в диаметре. Стена, беловато-серая, на уровне пары метров от пола переходила в темную полусферу. И стена, и купол были гладкими и матовыми. В центре комнаты стоял постамент высотой метра полтора.

Артур, охвативший взглядом все, что позволял увидеть фонарь, от удивления открыл рот.

— Эта штуковина искусственного происхождения, — взволнованно произнес Евгений. — Интересно, чьих рук это дело?

— Ну, он точно не американец, — прошептал Артур.

Ему было интересно, отчего он сравнительно спокоен перед лицом этого открытия. Он должен бы скакать от счастья. «Может, потому что Луна сама такая чужая, все-таки иная планета», — неожиданно подумал он, шагнул вперед и сказал:

— Это будто забытый артефакт античной цивилизации.

— Не думаю, что забытый. Твой отец пришел сюда, но его здесь нет. — Евгений сделал шаг назад, прижался к стене и прошептал: — Может, они забрали его! Может, они до сих пор здесь!..

— Да брось, Женя. Это было двадцать лет назад. Евгений глупо хихикнул:

— Извини, я… как это… расслабился на минутку. — Он отошел от стены на несколько шагов, потом остановился, оглянулся и сказал: — Может, нам стоило выполнить приказ командора?

— Да, возможно, — отстраненно сказал Артур. Он шел к постаменту.

Постамент напоминал пюпитр: его верхняя плоскость была слег-ко наклонена. Присмотревшись, Артур увидел на поверхности большую кнопку и символы, будто пояснения к ней.

Пока Евгений подходил ближе, Артур изучал письмена.

— Я раньше никогда не видел подобных текстов, — удивился Евгений.

— Я тоже. — Артур вдруг отпрянул, потому что важность и необычность события поразили его. — Это не земная письменность. Я уверен. — Он повернул голову, чтобы посмотреть в глаза Евгению. — Знаешь, что это значит. Это место — не результат работы более продвинутой цивилизации Земли. Не может им быть.

— Почему не может?

Артур помолчал и задумчиво произнес:

— Или может… Но непохоже. Современное человечество существует тридцать или сорок тысяч лет. Не может быть, чтобы у нас не нашлось уже обнаруженных в раскопках артефактов более продвинутой цивилизации. Я в этом уверен. — Он снова помолчал, глядя на символы. — Это точно инопланетное.

Евгений кивнул.

Артур с благоговением и очень внимательно осмотрел постамент.

— Восхитительно! — сказал он. — Даже если SETI никогда ничего не найдут, я все равно буду знать, что в нашей Галактике есть другие цивилизации.

Словно для испытания своей веры он положил руку на кнопку. И скорее почувствовал, чем увидел, как позади него занервничал Евгений.

— Не возражаешь? — спросил Артур.

Евгений некоторое время не отвечал, потом пожал плечом:

— Не возражаю. Артур нажал кнопку. Купол наполнился звездами.

— Боже! — Артур уставился вверх. Звезды сияли ярко, но синим светом. — Странно, — произнес он неуверенно. — Может, инопланетяне видят белый свет звезд как синий?

Евгений покачал головой:

— Заблуждение Эль Греко.

— Ты о чем?

— Эль Греко был испанским художником, он рисовал людей очень высокими и тонкими. Говорили, что, возможно, он так видит людей — именно высокими и тонкими. Но это ерунда, ведь при взгляде на собственный рисунок он бы увидел изображения людей еще более вытянутыми.

— Может, инопланетяне видят и белый, и синий цвета как один синий?

Артур выключил фонарь и залюбовался синезвездным небом. Евгений тоже погасил свет, и иллюзия стала совершенной —

ночное небо сквозь синие очки.

— Странный планетарий, — протянул Евгений.

— И бессмысленный, — сказал Артур. — Планетарий на Луне. Это все равно что устроить зоопарк в джунглях или бассейн под водой. Какова его цель?

Евгений усмехнулся.

Артур внимательно всмотрелся в эрзац-небо:

— Погоди-ка. Тут что-то не так. Я не узнаю небосвод.

— Верно, — откликнулся Евгений. — Может, так он выглядит с их родной планеты?

— Возможно.

Вдруг Евгений ахнул и воскликнул:

— Артур, смотри!

И указал на постамент. Там, где раньше была одна-единственная кнопка, на гладкой поверхности появился целый набор кнопок и регуляторов, похожих на ползуны. Все светились разными оттенками синего и фиолетового.

— Планетарий, укомплектованный пультом управления, — прошептал Артур. — Но каково его назначение? — Он склонился над пультом и попытался осмыслить задачу. Слишком близко и тщательно, так что заболели глаза. — Держу пари, большинство знаков испускают ультрафиолетовое сияние.

Центральная часть пульта походила на измеритель чего-то, испещренный непонятными значками, а следовательно — богатый недоступной информацией; темно-фиолетовая вертикальная полоса показалась в левой стороне от прибора, другая такая же полоса появилась справа. Темно-синяя полоска в половину длины каждой из крайних, скорее всего, указатель, лежала поверх правой фиолетовой полосы. Над каждой из двух длинных полосок была сложная эмблема высотой полсантиметра. Артур нацелил палец на ту, что была слева.

— Может, это изображение космического корабля, — предположил Евгений, разглядывая значок, похожий на двадцатигранник.

Артур кивнул и обратил внимание на другой сектор пульта — его привлекла кнопка с символом, определенно обозначавшим Землю. Поддавшись импульсу, Артур нажал кнопку. В тот же миг сине-зеленое сияние родной планеты в полуфазе появилось на куполе. И тоже гораздо более синее. Артур удовлетворенно улыбнулся: пульт сработал именно так, как он и ожидал. Он снова посмотрел на звезды и прикусил губу:

— Знаешь, — сказал Артур через несколько секунд, — возможно, это изображение именно лунного неба, но только отдаленного будущего или же далекого прошлого.

Евгений указал на маленькую эмблему космического корабля в правой стороне измерительного прибора. Он коснулся полоски-указателя, будто прилипшей к краю, и предположил:

— Может, прибор показывает время, а здесь — точка, когда инопланетяне опустились на Луну?

— А небо такое, каким было тогда?

— Да, — ответил Евгений, — вполне вероятно.

Под синим пультом обнаружился регулятор-ползунок, сразу под ним располагался ряд кнопок. Крайняя правая горела глубоким фиолетовым светом.

— Десять кнопок, — задумчиво произнес Артур. — Это предполагает наличие у инопланетян десяти пальцев.

— Если только планетарий не создан специально для людей…

— Хм, — Артур посмотрел на небо и снова перевел взгляд на пульт. — Интересно… Похоже, предпочтение синего и фиолетового является признаком того, что их зрение достигает максимума в синем диапазоне, а не в желтом, как наше. При любом раскладе у них определенно есть глаза.

— Их родная звезда, возможно, более голубая — класса «O» или «B». А не класса «G», как наше Солнце.[1]

Артур положил ладонь на ползунок:

— А габариты кнопок указывают, что их руки по размеру не слишком отличаются от наших.

— Если, конечно, это создано не для нас.

— В этом случае, — сказал Артур, — и цвета были бы подобраны в нашем видимом диапазоне; мы же не видим в ультрафиолете. — Он легко пробежал рукой в перчатке по пульту. — Мы делаем много логических выводов о наших инопланетянах.

— Может, это испытание?

— Испытание? — улыбнулся Артур. — Отлично! Тогда давай извлечем из этой проверки максимум информации.

Он попытался мягко сдвинуть ползунок вправо, но тот не поддался. Астронавт толкнул его влево — по-прежнему ни с места, однако образ Земли на «небе» начал поворачиваться. Артур нажал сильнее — Земля завертелась быстрее, сменяя фазы.

— Занятный пульт; оказывается, тут надо прикладывать силу, а не менять положение относительно полосы.

Вдруг Артур вздрогнул и зажмурился: огромное Солнце, ярко сияющее неестественным синеватым светом, показалось на куполе, осветив весь зал. Чуть привыкнув к свету, астронавты приоткрыли глаза.

Артур толкнул ползунок еще сильнее, и материки с океанами

на изображении Земли слились в сине-зеленое пятно. День сменялся ночью каждые несколько секунд, а родная планета медленно меняла свои фазы от «полноземлия» к «новоземлию». Мелькание дней потрясло Артура, у него закружилась голова. Он убрал руки с пульта. Мелькание прекратилось, Солнце замерло над головами. В ярком свете Артур заметил другую кнопку, с ярко-синим кружком под ней. Артур нажал ее, и Солнце погасло.

— Вот и хорошо, — глубоко вздохнул Евгений. — Ато меня уже замутило.

Артур взглянул на небо. Звезды поменяли положение на небе, но не относительно друг друга. А указатель по-прежнему не отлипал от правого края измерителя.

— Это может занять много времени, — качнул головой Артур. Евгений указал на десятикнопочный ряд.

— Может, эти штуки служат для изменения масштаба времени?

— Да, я уверен в этом.

Крайняя правая кнопка светилась, поэтому Артур нажал крайнюю левую. Она зажглась, в то время как правая погасла. И снова исследователь толкнул ползунок влево. Вскоре звезды начали менять свое положение друг относительно друга. Артур качнул головой, привлекая внимание товарища к одному из секторов купола:

— Вон та кучка звезд становится все больше похожей на Большую Медведицу, видишь?

— Точно, — согласился Евгений. — И это значит, что небо движется вперед во времени, а не назад.

Артур все держал руки на пульте, когда вдруг звезды будто бы вспыхнули более ярко. Они больше не были синими, они явились в своих обычных цветах: преимущественно белые. Артур как астроном-любитель отметил, что Антарес и Бетельгейзе, как обычно, красноватые, а Зубен эль Генуби приобрел свой ожидаемый зеленоватый тон.

— Это больше похоже на правду, — заметил он. — Однако все застопорилось.

Земля перестала вертеться, и можно было разглядеть континенты. Планеты остановили свой сумасшедший бег по небу. Огонек на левой масштабной кнопке погас, а крайняя правая замигала синим светом.

Артур сильнее нажал на ползунок, но ничего не изменилось, только символ над пультом вспыхнул ярко-зеленым. Он убрал руки с пульта, и светящийся ярлык погас. Внимательно посмотрев на измеритель, Артур отметил, что указатель почти на треть отстоит от левой фиолетовой полосы.

Евгений указал рукой в перчатке на эту линию:

— Если вон та линия обозначает момент, когда инопланетяне прилетали первый раз, то эта, возможно, показывает, когда они вернутся.

— Возможно, — ответил Артур. — Я не могу даже мечтать о том, чтобы двинуть звезды вперед, в будущее. Пульт будто застыл.

Евгений усмехнулся:

— Может, теперь они дают нам испытание посложнее?

— Но зачем? — Артур безрезультатно понажимал кнопки. — Это действительно звучит ненормально, но что если запуск звезд вперед во времени запускает вперед и нас?

— Согласен, — сказал Евгений, — это ненормально. И к тому же совершенно невозможно.

— Почему же? Путешествие назад во времени невозможно, но движение вперед вполне допустимо. Если мы проведем некоторое время неподалеку от черной дыры, то когда вернемся, может пройти немало времени.

— Согласен, — снова кивнул Евгений. — Закон Гелл-Манна гласит: если что-нибудь не абсолютно запрещено физикой, это обязательно произойдет. Значит, невозможное явление надо рассматривать как очень-очень редкое. Верно?

Артур снова осмотрел пульт:

— Вероятно, вспыхивающая кнопка означает, что мы можем использовать только один фактор временного масштаба? — Он посмотрел на Евгения через плечо: — Это развлекуха такая. Как изучение языка и одновременное погружение в инопланетную культуру. — Он снова опустил взгляд на пульт, со всей силы ткнул пальцем в кнопку, а другой рукой так же мощно толкнул ползунок. Ничего не произошло.

— А вдруг кнопку надо удерживать?

Артур вдавил кнопку. Она загорелась ровным немигающим светом.

— Теперь толкай.

— Отлично, так получается, — откликнулся Артур, удерживая пальцем кнопку и толкая ползунок другой рукой.

Он вдруг отпустил все кнопки и ухватился за пульт обеими руками, чтобы не упасть. На мгновение показалось, что сам планетарий беспорядочно скачет во всех направлениях одновременно. Потом рядом упал Евгений. Артур почувствовал головокружение, дезориентацию и приступ тошноты, но секунду спустя все прекратилось.

— Что случилось? — спросил Евгений, поднимаясь на ноги. Артур посмотрел вверх на купол. Звезды сместились в более

позднее время лунного дня, и диск Земли выглядел иначе.

— Я думаю… — прошептал Евгений. — Мне определенно кажется, что теперь нам пора возвращаться…

— Ага, — Артур оглянулся на вход, будто лишь для того, чтобы удостовериться в его наличии. — Хорошо, — он включил нашлемный фонарь и первым пошел к выходу, сознательно двигаясь размеренным шагом, чтобы не обнаружить свою внутреннюю панику.

Евгений поравнялся с другом, обогнал его, а потом повернул назад:

— Ты как?

— Да все нормально, — Артур замедлил шаг, соразмеряясь с темпом Евгения. — Ты же не думаешь, что мы могли прямо сейчас попасть в будущее? Или как?

— Нет… — В тоне Евгения звучала некоторая неуверенность. Артур попытался скрыть свою растерянность.

— Если там, снаружи, нашего мобиля нет, — сказал он легко, — мы можем вернуться в планетарий и шагнуть вперед. — Когда-нибудь здесь будет Лунная колония.

— Надеюсь, мобиль там все-таки есть, — тихо, будто самому себе, сказал Евгений.

Остальную часть пути они прошли в молчании.

Около четверти часа спустя Артур увидел впереди не обычную черноту коридора, а пятно, усеянное россыпью белых сияющих звезд. Бросившись в проход, он обнаружил машину и облегченно вздохнул. Потом вдруг у него перехватило дыхание: перед ним стоял только один луномобиль.

— Не наш, — заключил Евгений, подошедший поближе, чтобы повнимательнее осмотреть его. — Это старый.

Безумным взглядом Артур обшарил горизонт. Углядев вдалеке вспышки красного сигнального маячка посадочного модуля, он почувствовал облегчение и в то же время необъяснимое разочарование.

— Ладно, модуль все еще здесь, — сказал он. — Интересно, почему они отозвали мобиль?

— Где вас носило, черти окаянные? — заорал в наушниках командор Драммонд.

Артур напрягся.

— Изучали пещеру, сэр, — отрапортовал Евгений.

— Что? Восемнадцать чертовых часов?!

Артур и Евгений воззрились друг на друга. Скептическая часть мозга Артура предположила, что на родной планете устроителей планетария день длится семнадцать или восемнадцать земных часов.

— Жуков, Дэвидсон! Вы меня слышите? — раздался осторожный голос командора Драммонда секунд через десять всеобщего молчания.

— Да, — сказал Артур отсутствующе; все его мысли были заняты планетарием.

— Так какого черта вы игнорировали мои приказы? — прокричал Драммонд.

— Какие приказы, сэр? — спросил Евгений.

— Мы уже считали вас погибшими! — продолжал греметь Драммонд. — Мы отозвали луномобиль, думали, вы лежите внутри мертвые. Проклятье! Мы тут из-за вас с ума посходили!

— Извините, сэр, — сказал Евгений, однако его широкая улыбка ни в коем случае не выражала сожаления.

— Извините?! — Драммонд задохнулся от возмущения, его хрип громко звучал в наушнике Артура. — Что у вас с кислородом?

— Нормально, сэр, — ответил Евгений.

— А у вас, Дэвидсон?

Артур взглянул на стрелку индикатора кислородного баллона:

— Осталось около двенадцати часов.

— Это невозможно!

— Извините, — сказал Артур. Артур услышал новый хриплый вздох.

— Не понимаю, что у вас там происходит, — устало произнес Драммонд, — но оставайтесь на месте. Я посылаю луномобиль к вам на полной скорости.

— Нет никакой срочности, — улыбнулся Евгений, — мы будем рады подождать такси.

— Есть срочность, причем чрезвычайная, — злобным голосом сообщил Драммонд. — Часа через четыре Новоаравийская миссия прилунится неподалеку от вас. И эти «миссионеры» могут быть вооружены!

— Вооружены? — переспросил Артур. Как странно слышать это слово здесь. Луна должна быть свободна от подобного идиотизма. Это просто святотатство. «Не верю, просто не могу поверить», — подумал он.

— Центр управления был очень любезен и предупредил меня об этом несколько часов назад, — голос Драммонда буквально сочился сарказмом. — Нам приказали вернуться на орбитальную станцию, пока в Центре рассматривают все возможные альтернативы.

— Какие альтернативы? — удивился Артур.

— А это вам знать необязательно, — Драммонд помолчал. —

Возможно, они отслеживают нашу частоту. Итак, сидите на месте, причем тихо. У меня еще есть работа. Конец связи.

Артур вскипел от злости. Он догадался, что это за альтернативы.

На орбитальной станции был пульт управления, к которому имел доступ только Драммонд. Артур никогда об этом не думал, но сейчас сообразил и с уверенностью полагал, что это система вооружения. «Идиоты! Защитнички свободы на Луне! Так и слышу эти слова!»

Артур оглянулся на вход в пещеру.

— Выглядит так заманчиво… — сказал он тихо, будто от громкости сказанного зависело, услышит их разговор с Евгением кто-то еще или нет.

— Я думал, ты веришь в будущее, — так же тихо ответил Евгений, но уже по-русски.

— Верю, — Артур тоже перешел на русский, — но не в ближайшее будущее.

Внезапно он принял решение:

— Я возвращаюсь.

— А я не удивлен, — кивнул Евгений. — Если бы у меня не было жены и сына, то, может быть…

— Что там у вас происходит? — ворвался голос командора в наушник Артура. — И, черт побери, говорите по-английски!

— Я возвращаюсь в пещеру, — доложил Артур, — чтобы… обследовать немного больше…

— Нет! Приказываю оставаться на месте.

— Извините…

— Что?!

— Я должен пойти.

— Жуков! — заревел Драммонд. — Остановите его! Это приказ!

— Да, сэр, — с готовностью отозвался Евгений, жестами показывая другу: «иди, иди». — Я остановлю его!

Напарник улыбнулся, помахал на прощанье рукой и направился в пещеру. Пока Артур шел, он слышал звуки борьбы вперемежку с комментариями Евгения. Снова Артур улыбнулся, ему пришлось бы выложиться по полной программе, ведь его русский друг был и выше, и сильнее.

— Убери от меня свои руки, — беспомощно сказал Артур, входя в пещеру.

Через несколько секунд он услышал слова Евгения:

— Он вырвался, командор! Мне последовать за ним? Немного помолчав, Драммонд подчинился обстоятельствам:

— Нет. Я не могу позволить себе потерять вас обоих.

Оставайтесь на месте.

Артур уже подбирался к порогу радиоприема, когда услышал тихий шепот Евгения:

— Артур, друг мой, удачи тебе!

— До свидания, Женя, — благодарно ответил он.

Пока Артур отважно двигался по коридору, он начал принимать во внимание второстепенные мысли: только что он совершил успешное самоубийство — подчиняясь прихоти, внезапному порыву? Он остановился и подумал, не вернуться ли. Потом пожал плечами, покачал головой и продолжил свой путь. Да, он принял решение импульсивно, но будет стоять на своем только из упрямства. Его мать всегда говорила, что он унаследовал эту черту от отца.

В зале планетария Артура встретила темнота. Луч нашлемного фонаря лишь придавал особое значение отсутствию света — и подчеркивал одиночество человека.

— Возможно, это пассивный хронометр, — сказал он громко, чтобы нарушить окружавшую его тишину, прошагал к постаменту, нажал большую кнопку и, когда синеватые звезды заполнили небо, отключил фонарь.

Артур посмотрел на пульт, появившийся на постаменте.

— И автоперезагрузка, — пояснил он сам себе, увидев на пульте те же знаки, что и в первый раз. Он нажал крайнюю левую кнопку и толкнул ползунок влево, пока звезды не превратились из синих в белые и движение не остановилось. Он внимательно вглядывался в небо, но не мог сказать, показывало ли оно восемнадцатичасовую разницу во времени.

Плотно прижавшись к постаменту на случай головокружения, Артур вдавил крайнюю правую кнопку и, удерживая ее, сильно толкнул ползунок.

В этот раз было не так плохо, возможно, потому что он знал, чего ждать. Артур посмотрел на небо. Оно изменилось, и не оставалось никаких сомнений в том, что прошло восемнадцать часов или около того. Он почувствовал себя в полной изоляции: посадочный модуль к этому времени наверняка вернулся на орбитальную станцию, оставив единственного человека на Луне. Потом он вспомнил: Новоаравийская миссия! Может, пойти поискать их? Но, откровенно говоря, Луна — большое пространство. Без исправного луномобиля шансы обнаружить миссию минимальны. Артур покачал головой: «Я просто стараюсь выиграть время…» Да и в любом случае, если бы он добрался до миссии, вероятнее всего, был бы арестован на месте. Вряд ли люди, бороздящие космическое пространство, стали бы ему в

настоящий момент лучшими друзьями.

Артур сжал зубы, упер палец в крайнюю левую кнопку, потом закрыл глаза и толкнул ползунок.

Головокружение было не сильнее предыдущего и продолжалось столько же. Он ожидал чего-то более страшного. Открыв глаза, он вцепился в постамент: ему неожиданно показалось, что и пространство вокруг него завертелось. Будто в зеркалах, Артур увидел множество накладывающихся друг на друга копий зала. В центре каждого — фигура в скафандре. Фигуры, однозначно астронавты, хватались, припадали или отшатывались назад от одного из центральных постаментов, которые исчезали в бесконечности, как старые столбы телефонных линий вдоль Техасского шоссе.

Потом в куполе — или в куполах — на противоположной от входа стороне образовался дверной проем. Артур заметил, что скафандры, чем дальше он заглядывал, по мере отдаления становились все более технологически совершенными — начиная от громоздкого, неуклюжего сооружения вокруг человека до изящного, плотно прилегающего к телу одеяния с полностью закрывающим голову, но практически невидимым шлемом.

Идея обрела форму. Артур осмотрел дисплей пульта, указатель приник к левой вертикальной линии. Да, все астронавты должны быть исследователями, которые могли бы, как он сам, обнаружить планетарий и использовать его для путешествия в будущее. Но одержимая часть его мозга вопрошала здравомыслящую составляющую: Женя утверждал, что это невозможно — и был прав?

Чувствуя себя обособленно, как исполнитель главной роли в шумной толпе статистов на уличном представлении, он снова обратил свой взгляд к залам.

Астронавт в самом дальнем куполе направился к выходу. Другие астронавты один за другим последовали за ним. Артур присоединился к процессии и пошел к выходу. Очевидно, последний на вход, первый на выход.

Когда Артур добрался до выхода, на Луне уже стояла ночь, но кратер был ярко освещен. Там двигались какие-то люди, очевидно, группа встречающих — без скафандров! Артур подумал, что сможет разглядеть намек на прозрачный купол над кратером.

Астронавт впереди снял свой шлем. Артур наблюдал за ним несколько секунд. Человек не упал, не закачался, и Артур, почувствовав себя в безопасности, снял свой собственный шлем.

И тут же почувствовал легкий ветерок, вдохнул запах свежести, очень кстати после восстановленного душного воздуха

скафандра. Он снова услышал живые звуки мира, смех счастливых людей, а не металлические голоса и хрипы из передатчика и не собственное тяжелое дыхание.

В этот момент разговоры и смех смолкли. Люди остановились и смотрели вверх, где вдруг появился гигантский двадцатигранный космический корабль. Летательный аппарат был достаточно велик, чтобы улавливать лучи Солнца, хоть в кратере и была ночь. Великолепное зрелище производило впечатление: полированный металл, четкие углы граней с огромными иллюминаторами и синие, похожие на северное сияние языки пламени двигателей.

Рассматривая корабль, готовый прилуниться вне покрытого куполом кратера, Артур почувствовал себя зрителем научно-фантастической эпопеи. Он даже будто бы слышал музыку.

Артур осознал цель планетария: это пункт вербовки астронавтов, исследователей, обладающих развитой способностью к языкам. Может, дело и не в таланте к языкам, а в особой склонности к решению загадок. Или в стремлении открывать новое…

Потом он увидел краешек Солнца над горизонтом, и граница ночи и дня двинулась поперек кратера примерно со скоростью бегущего человека. Ночь быстро превратилась в день. Артур почувствовал, что при слабой лунной гравитации прыжки и кульбиты не смогут адекватно отразить его абсолютный восторг. Кажется, денек выдался на славу. Будет здорово, если он сможет поделиться с кем-нибудь своим полным счастьем.

Артур услышал сзади какой-то звук. Считая себя последним в череде астронавтов, он был крайне удивлен, когда повернулся и увидел в нескольких шагах фигуру в скафандре старого образца. Когда человек начал снимать шлем, Артур ахнул от неожиданности. Он выпустил из рук шлем, и тот с легким стуком упал на грунт. Артур бросился вперед. Казалось, человек отпрянул на мгновение, но потом отбросил свой шлем и раскрыл объятия.

Перевела с английского Татьяна МУРИНА

© Carl Frederick. A Zoo in the Jungle. Публикуется с разрешения автора. Рассказ впервые напечатан в журнале «Analog» в 2007 году.

Алексей Евтушенко
ПАСТУХ

Если бы Пояса астероидов не существовало, его следовало бы создать. Для пользы всего человечества.

Эта не блещущая оригинальностью мысль часто приходит в мою голову по утрам, когда я собираюсь на работу.

Забавно, верно? Проснулся человек утром, сделал зарядку, приступил к водным процедурам — и тут его посещает мысль о полезности и даже необходимости для человечества Пояса астероидов.

Вот вы часто по утрам думаете о Поясе астероидов?

То-то!

Впрочем, никаких секретов. Дело в том, что Пояс астероидов — это и есть место, где я работаю, так что думать о нем мне, как говорится, сам бог велел. А к тому времени, когда я по утрам приступаю к водным процедурам, моя голова после ночного сна уже вполне способна принять любую мысль. В том числе и о полезности Пояса астероидов для человечества.

Ну и, разумеется, здесь стоит учесть тот факт, что работу свою я люблю. Она у меня интересная, а профессия, с одной стороны, вроде бы одна из самых древних, а с другой — новейшая и редчайшая… В общем, чтобы уже наконец все стало ясно, объясняю: я пастух. Как вы уже, наверное, догадались, пастух не обычный, а космический (иначе с чего бы я стал распространяться насчет Пояса астероидов?). Пасу, разумеется, Solar Seals — солнечных тюленей, или, проще говоря, соларов. Ибо больше в открытом космосе пасти некого — кроме солнечных тюленей, животных там пока не обнаружено.

Тем, кто забыл, я напомню, что солары — это особая форма жизни, обитающая в нашей Солнечной системе, преимущественно в районе Пояса астероидов. Если верить фактам, а не слухам. Но слухи слухам рознь. Впрочем, как и факты фактам. Особенно в обитаемом космосе, где хватает любителей и откровенно приврать для красного словца, и выдать желаемое за действительное, а то и вовсе наплести незадачливому инвестору кучу небылиц. Впрочем, мы отвлеклись.

Так вот, солары.

Лично мне, кроме Пояса астероидов, нигде больше эти удивительные животные не попадались, хотя в свое время я побывал и на Меркурии, и на лунах Сатурна и много где еще. Люди, которым я, в целом, доверяю, утверждают: солнечные тюлени иногда встречаются на мелких спутниках Юпитера, вроде Леды или Фемисто, но, повторяю, сам я этого не видел, а официальная наука на сей счет не имеет твердого мнения.

Впрочем, официальная наука не имеет твердого мнения даже насчет того, как форма жизни, подобная соларам, вообще могла образоваться во Вселенной, и жизнь ли это вообще.

Да-да, именно так, вы не ослышались. Двадцать первый век заканчивается, а среди нас, оказывается, есть еще такие, с позволения сказать, ученые, которые не мыслят себе другой жизни, кроме белковой. Мол, солары ваши — это квазижизнь. Или псевдо-, уж как вам лингвистически будет удобнее.

Я вот, например, чуть ли не с детства помню, что жизнь — это активное, идущее с затратой энергии, поддержание и воспроизведение специфической структуры. А уж белковая она, эта структура, или еще какая — совершенно неважно. И удобнее всего — плюнуть на рассуждения этих… квази-, а также псевдоученых и спокойно заниматься своим делом. Потому что стоит только один раз увидеть солнечных тюленей, как сразу становится понятно: они живее всех живых. Да еще и крайне симпатичны. Не говоря уже о той пользе, которую они приносят нам, людям.

Утверждают иногда, что никакое видео не в силах передать того очарования, которое буквально излучает стадо солнечных тюленей, если смотреть на него непосредственно через прозрачный щиток скафандра. Чепуха. В силах. Если это хорошее видео, снятое умелым оператором. Мне такое попадалось. А насмотрелся я на соларов, как вы понимаете, вдосталь. Так и эдак. И продолжаю ими любоваться почти ежедневно на протяжении вот уже почти десяти лет.

Если вычленить самую суть, то работа пастуха солнечных тюленей заключается в том же, что и работа любого другого пастуха: выгонять животных на пастбище, следить, чтобы они исправно паслись и не разбредались, оберегать их от всяческих невзгод и опасностей, пригонять стадо обратно на место ночевки и дойки… А то, что пастбище — это открытый космос, а место ночевки и база находятся на астероиде, где притяжение чуть ли не в сто раз меньше земного, — уже не особо важно.

Хотя, если взглянуть шире, то, разумеется, космический пастух, в отличие от земного коллеги, должен еще уметь мастерски управлять спейсфлаером класса «скутер» и сворой роботов, играющих ту же роль, что и живые овчарки. Не считая кучи других навыков, без которых не бывает нормального профессионального космонавта. Потому как, если ты работаешь в космосе, то являешься космонавтом по определению. И даже в первую очередь. А уж затем пилотом, штурманом, инженером, рабочим-монтажником, пастухом или кем-то еще.

Вообще-то, о своей работе я могу рассказывать часами. Во-первых, потому что ее люблю, а во-вторых, пастухи соларов болтливы по своей, что называется, природе.

Издержки профессии, так сказать.

Не все, конечно, но что касается меня, то в полной мере. Дай волю, и я могу проговорить несколько часов подряд, не останавливаясь.

Некоторые, особенно те, кто ничего не понимает в нашей профессии (недобросовестные журналисты, в первую очередь), утверждают, что это все от одиночества. Мол, космический пастух редко видит людей, а потому готов трепаться до упаду с первым встречным-поперечным.

Смею заверить, это полная ерунда.

Начать с того, что мы вовсе не одиноки. На одной моей базе нас девятнадцать человек вместе с доярами и всем инженерно-техническим персоналом, а уж когда прибывает грузовик с Земли, то и вовсе становится тесно. Плюс ко всему я не очень понимаю, как можно чувствовать себя одиноким при современных средствах связи и виртуальных развлечениях. Да, конечно,

электромагнитные волны бегут от нас до Земли больше 23 минут. И столько же — обратно. То есть в режиме чата или радиотелефонного разговора поболтать с друзьями-товарищами-любимыми не удастся. Ну и что? Мы прекрасно общаемся и в режиме интернет-блогов, например. Никаких проблем. А уж об отдыхе я и не говорю. Диск — в комп, шлем — на голову, и расслабляйся сколько угодно. На любой вкус и полную катушку. Хотя, если честно, на развлечения-расслабления времени и желания особо не остается. Ведь сама по себе наша работа — такое развлечение, что куда там всем последним и навороченным компсимуляторам и прочим виртуальным радостям!

Для тех, кто понимает, ясное дело.

Например, вы пробовали когда-нибудь загнать обратно в гурт трех-четырех соларов, которым одновременно вздумалось полюбопытствовать, что интересного происходит в паре-тройке тысяч километров от сферы пастбища? И хорошо еще, если в паре-тройке, а то ведь бывает и на десять тысяч скачут… Ищи потом их свищи, если растерялся и сразу не среагировал! Пояс большой, а солар прыткий. При большом желании развивает такую скорость, что никакой «скутер» не догонит — только на роботов-«овчарок» и надежда. Да и то не всегда. Тем более что способ передвижения соларов до сих пор окончательно не разгадан. Точнее, не способ, а механизм. Потому как уже всем давно ясно: солнечные тюлени передвигаются в космическом пространстве, используя нечто вроде непрерывной нуль-транспортировки на сверхкороткие расстояния.

То есть солар, чья средняя длина, как известно, редко превышает сотню метров, исчезает в одной точке пространства и тут же появляется в другой, отстоящей от первой не более чем на… пять миллиметров. А в секунду он таких перемещений может сделать и тысячу, и миллион. Отсюда и скорость. Только непонятно, КАК он это делает. По идее, должен у соларов быть какой-то специальный внутренний орган, обеспечивающий подобный фантастический способ передвижения. Но никто пока этого органа не обнаружил, а значит, и не разгадал главной загадки этих животных.

Хотя откуда мне известно, что именно эта загадка солнечных тюленей — главная? Есть и другие. Например, откуда они вообще взялись и почему так легко дали себя приручить…

Это рабочее утро ничем не отличалось от сотен и сотен других. Мой гурт насчитывает ровно двадцать девять особей, и при моем появлении над загоном-ангаром в сопровождении пяти «овчарок» лепестки верхнего люка расходятся, и все двадцать девять медленно, один за другим, выплывают наружу.

Величественное зрелище и никогда мне не надоедает, хотя я и не знаю даже, с чем его сравнить.

Проходит секунда-другая, и стадо, набирая скорость, устремляется прочь от места ночлега, прямо, что называется, в открытый космос.

Ну, а я вместе со своими «овчарками» — за ними.

Радиовызов с базы пришел в десять часов двадцать восемь минут по бортовому времени:

— Ферма-два — Пустыннику, Ферма-два — Пустыннику. Как слышите меня? Прием.

— Здесь Пустынник. Слышу вас хорошо. Что там у вас, ребята, неужто внеплановый космолет с девчонками на борту? Прием.

— С каких это пор ты интересуешься девчонками? Я думал, тебе твоих соларов хватает. Прием.

— С соларами я, конечно, весело провожу время, это ты верно заметил, да только жаль, полного удовлетворения никак достичь не получается. Девчонки же…

В подобном духе мы с нашим штатным радистом засоряли эфир еще минут пять, пока наконец мой собеседник не соизволил перейти к делу.

Оказывается, пришло сообщение с нашей главной пастушьей обители на Церере о том, что в районе Пояса и вроде бы относительно неподалеку от нас около двадцати минут назад зафиксировано появление трех неопознанных объектов. Предположительно искусственного происхождения. В связи с чем непосредственно пастухам и всему остальному персоналу предписано удвоить внимание, проявить бдительность, смотреть в оба и вообще быть готовыми.

— Делать им нечего, — выразил я свое мнение по данному вопросу. — Какие еще искусственные объекты?

— Три внеплановых космолета с девчонками, — хрюкнул радист. — Почем я знаю? Но фишка в том, что диаметр самого малого объекта предположительно достигает четырнадцати километров.

— Сколько-сколько? — не поверил я своим ушам.

— Четырнадцать километров, — повторил радист. — А самого большого — двадцать два.

— И где ж они теперь?

— А шут их знает. База утверждает, что они, лишь только появившись, немедленно исчезли с экранов. Как растворились.

— Глюки Пояса, — хмыкнул я. — Тут еще и не такое мерещится иногда. Тебе ли не знать.

— Я-то знаю, — согласился радист. — Но администратору

нашему с Цереры этого не объяснишь. Молодой он еще, да ранний. Выслужиться хочет.

— Ну и черт с ним, — зевнул я.

— Ага, — согласился радист. — Но поставить тебя в известность я был обязан.

Я в изысканных выражениях поблагодарил радиста за похвальное отношение к профессиональным обязанностям и собрался уж было выслушать не менее цветистую ответную тираду, как в наушниках треснуло с такой силой, что на долю секунды я перестал не только что-либо слышать, но и видеть.

А когда слух и зрение вернулись, то оказалось, что в эфире царит мертвая тишина, а на обзорном экране прямо по курсу расположились… Я как-то сразу осознал, что это и есть те самые пресловутые искусственные объекты.

Диаметром, если верить дальномеру, четырнадцать, восемнадцать и двадцать два километра.

А с чего бы мне ему не верить? Я и поверил. Тем более что и на собственные глаза полагаться привык. Хотя то, что перед ними появилось, больше всего смахивало на плод не в меру расшалившегося воображения.

Представьте себе белую розу. Крупную, с изящно вылепленными и хитроумно закрученными, будто испускающими нежный свет, лепестками.

Представили?

А теперь уберите стебель и поместите розу в космос прямо по носу вашего «скутера», увеличив ее диаметр в сто тысяч раз и расположив рядом две такие же, только еще большего размера.

Может, я не очень удачно излагаю, и какой-нибудь поэт сумел бы сказать точнее и красивее, но мне кажется, что более или менее правдивая картинка в вашей голове должна была возникнуть.

Ну, а у меня она возникла не в голове, а на обзорном экране. Во всей, так сказать, красе.

И вот, значит, висят эти три «розы» точнехонько у меня по курсу, а солары мои числом двадцать девять штук, не выказывая ни малейшего беспокойства, устремляются прямо к ним.

Как будто век мечтали о долгожданной встрече.

И это крайне удивительно, потому как солнечные тюлени — животные довольно осторожные, чуют опасность загодя и всемерно стараются ее избежать.

Значит, думаю я в рифму, нет угроз от этих «роз»? Или просто солары их не видят? Да нет, вряд ли. Если я вижу, то и они должны. Хотя вот странность. Радар-то показывает, что никаких материальных объектов впереди по курсу нет! А я вижу, что есть.

И лазерный дальномер сообщает: до них всего-то сто пятьдесят километров и, по-хорошему, пора тормозить.

Но пора не только тормозить, а вообще принимать решение. Если солары не видят «роз» в своем электромагнитном диапазоне, то это еще не значит, что их нет. Отдаю команду «овчаркам» и одновременно сбрасываю скорость.

Пять роботов перестраиваются, заходят справа и пытаются изменить курс стада с помощью чувствительных лазерных уколов. Обычно это действует. Но не сейчас. Едва успели мои «овчарки» по разу «куснуть» вожака и следующих за ним четырех самых крупных соларов, как мне показалось, будто чьи-то невидимые могучие руки ухватили роботов прямо на лету, смяли их в бесформенные комки и… убрали из окружающего пространства с глаз долой. Куда? А черт его знает! Убрали — и все. Вот только что «овчарки» были — и уже их нет.

Я испугался. По-настоящему. Потому что сделать такое с космороботами, масса каждого из которых около восьмидесяти тонн, не способно ни одно известное мне земное оружие. Сжечь — да. Хорошая лазерная пушка, предназначенная для горнорудных работ на тех же астероидах, могла бы. А здесь… Просто смяли, как бумажки, и выбросили к чертовой матери. Возможно, в прямом смысле слова.

Но страх страхом, а делать что-то надо. Если стадо неуправляемо, а точнее, управляется теперь этими… объектами, то следует позаботиться о собственной безопасности. Ибо нет никакой гарантии, что мой «скутер» вместе со мной не разделит судьбу «овчарок», попытайся я наперекор всему изменить курс соларов с помощью все того же лазерного «хлыста» на борту.

Итак, отключаю тягу и врубаю на полную тормозные двигатели. Сначала надо сбросить скорость, потом развернуться и валить отсюда, пока, что называется, при памяти и ветер без камней. Ведь в инструкции ясно сказано: «При возникновении угрозы стаду пастух обязан принять все меры для устранения данной угрозы или постараться ее избежать. При этом не подвергая опасности собственную жизнь».

Что ж, устранить «розы»-угрозы я не могу никак, значит, постараемся избежать.

Однако избежать не получилось.

Тормозные двигатели чуть не срывались с консолей от натуги, но сбросить ход мне не удавалось. «Скутер» как летел точно в центр одной из «роз», так и продолжал двигаться в том же направлении. С той же скоростью. И мои любимые и родные солары летели туда же.

Судя по приборам, до неминуемого столкновения оставалось

не более пятнадцати секунд, и я уже мысленно просил у Бога прощения за все, в чем, по моему мнению, был перед ним виноват, как вдруг скорость сама по себе резко упала, центральная часть «розы» раздвинулась, образуя некий вход-тоннель, и все стадо, а за ним и я, благополучно переместилось из космоса внутрь неизвестно чего.

Полная тьма — вот что окружило меня, как только столбик спидометра опустился до нуля, а короткий вход-тоннель сзади захлопнулся. Или зарос (я так и не понял, с помощью какого механизма он открывался и закрывался). Естественно, первым делом я протянул руку к пульту и попробовал включить прожектор. Безрезультатно. То же самое и со связью. Радио молчало на всех диапазонах. Не работал и лазерный дальномер, так что я даже приблизительно не мог определить размеров своей «тюрьмы».

«Замуровали, демоны», — вспомнил я реплику из древней, но очень смешной кинокомедии. Это помогло мне убить панику в самом зародыше, после чего, уже в твердом и ясном уме, я сунул руку под кресло и достал заначку.

Заначка представляла собой металлическую флягу объемом 400 миллилитров, внутри которой было, конечно же, спиртное. А именно — ром. Старый «Бакарди» крепостью ровно 45 градусов.

Скажете, 400 миллилитров «Бакарди» — это много? Я так не считаю. Пусть лучше останется, чем не хватит. Тем более что держать на борту спиртное строжайше возбраняется. Вплоть до немедленного увольнения и запрета на профессию. Так что, если уж пропадать, то за дело, а не какие-нибудь жалкие 200 граммов.

После третьего глотка освещенная приборами кабина родного «скутера» показалась мне донельзя уютной, а после пятого тревожная непроницаемая тьма на обзорном экране — просто летней безлунной и беззвездной ночью. Бывает. Что я, безлунных ночей не видел? Сейчас еще включим музычку, и будет совсем хорошо.

Но музыку включить я не успел.

Потому что черная, как самые черные чернила, ночь сначала посерела, а затем и вовсе превратилась в некий сияющий жемчужным светом туман. При этом туман словно просочился сквозь обшивку «скутера» в кабину и заполнил ее всю сверху донизу. Да так, что я перестал видеть не только приборную доску, но и собственную руку с заветной флягой.

Странно, но страха не было. Вообще никакого. Даже мысль о том, что, наверное, следовало бы влезть в скафандр, показалась какой-то несущественной. В скафандре, без скафандра… Какая разница? Если этот жемчужный туман проник в «скутер», то уж

скафандр и подавно ему противостоять не сможет. А то, что не видно фляги, ерунда. Мы и на ощупь можем…

— Хватит, — произнес чей-то голос, как мне показалось, прямо в моей голове.

— Да пошел ты, — храбро ответил я, отчего-то ничуть не удивившись, и демонстративно приложился к фляге. — Я сам решаю, когда мне хватит, а когда — нет.

— Как хочешь, — сказал голос. — Только не надо потом оправдываться тем, что был пьян.

— Потом — это после чего и когда? И вообще, кто ты такой?

— Потом — это после того как мы уничтожим человечество, — любезно пояснил голос. — А кто я — неважно.

— Ясно, — говорю и прячу флягу под сиденье. Там осталось больше половины, и мне в голову приходит мысль, что «Бакарди» сегодня мне еще может остро понадобиться. — Значит, ты хочешь уничтожить человечество и при этом отказываешься себя называть? Что ж, тогда для меня ты будешь Конь-в-пальто. Устраивает имечко?

Много позже я не раз думал о том, откуда во мне взялась тогда эта бесшабашная наглость и роскошное наплевательство. «Бакарди»? Вероятно. Но не только. Наверное, еще в тот момент, когда я узрел на обзорном экране три гигантские «розы», где-то в подсознании щелкнул определенный рычажок, и мое глубоко скрытое истинное «я» принялось настраиваться на первую в истории человечества встречу с инопланетным разумом. В соответствии со своими понятиями о том, как надо себя во время данной встречи вести.

А в том, что это именно Контакт, я не сомневался ни секунды. Да и с чего бы? Зрительные и слуховые галлюцинации сначала до, а затем после ста пятидесяти граммов пусть крепкого, но хорошего рома? Не смешите меня. В космосе слабым на психику не место, а медосмотр я проходил последний раз всего две недели назад. И был признан абсолютно здоровым.

— Если ты пытаешься меня разозлить, то напрасно, — сообщает голос. — Лучше подумай о том, что ты можешь сказать в свое оправдание.

— Оправдание? — удивляюсь я. — Чтобы оправдываться, надо чувствовать вину. Хоть в чем-то. А я ее не чувствую. Даже в том, что назвал тебя Конем-в-пальто. Уж извини.

— Ладно, если тебе так уж необходимо меня как-то называть, то можешь звать… ну, скажем… Адмиралом. Что же касается твоей вины, то лично мне наплевать, чувствуешь ты ее или нет. Достаточно того, что она есть. И очень большая. Настолько большая, что я готов уничтожить Землю, чтобы ее смыть.

— С кого смыть? — ухмыльнулся я.

— С вас! — рявкнул голос. — Людей! И вместе с вами! Не будет вас — не будет и вины. Священное Служение будет восстановлено, и Долг исполнен.

Клянусь, он так и произнес это «Священное Служение» и «Долг». С заглавной буквы.

— Долг — дело святое, — примирительно заметил я. — Тут ты прав. Но все-таки как быть с виной? Нет, Адмирал, честно, я не имею ни малейшего понятия, о чем ты толкуешь.

— Хорошо, — процедил Адмирал. — Я тебе покажу. Немедленно в тумане передо мной образовалось нечто вроде большого обзорного экрана, разбитого на шесть ячеек. И в каждой ячейке я увидел своих любимых соларов. Все шесть наших стад. По одному на каждую ячейку. А вместе с ними и пастушьи «скутеры» в окружении «овчарок»…

Собственно, ничего нового мне не показывали — обычную нашу пастушью работу: следить, чтобы солары не разлетались в разные стороны, и вовремя загонять их обратно на астероидные базы в ангары-корабли. Где за них уже брались дояры. «Молоко» солнечных тюленей — исключительное вещество. Именно на его основе делается знаменитый и баснословно дорогой иммунит — «лекарство от всех болезней». Кстати, дояров за их работой мне тоже показали. Та еще работенка, надо сказать. Требует хорошо развитой интуиции, умения, опыта и бесстрашия. Солнечный тюлень — существо по-своему нежное и фамильярного обращения при доении не терпит: может так взбрыкнуть, что костей не соберешь. Бывали случаи.

— И что? — осведомился я, когда жемчужный туман вновь затянул все вокруг. — Ты показал мне мою работу, о которой я и так все знаю. Тебя она чем-то не устаивает?

— Не только меня, — сухо ответил неведомый Адмирал. — Всю мою расу. То, что ты называешь работой, для нас — мерзейшее святотатство. Расплатой за которое может быть только смерть всего людского рода. Мы очень долго искали тех, кого вы называете соларами. Все наши силы и ресурсы были брошены на поиск. И вот наконец мы их нашли. Но что же мы увидели? Низкие существа, едва-едва научившиеся передвигаться в пределах системы своей звезды, используют наших священных йохров в качестве обычных домашних животных! И даже, как выясняется, ничуть этого не стыдятся. Нет, только смерть. Готовься. Через пять часов по вашему времени Земля будет уничтожена. И ты вместе с ней. Аннигиляторы материи уже выходят на рабочий режим.

Мама дорогая, так вот в чем дело! Значит, солнечные тюлени

— живые святыни этих, как-их-там, обиженных на всю голову инопланетян. А мы, соответственно… М-да. Религия — штука деликатная. Особенно религия чужая. И крайне опасная. В том смысле, что обращаться с ней надо очень осторожно, дабы не натворила она неописуемых бед. Вплоть до уничтожения одних разумных другими. Что мы уже неоднократно наблюдали в своей истории. И вот — снова.

С нашей точки зрения, мы, конечно, абсолютно невиновны, потому как ни сном, ни духом. Но это наша точка зрения. Которая, как я понимаю, Адмирала и его боевой флот нисколько не колышет. Особенно в отсутствие у Земли военных кораблей…

Стоп. А с чего я взял, что он не блефует? Все-таки целую планету на атомы разнести — это вам не на песочный замок ногой наступить. И вообще. Если они такие могучие и непримиримые, то почему этот Адмирал меня пленил и вообще стал со мной разговаривать? Сплющил бы и выбросил вон, как тех же «овчарок»… Получается, что не так уж он и уверен в своей правоте, как хочет показать? Сидят, значит, где-то глубоко в его инопланетянском подсознании крохи сомнения, и они, крохи эти, вынуждают его сейчас вести со мной пусть надменную — но беседу. Для того, как водится, чтобы окончательно убедить свою совесть в том, что решение принято верное и другого пути нет и быть не может.

Та-ак. Это уже греет. Раз искорка сомнения есть, значит, ее можно превратить в пламя. Во всяком случае, надо попытаться. Думай, пастух, думай. И упаси тебя господь считать данную проблему не своей. Есть, мол, правительства и дипломаты, которые искусству переговоров специально обучены, вот пусть они и отдуваются. Не будет этого. Реальность такова, что здесь, в брюхе у «розочки», ты один. Если не брать во внимание соларов.

А почему, собственно, не брать?

Как раз из-за них весь сыр-бор и разгорелся. То есть именно в них все дело. И логика подсказывает, что где-то здесь и должен быть ключ к решению данной проблемы. Вот только на что этот ключ похож…

Эти и другие мысли проскочили в моей голове со скоростью свиста. Я чувствовал, что решение совсем рядом, но никак не мог его нащупать. Пришлось вместо него нащупать флягу под креслом и, не обращая внимания на незримое присутствие Адмирала, сделать изрядный глоток.

Ром проскочил в желудок, как родной, и в голове сразу прояснилось. Или мне это только показалось. Что, впрочем, не имело ни малейшего значения. Раз уж я чувствую прояснение, значит, этим нужно немедленно воспользоваться.

Итак, солары. Будем размышлять логически. Каким образом они оказались в Солнечной системе вообще и в Поясе астероидов в частности? Адмирал говорит, что их долго искали. Кого обычно ищут? Тех, кто потерялся.

Или… сбежал?

Вот оно!

Для закрепления достигнутого успеха я снова приложился к фляге и не без некоторого сожаления убрал ее на место. Прояснение прояснением, но надо и меру знать…

Если солары — живые святыни расы Адмирала, то потеряться они не могли, это смешно. А вот сбежать… При их способностях к мгновенному перемещению в пространстве… Хорошо, примем эту версию за рабочую. Хотя бы потому, что только она дает мне некоторые козыри против Адмирала. Раз солары сбежали от его расы — и неважно в данном случае, как далеко их звездная система находится от Солнечной — к нам, значит, на то была причина. Какая? Это тоже не так уж важно. Была, и точка. Веская. Плохо им стало. Тоскливо и неуютно. Вот и сделали ноги. Новые впечатления, новые пастбища, новые перспективы. Что дальше? А дальше выходит, как ни крути, что Адмирал и вся его соларолюбивая раса должны чувствовать ба-альшую вину. Потому что от хорошей жизни не бегут. И теперь эту свою вину они в лице Адмирала пытаются переложить на нас, людей.

Нет, ну какие гады!

Это же ни в какие ворота не лезет! Сами довели бедных животных до того, что те улепетнули чуть не на край Вселенной (всем ведь известно, что Солнце расположено на краю Млечного Пути), и теперь пытаются свалить с больной головы на здоровую?! Знакомый приемчик, черт побери!

Первым моим порывом было немедленно высказать Адмиралу в самых ярких и образных выражениях, что я обо всем этом думаю. Но, как известно, первый эмоциональный порыв слишком часто бывает самым неверным, и я сдержался. Гнев и возмущение — плохие советчики. Особенно, когда на карту поставлено существование Земли и всего человечества.

Медленно досчитать про себя до десяти.

Способ, проверенный столетиями.

Вот и теперь он помог. Я успокоился, сделал глубокий вдох-выдох и самым примирительным тоном, на который только был способен, задал свой первый вопрос:

— Глубокоуважаемый Адмирал, а как вышло, что йохры покинули вашу систему и оказались здесь?

Но ответа не дождался.

Жемчужный туман начал стремительно редеть, словно утекая

сквозь обшивку «скутера», а затем случилось и вовсе странное. На какие-то пару секунд я закрыл глаза и потряс головой, чтобы навести в ней хоть какой-то порядок. А когда открыл, то увидел вокруг себя не чернильную тьму вражеского трюма и не странный жемчужный туман, а привычный космос с мириадами разноцветных дружелюбных звезд. И стадо моих соларов точно по курсу, охраняемое по бокам «овчарками». Ровно двадцать девять животных и пять «овчарок». Один к одному.

Здрасьте, приехали. И что это было? Спонтанное погружение в сон? Помрачение сознания? Галлюцинация?

Я посмотрел на часы. Десять часов и тридцать две минуты. То есть с момента радиовызова с базы прошло всего четыре минуты?! Не может этого быть. Точнее, может, но только лишь в том случае, если всё, начиная с радиовызова и заканчивая вопросом Адмиралу, мне действительно привиделось или приснилось.

Хм… Есть еще один способ это проверить. Даже два.

Я сунул руку под кресло и вытащил заветную флягу. Так и есть. Полная. Можно и видеозвукозапись не проверять. Но я, разумеется, проверил. И не обнаружил ничего: ни своих радиопереговоров с базой, ни «роз», ни жемчужного тумана, ни голоса Адмирала. Как и следовало ожидать.

Значит, что? Психика дает сбои и пора на заслуженный отдых? Не хотелось бы, однако. Я люблю космос и работу свою люблю, а на Земле пока нет дел, которыми я бы хотел заниматься остаток моей жизни. Может быть, плюнуть? Мало ли, с кем не бывает. Пройдет. Вернусь сегодня на базу, попрошу у начальства небольшой отпуск и махну на Цереру. Тамошние девочки за пару-тройку дней, конечно, облегчат мои карманы, но зато и в чувство приведут. Уверен. Решено, так и сделаем. А об этих четырех минутах никому не скажем. Будем надеяться… Так, куда это они? «Полянку» нашли?

Мои солары плавно начали сбрасывать скорость и вслед за вожаком забирать куда-то вправо, по широкой дуге.

Так бывает, когда животные обнаруживают «полянку» — особое место в Поясе, где солнечные тюлени способны находиться часами. Предполагается, что именно на «полянках», в силу их особых физических характеристик, Solar Seals и пасутся, вытягивая все необходимое для своего фантастического организма прямо из окружающего вакуума. Вероятнее всего — чистую энергию. Потому как до сих пор никто точно не знает, чем именно питаются солары. Такой вот парадокс. Пасти мы их пасем и доить доим, а что они жрут, понятия не имеем.

Точнее, мы-то, пастухи, знаем, что так оно все и обстоит — и с «полянками», и с соларами, и с чистой энергией из вакуума. Это

ученые сомневаются и все никак не могут свою гипотезу окончательно и бесповоротно доказать. Оно и понятно. Для этого надо иметь хотя бы одного мертвого солара, чтобы сделать вскрытие и посмотреть, что у него внутри. Мертвого же солара никто и никогда не видел. Сами они не умирают (то есть на памяти человеческой ни один еще не умер), а убивать их — рука не поднимается. Даже у самых отъявленных и циничных негодяев. Во-первых, это совершенно бессмысленно с экономической точки зрения, поскольку живой солар с его «молоком» в миллионы раз ценнее мертвого. Во-вторых, не так уж и просто это сделать. В самом начале, когда солнечные тюлени только-только были открыты, ученые-охотники сделали пару неудачных попыток. Но затем вышел закон о запрете убийства соларов для каких бы то ни было целей, и все попытки сами собой прекратились. А в-третьих, отъявленные и циничные негодяи в космосе обычно надолго не задерживаются. Не терпит космос таких. И очень быстро от них избавляется. Любыми путями.

Но мы отвлеклись. Сбрасывают, значит, солары скорость, я тоже торможу чуть не до нуля и тут вижу, что вожак разворачивается и плавно устремляется к «скутеру». Лоб в лоб. Стадо — за ним…

Представьте себе огурец, длиной от семидесяти до сотни метров, весь покрытый короткими (2–3 метра) и толстыми отростками. «Огурец» в известных пределах может самостоятельно менять свою длину и толщину, а также излучает в окружающее пространство собственный свет. Цвет и яркость которого также легко меняются. Вот это и будет солар, если кому ни разу не попадалось фото или видео, хотя в подобное трудно поверить.

И вот двадцать девять таких огурцов устремляются к вашему «скутеру». Поневоле напряжешься.

Я и напрягся. Но никаких мер предпринимать не стал. Мало ли? Играют, может, животные так. Бывает… Солары приблизились чуть ли не вплотную, затем развернулись и устремились прочь от «скутера». Отлетели на полкилометра и закружились в странном, никогда мною не виданном хороводе.

Бог ты мой, неужто я стал свидетелем брачного танца? Да это же сенсация! Никто и никогда пока еще не видел совокупляющихся соларов, и мы не знаем, каким образом на свет появляются новые особи.

Однако уже через несколько секунд мне стало ясно: этот хоровод к брачным играм-танцам не имеет ни малейшего отношения. А имеет он самое непосредственное отношение к русскому языку. Потому что прямо передо мной двадцать девять

соларов выстроили из собственных сияющих оранжевым светом тел следующее послание: ДЕЛАЙ ТАК! Двадцать семь соларов составили буквы, а двое — восклицательный знак. Два слова со знаком препинания на конце продержались в космосе достаточно времени, чтобы я несколько раз успел их прочесть, и рассыпались, снова превратившись в обычное стадо солнечных тюленей.

Проверить, не было ли только что увиденное очередной галлюцинацией, я не успел — с базы пришел радиовызов:

— Ферма-два — Пустыннику, Ферма-два — Пустыннику. Как слышите меня? Прием.

Дежурная фраза при вызове, но меня неожиданно охватило жутковатое ощущение дежа вю. Чем черт не шутит… А если попробовать?

— Здесь Пустынник. Слышу вас хорошо, — ответил я и, решившись, добавил: — Что там у вас, ребята, неужто внеплановый космолет с девчонками? Прием.

— С каких это пор ты интересуешься девчонками? Я думал, тебе твоих соларов хватает. Прием.

Ну и далее я ответил по накатанной:

— С соларами я, конечно, весело провожу время, это ты верно заметил, да только жаль, полного удовлетворения никак достичь не получается. Девчонки же…

Стоит ли сообщать, что разговор с базой повторился один в один, и я уже догадался, что произойдет дальше?

Поэтому, когда на обзорном экране появились три «розы», диаметром четырнадцать, восемнадцать и двадцать два километра, мне было совершенно ясно, что делать. Судя по всему, каким-то непостижимым образом солары сумели показать мне кусочек будущего, тем самым дав подсказку и оказав поддержку. И я намеревался данной поддержкой воспользоваться в полной мере. Правда, оставалось неясным: что именно ответит Адмирал на мой первый вопрос и о чем я спрошу его потом, но… Видимо, будущее действительно вариативно, и предусмотреть все не могут даже солары.

Что ж, спасибо и на этом. Клянусь, что если Земля уцелеет… Впрочем, без всяких «если». Пастух я или кто? А пастух всегда найдет выход из самого безнадежного положения. Особенно, когда рядом с ним его любимое стадо.

Майкл Суэнвик
ОЛОВЯННОЕ БОЛОТО

Патанг мчится под палящим венерианским солнцем в отчаянной попытке выжить.

Спуск в долину при такой жаре — дело нелегкое. Солнце стояло высоко в небе: режущее глаза, слепящее белое сияние, пробивающееся сквозь вечные облака, и достаточно мощное, чтобы вытопить свинец из окружающих гор. Они осторожно брели вниз, с вершин, нагруженные бурильным автоматом. Узенький ручеек металла, вылившегося из автоцистерны, вывозившей олово с гор, блестел на обочине дороги.

Бредущий им навстречу путешественник, трехметровый гигант, безликий и безымянный, в черном мускульном костюме, помахал рукой, проходя мимо, но хотя до этой минуты они неделями не видели ни одного человеческого существа, все же не подумали ответить. Путник миновал их и скрылся за дорожным поворотом. Жара запекла черную почву почти до твердости металла. При желании они могли бы оставить дорогу и идти по

обочине с такой же скоростью.

Патанг и Макартур шагали уже много часов, и предстояло пройти еще столько же, если не больше, но очередной изгиб тропы, почти у подножья длинного спуска, привел их к гостинице, стоявшей в тени базальтовой скалы. По роду работы им приходилось держаться подальше от дорог и гостиниц. Вот уже почти месяц, как они жили в костюмах и спали в полном снаряжении.

Они настороженно переглянулись: зеркальный визор к зеркальному визору. Солнечные лучи отражались от двигателей их костюмов. Не сговариваясь, они решили передохнуть.

При их приближении динамики гостиницы огласили прейскурант. Путешественники позволили автономным функциям костюма вести за них переговоры и осторожно положили бур возле стены здания.

— Зачехли, чтобы не покоробился, — велел Макартур спутнице и вошел в гостиницу.

Патанг накрыла аппарат чехлом из золотой фольги и последовала за ним.

Когда Патанг зарулила через шлюз, Макартур уже успел выбраться из костюма и сидел за чугунным столом, где стояли две чашки воды. На какой-то момент она допустила смелую мысль, что все обойдется. Но тут их взгляды встретились.

— Десять долларов чашка.

Одна чашка уже наполовину опустела. Он осушил ее долгим глотком и сомкнул волосатую лапу вокруг второй. С тех пор как Патанг в последний раз видела лицо Макартура, его борода выросла вдвое. Вонь, идущая от немытого тела, ощущалась даже на другом конце комнаты. Впрочем, возможно, она сама пахнет не лучше.

— Ублюдки готовы содрать последние штаны.

Патанг сняла костюм и потянулась, наслаждаясь свободой пространства. Сколько здесь места! Шесть метров в поперечнике, и без окон! Да к тому же стол и шесть железных стульев. С полдюжины топчанов, сложенных вдоль стен. Ряд полок с товарами Компании, которые, впрочем, они не могли себе позволить. Кроме того, здесь имелись платный туалет и платный душ. Аптечка, правда, была бесплатной, но только попробуй ее спереть: Компания обязательно узнает и оштрафует.

Кожа Патанг зудела после месячного заключения. Сколько раз ей пришлось пропотеть за этот месяц!

— Сейчас начну скрестись, — предупредила она. — Не смотри.

Но эта свинья Макартур и не подумал отвернуться.

Игнорируя его, Патанг медленно и с наслаждением почесала подмышки, грудь и спину, не торопясь, впиваясь ногтями с такой силой, что оставались кровавые царапины. Какое облегчение!

И все это время Макартур не сводил с нее взгляда: голодный волк и жирный кролик.

— Ты могла бы делать это и в костюме, — заметил он, когда спутница опустила руки.

— О, есть большая разница…

— Ты не должна делать этого перед…

— Эй! Как насчет поговорить? — громко спросила Патанг. — Да, это обойдется в несколько баксов. И что теперь?

Щелчок — ив комнате появился хозяин гостиницы.

— Не ожидал новых посетителей перед самым сезоном Полудня, — услышали они простонародный говор, конечно же, синтезированный. — Что добываете?

— Золото, олово, свинец — все, что вырвется из скважины. Патанг закрыла глаза, воображая, что вернулась на Лакшми Планум и сидит в баре Порт-Иштара, толкуя с настоящим, живым человеческим существом.

— Мы сообразили, что большинство людей ведет разработки утром и во второй половине дня. И поскольку у нас обновленные базы данных, мы не посягнем на чью-то заявку месячной давности.

— Очень мудро. Компания хорошо платит за жилу.

— Ненавижу эти мерзкие штуки! — взревел Макартур.

Он повернулся спиной к хозяину, громко царапнув ножками стула по полу. Она знала, как не терпится ему разделаться с ней.

Она знала, что этого никогда не произойдет.

Компания ввела три правила. Первое: никакого насилия. Второе: защита оборудования компании. Третье: самозащита. Все три вбивались принудительно, посредством имплантанта, введенного в нервную систему.

Исходя из долгого опыта общения со старателями, Компания расположила правила в порядке очередности таким образом, чтобы первое отменяло второе, второе — третье, а третье выполнялось только при том условии, если не противоречило первым двум. Выходило, что старатель не мог решить, насколько его собственная безопасность зависит от уровня безопасности партнера. В случае, когда партнер недостаточно усердно оберегал оборудование Компании, он, как правило, подлежал устранению.

Методом проб и ошибок Компания наконец выработала надежный ряд алгоритмов. Необжитые, малонаселенные районы стали местом официально правящей анархии. Там никто не мог

причинить вреда другому.

Как бы сильно они этого ни хотели.

Установка имплантантов казалась неплохой мыслью, когда Па-танг и Макартур впервые подписали контракт. Подписали на полный сидерический[2] день: двести пятьдесят пять земных дней. Чуть больше венерианского года. Теперь, когда оставалось еще пятьдесят девять дней, их взаимная ненависть достигла такого накала, что они готовы были вцепиться друг другу в глотки. Вопрос: кто сделает это первым?

Каждый день Патанг молилась, чтобы именно Макартур дернул шнур вызова — и на него легло бремя расходов за призыв спасательного корабля, который примчится за ними до окончания контракта. Пусть Макартур останется банкротом, а она тем временем захватит свои кредитки и по-быстрому смоется.

Однако он ни разу не сорвался.

Нормальный человек просто не способен вынести такого количества оскорблений.

Только ненависть может держать этого человека на плаву.

Патанг пила свою воду медленно, громко прихлебывая, вздыхая, и облизывая губы. Она хорошо знала, как не выносит этого Макартур. Она уже почти допила воду, когда он взгромоздил кулачищи на стол по обе стороны от нее, так что она оказалась в ловушке, и объявил:

— Патанг, я хотел бы высказаться прямо и без обиняков.

— Пожалуйста, не надо.

— Черт возьми, ты знаешь, как я отношусь ко всему этому дерьму.

— Мне не нравится, когда ты так выражаешься. Прекрати. Макартур скрипнул зубами.

— Нет. Мы выясним все здесь и сейчас. Я хочу, чтобы ты… *что это было?!*

Патанг тупо уставилась на партнера. И тут она на себе испытала *это:* легкое головокружение и тошноту, будто от морской болезни, ощущение дисбаланса, как раз на краю восприятия, словно вся Венера легко качнулась под ногами.

Потом планета взревела, и пол поднялся, чтобы ударить ее в лицо.

Когда Патанг пришла в себя, вокруг царил хаос. Пол вздыбился. Полки рухнули, разбросав по всей комнате шелковые сорочки, лимонное печенье и бруски косметического мыла. Их мускульные костюмы лежали вместе: металлическая рука одного застряла между ногами другого. Слава богу, системы жизнеобеспечения еще действовали. Компания сработала их на

совесть.

И посреди всего этого безобразия стоял ухмыляющийся Макартур. По шее стекал кровавый ручеек. Он медленно потер щеку.

— Макартур, ты в порядке?

В глазах его застыло странное выражение.

— Клянусь богом, — тихо ответил он. — Клянусь чертом.

— Хозяин гостиницы! Что здесь произошло? Устройство не реагировало.

— Я расшиб его! Это было нетрудно, — сообщил Макартур.

— Что?!

Макартур неуклюже протопал к ней по скошенному полу, как матрос в шторм.

— Случился оползень, — пояснил он. У него была докторская степень по внеземной геологии, так что в подобных вещах он разбирался. — Жила мягкого базальта ослабла и сползла вниз. И по пути задела гостиницу. К счастью, удар оказался скользящим, так что мы остались живы.

Он встал рядом с ней на колени и сложил в кружок большой и указательный пальцы, показывая, что все о'кей. Потом вдруг щелкнул ее по носу.

— Ой! — вскрикнула она и потрясенно пробормотала: — Эй, не можешь же ты…

— Черта с два не могу!

Он ударил ее по лицу. Сильно.

— Чип, похоже, больше не работает. Волна ярости захлестнула ее.

— Сукин сын! — завопила она и размахнулась, чтобы дать ему оплеуху.

Темнота.

Она пришла в себя секундами позже. Все равно что открыть книгу на середине или войти в интерактивный диалог через час после начала. Она понятия не имела, что произошло и каким образом это на нее повлияло.

Макартур упаковывал ее в защитный костюм.

— Все нормально? — пробормотала она. — Что-то не так?

— Я собирался укокошить тебя, Патанг. Но убийства недостаточно. Сначала тебе придется долго и много страдать.

— Ты о чем?

И тут она вспомнила.

Макартур ударил ее. Его чип вышел из строя, а сам он вышел из-под контроля. И он ненавидел ее. Настолько сильно, чтобы прикончить? О, да. Легко.

Макартур сорвал что-то с ее шлема, нажал кнопку питания, и костюм стал затягиваться вокруг нее.

— Встретимся снаружи, — сказал он со смешком.

Патанг вырулила из шлюза в полном замешательстве. Опасливо сделала несколько шагов вверх по дороге и тревожно огляделась. Она не то чтобы ждала и не то чтобы пыталась уйти. Сначала нужно понять замысел Макартура.

Шлюз открылся, и Макартур, зайдя за угол, оказался у боковой стены гостиницы, где под чехлом лежал буровой автомат. Нагнулся, чтобы отсоединить лазерное сверло от амортизационных опор, коробок с базами данных и регулирующих устройств. Потом осторожно натянул на станок чехол из золотой фольги.

Выпрямился. И повернулся к Патанг. Сверло было нацелено на нее.

На ее маске блеснули слова: *Лазерное излучение.*

Глянув вниз, она увидела, что камень у ее ног почернел и начал дымиться.

— Ты знаешь, что будет, если я просверлю дыру в твоем панцире, — бросил Макартур.

Она знала. Воздух в ее костюме взорвется, стараясь вырваться наружу, а гигантское атмосферное давление одновременно вогнет внутрь металлическую скорлупу. Механические системы охлаждения тут же откажут. Мгновение — и она будет одновременно удушена, сварена заживо и раздавлена.

— Повернись. Она подчинилась.

— Объясняю правила. У тебя полчаса форы. Потом я приду за тобой. Если свернешь на север или юг, я уничтожу тебя. Иди на запад. На Полдень.

На Полдень?

Она задействовала геодезические карты. В том направлении не было ничего, кроме пары складчатых гребней, а за ними — тессера,[3] отмеченная на карте оранжевым. Оранжевое означало бесперспективность разработок. Старатели уже проходили через них раньше и ничего не нашли.

— Почему туда?

— Потому что я так сказал. Потому что мы собираемся повеселиться. Потому что у тебя нет выбора. Ясно?

Она понуро кивнула.

— Пошла!

Она шагала вперед, он ее преследовал. Ночной кошмар, каким-то образом пробравшийся в реальность. Оглядываясь,

Патанг видела, как Макартур топает за ней на расстоянии. Однако недостаточном для того, чтобы дать ей шанс улизнуть.

Он заметил, как она оглянулась, и нагнулся, чтобы поднять булыжник. Размахнулся и швырнул.

Хотя Макартур маячил где-то на полпути к горизонту, булыжник врезался в землю в сотне метров от нее. Разумеется, компаньон вовсе не намеревался попасть в нее. Он преследовал другую цель.

Ударившись о землю, камень рассыпался. Ужасало, сколько силы кроется в костюме. Патанг трясло от злости при мысли о том, что этой силой обладает Макартур, а ее костюм абсолютно бесполезен.

— Ты чертов садист! Молчание.

Он спятил. В контракте должен быть пункт, касающийся подобных случаев. А тогда…

Она поставила костюм в режим автоходьбы, вытащила контракт и стала просматривать. Право выбора. Параграфы о технике безопасности. Ответственность субподрядчика… сотни и сотни параграфов. Забота об оборудовании подрядчика.

И… вот оно! Вот оно! *В случае тяжелого состояния больного, подтвержденного врачебным консилиумом…*

Она просмотрела перечень случаев, относящихся к этому пункту. Список душевных заболеваний оказался достаточно длинным и подробным, значит, Макартур наверняка подпадает под одно из них.

Конечно, Патанг потеряет все свои акции, но если она истолковала контракт правильно, ей обязаны вернуть первоначальные вложения.

Она выпростала руку из-под ремня безопасности и добралась до труднодоступного места на затылке. Там находилось предохранительное устройство. Она отстегнула его, вызвала виртуальную клавиатуру и напечатала: SOS.

Так просто. Так легко.

Вы действительно хотите отправить сообщение? Да. Нет.

Она напечатала: *Да.*

В первую секунду ничего не произошло.

Сообщение не отправлено.

— Черт!

Она сделала еще одну попытку. *Сообщение не отправлено.* В третий раз. *Сообщение не отправлено.* В четвертый.

Сообщение не отправлено.

Она включила программу поиска неисправностей и снова отправила сообщение.

Сообщение не отправлено.

И снова. И снова. И снова.

Сообщение не отправлено.

Сообщение не отправлено.

Сообщение не отправлено.

И так до тех пор, пока подозрение не усилилось настолько, что пришлось проверить.

На левой руке ее костюма, сзади, находилась смотровая камера. Патанг подняла руку, чтобы увидеть боковую сторону шлема.

Так и есть: Макартур оторвал антенну связи с Землей!

— Ты тварь! — заорала она, окончательно разозлившись. — Дерьмо! Кретин! Идиот! Псих, ты знаешь это? Сбрендил! Окончательно спятил! Рехнулся!

Молчание.

Ублюдок игнорировал ее! Возможно, поставил свой костюм в режим автопреследования. Возможно, откинулся на ремни безопасности, читает книгу или смотрит старый фильм на своем визоре. Макартур часто так делал. Задашь ему вопрос, а он не ответит, потому что его здесь нет. Потому что он сидит в первом ряду театра собственного мозжечка. Наверное, в его навигационной системе имеется алгоритм слежения, который предупредит, если Патанг свернет на север или юг.

Давай-ка проверим эту гипотезу.

Она настолько часто использовала алгоритм слежения, что знала детали наизусть. Один шаг в сторону из пяти будет немедленно отмечен. Один из шести — нет. Ладно, тогда… Она сделала семь шагов вперед и полшага — в сторону.

Лазерное излучение.

Патанг поспешно переключилась на автоходьбу. Все ясно. Он следит за каждым ее шагом. Алгоритм слежения, должно быть, отметил это, как потерю равновесия. Могла же она споткнуться! Но почему он молчит? Очевидно, чтобы заставить ее помучиться. Должно быть, его так и разрывает от желания высказаться. Но он ненавидит ее так же, как она его.

— Ты сукин сын! Я тебя достану, Макартур! Будет и на моей улице праздник!

Не то чтобы положение было совершенно безнадежным. У нее есть взрывчатка. Черт, да ее костюм может швырнуть камень с силой, достаточной для того, чтобы проделать дыру в его костюме. Она могла бы…

Темнота.

Она пришла в себя, когда костюм, все еще находящийся в режиме автоходьбы, вел ее вниз по откосу первого складчатого гребня. Слышался чей-то голос. Макартур что-то говорил по

рации.

— Что? — промямлила она, еще не опомнившись. — Ты что-то сказал, Макартур? Я не расслышала.

— У тебя появились неправильные мысли, верно? — самодовольно хмыкнул Макартур. — Непослушная девчонка! Папа отшлепал озорницу.

Лазерное излучение. Лазерное излучение.

Стрелки шли по обе стороны от нее. Она шагала прямо на Полдень, а он все равно выстрелил в нее.

— Но это несправедливо!

— А те гадости, которые ты мне постоянно говорила, это справедливо? Я не знал, куда деваться от твоих издевательств!

— Я не хотела ничего плохого.

— Еще как хотела. Твои высказывания были просто непростительны!

— Я всего лишь подначивала тебя, Макартур, — примирительно сказала она. Это слово пришло из ее детства и означало «дразнить, поддевать». Беззлобно. Как сестра — брата. — Я не стала бы этого делать, не будь мы друзьями.

Макартур издал звук, который, по его мнению, изображал смех.

— Поверь, Патанг, мы не друзья и никогда ими не были. Сначала ее шуточки и впрямь были невинны. И она изводила его, просто чтобы скоротать время. В какой момент это перехлестнуло через край? Ведь она не всегда ненавидела Макартура. Там, в Порт-Иш-таре, он казался довольно симпатичным парнем. Она даже считала его привлекательным.

До чего больно думать о Порт-Иштаре, но она ничего не могла с собой поделать. Все равно что пытаться не думать о рае, когда жаришься в аду.

Конечно, Порт-Иштар далеко не рай. Вы едите ароматизированные водоросли и спите на полке. Днем носите шелк, потому что он дешев, и ходите босиком, потому что обувь стоит денег. Но там есть фонтаны с настоящей водой. Живая музыка в ресторанах, струнные квартеты, исполнявшие бравурную музыку в честь крупно выигравших старателей, которые напали на жилу и разбрасывали богатство по пути домой. Если только вести себя скромно и не бросаться в глаза, можно стоять рядом и слушать. Тогда сила тяготения была не столь велика, и все были молоды, и будущее сулило кучу денег.

Но это было тогда. Теперь она стала на миллион лет старше.

Лазерное излучение.

— Эй!

— Не останавливайся, стерва. Продолжай идти. Продолжай

идти — или умрешь.

Такого просто не может быть! Только не с ней.

Минуты складывались в часы. Часы следовали за часами, пока она совершенно не потеряла представление о времени. Они шли. Вверх и из долины. Через гору. Вниз, в следующую долину. Из-за жары и из-за того, что камни держались слабо, горы были не слишком крутыми. Словно идешь вверх и вниз по очень длинному холму.

Почва была серой, а облака над ней — мутно-оранжевыми: истинно венерианские цвета. Она могла бы видеть покрытые зеленой травой скалы и ясное голубое небо: ее визор позволял такое, но единственный раз попробовав сделать это, она быстро переключила все назад. От фальши увиденного разрывалось сердце.

Лучше видеть пропитанный горечью грунт и мрачное небо, какими они были в действительности.

Они шли на запад. На Полдень. Словно в бесконечном, бессмысленном сне.

— Эй, *Пунтанг!*

— Ты знаешь мое отношение к подобному языку, — устало бросила она.

— Твое отношение. Потрясающе! А как насчет моих чувств? Моего отношения к тому, что ты мне говорила.

— Мы можем помириться, Макартур. Совсем необязательно доводить все до крайности.

— Ты была замужем, Пунтанг?

— Сам знаешь, что нет.

— А я был. Женат и разведен.

Она уже знала это. К этому времени они знали друг о друге все.

— Когда брак распадается, одна из сторон первой свыкается с этим. Проходит через разочарование и боль, сгорает от унижения, скорбит о гибели отношений… и идет дальше. Обычно это тот, кому изменили. И вот в один прекрасный день он выходит из дома, а бедняжка стоит на пороге и мямлит: «Подожди. Неужели ничего нельзя уладить?» Она еще не доперла, что все кончено.

— И?…

— В этом твоя проблема Пунтанг. Ты так и не сообразила, что все кончено.

— Что именно? Наше партнерство?

— Нет. Твоя жизнь.

Прошел день. Может, и больше. Она спала. И проснулась, все

еще шагая, с ненавидящим шепотом Макартура в ушах. Выключить рацию не представлялось возможным: такую политику проводила Компания. В шагающие механизмы встраивались миллиарды систем и подсистем, призванных защищать инвестиции Компании. Иногда Патанг будил его храп. Она всегда ненавидела это хрюканье с причмокиванием. Временами оно так доводило женщину, что она передразнивала своего компаньона. И теперь жалела об этом.

— У меня были мечты! — твердил Макартур. — У меня были амбиции!

— Понимаю. Как и у меня… когда-то.

— За каким чертом тебе нужно было лезть в мою жизнь? Почему я, а не кто другой?

— Ты мне понравился. Я посчитала тебя забавным.

— Что ж, теперь в дураках осталась ты.

Там, в Порт-Иштаре, Макартур был долговязым, тощим, чисто выбритым парнем интеллигентного вида. Он был высок, и вы невольно сторонились его коленок и локтей, в полной уверенности, что он обязательно что-то собьет или уронит, хотя этого никогда не происходило. Наоборот, он обладал странной, почти клоунской грацией. Когда Патанг застенчиво спросила, не хочет ли Макартур стать ее партнером, он подхватил ее, закружил и поцеловал прямо в губы, прежде чем снова поставить на ноги и сказать «да». Тогда у нее плыла голова от счастья. Тогда она была уверена, что сделала верный выбор.

Но Макартур оказался слаб. Костюм сломил его. Все эти месяцы он варился в собственных эмоциях, в абсолютной изоляции… Он даже внешне изменился. Глядя в его лицо, все, что вы видели — искаженные гневом черты и измученные глаза.

Покидаем горы.

Входим в тессеру.

Патанг вспомнила, каким волшебным казался вначале пейзаж тессеры.

— Сложный складчатый рельеф, — так охарактеризовал его Макартур: пересекающиеся высокие гребни и глубокие овраги в таком количестве, что с орбиты местность казалась разделенной на квадраты, словно кафельный пол. Неожиданно перед вами вырастали крутые скалы. Вы делали поворот, следуя причудливому зигзагу долины, и стены расступались и шли вниз, вниз, вниз. На Земле не найдешь ничего подобного. Впервые проходя через тессеру, она чувствовала, как по спине бежит озноб благоговения и восхищения чудом природы.

И теперь она думала: может, удастся это использовать. Эти каньоны перетекают один в другой. Съехать вниз — и пуститься

бежать во всю мочь. Найти другой — и нырнуть в него. И повторять маневр, пока мучитель ее не потеряет.

— Ты серьезно вообразила, что можешь скрыться от меня, Патанг? Она невольно взвизгнула.

— Я читаю твои мысли, Патанг. И знаю тебя, как облупленную.

Это было и правдой, и неправдой. Люди просто не созданы для того, чтобы знать друг о друге всю подноготную. Во всем виновато вынужденное совместное существование, условия, в которых ты никогда не остаешься наедине с собственными мыслями. Скоро ты знаешь все истории, которые может рассказать тебе партнер, и для тебя нет потаенных уголков его души. И уже очень скоро каждая мелочь начинает действовать тебе на нервы.

— А если я признаю свою неправоту? — умоляюще пробормотала она. — Да, я была не права.

— Мы оба были не правы. Что из того?

— Я готова пойти тебе навстречу, Макартур. Смотри, я остановилась: ты можешь поймать меня и не волноваться, что я смоюсь. Неужели это не убедит тебя, что мы не враги?

Лазерное излучение.

— Да ради бога, беги что есть мочи, если пожелаешь. Я уверен: в конце всегда смогу тебя прижать.

Хорошо же, отчаянно подумала она. Если хочешь этого, поиграем в салочки! Тебе водить!

Она нырнула в тень каньона и побежала.

Каньон извивался бесконечными поворотами, и вскоре Патанг исчезла из поля зрения своего компаньона. Макартур не мог поговорить с ней, не мог ее услышать. Не мог сказать, куда она направляется. Молчание было настоящим счастьем. Она впервые, бог знает, с какого времени осталась наедине с собой. Жаль только, у нее нет времени как следует насладиться этим непривычным состоянием души. Но ей нужно поразмыслить, и поразмыслить серьезно. Чуть впереди одна стена каньона уходила вниз, образуя склон, который могло легко одолеть ее шагающее устройство. Или лучше двигаться вверх по каньону?

Какой путь выбрать?

Наверх!

Она установила шагающее устройство на автобег, а сама тем временем принялась изучать карты. Бесплатные, полученные со спутника, они были очень хороши. Но недостаточно хороши для нее. Показывали детали до трех метров в поперечнике, но ей требовалось знать каждый метр местности. Вот эта трещина то ли

разделяется в двух километрах отсюда, то ли там имеется вторая борозда, не доходящая до первой? Определить невозможно. Патанг с радостью заплатила бы за первоклассное обслуживание, за информационные сливки, достаточно детализированные, чтобы выявить следы, идущие по пыльной поверхности рельефа. Но отломанная антенна сделала ее бессильной.

Патанг скользнула в узкую борозду. Борозда раздваивалась, и она выбрала правое ответвление. Когда стены стали смыкаться, она выкарабкалась наверх и побежала, высматривая другую борозду.

Шли часы.

Отчаянный страх гнал ее вперед. Она поджала ноги и поставила костюм на автобег. Вверх по каньону. Через очередной гребень. То и дело петляя и сворачивая. Оглядывая расстилавшийся впереди ландшафт, пытаясь выбрать верное направление. Мысленно бросить монету. Рация действовала только в пределах видимости, так что Ма-картур не мог использовать ее, чтобы отследить Патанг. Поэтому — вперед!

Вперед.

Вперед…

Прошли часы или дни? Патанг не знала. Вполне возможно, что и недели. Костюм обладал способностью стимулировать мозг. Что-то вроде электрического варианта амфетаминов. Но, как и при злоупотреблении амфетаминами, вы теряли ощущение действительности. Лишались представления о времени.

Поэтому Патанг понятия не имела, сколько она билась, чтобы понять: все бесполезно.

Костюм был чертовски тяжел. Если она бежала достаточно быстро, чтобы держаться на расстоянии от Макартура, костюм оставлял отчетливые следы на грунте. Но если она замедлит шаг, чтобы, выбирая дорогу, перескакивать с камня на камень, преследователь в два счета ее догонит.

Выхода нет. Она не сумеет сбежать от него.

Ощущение безнадежности, охватившее Патанг, было тоскливым и знакомым, как потертое, выцветшее от времени пальто, на замену которого не хватает денег. Уже давным-давно она пересекла ту границу, где заканчивалась надежда. Она так и не сумела откровенно признаться себе, что больше не верит в находку перспективной жилы, а просто ждет дня окончания контракта. Упорно пытается выдержать, отслужить срок и вернуться на Землю — если не богаче, то хотя бы не беднее, чем была прежде.

Когда же ее невинные шутки и дразнилки превратились в

издевательства? Да с того момента, когда она, скованная незримой цепью со своим напарником, потеряв надежду уединиться хотя бы во сне, начала делиться с ним мельчайшими подробностями своего существования в треклятом костюме, в том числе и самыми интимными.

Это был способ провести еще один день. Способ выразить эмоции, достаточно эмоций, чтобы задеть его. Какая глупость…

И час расплаты настал.

Но Патанг не могла сдаться. Она обязательно должна…

Последнюю мысль она не додумала до конца. Если она собирается проделать эту неназванную вслух вещь, сначала следует вспомнить основные правила.

Те самые правила. Никакого насилия. Защита оборудования Компании. Самозащита. Они выстроились в строгом порядке.

Ладно. Для того чтобы предотвратить насилие, придется уничтожить собственность Компании.

Патанг ждала, чтобы проверить, потеряет ли сознание.

Ничего не произошло.

Хорошо.

Она подошла к крутому голому гребню и настроила костюм на автоподъем. Взбираясь наверх, она оглядывала склон, пустой и усыпанный камнями, укрытый облаками серной кислоты. За очередным зигзагом лежащей внизу долины возникла фигура Макартура. Партнер жизнерадостно помахал ей рукой.

Патанг не ответила. Впереди возвышалась чересчур большая груда булыжников. Те, что справа, были слишком малы. Имелся и участок голого грунта, выглядевшего заманчиво… но нет. В конце концов она свернула влево, к узкому карнизу. Камни лежали столь неплотно, что при малейшем толчке могли легко покатиться вниз. Кроме того, они были не настолько тяжелы, чтобы причинить серьезные повреждения костюму Макартура. Все, чего хотела Патанг — сбить преследователя с ног. Он легко переживет падение. Но вот сумеет ли при этом удержать лазерное сверло?

Патанг сомневалась.

Ладно, попробуем. Она отключила автоматику костюма и неуклюже, осторожно, поднялась к намеченному месту. При этом ее шлем неизменно указывал на вершину гребня, чтобы Макартур не догадался о намерениях напарницы.

Косо по склону, именно так. А теперь прямо вверх. Оглянувшись, она увидела, что Макартур попался на удочку и следует за ней. Прекрасно. Все системы сработали.

Она была уже на карнизе.

Стоп. Теперь повернись. Взгляни на Макартура. Удивленно.

Может, за все эти месяцы, проведенные на Венере, Патанг и не слишком много усвоила, но одно знала твердо: оползень можно устроить без особых усилий. Отклонись назад, обопрись спиной о камни и начинай брыкаться. И камни сыплются, сыплются…

Лазерное излучение.

— О, Патанг, ты так примитивна! Взбираешься диагонально по склону, который любой нормальный человек одолел бы по прямой. Что ты собиралась делать? Обрушить лавину? И чего бы ты этим добилась?

— Я думала отобрать у тебя лазер.

— И что? У меня бы по-прежнему остался костюм. Ты в моих руках, до тебя еще не дошло?

— Нет, — призналась она.

— Пыталась перехитрить меня, да умишка не хватило. Разве не так?

— Так.

— Ты просто слепо надеялась. Но надежда иссякла, верно?

— Верно.

Он небрежно взмахнул рукой.

— Поэтому — вперед! Мы еще не закончили.

Всхлипывая, Патанг взобралась на гребень и стала спускаться вниз, в глубокую чашу долины. Стеклянные уступы со всех сторон ловили инфракрасные лучи, отраженные от дна, и отбрасывали их назад, в долину. Термометр на ее визоре показал повышение температуры. Здесь оказалось градусов на пятьдесят выше, чем в любом месте, где ей приходилось бывать. Но сзади неотступно следовал Макартур, и единственной дорогой вперед была узкая впадина, ведущая прямо вниз. Выхода не оставалось.

На середине склона впадина расширялась. Скальные стены поднимались по обе стороны, окутывая Патанг тенью. Внешняя температура костюма упала, хотя не так низко, как ей хотелось бы. Потом откос стал менее крутым и постепенно выровнялся. Впадина закончилась, став похожей на ярко освещенный дверной проем между зубчатыми скалами.

Она вышла на открытое пространство и оглядела долину.

Земля сверкала.

Она ступила на эту зеркальную землю. И почувствовала себя невесомой. Ноги оторвались от поверхности, руки непроизвольно поднялись в воздух. Рукава мускульного костюма тоже поднялись, будто в танце.

Паутина трещин рассекала почву и ослепительно сияла на солнце. Из каждой трещины сочился жидкий металл. Она никогда еще не видела ничего подобного.

Патанг шлепнула ногой по луже металла, посылая капельки солнечного света во все стороны, и включила сигнал тревоги своего костюма. И тут же пошатнулась от слабости. Однако стряхнула усталость, выхватила пробник из подвески с инструментами и сунула в металл. Прибор измерил температуру, сопротивление, проделал несколько предварительных вычислений и выплюнул результат.

Олово.

Она снова подняла глаза. Повсюду змеились пересекающиеся линии расплавленного олова. Рисунок напомнил ей картину из детства. Вот они играют в «Зайца и гончих», и Патанг, стоя на берегу болота, вглядывается в водную гладь. Серебристый блеск солнечных лучей режет глаза. Только сейчас вместо воды искрится олово.

Оловянное болото.

На секунду ее охватило ощущение чуда. Как такое вообще может быть? Какой сложный комплекс геологических условий способен вызвать подобное явление?

Единственная причина, которая ей пришла в голову: воздействие полуденной жары. Когда жар медленно впитывается скалами, содержащееся в них олово расширяется и выдавливается сквозь трещины. А может, это скалы расширяются, выжимая жидкое олово. В любом случае, эффект для любого объема будет весьма невелик. Сложно представить, сколько олова может быть там, внизу, чтобы выдать такое количество на поверхность, и какая сила для этого потребовалась. Патанг и во сне не видела столько металла.

— Мы богаты! — завопила она, не сдержавшись. Все эти месяцы несчастий, тоски и одиночества, и вот тебе! Долгожданный приз. Тот самый, который она давно потеряла надежду найти.

Лазерное излучение.

Лазерное излучение.

Лазерное излучение.

— Нет! Погоди! Остановись! — крикнула она. — Мы нашли его! Оно здесь!

Повернувшись, она увидела громоздкий костюм Макартура, выдвинувшийся из тени: олицетворение грубой силы.

— О чем ты? — злобно прошипел он. Но Патанг не теряла надежды.

— Это главный выигрыш, Мак! — Она сто лет не называла его Маком.

— Мы нашли чертову основную жилу! Тебе остается передать заявку по рации. Мы победили! Завтра в это время ты будешь

давать пресс-конференцию!

Несколько секунд Макартур молчал.

— Может, и так. Но сначала я должен убить тебя, — выговорил он наконец.

— Если вернешься без меня, Компания начнет задавать вопросы. Допросят твой костюм. Прозондируют твой мозг. Нет, Макартур, нельзя иметь и то, и другое. Выбирай: деньги или я!

Лазерное излучение.

— Беги, стерва ты этакая, — взвыл Макартур. — Беги, словно получила шанс выжить!

Она не двинулась с места.

— Подумай, Макартур. Чудная холодная ванна. Воду охлаждают кубиками льда и для пущего эффекта оставляют лед в воде. Ты слышишь, как позванивают льдинки, ударяясь друг о друга.

— Заткнись.

— А мороженое! — истово продолжала она. — Тысяча разных сортов мороженого! Его хранят на складе: шербет, итальянское, замороженный сок… О, они знают, что нужно старателю. Пиво в больших запотевших кружках. Водка, такая холодная, что становится вязкой.

— Заткнись, мать твою!

— Ты был честен со мной. Дал полчаса форы, как и обещал, верно?

Я оценила твое благородство и теперь буду откровенна с тобой. Я собираюсь отключить костюм.

Она отключила питание рук и ног. Добрая минута уйдет на то, чтобы вновь их задействовать.

— Теперь ты можешь не беспокоиться, что я убегу. Я просто буду стоять здесь, неподвижная и беспомощная, а ты поступай как знаешь.

Но отчаяние вынудило ее быть честной до конца.

— Я была не права, Макартур. И на этот раз я говорю чистую правду. Я вела себя как дрянная девчонка. Прими мои извинения. Ты ведь способен подняться выше мелочных обид. Теперь ты богат.

Макартур взревел от ярости.

Лазерное излучение.

Лазерное излучение.

Лазерное излучение.

Лазерное излучение.

— Иди, черт бы тебя побрал! — взвизгнул он. — Иди!

Лазерное излучение.

Лазерное излучение.

Лазерное излучение.

Он не приближался. И хотя продолжал стрелять, стрелять, стрелять, вспышки лазерных лучей ни разу не задели жертву. Это очень странно. И совсем непонятно. Она сдалась, она никуда не бежит, да и не способна бежать. Так почему он просто не убьет ее? Что ему мешает?

И тут на нее снизошло озарение, будто внезапный сноп солнечных лучей, прорвавшийся сквозь тучи после долгой зимы. Это так просто! Так очевидно.

Она невольно рассмеялась.

— Ты не можешь пристрелить меня! — воскликнула она. — Костюм тебе не позволит!

Вернее, именно то, что программисты называли «допотопным программным обеспечением». До того как Компания обрела возможность имплантировать программы прямо в человеческое тело, они программировали костюмы так, чтобы их нельзя было использовать для убийства. Люди, как известно, существа изобретательные, достаточно часто умели обойти эти программы, чтобы вывести из строя. Но никто не позаботился вытащить их из глубинных уровней кода механизма. Да и какой смысл?

Она вопила и визжала. Ее костюм чуть подрагивал, словно исполняя некий ритуальный танец.

— Ты не можешь убить меня, Макартур! Не можешь! Я спокойно пройду мимо тебя, доберусь до следующей станции, и ты не сможешь причинить мне вреда!

Макартур расплакался.

Хоппер с ревом свалился с белого сияющего неба, чтобы выжечь площадку практически у их ног. Они устало поковыляли вперед и позволили пилоту прикрутить их мускульные костюмы к шасси. В кабине для них не нашлось места, да они в нем и не нуждались.

Пилот уселся на сиденье. После того как первые попытки поговорить со старателями ни к чему не привели, он тоже замолчал. Он возил старателей и раньше. И знал, что светская беседа тут неуместна.

Хоппер с ревом поднялся в воздух. Всего три часа до Порт-Ишта-ра. Хоппер сделал поворот, и Патанг увидела слепящее сияние Венеры, стремительно удалявшейся от нее. Она поспешно затонировала визор.

— Эй, Патанг!

— Ну?

— Как по-твоему, меня бросят в тюрьму? За все мои выходки?

— Нет, Макартур. Богатые люди в тюрьму не попадают. Их

отправляют к психотерапевту.

— Хорошо, — облегченно вздохнул он. — Спасибо, ты так милосердна.

— Не за что, — не задумываясь, бросила она. Реактивные двигатели рычали под ее спиной, отчего костюм вибрировал. Еще немного — и они опустятся в Порт-Иштаре, застолбят участок, получат деньги и больше никогда не увидят друг друга.

— Эй, Макартур, — неожиданно для себя окликнула Патанг.

— Что?

На мгновение она испытала соблазн попробовать в последний раз подразнить его — и услышать, как он скрипнет зубами.

— Ничего. Просто… наслаждайся своим богатством, ладно? Надеюсь, все у тебя наладится.

— Угу. — Макартур глубоко вздохнул и, словно отпуская на волю что-то очень болезненное, добавил: — Да… и ты тоже.

Перевела с английского Татьяна ПЕРЦЕВА

© Michael Swanwick. Tin Marsh. 2006. Публикуется с разрешения автора.

Джудит Моффетт
НАСЛЕДНИЦА ШАМАНОВ

1

Если подняться достаточно высоко, даже в конце мая на хребте Уосатч в штате Юта можно найти снег: снег лежит на земле, снег иногда падает с неба. Стоя позади оператора, Пэм Пруитт следила, как группа актеров втаскивает тяжело груженные тачки вверх по крутому склону. Визжали на деревянных осях деревянные колеса. Нил Ридер, красивый подросток в драной куртке и штанах до колен, голову и уши завязавший тряпицей, толкал тачку снизу, а взрослые мужчина и женщина изо всех сил тянули за рукояти, пятясь задом. Вокруг кружили снежинки. Проходя мимо оператора, Нил посмотрел прямо в объектив: лицо искажено от натуги и решимости, тяжелые ботинки скользят по

обледенелым камням. В следующее мгновение у тачки отвалилось колесо, и, охнув от неожиданности, Нил растянулся на земле.

— Снято! — крикнул режиссер. — Еще один дубль, ребята. Дейв, передвинь отметку на два фута по склону, я хочу, чтобы Нил чуть раньше выдернул гвоздь.

Актеры потянулись назад к подножию холма, а рабочие поставили на место колесо и скатили вниз тачку. Увидев рядом с Пэм вторую звезду снимаемого сериала — Лекси Оллред, — Нил им помахал. Пэм и Лекси помахали в ответ.

— Все по местам. Видишь отметину, Нил? На два фута ближе. Нил кивнул.

— Готовы? — крикнул режиссер. — Катите. И… мотор!

И пионеры-эфраимиты вновь принялись карабкаться на склон, толкая свои тачки к Новому Иерусалиму и камерам.

Пэм искоса глянула на Лекси: двенадцать лет, а уже куча неприятностей. Девочка, лучезарно красивая даже в этом костюме, стояла, завернувшись в серебристое спасательное одеяло, накинутое поверх длинного платья и платков. Почувствовав взгляд Пэм, Лекси улыбнулась, и девушка ответила ей улыбкой.

На сей раз режиссер остался доволен сломанным колесом, и актеры начали готовиться к другой сцене.

— В этой я участвую.

Лекси отдала спасодеяло Пэм и, спускаясь к остальным, приподняла и заново завязала платки так, чтобы они покрывали не только плечи, но и голову. Встряхнув и сложив одеяло, Пэм отдала его Ро-Лейн Оллред, которая подошла к ней.

— Останетесь тут за старшую? Меня, возможно, вызовут еще до окончания съемок.

— Хорошо, — ответила мать Лекси. Сунув одеяло под мышку, она прятала глаза от Пэм, во взгляде ее мешались обида и стыд.

Опытная сотрудница «Надзора за благополучием детей» в штате Юта, Пэм не обращала внимания на подобные взгляды. Понизив голос и придав ему дружелюбия, она спросила:

— Как, по-вашему, у нее получается?

— Кажется, неплохо.

— Вы беседуете с ней на эту тему?

— Она разговаривает с консультантом, к которому вы ее послали. — На сей раз обида вырвалась на волю.

Перед тем как ответить, Пэм сосчитала до десяти и почти с искренним участием сказала:

— Сами знаете, девочка корит себя, что у дедушки из-за нее неприятности… ей почему-то кажется, что домогательства — это

ее вина. Такое часто случается. Вы могли бы ей помочь, РоЛейн. Уверена, разговор с вами принес бы ей огромное облегчение, убедил бы, что она правильно поступила, когда заявила на него.

Режиссер крикнул: «Мотор!», и Пэм с РоЛейн стали смотреть, как Лекси карабкается на другой склон (снег там был не так истоптан) во главе группы закутанных в платки женщин, которые, опустив головы, грудью ложились на ветер и кружащий снег. Здоровые женщины помогали тащить тачки; те же, что проходили сейчас мимо Пэм, РоЛейн и объективов камер, были или слишком стары, или слишком юны, или ослаблены болезнью, и у них хватало сил лишь на то, чтобы брести следом.

Во время съемок этой сцены от окружающих не требовалось полной тишины, и мать Лекси пробормотала:

— Не могу же я утверждать то, во что сама не верю.

— Что она правильно поступила, рассказав? — пробормотала в ответ Пэм. — Но ведь…

— Это вы, гайяисты,[4] так говорите. Мне чужда ваша вера, поэтому не ждите от меня слов лжи.

— Но ведь не так важно, кому она открылась — нам, своему канонику или родителям, — главное, что заявила: ее насилуют.

Миссис Оллред не ответила, Пэм жестом указала на склон и увела собеседницу подальше от микрофонов, а после в полный голос продолжала:

— Дети в подобных случаях часто испытывают чувство вины. Вот почему так важно, чтобы их утешили те, кого они больше всего любят, кому они больше всех доверяют. Лекси, правда, необходимо услышать, что не она виновата перед своей семьей, и услышать ей это нужно от вас.

— Сами ей скажите, — отрезала РоЛейн. — Мое мнение я уже высказала: ей следовало пойти к канонику, и пусть он бы поговорил с ее дедом. В церкви эфраимитов даже дети обязаны ставить интересы общины превыше собственных. — Во взгляде женщины сверкнула неподдельная враждебность. — Не жду вашего понимания, но это так.

— Но… ее дед с каноником старые друзья, — напомнила Пэм, пытаясь сохранить ровный тон, что давалось ей все труднее, — поэтому нельзя было ожидать от девочки такого поступка.

— Я от нее ожидаю исполнения морального долга. И одну вещь знаю наверняка: я знаю, кто повинен в том, что она больше не хочет нас слушать. Это вы, гайяисты, заморочили ей голову.

— Снято! — крикнул режиссер. — Вы отлично поработали. Десять минут перерыв. Нил, на минутку.

Процессия карабкающихся женщин распалась, и поодиночке

они направились к трейлеру с горячими напитками. Лекси, увидев, что Пэм и ее мать стоят бок о бок, подбежала к ним. РоЛейн расправила серебристое одеяло. Пока она укутывала в него дочь, Лекси сказала:

— Сумеешь зашить, мам? Я наступила на подол, и он порвался. — Девочка обеими руками подняла подол застиранного платьишка.

РоЛейн внимательно его осмотрела.

— Наверное, смогу. Пойдем поищем иголку с ниткой.

Обняв Лекси за плечи, она поставила ее лицом к трейлеру с реквизитом. На Пэм она подчеркнуто не глядела. А вот Лекси извернулась под рукой матери и оглянулась на старшую подругу.

— Мы скоро закончим. Я ведь еду к вам, да?

— Да. Я подожду, спешки нет никакой.

— Хамфри еще отдыхает?

— Ага. Обедать сегодня будем вдвоем, но я все равно достала лишний ягодный пирог.

Лекси просияла (она знала, что смородиновый пирог — любимое земное блюдо хефна Хамфри) и отвернулась. Напряженная спина Ро-Лейн говорила сама за себя. Но что Пэм могла поделать? Она испытала укол сочувствия. Впрочем, только укол. Больше всего на свете Пэм презирала родителей, готовых защищать себя и свою веру в ущерб благополучию собственного ребенка.

Если забыть РоЛейн, Пэм любила навещать Лекси во время съемок. Ее живо интересовала история церкви эфраимитов. Основанная визионером и десятилетия возглавляемая почти гениальным бизнесменом, церковь пророка Эфраима была чисто американским феноменом. Гонения на ранней стадии, кульминацией которых стало мученичество, сплотили эфраимитов и превратили их в самостоятельную силу. Они создали свое царство в пустыне, и оно расцвело. Лишения? Нашествие саранчи? Военная оккупация? Массовые аресты и тюремные заключения? Они одерживали верх надо всем, их одержимость шла рука об руку с их страданиями. Упрямое стремление преодолеть превратности судьбы, казалось, было частью коллективной души эфраимитов. Как община они были крепче гвоздей, и эта крепость сохранилась до современности. Чем больше Пэм о них узнавала, тем больше ими восхищалась.

Однако совращение малолетних уже давно стало серьезной проблемой в среде эфраимитов, и (как в случае с католической церковью) могущественная, патриархальная и защищающая себя верхушка позволила проблеме разрастись. Община эфраимитов

строилась вокруг семьи с большим числом детей и множеством занятий, которые для них придумывали. Многочисленным отрядам скаутов требовались вожатые. Если педофил был богобоязненным эфраимитом, то без труда находил себе жертв в собственной семье или за ее пределами, и, по сути, ничто не препятствовало его намерениям. По достижении восемнадцати лет каждый мужчина-эфраимит посвящался в сан. Детям, воспитанным в вере, что священники обладают богоданной властью над ними, ослушаться было непросто. То, что сделала Лекси, заявив на своего деда, потребовало храбрости большей, чем мог себе представить кто-либо, не знакомый с обычаями ее общины.

Эфраимитская церковь в таких случаях проповедовала покаяние и прощение, а матерям и женам советовала заботиться о целостности семьи и сохранении отца для детей. Каноник общины, к которой принадлежал нарушитель, тогда объяснял (и искренне верил), что педофилия — проблема этическая, излечить ее можно молитвой и добрым советом.

Предложенное хефнами решение — передать все дела по насилию над детьми гайяистам — давало лучшие результаты, чем молитва и покаяние. Но, возможно, не стоило бы ожидать особой благодарности от глав эфраимитской церкви, которых оно лишало власти над некоторыми их подопечными.

2

Прибыв на Землю, могущественные и загадочные хефны ужаснулись, увидев, как разумная раса упорно уничтожает собственную биосферу. Взяв ситуацию под контроль, они сразу же принялись устранять ущерб. Они ввели широкомасштабные реформы сельского хозяйства, транспорта и производства. Они установили Запрет на детей, путем гипнотического воздействия добившись массового бесплодия. А еще один хефн по имени Хамфри создал Бюро темпоральной физики, где мальчиков и девочек, способных интуитивно постигать математику, посвящали в Подмастерья и учили обращаться с инопланетными устройствами. Устройства эти позволяли обнаруживать в далекой истории человечества те редкие периоды, когда люди жили в гармонии с окружающей средой. Находки Бюро дали толчок движению гайяистов, целью которого стали попытки заново внедрить ценности, способные со временем исцелить Землю и позволить отмену Запрета на детей. Новообращенные выбирали участок земли в качестве личного Сада и понемногу воспитывали в себе тесное с ним родство — сам процесс именовался

«вживанием в землю». Эта часть учения бесконечно привлекала Лекси, именно она подтолкнула девочку искать убежище в гайяистской миссии Солт-Лейк чуть больше трех месяцев назад.

Теперь Лекси со своей старшей подругой сидели на ступеньках задней веранды дома Пэм и кормили юных малиновок, которых хозяйка переселила сюда из птичьего питомника. Пэм объясняла девочке, что гайяисты решили изменить стратегию.

— То есть надо думать о семье? — с сомнением спросила Лекси.

— Важно, откуда пришли семьи, где живут теперь. Например, эф-раимиты поселились в Большом Бассейне, и пустыня расцвела, как роза.

Пэм разломила большой комок размоченного корма и по крошке скормила потрепанному птенцу, которого окрестила Хромоножкой. Тут же за своей долей спорхнул с ветки Летун.

— Вот как…

— Твоя семья ведь тоже участвовала в освоении здешних земель? Сюда, жадина. — Пэм затолкала комочек в клюв Летуну, который тут же его проглотил. За оградой сада в пластмассовом прудике плескались и крякали несколько молодых уточек.

— С отцовской стороны. Родные матери приплыли из Дании позже. Мой пра… — уж не знаю, сколько «пра» — дедушка пришел с караваном повозок. У нас дома есть книга, где все записано.

Вот уж точно. Генеалогические архивы эфраимитов считались лучшими в мире.

— Но они уже долгое время живут в Юте.

— Ага. По большей части. Так когда ты вернешься из поездки? Пэм подавила вздох.

— Это всего лишь на выходные, дорогая. Я вернусь в понедельник. — Она уже несколько раз повторяла это Лекси, но встревоженная девочка все равно переспрашивала: ей не хотелось, чтобы Пэм уезжала из Солт-Лейк. — А ехать надо непременно. Приказ Хамфри. Еще много неясного с Родной Землей, — это у нас такой новый термин. Но ты и оглянуться не успеешь, как я вернусь.

Лекси рассеянно мяла в пальцах раскисший комок корма.

— Сегодня на съемках я подумала, что играть в «Тысяче миль» — прекрасный повод сосредоточиться на земле, которая так много значит для тебя и твоей семьи, — весело сказала Пэм. — Я говорю о твоей семье, Лекси, не считая деда. Вы с Нилом доподлинно знаете, сколь высокую цену пришлось заплатить первым поселенцам, чтобы попасть сюда, и сколь важна

эта земля для их потомков. Это же их Родная Земля, понимаешь?

Корм таял на глазах. Надоеда прыгнул Лекси на колени: девочка, просияв от радости, покормила его сама. Она недостаточно глубоко запихала кусочек ему в горло, но, запрокинув голову, птенец все равно сумел проглотить еду.

— Молодец! — похвалила Пэм. — Старайся заталкивать чуть глубже, вот так.

— Жаль, что они меняют стратегию. Хамфри говорит, что она собирает слишком мало последователей, — не по годам серьезно сказала девочка, — но прежняя линия мне нравится больше.

Малиновки, наевшись, улетели. Пэм со щелчком закрыла крышку контейнера, которым служило ведерко из-под маргарина, и улыбнулась Лекси.

— Правду сказать, мне тоже, но, по мнению Хамфри, теория Гайя станет доступнее, когда люди осознают, сколь тесными узами они связаны с Родной Землей, настолько тесными, что стали одной семьей — земля и люди. Как… ну знаешь… когда в большом доме собираются на Рождество все-все родственники. — Увидев, что девочка хмурится, Пэм задумалась, а вдруг ее слова вызвали не слишком приятное воспоминание, и поспешила добавить: — Но каждый, кто хочет, может выбрать свой личный Сад. Кому как нравится. Во взгляде Лекси читалось облегчение.

— И что ты будешь делать? Продолжать возделывать свой Сад в Кентукки?

— В моем случае Родная Земля мало что изменит, — отозвалась Пэм. — Я была заклятой гайяисткой задолго до того, как руководство решило изменить стратегию. Но было бы неплохо подойти к проблеме и с другой стороны. — Взяв ведерко за ручку, она встала и улыбнулась Лекси, которая с встревоженным видом еще сидела на ступеньке. — Ну так как насчет обеда? Проголодалась?

Лекси медленно поднялась.

— В моем случае тоже большой разницы не будет, эта Родная Земля не по мне. Я останусь при Тайном Саде. Помнишь, как Мэри Лен-нокс говорит: «Можно мне кусочек земли?» — вот так.

Фразу она произнесла с английским акцентом Мэри, со столь убедительной надеждой, что Пэм поежилась. Обняв девочку за плечи, она притянула ее к себе.

— Ты станешь актрисой Гайи, дружок. Недопустимо тратить такой талант на что-то другое.

Когда в первый день конференции все разошлись на ланч, Пэм вернулась к себе в номер и проверила автоответчик: одно короткое сообщение от ее заместителя Джейми Ривера сводилось

к «все под контролем»; другое, еще более короткое, от Лекси — очевидно, посланное в перерыве между сценами: «Привет, извини, что тебя тревожу, но можешь мне сейчас же перезвонить?»

Ох, Лекси! Отчаянно зевая (никто из участников не высыпался), Пэм нажала кнопку обратного вызова. На экране возникло лицо Марси Моргенштерн, продюсера «Тысячи миль».

— Привет, — сказала Пэм. — Я звоню Лекси.

— Лекси? Так ведь Лекси в бегах! — Вид у Марси был сердитый и замученный. — Она тебе звонила? Когда? Что сказала?

Разом проснувшись, Пэм проверила значок времени записи.

— Кажется, около двух часов назад. В одиннадцать сорок шесть по вашему времени. Я на конференции в Калифорнии, телефон забыла в номере и о ее звонке узнала лишь пару минут назад… Как это — в бегах?

— Она закончила свою последнюю сцену, и я отправила ее снимать грим. Минут двадцать спустя прибежала в истерике РоЛейн. «Где Лек-си? Кто-нибудь видел Лекси?» Оказалось, никто не видел, включая гримера — девочка у него так и не появилась. Мы все бросились на поиски, но пока безрезультатно. Ну, попадись она мне, я шкуру с нее спущу. Из-за нее все расписание летит, а мы и так уже на день отстаем…

Ничего подобного Марси не сделает, но Пэм понимала, каково ей.

— Давно вы ее ищете?

— Не знаю. Час, наверное, или чуть меньше.

— Час? — Пэм расслабилась. — Не так уж и много. Может, она пошла погулять?

— У нее строжайший приказ далеко не уходить, разве ты забыла? — сердито напомнила Марси.

Пэм сама его отдала, когда поступило заявление об изнасиловании.

— Конечно, конечно, извини.

— Никто понятия не имеет, куда подевалась Лекси. — Голос Марси грозил сорваться на визг. — Просто загадка, как ей удалось ускользнуть, тут же повсюду люди, которые за ней приглядывают!

Пэм испытала прилив истинной тревоги.

— Ладно. Сообщу в свой офис. Если она не объявится, подключим полицию.

— Если она снова тебе позвонит…

— Я разберусь. Дайте мне знать, если ее найдете, хорошо? Стоило Пэм нажать «отбой», как произошло нечто очень странное:

девушка почувствовала, что ее сознание расширяется и

фокусируется, подобно мощному телескопу, рассматривая детали исчезновения Лекси. В этом обостренном состоянии Пэм озарило: случилось одно из двух — либо верхушка церкви похитила Лекси, либо девочка сбежала, чтобы ускользнуть от возможного похищения. Пэм изумилась, что сама не предвидела такого поворота дела. У эфраимитов повсюду свои агенты, они знали, что хефн вызвал Подмастерьев и руководство гай-яистов на конференцию, и, по всей вероятности, не упустили момента. Когда мир вокруг приобрел нормальные очертания, Пэм (сколь ни была она растеряна) не утратила присутствия духа. Либо кто-то держит Лекси в плену, либо девочка совсем одна, насмерть испуганная, прячется где-то в каньоне Эмиграции? Похититель, скорее всего, кто-то из своих.

Пэм на минуту задумалась, потом нажала несколько кнопок телефона. Когда Хамфри ответил, она сказала просто:

— Мне нужно домой. Лекси пропала, и я почти на сто процентов уверена: это происки эфраимитов. Они черт знает какой шум подняли из-за того, что дело, затрагивающее их ребенка, находится в юрисдикции гайяистов. Если я уеду сейчас, то успею на экспресс.

— Они всегда так поступают? Поднимают шум? — Он спрашивал, взяла ли организация «Надзор за благополучием детей» эфраимит-ского ребенка под свою опеку, — такое случалось по нескольку раз в год.

— Да. Но этот ребенок — знаменитость, и они заботятся о своей репутации. К тому же… Случилось что-то странное. Словно бы мое сознание изменилось… Расскажу потом, но сейчас мне правда надо ехать.

Крошечное изображение хефна таращилось на нее с экранчика телефона: огромные непрозрачные глаза, физиономия, покрытая коротким серым ворсом, седая окладистая борода.

— Это крайне важно, Хамфри, — сказала Пэм. — Не могу объяснить, откуда мне это известно, просто знаю.

К ее удивлению, инопланетянин не стал спорить, лишь сказал серьезно:

— Если не найдешь Лекси, я приеду в Солт-Лейк сам. Мне бы очень хотелось послушать рассказ о твоем «изменении сознания».

— Если мы не найдем девочку, поговори, пожалуйста, с ее матерью. — Пэм собиралась добавить: «Покопайся в ее извращенном умишке», но удержалась. — Но в любом случае приезжай.

Он ответил своей обычной имитацией кивка — весьма забавной, учитывая, что у него не было шеи.

— Я так и сказал.

— Тогда — удачи. Ни по какой иной причине я бы не уехала. — Пэм отключилась и тут же перезвонила Джейми.

3

На джипе стояли жесткие летние шины, и потому он подпрыгивал на дороге. Босая, в изношенном платьишке, Лекси сидела на пассажирском сиденье, привалившись к двери, настолько далеко от деда, насколько позволял ремень безопасности. Она старалась не издавать ни звука, когда машину подбрасывало на ухабах, но ее грим размазался от слез.

Эдгар Карстейрс на полной скорости гнал джип в гору — не очертя голову, но слишком быстро для такой дороги. Деда с внучкой мотало из стороны в сторону, но Лекси не имела возможности держаться:

руки у нее были связаны за спиной кожаным шнурком для ботинок. На лице деда читалось мрачное удовлетворение. Как только они с Ро-Лейн затолкали Лекси в машину, он перестал обращать на внучку внимание, разве что когда она спросила (очень стараясь не выдать паники): «Что происходит? Куда мы едем?», он остановился ровно настолько, чтобы заломить ей руки за спину и затянуть несколько петель на запястьях.

— Это чтобы тебе не пришло в голову выпрыгнуть, — прокомментировал он. — Мы едем в такое место, где ни хефн, ни его прихлебатели не станут нас искать. И кстати, — злобно добавил он, — не бойся, я тебя больше не трону. Меня тошнит от одной только мысли любить дуру, которая выболтает все гайяистам. — Внезапно он развернулся к ней всем телом. — Стыдись! Ты знала, что меня бросили в тюрьму? Но дело не только во мне — ты еще и церковь поливаешь грязью, а это уже… даже подумать страшно!

Произнося эту речь, дед походил на сумасшедшего: буравил Лекси глазами, плевался слюной, гримасничал. Машину занесло. Лекси съежилась от страха. А еще от чувства вины. Сколько бы ни беседовал с ней психотерапевт, сколько бы ни твердили папа и Пэм, эфраимит-ское воспитание глубоко въелось в сознание Лекси.

Некоторое время они ехали молча. Наконец Лекси робко спросила:

— Мама с папой знают, куда ты меня везешь? Дедушка гаденько ухмыльнулся.

— Твоя мама знает только то, что я ей сказал, но туда мы не поедем. Атвой отец… Ну он-то ничегошеньки не знает. Ателерь не ерзай и не раскрывай рта.

Таким Лекси своего дедушку никогда не видела, даже заподозрить не могла ничего подобного. Всю ее жизнь он обращался с ней как с принцессой — искусственно и слащаво, даже когда делал с ней разное в темноте. Она боялась оставаться с ним наедине, но никогда не испытывала ужаса, не страшилась за свою жизнь. Но этот сумасшедший незнакомец пугал ее настолько, что у нее цепенели мысли.

Хорошо еще, что, мельком увидев из окна гримерного трейлера дедушку, которому запретили к ней приближаться, она оставила сообщение Пэм. Девочка позвонила сразу же, хотя в сообщении ей не хотелось раскрывать суть дела. Потом настало время съемок — бесконечные дубли, — и лишь к середине дня Марси объявила: на сегодня все. Лекси шла в гримерную, когда мама (голос у нее был возбужденный и радостный) позвала ее посмотреть на что-то за трейлером. К тому времени девочка совсем забыла про дедушку, и стоило ей зайти за фургончик, как они накинули ей на голову одеяло и затолкали в машину.

— Мам! — взмолилась она, когда ее уже пристегнули и одеяло свалилось.

РоЛейн украдкой оглянулась через плечо.

— Не волнуйся, милая, все будет хорошо. Просто слушайся дедушку и делай, что он говорит. Мы очень скоро увидимся.

Через окно она сжала локоть Лекси, и машина тронулась.

— Мне нужно в туалет, — заскулила девочка. Он назвал ее дурехой: прекрасно, она сыграет дуреху.

— Придется потерпеть, — голос деда звучал спокойнее. Он не сводил глаз с дороги.

— Нет, мне правда очень надо, — визгливо пожаловалась она. Может, еще чуть гнусавее? Самую малость. — Мне уже хотелось, когда я к трейлеру подходила. Дедушка, я штаны намочу!

— Я велел тебе заткнуться, — отрезал он, но вид у него стал беспокойным. Он, вероятно, взял джип у своего знакомого, а какой владелец обрадуется, если его сиденье обмочат?

«Так, уже неплохо», — отметила про себя Лекси, но быстро сообразила, что дедушка не развяжет ей руки и не отпустит одну в кусты. Он будет ее держать, сам задерет платье и стащит с нее трусы. Он заявлял, будто его тошнит от мысли, что ее можно «любить» — а вдруг в кустах он передумает? Лекси овладел еще более тошнотворный страх.

— Наверное, смогу потерпеть немного, — надувшись, пробубнила она.

— Вот-вот, — буркнул дед и глянул на нее так, что Лекси обрадовалась, что изменила тактику. — Нам все равно уже

недолго осталось.

— Но шнурок мне руки режет, они вот-вот отнимутся.

— Я же сказал, уже недолго.

В этот момент сердце Лекси подпрыгнуло от радости — в вышине раздался шум вертолета. Может, Пэм уже перезвонила? Сейчас все, наверное, сообразили, что она пропала. Может, Джейми из штаб-квартиры гайяистов позвонил в полицию Солт-Лейк. В эти места допускались лишь вертолеты властей, значит, полиция уже ищет ее. Девочка вывернулась, пытаясь что-нибудь разглядеть, но шум стал громче, и внезапно из-за гребня горы поднялась винтокрылая машина.

Вот только не полицейская. На боку у нее значилось: «Церковь пророка Эфраима». Уже читая надпись, Лекси осознала, что дед смотрит вверх не с тревогой, а с ожиданием. Вертолет заходил на посадку за деревьями чуть выше по склону, а дедушка уже свернул на стоянку возле заброшенной лужайки для пикника, какие были популярны раньше, когда в каньоны к востоку от Солт-Лейк можно было въехать на частной машине.

Сердце Лекси упало. Дедушка отдает ее церкви. Он украл ее не ради себя или мамы, он украл ее при помощи, возможно, даже по приказу глав церкви.

Дед заглушил мотор и обошел машину, чтобы вытащить внучку.

— Вверх по склону, — приказал он и, подталкивая девочку перед собой, погнал ее по тропинке, которая вилась между стареньких столов на террасах. Тропинка вела почти прямо к обрывистой стене каньона. На полпути деду пришлось остановиться: преодолевая одышку, он согнулся пополам, однако локтя Лекси не выпустил. Вероятно, пока он переводил дух, она смогла бы вырваться, но какой в этом смысл, ведь под ногами тут сплошные камни, а она босая, хотя ступни у нее и загрубели от бесконечных дублей на съемках. И даже если она не потеряет равновесия со связанными за спиной руками, далеко ей не уйти.

— Если ты меня развяжешь, я сама пойду, — не надеясь на удачу, пробормотала Лекси.

— Не смеши меня, — прорычал дедушка. Они двинулись снова.

Лекси ожидала увидеть Сайра Купера, но рядом с вертолетом стоял каноник ее собственной общины, старый друг дедушки, который всегда говорил: «Как чудесно, что именно в нашей общине живет семья, получившая Завет».

Каноник Эриксон широко улыбнулся Лекси, а потом нахмурился, увидев, что у нее связаны руки.

— Это обязательно — связывать ее, как свинью, Эд?

— Уж ты мне поверь, — отдуваясь, просипел дед, лицо у него побагровело. — Надо. Эта девчонка бегает, как кролик.

Наклонившись над руками Лекси, каноник Эриксон сочувственно похмыкал, и Лекси выдавила стратегическую слезу, которая скатилась у нее по правой щеке, уже мокрой от неподдельных.

— Ох, милочка, как же они тебе в кожу впились! Джаред, — крикнул он кому-то в вертолете, — возьми нож и освободи руки нашей гостье.

— Сначала посади ее в вертолет и запри, — посоветовал дедушка. — Ты, Карл, совсем не знаешь девчонку.

Каноник кивнул.

— Ладно. Полезай, Лекси.

Человек по имени Джаред выпрыгнул из вертолета, подхватил ее, как куль с мукой, и подсадил на место позади пилота, затем сам залез следом, щелкнул складным ножом, и шнурок разошелся.

Сколь бы ни онемели руки, Лекси, будь она на земле, молнией метнулась бы прочь. Дедушка был прав. Она уже воображала, как залезает в какую-нибудь расщелину и сидит там, скорчившись, пока они тяжело топают мимо, пинают несчастные кусты и никак не могут ее найти. Потом она отрывает полосы от платья, чтобы обмотать ноги, сооружает себе укрытие и прячется, как мышка, пока в дело не вступают Джейми и Пэм. В это время года в горах созревают ягоды и полно воды. Она твердо верила, что рано или поздно Пэм ее спасет.

Но бесполезно: она в вертолете, и пилот заводит мотор.

4

В экспрессе из Лос-Анджелеса в Лас-Вегас и Солт-Лейк, сидя за столиком вагона-ресторана Пэм, мелкими глотками пила сидр. Девушка нервничала, что не мешало ей строить смелые планы. За окном скользила унылая невадская пустыня.

Если Лекси одна в горах, ее нужно найти немедленно. Если ее держат у себя эфраимиты (а это представлялось более вероятным), то нет причин беспокоиться за физическую безопасность пленницы, но церковь примется обрабатывать ее, заставляя отречься от гайяистов, или еще каким-то образом использует чувство вины, лишь бы вернуть в стадо. Это они сочтут большой пиар-победой.

Пэм жарко обещала себе, что никому не позволит промывать Лекси мозги. Она намерена найти девочку быстро. Если понадобится, призовет на помощь Хамфри. И с сего момента она

будет играть более активную роль в жизни бедняжки, сколь бы часто ни пришлось встречаться с мерзкой РоЛейн. Возможно, мир и стоит сейчас на грани перемен, но этого конкретного ребенка не заставят жить в постоянном страхе, что его личный мир вывернут наизнанку, будто старый носок.

Словно включившись от этих мыслей, телеэкран над дверью затрещал статикой, и Пэм, охнув, приподнялась со скамейки: перед ней стояла Лекси собственной персоной, одетая в платье и шляпку Кейт. Босая, руки сложены на груди, и смотрит гордо, с вызовом, невзирая на размазанный от слез грим. Когда Пэм рухнула на скамью, вступил голос диктора:

— «Си-Би-Эс Ти-Ви» стало известно, что Алексис Оллред, двенадцатилетняя звезда популярного телесериала «Тысяча миль» была похищена сегодня агентами церкви пророка Эфраима, более известной как церковь эфраимитов. Наша программа получила эту запись час назад от представителя церкви, которая берет на себя ответственность за освобождение Алексис от того, что они называют «разлагающим влиянием гайяистского движения». Агенты церкви держат девочку в неназванном месте и требуют, чтобы хефн согласился официально передать ее под опеку эфраимитов. Вот запись, которую получила наша станция…

Изображение Лекси на экране задвигалось. Незнакомый Пэм голос произнес:

— Лекси, дорогая, теперь скажи, что с тобой все в порядке.

Вздернув подбородок, девочка уставилась в камеру, и у Пэм похолодело внутри от такого проявления храбрости. Лекси, возможно, запугали, наверное, ей до смерти страшно, но — профессионал до мозга костей — она этого не покажет. За кадром кто-то кашлянул.

— Алексис не хочет говорить сама, но, как видите, она в полном порядке, хотя и немного на нас сердится. Мы прекрасно о ней заботимся. Однако мы будем ее прятать, пока хефн не согласится вернуть ее нам, дабы освободить от разлагающего влияния гайяистов. Еще несколько месяцев назад дитя было чудесной эфраимитской девочкой, но потом ею завладели гайяисты и промыли ей мозги, заставляя поверить в свою ложь. Поэтому сейчас, в ожидании ответа хефна, мы приложим все силы, чтобы устранить зло, причиненное невинному ребенку. Каждое дитя для нас драгоценность, тем более теперь, когда инопланетяне украли у нас целое поколение.

И все время, пока незримый агент вещал, Лекси стояла почти как статуя, лишь ее подвижное лицо умело отражало пренебрежение («Драгоценность… ха!.. Что за чушь… вы ведь в это не верите, правда?»). У Пэм защипало глаза.

— Помолитесь же с нами и поддержите в наших попытках заставить этих адептов зла раскаяться в преступлении, которое поколение назад они совершили против человечества. Мы требуем, чтобы нам вернули способность исполнять заповедь, которую Господь некогда дал Адаму и Еве: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю».

Лицо Лекси на экране сменилось лицом диктора.

— Полгода назад «Си-Би-Эс» стало известно, что миссия гайяистов в Солт-Лейк подала жалобу на деда Алексис Оллред, которого обвиняют в сексуальных домогательствах к несовершеннолетней. Эдгар Карстейрс — член церкви эфраимитов и прямой потомок пророка Эфраима Карстейрса. Поскольку обвинения были выдвинуты против мистера Карстейрса, Алексис находилась под опекой гайяистов. Ребенок был похищен в горах Уотсач, штат Юта, с места съемок сериала «Тысяча миль», который финансирует и продюсирует церковь эфраимитов.

5

Глубокой ночью поезд Пэм прибыл на Новоиерусалимскую площадь. Монорельсовая дорога прекращала посадку в вагоны в одиннадцать вечера, но у обочины еще стояло несколько конных повозок. Закинув на плечи рюкзак, Пэм спустилась на улицу. В офис или домой? Сначала домой, потом в офис? Или наоборот? Она мешкала, рассматривая эфраимитского ангела Фортибуса, сторожившего самый высокий шпиль собора через улицу от вокзала. Надо, чтобы зрители видели конкретного человека, который ищет Лекси. Лучше всего сегодня же выступить с заявлением. Значит, в офис. Подозвав конную повозку, Пэм забралась внутрь. Ночной ветерок казался сладким, и возница опустил кожух. Лошадь цокала по мостовой, но Пэм, откинувшись на спинку сиденья, продолжала изучать ангела, — залитый светом, он словно парил над темными улицами. Невзирая на отсутствие крыльев, он действительно летел — как фигура на носу корабля над волнами. С такой высоты живой человек, наверное, разглядел бы, где прячут Лекси. Рядом нависала серая громада эфраимитского офиса, на фоне которого собор со своими шпилями казался карликом. Если пленницу держат там (что вполне возможно), она, вероятно, смотрит на ангела сверху вниз. Если, конечно, ее подпускают к окну.

— Куда, дамочка? — спросил возница, судя по акценту, латиноамериканец.

— Гайяистская миссия на Четвертой Южной. Он присвистнул.

— Я бы на вашем месте там не показывался.

— Просто отвезите меня туда, ладно?

В миссии светились все окна. Добрый, милый, надежный Джейми. Пэм расплатилась с возницей, который только сейчас смог рассмотреть ее под фонарем.

— Ах, вы та дамочка, которая на хефнов работает. Мыкались допоздна, ту девчонку из телика искали, теперь я понял.

Пэм побежала по дорожке, Джейми рывком распахнул дверь, еще до того, как она вставила в замок ключ.

— Слава богу, ты вернулась!

— И я страшно рада тебя видеть. — Сбросив рюкзак, она рухнула рядом с ним на диван. — Я видела запись в поезде. Что тебе удалось узнать?

— Ничегошеньки! Поговорив с тобой, я вызвал полицию, и они начали поиски, но как только выяснилось, у кого она, на том все и кончилось. Церковь держит рот на замке, я обзваниваю всех наших информаторов, но никто не хочет говорить. — Джейми раздраженно выдохнул. — Чаю хочешь? Сидра?

— Спасибо, всю обратную дорогу я ехала в вагоне-ресторане. — Пэм потерла глаза. — Посвященных в преступный план, наверное, не больше дюжины. Нужно отдать им должное, участники похищения рискуют жизнью. Они знают, что, если затея провалится, хефн сотрет их сознание. Эфраимиты действуют с бесстрашием фанатиков.

— Верно, вот только, на мой взгляд, красть девочку и держать ее в заложниках отнюдь не акт бесстрашия, — пробормотал Джейми. — Как, по-твоему, отреагируют хефны?

— Думаю, никак. Скорее всего, сделают вид, будто ничего не случилось. А может, и подключатся к поискам. Лекси нравится Хамфри, он не оставит ее в лапах церкви. Он сам через пару дней сюда приедет. Если к тому времени мы ее не найдем, он вытащит из эфраимитов место ее пребывания, и вовсе не за столом переговоров.

— Пара дней — большая роскошь. Пэм кивнула.

— Они обещали о ней заботиться, и девочка не сломается, во всяком случае сразу, но она рассчитывает на мою помощь. Я с тобой согласна: не будем ждать Хамфри, давай приступим к поискам прямо сейчас.

Даже произнося эти слова, Пэм зевнула и едва не растянулась на диване.

— Значит, выступим с заявлением?

— Непременно. Вот почему я приехала сюда прямо с вокзала. — Усилием воли заставив себя встать, Пэм поплелась в свой кабинет. — Включить компьютер. — Она рухнула на стул. —

Мне понравилась твоя мысль: похитить ребенка, чтобы использовать его как пешку в переговорах, — трусливый поступок. Церковь эфраимитов, чья история полна подвигов самопожертвования и отваги, сегодня предала самое себя.

Отослав заявление в «Солт-Лейк-Трибьюн» и на «Си-Би-Эс», Джейми уехал домой — всего полмили на велосипеде. Пэм тоже собиралась к себе, но диван в кабинете манил песнью сирены. Отыскав в рюкзаке косметичку, она смыла крем для загара, погасила свет и провалилась в сон.

Уснула она глубоко, сказалась усталость последних двух дней. Обрывки сна то всплывали, то пропадали снова. На заре, невесомая в чистейшем свете, она восхищенно застыла на самом высоком шпиле Новоиерусалимского собора, любуясь жгучим серебром солнца, готового подняться над хребтом Уосатч. К ней слетелись птицы: зяблики, воробьи, малиновки и кряквы, которых она растила и выкармливала — сверкающее птичье облако закружилось вокруг ее головы. Спикировал с высоты и завис в полуметре от ее лица Хромоножка, здоровыми и сильными крыльями колотя воздух. Она протянула руку, чтобы коснуться красноватых перышек у него на груди, когда ее осенило: «Я сплю, у меня осознанный сон».

Она о таком читала, хотя с ней самой ничего подобного не случалось. В осознанном сне ты понимаешь, что спишь и можешь управлять сном. «Я найду место, где держат Лекси!» — тут же решила она и, раскинув крылья, взмыла в небо. Окруженная и поддерживаемая завивающейся спиралью стаей уток и певчих птиц, Пэм закружила высоко над городом. «Покажи, где Лекси!» — приказала она и тут же понеслась на юг. Большое Соленое озеро осталось справа от нее, хребет Уосатч и восход — слева. Беззвучно, если не считать шороха и биения крыльев, вместе с ней летели птицы. Вместе они пронеслись мимо Пойнт-оф-Маунтин, полетели над Оремом, потом над Прово, далеко внизу блеснула серебром монорельсовая дорога.

Они неслись, как ветер. Птицы перестали кружить и теперь слились вокруг Пэм в единый клин, который летел по плавной отлогой траектории — быстрее и выше естественных птиц. «Будем надеяться, я не проснусь раньше, чем доберемся до места», — подумала она, но под ней струилась земля, и сон не кончался.

На стене кабинета, где спала Пэм, висела огромная рельефная карта Юты. Сейчас эта карта раскинулась под девушкой; серым выступали, служа ей ориентирами, старые пики. Над Спэниш-Форк, когда впереди уже показалось озеро Юта, стая повернула на юго-восток, оставив позади сверкающие рельсы и долину Солт-Лейк. Местность внезапно изменилась, пики

исчезли, и теперь внизу змеились глубокие каньоны, на дне которых темнели на фоне красной и терракотовой земли пятна темно-зеленых кустарников. По дну одного каньона вилась дорога, и клин последовал за ней. Мелькнула кучка строений — Прайс? Теперь они двигались еще быстрее, снова взяв на юг, и рельеф растекся широкой долиной, обрамленной далекими хребтами. Пэм сознавала лишь ошеломляющую скорость и энергию птиц, которые уносили ее вверх, тянули за собой. А потом вдруг прямо перед ними показалась крутая излучина реки посреди темно-зеленой морщинистой долины, и вот уже они пикируют вниз, а после кругами спускаются над розовыми скалами с обрубленными вершинами. Водная гладь расширяется, затем следует длинное низкое здание, возле него стоит ребенок и, запрокинув голову, поднимает левую руку в гайяистском приветствии.

Охнув, Пэм проснулась. Ноги сами подняли ее с дивана, понесли к стене и рельефной карте.

— Свет!

Голова у нее была совершенно ясной, но, чтобы убедиться, что она не спит, девушка обеими руками оперлась о стену.

Потом она оттолкнулась от стены и набрала номер телефона.

— Как скоро ты сможешь сюда приехать? — спросила она, когда на экране показалось припухшее ото сна лицо Джейми. — Я знаю, где Лекси!

6

— Грин-ривер? — Джейми с сомнением всмотрелся в карту. — Как они попали туда из каньона Эмиграции? Скорее всего, подняли какой-нибудь свой вертолет.

— Но в Грин-ривер вертолет сразу привлек бы внимание. Значит, куда-то пересели. Может быть, на монорельс — в Салину, а потом на машине.

— На какой машине? Общественным автобусом? Прошло меньше суток, с тех пор как Лекси выкрали. — Джейми потер щеки, скрипнула щетина. — Впрочем, наверное, они могут загнать машину церкви в товарный вагон, это внимания не привлечет, они постоянно так делают… Но послушай, босс, перескажи еще раз свой сон.

— Сколько раз его ни пересказывай, — возразила Пэм, — рациональности не прибавится. Я даже не уверена, сон ли это. Я крепко спала, но… Слушай, можем поговорить потом, сейчас нам надо в Грин-ривер. Потерпи, Джейми. Даже если не могу объяснить, как и почему, я знаю, что она там.

— Ладно, подыграю тебе, — хмыкнул неудовлетворенный, но смирившийся Джейми, — но должен сказать: бросаться куда-то очертя голову совсем не твоя манера.

— Ты прав. Я готова подписаться под каждым твоим словом.

— Ладно. — Он помедлил. — Хорошо, сделаем вот что. Позвоним в Моаб, и пусть Харли пошлет туда кого-нибудь из наших.

После Солт-Лейк самая крупная гайяистская миссия Юты находилась в Моабе, недалеко от Грин-ривер, но дальше, чем залетела в своем сне Пэм.

— Гениально! Слава богу, что хотя бы у одного из нас голова на месте. О сне лучше не упоминать. Скажем, что нам один информатор шепнул, и пусть проверят все мотели, где есть комнаты на первом этаже. Скорее всего, это будет старый мотель, возможно, заброшенный.

— Телефон! — заорал Джейми, торопясь в собственный кабинет.

— И скажи, пусть будут поосторожнее! Церковь слишком глубоко увязла в своих заблуждениях.

Сев за рабочий стол, Джейми нажал клавишу.

— Люди постоянно ездят взад-вперед по старой железной дороге между Грин-ривер и Моабом, она еще пересекает Кресцент-джанкшн, — крикнул он Пэм. — Наш отряд может подтянуться туда к полудню… Что, черт побери, стряслось с телефоном?

Оказалось, это не помехи, а звонок из Санта-Барбары.

— Если это Хамфри, переключи его на мой кабинет.

Уйдя к себе, она закрыла дверь, и действительно на экране возникло лицо ее любимого хефна. Увидев его, Пэм сообразила, что конференция совершенно вылетела у нее из головы.

— Можно, я перезвоню через пять минут? Нам нужно собрать людей, чтобы послать за Лекси.

— Лекси нашли?

— Пока нет, но, кажется, мы знаем, где она. Объясню позже.

— Объяснишь, когда увидимся, — отозвался Хамфри. — То есть сегодня вечером. Я отправляюсь в Солт-Лейк, как и договаривались.

— Спасибо за твой искренний порыв, но он может отсрочить освобождение Лекси. Тебе лучше потерпеть день-два.

— Я не хочу терпеть день-два, — спокойно ответил Хамфри. — Если тебя не окажется дома, я открою дверь и буду ждать или сам поеду на поиски.

Он приказывал, а не просил. Пэм пришлось согласиться. Пока Джейми звонил в Моаб, она задумчиво смотрела в пустой экран.

Но услышав голос Харли Кроупы, который объяснял, как намеревается организовать свои отряды, поспешила в кабинет Джейми, чтобы предостеречь:

— Будьте осторожны! Нельзя, чтобы ребят схватили, иначе их тоже придется вызволять.

— Вы уверены, что пленницу держат в Грин-ривер? Довольно странное место.

Джейми открыл было рот, но Пэм твердо заявила:

— Нам сообщили о Грин-ривер. Гарантий нет никаких, но это наша лучшая гипотеза, и если имеется хоть малейший шанс…

— Понял, понял. Сделаем, что сможем. Старый мотель, да? И череда комнат, как в купе вагона?

Пэм помедлила.

— Что-то вроде того. Здание довольно большое.

— Таких там около дюжины. Ну да ладно, все они на Ист-мейн, мы их обыщем.

— Отлично. Если сможете вывезти ее хотя бы в Салину, мы вас там встретим. Наш поезд отходит через полтора часа.

Оборвав связь, Джейми развернулся вместе с креслом посмотреть на Пэм.

— «Мы вас там встретим»?

— Я, во всяком случае. Тебе незачем ехать. Я сама знаю, что гоняюсь за химерой, Фома неверующий. Оставайся, будешь стеречь лавку.

От собственных слов Пэм пробрала дрожь. Вот уж точно химера.

7

Лекси вышла из крошечного туалета. Автобус покачивало, и, хватаясь за спинки сидений, девочка добралась до своего места за спиной водителя.

Она уже была не в костюме для «Тысячи миль». Еще в просторной уборной дома в Литтл-Коттонвуд-каньон, где снимали ту видеозапись для телевидения, она стерла грим и переоделась в собственные джинсы, футболку, носки и кроссовки. Все это сложила в сумку мама, а дед передал сумку канонику — после того как пленницу запихнули в вертолет. Там была еще и толстовка, но Лекси ее пока надевать не стала. Даже при открытых окнах в автобусе было тепло.

Спала она прямо на сиденье и теперь чувствовала себя не в своей тарелке, к тому же голод давал о себе знать. Она бросила взгляд на молодого человека по имени Джаред, который прибыл на вертолете вместе с каноником Эриксоном, потом затолкал ее в

поезд в Мидвейле, а сейчас сидел через проход. Он читал книгу, похожую на «Изречения Эфраима». Лекси не хотелось о чем-то просить похитителей, но чем больше она думала о еде, тем труднее давалось молчание. Она репетировала, как высокомерно и пренебрежительно спросит: «Полагаю, планируя похищение, вы не подумали захватить еду», — как вдруг Джаред закрыл книгу, потянулся и спросил:

— Как насчет того, чтобы перекусить?

— Неужели вы действительно захватили с собой еду? — самым убийственным тоном вопросила Лекси, надеясь, что на лице у нее не отражается облегчение.

— Конечно, захватили, — усмехнулся Джаред. — Давай посмотрим, что здесь.

Встав, он открыл крышку переносного холодильника.

— Сэндвич с ветчиной, сыром, майонезом и салатом? Кока? Когда Лекси кивнула, он протянул ей сверток и зеленую бутылку, потом вынул то же самое себе и снова устроился на своем месте.

Если не считать водителя, в большом автобусе они были одни — поразительно негайяистская растрата ресурсов. Лекси не помнила, как пересела с монорельса в автобус. Все это время она находилась в забытьи и последние часы то просыпалась, то засыпала снова, пока автобус с ревом несся сквозь темноту. «Готова поспорить, они мне что-то подсыпали в еду, — мрачно подумала Лекси. В поезде ее накормили томатным супом и сэндвичем с сыром. — Что ж, предусмотрительно. Иначе бы я начала орать что есть мочи во время пересадок».

За окном стояло утро. Они заехали далеко в горы, которых Лекси не узнавала, и катили прямо на солнце. Она жадно развернула сэндвич, размышляя, кто бы мог его приготовить, и отвернула крышку с бутылки коки, на боку которой рельефно выступала надпись: «Без кофеина».

Сэндвич на вкус был божественным. Лекси пыталась есть медленно, но все равно проглотила его, почти не жуя. Кока была холодной и вкусной.

— Печенья хочешь? — Джаред протянул ей круглую жестяную коробку. — Овсяное с изюмом.

И печенье было упоительным. Лекси съела несколько штук, понемногу ей становилось гораздо лучше. С каждым следующим печеньем сонливость проходила. Она глянула за окно, спрашивая себя, куда же ее везут.

Если спросить Джареда, беды не будет.

— Куда мы едем? — осведомилась она, перекрикивая рев мотора.

— Прости. Не могу сказать.

Джаред улыбнулся, но Лекси ясно видела, что он не сдастся. Может, если она заплачет, станет умолять, вообще разыграет несчастную, он смилостивится?… Несчастную? После того, как она проглотила сэндвич и семь печений? Маловероятно.

Время тянулось медленно, они все еще ехали по горной дороге — не слишком быстро. Глядя в окно, Лекси смогла определить лишь, что дорога ухоженная, то есть они движутся по автобусному маршруту, а не по заброшенной трассе, где машин вообще не бывает. Время от времени навстречу им попадались другие машины («скорая помощь», грузовик, еще автобус), но все они мало что говорили пленнице, за исключением автобуса, над лобовым стеклом которого значилось «Солт-Лейк-экс-пресс». Однако это ей мало помогло. Дорожные знаки давно проржавели или исчезли со столбов. Никто их не заменил. В мире, где личные машины запрещены, какой толк от указателей? Прислонившись к стеклу, Лекси стала думать о Пэм. Будь та в Солт-Лейк, а не в Санта-Барбаре, ее мать ни за что на свете не решилась бы принять участие в похищении. При воспоминании о том, как мама помогала деду заталкивать ее в джип, на глаза Лекси навернулись слезы, но она поморгала и сглотнула, а потом решила разозлиться на Пэм. Незачем Пэм было ехать в Калифорнию! Ей полагалось оставаться здесь, заботиться о том, чтобы ничего подобного не случилось, — это ее работа! Лекси затопило праведное возмущение. Она придумала сотню язвительных слов, какие скажет своей старшей подруге, когда та спасет ее от похитителей, и какой виноватой будет Пэм, как она снова и снова будет извиняться и пообещает, что никогда-никогда больше не уедет. Некоторое время такие мысли приносили глубокое удовлетворение, но потом Лекси вспомнила, как сидела за кухонным столом у Пэм вместе с Хамфри, как перед каждым стояло по большой тарелке со спагетти, и рот у всех был перемазан соусом, а Хамфри рассказывал о юных годах Пэм, когда та впервые пришла в Бюро темпоральной физики (она тогда была немногим старше Лекси, единственная девочка в первом наборе Подмастерьев), каким талантливым математиком она оказалась, схватывала все на лету и первой из Подмастерьев научилась помещать числа в поля приемопередатчиков времени. Пэм любила этого странного с виду, волосатого старого хефна. Когда Хамфри приказывает ей куда-то ехать, она должна подчиняться. Делать то, что говорит Хамфри, тоже ведь ее работа.

Покачивание автобуса нагнало на Лекси сон, и против воли она снова задремала. Через некоторое время автобус замедлил ход: водитель переключился на первую передачу. Кругом лежали тускло-коричневые горы с плоскими вершинами, а над ними —

пушистые, с плоскими днищами белые облака. Автобус въезжал в город. Джаред подсел к девочке, его лапища легла ей на шею — это Лекси и разбудило.

— Оставайся на месте, Алексис. Я не хочу делать тебе больно, но непременно сделаю, если попробуешь закричать или подать знак в окно.

С этими словами он нагнул ее так, что она едва не коснулась лбом коленей, и сам скорчился рядом. Рыча от натуги, автобус медленно ехал через городок. Сердце Лекси глухо ухало, она отчаянно заставляла себя не трепыхаться под тяжелой рукой. Если она поддастся панике и будет вырываться, то Джаред, чье тяжелое дыхание хрипело у нее над правым ухом, сделает ей больно. Через несколько минут автобус свернул вправо, как будто бы на подъездную дорожку. Он несколько раз менял направление, а после остановился.

Осторожно сев, Джаред выглянул наружу и убрал руку с шеи пленницы.

— Так, Алексис, сейчас мы выйдем. Слушай внимательно. Ты заведешь руки за спину, а я буду их держать. И ни звука, договорились? Ни единого звука. Выполняй мои указания, и все будет в порядке… Готова? Пойдем.

Он заставил ее встать и снова схватил, сжав оба запястья могучей ладонью.

— Ой! — вырвалось у девочки (хотя ей было не столько больно, сколько неудобно), но конвоир лишь крепче сдавил ее руки и прошипел:

— Что я тебе говорил? Ни единого звука! А теперь — шевелись. Он подтолкнул Лекси к выходу. Через окно она видела, что автобус припаркован между двумя одинаковыми, длинными и низкими строениями. Когда Лекси сошла с последней высокой ступеньки на землю, то мельком уловила проблеск темно-синего неба и высоких розовых скал, которые показались ей чуть знакомыми, и подумала: «Спорю, мы где-то рядом с Национальным парком». Водитель поставил автобус так, что до двери одного из длинных строений оставался всего лишь шаг, и Джаред толкнул эту дверь свободной рукой. Он начал было заталкивать девочку внутрь, как вдруг удивленно вскрикнул, и Лекси дернулась назад. Она упала на левый бок — так больно, что у нее перехватило дух. И пока она силилась отдышаться, у нее над головой началась какая-то возня: зашаркали ноги, раздался шум потасовки, а еще — рев мотора и визг шин сорвавшегося с места автобуса.

Наконец она попыталась перекатиться на четвереньки, но левая рука почему-то не слушалась. Она услышала собственный

вопль. А потом кто-то помог ей встать, и женский голос спросил:

— С тобой все в порядке, Алексис?

— У меня с левой рукой что-то не так, — отозвалась Лекси.

В нескольких футах от нее какие-то незнакомые люди держали Джареда. Один заломил Джареду руку за спину и наклонял как-то странно — Лекси подумалось, что это, наверное, больно. Внезапно ее стошнило.

Женщина, которая осматривала ее руку, осталась невозмутима.

— Похоже, ты сломала запястье во время падения. Ты когда-нибудь что-нибудь ломала?

Лекси замотала головой и почувствовала себя очень странно. Мгновение спустя она снова очутилась на земле.

— Не двигайся, милая. Ты потеряла сознание. Нужно отвезти тебя к врачу.

Кто-то принес ей воды. Через несколько минут кто-то еще помог девочке встать и поддерживал ее, пока женщина накладывала повязку.

— Давай-ка отвезем тебя в Моаб, там больница гораздо лучше. С повязкой сразу стало легче.

— Где Пэм? — спросила Лекси. Она ни на минуту не усомнилась, кто стоял за ее освобождением.

Мужчина, который во второй раз помогал ей встать, ответил:

— Пэм на пути в Салину. Мы планировали встретиться там, чтобы она отвезла тебя назад в Солт-Лейк. Кстати, я Харли Кроупа, глава Моабской миссии.

— Гайяистской миссии?

— Конечно. — Он ухмыльнулся, и усы у него смешно зашевелились.

Лекси выдавила ответную улыбку.

— Где мы? Что это за место.

— Грин-ривер, — ответил Харли Кроупа.

— А, я тут однажды бывала. Мы сплавлялись на плотах. Ага, понятно, вон там Бук-клифф. — Она сурово глянула на Джареда, мрачно скорчившегося в руках разозленных гайяистов, потом посмотрела на Харли: — Пэм тоже приедет в Моаб?

— Посмотрим. Давай сначала доберемся туда и позвоним Джейми. Думаю, он знает, как с ней связаться. Можешь отпустить этого парня, — обратился он к мужчине, заломившему Джареду руку. — Пусть возвращается в Солт-Лейк как сумеет. Думаю, он захочет поговорить со своим священником.

Все гайяисты рассмеялись, а человек, державший Джареда, разжал руки. Расправляя плечи, Джаред посмотрел сверху вниз на Лекси.

— Слушай, извини, что ты поранилась, Алексис. Если бы эти громилы не вмешались, ничего бы не случилось, с тобой все было бы в порядке.

— Когда ты ткнул меня носом в колени, я уже была не в порядке, — возразила Лекси. — Совсем не в порядке. Вот увидишь, хефны сотрут вам мозги. Я очень на это надеюсь.

8

Самый быстрый путь из Салины в Грин-ривер был тот, каким прибыли Лекси и Джаред, но по меньшей мере два раза в неделю в Моаб ходил федеральный автобус. Харли встретил Пэм на станции.

— Счастлив вас видеть, — сказал он, с пылом пожимая ей руку. — Сегодня утром девочке наложили гипс. Она спит: пришлось дать транквилизатор. Вчера отказывалась ложиться, пока мы не сказали, что вы уже в пути. — Он закинул на плечо рюкзак Пэм. — Наша миссия всего через два дома.

Они двинулись мимо кучки мелких сувенирных лавочек и киосков, в витринах которых висели таблички: «Закрыто до 15 сентября». Если в Солт-Лейк стояла жара, то здесь солнце пекло просто нещадно, и, невзирая на сухой воздух, Пэм чувствовала, как на лбу у нее выступают капли пота. Залитая солнцем широкая улица была почти пуста. Пэм в спешке забыла шляпу, и сейчас яростный свет бил ей в глаза. Прикрывая их рукой, она спросила:

— Как ее запястье?

— Не так уж плохо, всего лишь трещина. Она поправится, но полагаю, в сериале ей найдут временную замену.

— Это сериалу не повредит, — улыбнулась Пэм. — Ничто так не увеличивает телерейтинги, как толика скандала. Джейми так говорит.

— Проныра ваш Джейми, — рассмеялся Харли.

И Пэм улыбнулась этому худощавому обветренному человеку с висячими усами, в джинсах, высоких ботинках и высоченной шляпе. Они часто обсуждали дела миссии по телефону, и ей казалось, она не первый день его знает.

— Ну, мы уже давно вас тут ждем. Хотя не по такому случаю. Вы в Моабе вообще раньше не бывали?

— Нет, — качнула головой Пэм, — но мне всегда хотелось, особенно после того, как я прочла воспоминания Эдварда Эбби «Пустынный пасьянс».

Улыбнувшись, Харли с жаром закивал.

— Мне бы так хотелось посмотреть Изящную арку — автобус проехал мимо входа в парк, но сомневаюсь, что на сей раз

найдется время для прогулок.

Сдвинув огроменную шляпу на затылок, Харли прищурился.

— Наверное, нет, но, надеюсь, вы скоро снова сюда выберетесь, раз уж поглядели мельком, как у нас тут.

— И я тоже надеюсь, — с чувством ответила Пэм. — Значит, операция прошла успешно, если не считать запястья Лекси?

Втянув голову в плечи, Харли посерьезнел.

— Мы все этим очень расстроены, Пэм. Я мысленно просматриваю случившееся, пытаюсь понять, смогли бы мы при задержании избежать травмы или нет.

— Ну, — сказала Пэм официальным тоном сотрудника гайяист-ского «Надзора за благополучием детей», равно как и эмиссара Бюро по сношениям с церковью пророка Эфраима, — не стану отрицать, что было бы лучше, если бы никто не пострадал, особенно, если пострадавшая Лекси. Девочку очень жаль, к тому же это даст церкви козырь против нас. Но вы ее освободили, и не сомневаюсь, в сложившихся обстоятельствах сделали, что могли. Уверена, Хамфри разделит мое мнение. Помимо запястья травм никаких?

На лице Харли читалось облегчение.

— Ничегошеньки. Понимаете, большую часть года Грин-ривер словно вымирает. Городской центр сместился к новым мотелям, их несколько — там, где запускают плоты, напротив музея реки. Еще тут есть автобусная станция, банк, фермерский рынок… Но железнодорожная станция находится в старом городе. Ну, а эфраимиты, разумеется, единственная церковь в городке. В это время года они тоже показываются здесь только по воскресеньям, а потому если какая-то группа сходит с поезда, то сразу привлекает к себе внимание. Мы как раз проверяли здания в дальнем конце улицы — на Ист-мейн стоит несколько заброшенных мотелей. Так вот, мы осматривали такие, какие нам описал Джейми, и обсуждали, что делать дальше, как вдруг перед «Бук-клифф-лодж» остановился автобус. В «Лодж» как раз два параллельных ряда комнат, ну, два здания, одно сразу позади другого, а значит, между ними есть место, где можно припарковаться подальше от чужих глаз.

Пэм, которая все это время поощрительно кивала, подумала: «Вот оно. Вот что я упустила».

— Как только они въехали между зданиями, мы ввосьмером бросились следом, и стоило им сойти, как схватили парня, который держал Лекси. — Харли покаянно качнул головой. — Он упал, и она тоже.

— Вы не могли знать, что пленница будет в автобусе, — заметила Пэм.

— Даже представить себе не могу, как это они рискнули ее вывести — да и вообще уехать на автобусе, раз уж добрались сюда непойманными.

Харли поглядел на Пэм удивленно, но ничего не сказал, они уже пришли.

— Вот и наша миссия.

Харли придержал перед ней дверь, и Пэм ступила в прохладный сумрак, где гулял ветерок от вентилятора. Когда они вошли, из-за письменных столов поднялись две женщины.

— Пэм Пруитт, это Мерседес Лэндрам, моя помощница… так сказать, мой Джейми в юбке. Она — из самого первого набора миссионеров в Юте. — Харли подождал, пока дамы пожмут друг другу руки. — А эта юная леди — Софи Родригес, доброволец в миссии, она же принимала участие в спасательной операции. Именно она заботилась о Лекси. — Софи тоже пожала руку Пэм.

— У меня есть медицинское образование, поэтому я вызвалась. Как же все были рады, что взяли меня с собой!

— Перелом не тяжелый, — вставила вторая женщина. — Софи сама сделала рентген.

— Но мы все очень расстроены. Мы знаем, какой шум поднимет церковь.

— Мне бы хотелось как можно скорее увидеть Лекси. Прямо сейчас, если врач не возражает.

— Давайте отведу вас в больницу, — предложил Харли. — Вещи можете оставить здесь, в гостевой комнате, а еще, если хотите прокатиться с ветерком, возьмем мотоцикл Мерседес. Больница приблизительно в миле отсюда.

Пэм кивнула, это была удачная идея. Ее глаза уже привыкли к полумраку, и теперь она разобрала, что стены покрыты изображениями огромных вытянутых фигур: очевидно, примитивное искусство, поразительное и даже пугающее. В этих фигурах было что-то от массивной неподвижности голов с острова Пасхи.

— Это здешние наскальные рисунки?

— Кое-какие встречаются только в этих местах, — ответил Харли.

— Они из Большой галереи, что в Подковном каньоне. Им тысячи лет. Мерседес кроме всего прочего специалист по пиктограммам, это она повесила плакаты.

— Ни на что не похоже, правда? — спросила Мерседес. — Мы далеко не первые, кто жил на этой земле. Те, кто их нарисовал, уж точно были протогайяистами.

Еще несколько плакатов затягивало стены больницы: опять наскальная живопись, но уже в другом стиле. Скала во всех случаях была темно-красной, красно-белой или красно-золотой и светилась под ярким светом. Фигуры были выведены темно-красным. Пэм заметила большую фотографию Изящной арки — красный камень на фоне белого снега.

Лекси еще спала, но медсестра заверила, что девочка вот-вот проснется, и позволила Пэм посидеть возле кровати.

— Мне бы хотелось побыть с ней наедине, когда она проснется, — сказала Пэм Харли. — Спасибо, что проводили.

— Не за что. Значит, увидимся за обедом в миссии?

— Я дам вам знать. Наверное. — Пэм повернулась к дверям палаты.

— Да, кстати, — вспомнил Харли. — По вашим словам, мы не могли знать, что Лекси окажется в автобусе… Я не успел рассказать… они как раз въезжали со стороны Салины, когда мы их засекли. Мы опередили их в Грин-ривер на каких-то пару минут.

Пэм резко обернулась.

— Я думала, они приехали сюда накануне, той ночью, когда ее похитили.

Харли покачал головой.

— Нет. Да у них и не было шанса попасть сюда раньше. Если они нашли какую-то нору под Солт-Лейк, чтобы сделать запись, то им следовало дождаться поезда, погрузить на него машину, затем найти автобус до Салины. Вы сами из такого только что вышли, поэтому знаете, с какой скоростью электроавтобус тащится вверх-вниз по горным дорогам, — не больше двадцати пяти — тридцати миль в час. И вообще, сейчас не так много поездов, которые ходят настолько далеко на юг. Можно проверить расписание, но я почти уверен: сюда они добрались так быстро, как только возможно.

— Разумеется, вы правы, — протянула Пэм. — Наверное, я просчиталась.

— Ничего удивительного, ведь столько всего произошло. Так значит, увидимся. Надеюсь, девочка поправляется.

В палате было шесть коек, пять аккуратно застланы. Пэм тихонько вошла и прикрыла за собой дверь. Лекси лежала на кровати, ближайшей ко входу. Изголовье было приподнято, длинные светлые волосы разметались по подушке. Левую руку девочки перехватывала повязка, в тыльную сторону правой ладони входила игла капельницы.

Лекси выглядела такой маленькой и бледной среди этой белизны. При виде бедняжки Пэм показалось, что ее ударили под

дых. Осторожно придвинув стул, она села и стала смотреть на профиль спящего ребенка, одновременно силясь осмыслить слова Харли: если Лекси прибыла в Грин-ривер одновременно со спасателями, значит, осознанный сон показал Пэм не то место, где Лекси была, а то, где она будет через восемь часов.

Пэм размышляла. Осторожно взяв пальцы левой руки девочки, Пэм нежно сжала их. С точки зрения обычного человека, удаленное зрение в сочетании с предвидением может показаться не более странным, нежели мысленное управление приемопередатчиком времени в самопроизвольном трансе. Но несколько десятков Подмастерьев Бюро темпоральной физики работали с приемопередатчиками с самого детства. Те, кто обладал врожденным даром, этому могли научиться. Пэм не понимала, каким образом ее разум взаимодействует с полем приемопередатчика, но тем не менее активно с ним работала.

А вот случившееся во сне выходило за рамки привычного. Назови свое желание — и могучий поток энергии подхватит тебя и понесет, как река пробку. Никаких устройств, никаких хрустальных шаров или зеркал, никаких стеблей тысячелистника или столоверчения. Никакой сложной технологии приемопередатчиков. Только сон. Она вспомнила, как пикировала к длинному и низкому двойному зданию, где Лекси подняла руку — вот эту, сломанную руку, — и поежилась.

Может, Лекси знала, куда ее везут, и Пэм нечаянно прочитала ее мысли? Какая-то телепатия? Экстрасенсы, способные к удаленному видению, иногда помогали в полицейских расследованиях. Даже это Пэм было легче принять, чем мысль о том, что она заглянула в будущее.

Хотя если Время поистине едино, как не уставали утверждать хеф-ны, разве из этого не следует, что будущее тоже «здесь», как и прошлое, и столь же доступно для изучения, если только знаешь, как смотреть? Пэм охватила жажда информации. Есть уйма исследований, посвященных предвидению, где-то она видела ссылки на них… Но Пэм слишком долго и плотно занималась прошлым, а не будущим. Будущее — катастрофа, которую гайяисты силятся отвратить.

— Физически с ней все в порядке, — сообщила Пэм по телефону в ответ на расспросы Харли Кроупы. — Однако девочка очень расстроена всем случившимся. Она не хочет, чтобы я уходила, поэтому, наверное, сегодня я останусь с ней, а завтра утром ранним автобусом поедем домой.

Харли едва ее выслушал.

— Понятно. Слушайте, Джейми звонил. Я как раз хотел вам

сказать. Он просил, чтобы вы сейчас же с ним связались. — Харли выдержал театральную паузу. — Хефн Хамфри едет в Моаб! Он требует, чтобы вы его дождались. Он приехал в Солт-Лейк… в общем, пусть Джейми сам все расскажет.

— Едет сюда? А Джейми сказал, почему?

— Нет, только то, что хефн твердо решил ехать. Он будет тут… ну, наверное, в любую минуту, ведь он полетел вертолетом. Как по-вашему, он посетит миссию? — Обычно унылое лицо Харли раскраснелось, преобразилось от возбуждения; рядовые члены движения никогда не видели его основателя во плоти.

— Он, вероятно, приземлится посреди Мейн-стрит и будет ждать, когда члены миссии сами к нему придут, — сухо отозвалась Пэм. — О боже! Ладно, я сейчас позвоню в офис. Когда объявится хефн, передайте ему, пожалуйста, что я осталась с Лекси, но мы будем рады, если он нас навестит. И, может, пришлете нам обед? Извините, похоже, на вас столько всего разом свалилось…

— Конечно, я сам привезу вам еды. А Хамфри… У него есть любимое блюдо?

— Бисквитный пирог, — сообщила Пэм. — Бисквитный пирог со смородиной. Сомневаюсь, что вы его где-нибудь откопаете. Мы с Лекси непривередливы, но очень проголодались.

Харли отключился, а Пэм набрала номер Джейми, чье лицо с поднятыми бровями тут же вспыхнуло на экране.

— Беру свои слова назад, босс, — признал он. — Ты кудесница, и я больше никогда не буду тебе перечить.

— Господи, не говори такого! Мне же придется тебя уволить и найти кого-то еще, кто бы держал меня в узде.

Джейми усмехнулся.

— Харли сказал, с девочкой все будет в порядке…

— По медицинскими показаниям, да. Это всего лишь трещина. Но у нее посттравматический синдром: нервничает, не хочет выпускать меня из виду, отказывается встречаться с матерью, ведь РоЛейн участвовала в похищении. Я изложу тебе все детали, но решать вопрос опеки надо немедленно, Лекси не может вернуться в семью. И что это за история с Хамфри?

— Объявился у нас около половины второго. Прилетел из Санта-Барбары, даже не удосужившись предупредить. Я ему ничего про твой сон не рассказывал, просто изложил ситуацию, сказал, что ты, скорее всего, привезешь Лекси завтра, и пусть пока устраивается у тебя в квартире, а он возразил, честное слово, так и сказал: «Я не буду ждать в доме Пэм Пруитт, если Пэм Пруитт в Моабе. Я поеду прямо в Моаб. Я не пропущу ход. Я не лишусь фишек». Где Хамфри научился играть в «Монополию»?

— Ах, это? В Бюро мы часто играли в настольные игры. Ему пришлись по душе старые глупости вроде «Монополии».

— Часа через два после этого я услышал, как взлетает вертолет, и предположил, что он направился к вам.

— Ага, — отозвалась Пэм, — я уже слышу шум. Он не сказал, что за срочность у него возникла?

— Не-а. Может, ему просто захотелось посмотреть Изящную арку? Пэм застонала.

— Ладно, по поводу опеки… В Солт-Лейк и Огдене у Лекси есть тети и дяди, но все они эфраимиты, а в настоящий момент она не хочет иметь с ними дела. Прямо она не высказывалась, но я знаю: больше всего она хочет остаться со мной. На первых порах я справлюсь, но когда девочка вернется к «Тысяче миль», ей понадобятся две вещи: другой ответственный взрослый на месте съемок и неэфраимитский телохранитель двадцать четыре часа в сутки. Сможешь этим заняться?

— М-да… — Джейми скривился. — Относительно опеки и телохранителя можно попробовать. А вот как насчет ответственного взрослого… Что ты думаешь по поводу ее отца? Сможет он заменить РоЛейн?

Пэм сообразила, что почти ничего не знает об отце Лекси, даже его имени.

— Это идея, но лучше обсудить ее с самой Лекси. Он папа девочки, но тоже эфраимит. Эд Карстейрс — его приемный отец. Лучше с этим подождать. Ты звонил Марси?

— Вчера после полудня. Сценаристы уже перекраивают текст, обыгрывая сломанную руку Кейт. Стервятники какие-то.

Пэм хмыкнула.

— Это бизнес. Увидимся завтра.

Оборвав связь, она извинилась перед медсестрой, на бейдже которой значилось «Миссис Джексон», что так долго занимала телефон в ординаторской, и вернулась в палату Лекси. Пациентка сидела на койке и изучала гипс.

— Обед скоро доставят, — объявила Пэм. — И угадай, кого мы сейчас увидим? Хамфри! Ты слышала шум?

Кивнув, Лекси просияла.

— Это он? Здорово! Но почему он здесь?

— Джейми не знает. Может, он сам нам скажет. Как ты себя чувствуешь? Хочешь одеться, пока гость не появился?

— А можно?

— Почему бы и нет… Где твои вещи?

Лекси не знала, но, открыв дверь шкафчика, Пэм обнаружила на крючках джинсы, футболку и кроссовки Лекси.

— У меня была еще толстовка, но она, наверное, осталась в

автобусе.

— Да… — Встряхнув футболку, Пэм внимательно ее осмотрела. — Давай попробуем, пролезет ли гипс… Я рассказывала тебе, что когда была в твоем возрасте, то сломала руку? Помню, какая это была мука самой натягивать одежду через голову!

— А как ты свою сломала?

— Упала с дерева.

Присев на кровать, Пэм развязала больничную ночную рубашку Лекси. Футболка налезла без проблем, сперва на гипс, потом на вторую руку и через голову. Лекси вытащила светлый хвост и сама одной рукой натянула джинсы, но Пэм пришлось застегнуть пуговицу. Носки и кроссовки Лекси надела сама, и Пэм завязала шнурки.

— Работа в команде — ответ на все. Но со временем ты научишься обходиться самостоятельно. Хорошо еще, что сломана левая рука.

Врач с большим коричневым конвертом под мышкой постучала и вошла, когда Пэм причесывала Лекси. Представляя ее своей старшей подруге, девочка гордо сказала:

— Доктор Бонифас — гайяистка!

— Верно, и я очень рада с вами познакомиться, мисс Пруитт.

— И мне очень приятно познакомиться с той, кто вылечил нашу девочку. — Пэм пожала врачу руку. — Не хотите задержаться и увидеть хефна Хамфри? По слухам, он летит сюда.

— Это не просто слух. Несколько минут назад звонил Харли. Они выходят, как только Софи соберет команду. Похоже, еды они везут столько, что полк можно накормить.

— Скажите, мне надо что-нибудь знать о запястье Лекси? Утром мы уезжаем.

Доктор Бонифас положила на койку конверт.

— Это рентгеновские снимки. Они понадобятся ортопеду в Солт-Лейк. Лекси, гипс тебе снимут через пять-шесть недель, наложат шину, так будет легче. А пока походи в повязке, ладно?

Лекси кивнула.

Пока врач говорила, шум на улице все усиливался.

— А вот и обед! — провозгласила Пэм. Доктор Бонифас выглянула в окно.

— И все до последнего гайяисты Моаба.

Дверь больницы распахнулась. Лекси возбужденно прыгала на кровати, потом не выдержала и соскочила, когда Пэм поспешила в приемную.

Одно из качеств, которое так привлекало к Хамфри людей, заключалось в том, что хефн всецело отдавался простым радостям

жизни.

— Привет, милая! Только посмотри, я кучер! Харли Кроупа дал мне урок и вложил в руки поводья! Мы рысили! Это так восхитительно — управлять конной повозкой! — Он буквально подпрыгивал от радости. — И тебе тоже «здравствуй», милая маленькая Лекси! Как и ты, я теперь возница! Тебе это не кажется чудесным?

Лекси, нерешительно мешкавшая на пороге палаты, теперь вышла и прислонилась к Пэм.

— Привет, Хамфри. Да, мне тоже это нравится, жаль, получается слишком редко.

— В «Тысяче миль», — объяснил Хамфри сгрудившимся гайяис-там, которым это, без сомнения, было известно не хуже его, — Кейт Макферсон пришлось управлять лошадьми и переправлять повозку с провиантом через Норт-Плэтт-ривер. Я понятия не имел, какое это удовольствие! — Он постарался успокоиться. — И как ты себя чувствуешь, маленькая? Мне очень жаль, что у тебя сломана рука.

— Это лишь трещина, — объяснила Лекси. Эту фразу она слышала со вчерашнего дня. — Но все равно больно.

Пэм поддержала ее руку, убрав мешающую повязку.

— Рука распухла. Лучше снова приложить лед. Можно ей какое-нибудь обезболивающее? — спросила она миссис Джексон, которая следила за происходящим.

— Я сама этим займусь, — сказала выглянувшая на шум Сьюзан Бонифас. — Пойдем, Лекси.

И они снова скрылись в палате.

За Хамфри в приемную набились Харли и другие гайяисты, которые принесли с собой кастрюли и миски под крышками, корзинки для пикника и переносные холодильники. Приемная наполнилась запахами снеди.

— Давайте вот что сделаем, — предложила Пэм. — Я и Лекси пообедаем с Хамфри в палате Лекси, но еды тут хватит на целую армию. Почему бы вам, ребята, не расположиться в ординаторской и не угоститься, чем есть. Вы не против? — спросила она медсестру, которая счастливо кивнула; по всей видимости, больницу впервые заполнило столь радостное оживление. — Спасибо. А потом все поможем с посудой.

— Вот пирог для Хамфри, — объявила Мерседес, двойник Джейми в здешней миссии. — Забирайте блюдо с собой.

Это действительно был смородиновый пирог, еще теплый. Пэм с изумленной благодарностью подняла взгляд от его лиловой поверхности.

— Как…

— У меня оставался один в морозилке с прошлого лета. Пусть Хамфри съедает весь. Смородина нового урожая уже почти поспела.

10

— У местных гайяистов есть один большой плюс, — сказала она хефну позднее, когда все разошлись по домам, а Лекси заснула. — Они бывшие эфраимиты и умеют устроить первоклассный пир из того, что бог послал. Боевой дух моабской миссии высок, как никогда.

Пэм сидела на стуле с высокой спинкой, Хамфри устроился на койке рядом с Лекси (ему сидеть на таком стуле было практически невозможно), прижимая к волосатому туловищу круглую стеклянную кре-манку с пирогом и держа раздвоенной лапой ложку на длинной ручке. Он поделился лакомством с Лекси и Пэм, но две трети съел сам.

— У гайяистов Моаба есть повод веселиться без устали, — мягко сказал он. — Это земля, которую они обжили, место, где Гея недвусмысленно являет себя. Истинный Иерусалим, и они это знают. — Хамфри последний раз провел ложкой по креманке и поставил ее рядом с собой. — Как тебе удалось найти Лекси Оллред?

Пэм подробно описала свой сон.

— Лекси не знала, куда ее везут, — закончила она. — Она задавала сопровождающему этот вопрос, но он не отвечал. Джаред знал, каноник знал, РоЛейн думала, что знает. А Лекси не знала. Поэтому во сне я либо прочитала мысли Джареда и каноника, либо как-то заглянула в будущее…

Рассказывая историю освобождения Лекси, она смотрела, как девочка посапывает, но, уловив внезапное движение, тут же открыла глаза. У кровати замер Хамфри. Каждый волосок на его теле стоял дыбом. Большие плоские глаза были устремлены на Пэм.

— В чем дело? — спросила она и тоже встала.

Хамфри издал звук, какого она никогда от хефнов не слышала, высокий и гулькающий, поразительно чуждый человеческому. Его руки описывали круги. Лекси проснулась.

— В чем дело? — испуганно спросила она. — Что случилось?

— Ничего не случилось, маленькая Лекси, — высоким сдавленным голосом сказал Хамфри. — Все хорошо. Все чудесно! — и, словно опомнившись, сел.

Разумеется, Лекси не заснула. У нее болела рука, ей требовался лед, таблетки и питье, но больше всего ей нужно

было, чтобы Пэм расправила ей простыню, подоткнула одеяло и вообще утешила. Когда веки девочки затрепетали и наконец сомкнулись, Пэм снова повернулась к Хамфри, готовая напомнить ему о тишине, но хефн уже успокоился. Шерсть улеглась, обе руки он держал перед собой — жестом умиротворения. И заговорил он хриплым шепотом:

— Я буду вести себя тихо, моя дорогая. Но сказанное тобой наполняет меня радостью. Ведь твой душевный кризис спровоцировал трансформацию.

Пэм стало не по себе.

— Ты не перебарщиваешь? Я не назвала бы сон трансформацией. Хотя, если уж на то пошло, уверенность в том, кто похитил Лекси, расширение сознания Пэм… если эти явления и сон как-то связаны…

— Просто ты слишком мало знаешь. — Ворс Хамфри снова начал вставать. — Пойдем.

Круто развернувшись, он решительно вышел в коридор, где встал у одного из плакатов.

Последовав за ним, Пэм остановилась рядом. На плакате изображались две длинные статичные красные фигуры, чем-то напоминавшие те, которые она видела в моабской миссии. У фигуры слева была сплющенная голова с огромными выпученными глазами, а еще — худые руки, которые она уперла в бока: на инопланетянина она походила даже больше, чем сам Хамфри. У правой тоже были худые руки, но головка оказалась маленькой и заканчивалась словно антеннами, прямыми и перистыми, а вокруг этого «головного убора» ореолом роилось облако насекомых или крошечных птиц.

— Посмотри, моя дорогая. Видишь маленьких птичек? А человека? Это шаман. Знаешь, кто такой шаман?

— Э… что-то вроде колдуна? Лекаря?

— В ранних культурах вашей планеты шаманами звали тех, кто ради своего народа совершал путешествие в мир духов. В этот мир он входил различными путями. Некоторые из них — например, пост, очищение травами, отказ он сна и поедание отвратительных на вкус кореньев — весьма неприятны, но у многих шаманов не было других средств выйти из физического тела. Они должны были так поступать, чтобы отыскать лекарство от болезни или привести свое племя к победе в войне. Это трудно и опасно, но зато очень престижно.

— Откуда, скажи на милость, ты это знаешь? — Пэм изумленно воззрилась на Хамфри. — Вот уж не думала, что это по твоей части.

— Одна из самых распространенных причин путешествия в

мир духов — найти потерянное. Ценные предметы. Пропавших людей. Шаманы знали пути туда. Покинуть тело можно, например, с помощью барабанного боя. А еще известно, что самые могучие шаманы видели яркие сны.

Пэм переводила взгляд с Хамфри на плакат и обратно. Сердце начало ухать у нее в груди.

— Этим картинкам тысячи лет, — запротестовала девушка.

— Нарисованный шаман не есть отображение именно того, что пережила ты, дорогая. — Он просеменил к стойке сестры и завозился там с компьютером, а Пэм все смотрела на страшноватую фигуру с антеннами на голове и перистым ореолом.

— А вот это шаманы другой древней культуры, — сказал он минуту спустя. — Смотри.

Он развернул экран к Пэм.

Изображение было выполнено совершенно в ином стиле. Пэм удалось выделить пару силуэтов: две одинаковые красные сардельки, каждая с четырьмя конечностями-палочками; обе они почти лежали на беловатой неровной поверхности. Каждая рука и нога заканчивалась трехпалой птичьей лапой.

Сосиски сосисками, палочки палочками, но в этих фигурах не было ничего от статуй с острова Пасхи. Фигуры, очевидно, летели, что становилось ясно по тому, как над и под ними, направляясь в ту же сторону, неслась стая птиц. Это были уже не крошечные существа, кишевшие, как мошкара, вокруг антенн неподвижного астронавта. По сравнению с «сосисками» птицы казались огромными, и их было немало — десять, и, хотя нарисовали их довольно грубо, композиция в целом производила впечатление крайне динамичной. Шаманы летели на фоне скалы, а с ними, поддерживая и направляя, неслись птицы.

Пэм облокотилась о стойку, у нее зазвенело в ушах.

На экране имелась еще и подпись: «Птицы-эскорт из Фейт-белл», а ниже Пэм прочла: «На этом редком рисунке из Фейт-белл десять птиц сопровождают двух летящих шаманов, иллюстрируя свою роль духов-хранителей во время шаманского путешествия души».

Пэм молча перевела взгляд на Хамфри, который сказал:

— Люди, нарисовавшие эти картинки, принадлежали к культуре Пе-кос-ривер, этот народ жил в западном Техасе, возможно, три тысячи лет назад, приблизительно в то же время, когда в Юте жили шаманы, изображенные на плакатах. Невзирая на разделяющее их расстояние, у двух культур удивительно много общего. Дело не в том, как рисовали люди, а в том, что стремились изобразить. Никто не в состоянии внятно объяснить

сходство или дать ответ на вопрос, почему подобные изображения появляются у другого народа бассейна Мексиканского залива, а больше нигде, вообще нигде на свете. Но в одной малости, поразительной малости, культура Пекос-ривер была уникальной.

Хамфри нажал несколько клавиш, и на экране вспыхнула другая картинка: оперенная овальная фигура, обведенная красным. Внутренность туловища выкрашена черным, на нем — красные и желтые отметины. Туловище и раскинутые конечности обведены толстой красной линией. Удивительно, но у фигуры не было головы. Из шеи выступали две прямые красные линии, а еще две пересекали их на концах, — на взгляд Пэм, это больше всего походило на детский рисунок трамвая. Подпись гласила: «Фантастические существа, стрелого-ловые фигуры».

— В каждом случае таких существ можно было опознать по параллельным линиям, пересеченным одной или двумя полосками, заменявшими им голову. Отдельные участки их тела покрывал ворс. Изображение этих мифических существ было распространенным, возникало раз за разом. Вероятно, они являлись хорошо известными персонажами космологического пантеона Пекос-ривер, должны были сообщить что-то зрителям, но суть их роли в той поучительной пьесе уже утрачена.

Повинуясь щелчкам клавиш, на экране вспыхивали различные варианты чудовищных созданий. Их, похоже, было немало. «Стрелого-ловая фигура, Девилс-ривер», «Стрелоголовая фигура, Пекос-ривер», «Стрелоголовая фигура, Пантер-кейв». Фигуры, очевидно, были нарисованы разными мастерами, но практически все были обведены темно-красным, как вышивки на индейских штанах.

Пэм хотелось вернуться к птицам-проводникам, но Хамфри методично показывал ей изображения волосатых безголовых существ. Умерив нетерпение, она сказала:

— У них вид мощный, но жутковатый… Что за кайма вокруг них? Статическое электричество?

— Нет, — произнес Хамфри и выжидательно замолчал.

Некоторое время спустя Пэм подняла глаза от экрана. Все волоски на теле Хамфри стояли дыбом. Под ее взглядом он поднял коротенькие ручки, и Пэм сразу поняла, что он собирается сказать.

— Они видели нас во сне.

— Вас?

— Видели нас во сне. Три тысячи лет назад люди Пекос-ривер видели во сне хефнов.

Пэм недоуменно посмотрела на него, потом на экран.

— Головы… головы, как оружие. Контроль разума…

гипнотическое внушение. Иссечение памяти?

— Да.

— Это же… Нет, погоди минутку. — Она попятилась, размахивая перед собой руками, точно отгоняла саму мысль. — Откуда ты это знаешь? Они могут быть кем угодно! Откуда такая уверенность, что это хефны! Разве что три тысячи лет назад состоялся контакт, о котором ты почему-то умолчал!

Скорчившись, Хамфри устроился на стуле медсестры.

— На эти рисунки я наткнулся по чистой случайности в одной из книг в Калифорнии. Увидев их, я понял. Нет, узрев их в книге, я уверовал. А когда собственными глазами увидел наскальные рисунки, тогда я понял. Как ты узнала, что Лекси у эфраимитов.

— Им снились хефны? Три тысячи лет назад. — Нашарив позади себя стул, Пэм тоже села.

— В феврале прошлого года, когда приезжал к тебе в Солт-Лейк, — продолжал Хамфри, — я сделал крюк. Слетал в Техас. Точнее, в Дель-Рио. Аэропорта там не было. Меня повезли из Остина на машине, на «скорой помощи», и повез меня специалист по наскальной живописи. Он, кстати, никогда не вспомнит, что делал в тот день.

Как всегда при столь небрежном упоминании о стирании памяти (Хамфри уничтожает день чьей-то жизни, чтобы удовлетворить собственное любопытство), Пэм поморщилась, но постаралась подавить непроизвольную реакцию.

— Ты приемопередатчик брал?

Хамфри изогнулся — так хефны пожимают плечами.

— Какой смысл? Мы открыли бы окно в прошлое, увидели бы, как шаман рисует на стене пещеры «стрелоголовую фигуру». И что бы нам это дало? Если бы он рассказывал истории и сказки об этих фигурах, мы бы все равно не поняли его слов. Как ты заметила, эти фигуры могут быть кем угодно. Но они, — с жаром закончил Хамфри, — не кто угодно!

— Прежде чем скажу еще хоть слово, — заявила Пэм, — я хочу знать, останется ли в моей памяти этот разговор?

На физиономии хефна отразилось изумление.

— Как ты можешь о таком спрашивать?

Пэм вспомнила о незадачливом специалисте по наскальной живописи из Остина.

— Могу. А вот ты хоть понимаешь, что мне показываешь! Плоские глаза Хамфри обратились к Пэм.

— Выходит, ты ничего не поняла, милая? Теперь все изменилось. Пэм воззрилась на него недоуменно.

— Почему изменилось?

— Потому что хефны не видят во сне будущего, — объяснил Хамфри. — Хефны вообще снов не знают! Используя точно откалиброван-ные устройства и наши умственные способности, мы заглядываем в прошлое. Но ты, Пэм Пруитт, дитя из нашего собственного детства, безо всякого оборудования увидела событие до того, как оно произошло. Как шаманы древности, ты заглянула в будущее.

— Ну не так уж далеко, — беспомощно запротестовала Пэм. — На несколько часов, может, на полдня.

Хамфри нажал еще клавишу, и на экран вернулось изображение стрелоголового.

— Эти люди видели на три тысячелетия вперед. Ты — Подмастерье темпоральной физики, математик, тебе известны нелинейные уравнения и поведение иррациональных чисел. Ты понимаешь, как хаос сводит на нет любую попытку математически предсказать будущее. Но Время едино! Как шаманы древности, ты перепрыгнула предсказательные модели, ты видела то, что произойдет!

Хамфри лихорадочно стучал по клавишам, и на экране возникли теперь четыре фигуры в форме пуль, которые слетали со скалы, а за ними тянулись горизонтальной линией пять крупных, похожих на уток, птиц с распростертыми крыльями. Подпись гласила: «Птицы и антропоморфные фигуры поднимаются над зубчатым горизонтом в Рио-Гранде. Копия. Оригинал затоплен при строительстве водохранилища Амистад». Снова птицы-проводники, на сей раз утонувшие. Пэм поежилась от такого безумия, но, откровенно говоря, оно ее зачаровывало. Еще одна клавиша, еще одна картинка: «Округлый шаман поднимается в облаке птиц. Хало-шельтер на Делвис-ривер». Пэм охватила дрожь возбуждения, она сгорала от желания узнать больше.

— Все они в Техасе?

— Да. Множество наскальных рисунков и петроглифов ряда древних культур изображают птиц и шаманов, — сообщил Хамфри. — Птицы повсюду считаются символом полета души в мире духов. После моего визита в Техас я начал глубоко изучать шаманизм.

— Ух ты! — вырывалось у Пэм. — Заговорив о человеческой душе и мире духов, мы забираемся в область веры, которой у меня больше нет.

Впервые с тех пор, как Хамфри унюхал смородиновый пирог, он подмигнул.

— Похоже, личности незачем принимать веру, если вера решает принять личность. — Но говорил он совершенно

серьезно. — И ты, Пэм Пруитт, тоже должна глубоко изучать шаманизм. А также провидческое сновидение, что, по сути, одно и тоже. До прибытия хеф-нов этими проблемами вплотную занимались антропологи и невропатологи. Тебе многое предстоит узнать, тебя ждут целые библиотеки!

— Послушай, — остановила его Пэм. — Мне самой этого хочется. Но я не слишком бы надеялась… То есть не надо рассчитывать, что это как-то поможет решить проблему Родной Земли. Возможно, это лично мое.

— И тем не менее я буду надеяться, — с жаром сказал хефн. — Возможно, это наша последняя надежда. Возможно, единственная!

Мысли Пэм неслись вскачь.

— А что если я просто… — произнося эти слова, она поняла, как хорошо бы это было: — …на время исчезну? Уеду, чтобы начать учиться? Миссию в Солт-Лейк может взять на себя Джейми, он уже готов.

— В Кентукки поедешь? — спокойно спросил Хамфри.

— Сначала в Техас. Потом в Кентукки. — Ее собственный личный Сад, замечательно! — Хотелось бы, чтобы пока никто не знал. Версия такая: я ищу идеи для проекта «Родная Земля». Это ведь не слишком далеко от истины.

Хефн «кивнул».

— Хороший план. Думаю, ты права, говорить об этом рано. Если расскажешь, это разбавит силу внутри тебя.

Пэм тоже кивнула. Загадка ее собственных возможностей ждала своего исследования. И от ее решения во многом зависело будущее человечества и его инопланетных опекунов. Хамфри, по всей видимости, в это верит, и действительно, в его словах есть смысл. Два десятилетия экспедиций в прошлое не разрешили конфликта. Тогда почему бы не поискать решение в будущем, если три тысячи лет назад древние шаманы Пекос-ривер встречали во сне хефнов?

Потом она вдруг вспомнила.

— Ох! А как же Лекси? Я просила Джейми подготовить документы по опеке к моему возвращению в Солт-Лейк! Проклятье! Потребуется время, чтобы подыскать ей другой дом, если вообще такое возможно. Страстное желание спасти Лекси, узнать, где прячут ее похитители, по всей видимости, повлекло за собой трансформацию. Но сейчас Лекси ничего не грозит. Пэм нервно мерила шагами приемную, раз за разом проходя мимо монументальных фигур, решительно безразличных к ее проблеме.

— Это будет непросто, девочке нужна опора. Как же мне не хочется взваливать сейчас эти тяготы на плечи Джейми и

Клавдии! Может, кто-то еще из гайяистов, какая-нибудь молодая пара…

— Ас тобой поехать нельзя?

Хамфри и Пэм разом обернулись… Конечно, на пороге палаты в трусах и футболке стояла Лекси. Вот черт!

— Давно ты подслушиваешь? — вырвалось у Пэм.

— Я не собиралась подслушивать! Я просто проснулась и услышала ваши голоса, и у меня рука разболелась, а потом ты сказала… — пискнула девочка, стараясь не расплакаться. — Сказала что-то про картинку с хефном, поэтому я встала, и как раз собиралась выйти, а потом ты сказала…

По ее щекам сползли две слезинки. Подбежав к ней, Пэм обняла девочку, стараясь не задеть больную руку.

— Ах, милая, прости, пожалуйста. Ты не подслушивала, не следовало мне так говорить, это наша вина, что мы тебя разбудили.

Девочка прижалась к ней и теперь без утайки плакала, не сдерживая слез. Внутренне Пэм тоже обмякла. Пузырь радужных планов словно проткнули булавкой, но и это было не самое худшее. Оказывается, веской причины достаточно, чтобы предать беззащитное существо.

— Не плачь, маленькая Лекси, — сказал Хамфри и, обращаясь к Пэм, тише добавил: — Может, мне извлечь это воспоминание?

Пэм покачала головой, но Лекси глухо, так как плакала в серо-зеленую форменную рубашку Пэм, пробубнила:

— А если перестану, можно мне поехать в Техас?

— В любом случае можно, — отозвалась Пэм. — Или вместе, или никак. Отныне, что бы ни случилось, мы не расстанемся. Обещаю.

Перевела с английского Анна КОМАРИНЕЦ

© Judith Moffett. The Bird Shaman's Girl. 2007. Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

Тед Чан
КУПЕЦ И ВОЛШЕБНЫЕ ВРАТА

Омогущественный халиф, светило веры и предводитель уповающих на Всевышнего! Призвав меня пред очи свои, ты удостоил ничтожнейшего из людей великой чести, на какую не смеет надеяться простой смертный. История, которую я готов повергнуть к стопам твоего внимания, может показаться тебе воистину удивительной и странной, но она вполне заслуживает того, чтобы быть записанной на роговице человеческого глаза, ибо содержит в себе назидание для тех, кто хочет быть предупрежден, и урок для тех, кто хочет чему-нибудь научиться.

Мое имя, о халиф, Фувад ибн-Аббас, и я родился здесь, в Багдаде, который еще иногда именуют Городом Мира. Мой покойный отец — а его еще многие помнят в Багдаде — торговал зерном, но сам я большую часть жизни занимался тканями, поставляя знатнейшим горожанам дамасские шелка, лучшее египетское полотно и расшитые золотом платки из Марокко. Мое дело процветало, но дух мой был смущен, и утешить меня могла

не роскошь, но милостыня, которую я щедро подавал нуждающимся. Ныне, о повелитель, я стою перед тобой без единого дирхема в кармане, но на сердце у меня царит покой.

Аллах — начало всего, но с твоего милостивого позволения, о владыка, начну мой рассказ с того дня, когда я отправился в квартал кузнецов и ювелиров, ибо мне нужно было выбрать подарок для весьма почтенного купца, с которым я вел дела, а знающие люди сказали, что этому человеку мог бы понравиться большой серебряный поднос. Побродив по городскому базару некоторое время, я вдруг заметил в одной из лавок новое лицо. Лавка была довольно большой и находилась на самом выгодном месте, в центре базарной площади. Чтобы занять ее, новому владельцу пришлось, наверное, заплатить немало золота, поэтому я решил зайти сюда, чтобы поглядеть на выставленный товар.

Мне приходилось много путешествовать, о владыка, но еще никогда и нигде я не встречал вещей столь удивительных и редких! У самого входа я увидел астролябию[5] с семью инкрустированными серебром дисками, большие водяные часы, которые били каждый час, а также искусно сделанного из меди соловья, который принимался издавать трели при малейшем дуновении ветерка. В глубине лавки стояли предметы и механизмы еще более диковинные, и я рассматривал их с изумлением ребенка, впервые увидевшего уличного жонглера или шпагоглотателя, когда из неприметной дверцы в дальней стене вышел какой-то старик.

— Добро пожаловать, господин, — приветствовал он меня. — Мое имя Башарат. Чем я могу служить тебе?

— У тебя в лавке выставлены товары, — отвечал я, — каких мне еще не приходилось видеть, а ведь я веду дела с купцами из самых отдаленных уголков мира. Позволь мне спросить, откуда ты взял столь удивительные вещицы?

— Благодарю тебя за твои слова, о господин, — сказал Башарат, — но все, что ты видишь перед собой, сделали в моей мастерской либо я сам, либо мои подмастерья, которыми я руководил.

То, что этот человек отличается столь разнообразными познаниями, изрядно удивило меня. Я долго расспрашивал его то об одном, то о другом механизме или приспособлении и поражался его подробным ответам, из которых следовало, что владелец лавки весьма сведущ в астрологии, геомантии, алгебре, медицине и других науках. Мы беседовали больше часа, и мое уважение и восхищение расцветало, точно роза, согретая утренними лучами солнца, пока Башарат не упомянул о своих алхимических опытах.

— Так ты осведомлен и в этой области? — спросил я, боюсь, с некоторым недоверием в голосе, ибо я никогда не считал алхимию настоящей наукой, да и человек этот вовсе не напоминал мошенника. — Означают ли твои слова, что ты умеешь превращать железо в золото?

— Умею, мой господин, однако большинство людей ожидает от алхимии вовсе не этого.

— Чего же они ожидают?

— Людям нужно золото, которое было бы дешевле, чем металл, добываемый из земли. Алхимикам известно несколько способов получения золота, но все они столь трудоемки и дороги, что по сравнению с ними добыча золотоносной породы в глубоких шахтах под горами кажется таким же легким делом, как сбор персиков с молодых деревьев.

Я невольно улыбнулся его словам.

— Ты, бесспорно, человек ученый, однако я твердо знаю, что полагаться на алхимию могут только глупцы.

Башарат пристально взглянул на меня. Несколько секунд он, казалось, размышлял о чем-то, потом сказал:

— Совсем недавно, господин мой, я построил одну машину, которая, возможно, заставит тебя изменить свое мнение. Не желаешь ли взглянуть на нее? Ты будешь первым, кому я ее показываю.

— Для меня это большая честь, — ответил я совершенно искренне, ибо был бесконечно заинтригован его словами.

— Тогда благоволи следовать за мной, — молвил Башарат и провел меня сквозь дверь в задней стене лавки. За дверью помещалась мастерская, наполненная инструментами и предметами, о предназначении которых я мог только гадать. Например, здесь были слитки железа, обмотанные таким количеством тонкой медной проволоки, что если ее размотать, она протянулась бы до самого горизонта, а также какие-то странные зеркала, установленные на круглых гранитных плитах, похожих на мельничные жернова и плававших в больших чанах, наполненных ртутью. Но Башарат прошел мимо, не удостоив эти чудеса даже взгляда.

Наконец он подвел меня к массивному каменному блоку размером с большой сундук, на котором, как на пьедестале, стояло в вертикальном положении кольцо из толстого металла. Ширина кольца достигала почти сажени, а его обод казался таким тяжелым, что поднять его не смог бы и самый сильный мужчина. Металл обода был черным, как ночное небо, однако его так искусно отполировали, что будь он другого цвета, то смог бы заменить зеркало.

У пьедестала Башарат поставил меня лицом к ребру кольца, а сам встал справа от него.

— Смотри внимательно, господин, — сказал он.

С этими словами Башарат просунул руку в кольцо. Я, разумеется, ожидал, что она появится с противоположной стороны, но ничего не увидел. Казалось, будто кто-то отрубил руку Башарата по самый локоть. Между тем никакой крови не было. Пока я смотрел, Башарат помахал обрубком руки вверх и вниз и снова вытащил ее из кольца. Поразительно, но его рука оказалась совершенно целой!

Признаться, я не ожидал, что столь ученый человек вздумает развлекать меня обычными балаганными трюками, однако фокус был проделан столь безупречно, что я не удержался и захлопал в ладоши.

— Это еще не все, господин мой, — ответил Башарат, отступая на пару шагов от сооружения. — Подожди немного.

Я ждал, и вот какое-то время спустя в воздухе слева от кольца возникла рука. Одна рука от кисти до локтя — и больше ничего! На ней болтался просторный рукав халата, узор и цвет которого в точности соответствовали узору и цвету халата Башарата. Рука несколько раз поднялась и опустилась, потом втянулась в кольцо и исчезла.

Продолжение трюка произвело на меня куда более сильное впечатление, так как гранитный постамент и обод кольца выглядели недостаточно большими, чтобы внутри мог скрываться человек.

— Превосходно! — воскликнул я совершенно искренне. — Браво!

— Прошу прощения, господин, но это вовсе не фокус, как ты, вероятно, подумал. Дело в том, что пространство с правой стороны обруча опережает все, что находится слева от него, на несколько секунд. Просовывая руку сквозь кольцо, я преодолеваю этот временной интервал буквально в мгновение ока.

— Не понимаю, — признался я честно.

— Позволь мне показать тебе еще раз, — сказал Башарат и снова просунул руку в кольцо. И снова, как в прошлый раз, его рука исчезла. Башарат улыбнулся, сделал рукой движение, как будто что-то тащил, и, вынув ее из кольца, повернулся ко мне. На его ладони лежал перстень, который я тотчас узнал.

— Это же мой перстень! — воскликнул я и машинально поднес к глазам руку, однако мой перстень по-прежнему поблескивал у меня на пальце. — Скажи, о ученый человек, как тебе удалось так быстро создать столь совершенную копию?

— Это вовсе не копия, а твой подлинный перстень, господин.

Терпение, и ты все увидишь сам!

И снова с левой стороны кольца появилась рука, которая столь напоминала руку Башарата. Желая узнать, в чем тут секрет, я быстро шагнул вперед и сжал эту руку в своей. Вопреки моим ожиданиям, это оказалась самая настоящая рука, такая же живая и теплая, как моя. Я потянул ее на себя, но рука дернулась в обратном направлении. В следующее мгновение она исчезла в пустом пространстве внутри обруча, а я почувствовал, что остался без перстня.

— Мой перстень пропал! — воскликнул я.

— Нет, господин, — ответил Башарат. — Вот он, возьми… — С этими словами он вручил мне перстень, который держал в руке. — Возьми его и прости меня за эту маленькую… демонстрацию.

Я снова надел перстень и некоторое время изумленно разглядывал его.

— Но как такое могло произойти? — промолвил я наконец. — Ведь этот перстень был у тебя до того, как он пропал с моей руки!

Тут я увидел, как из обруча снова показалась та же рука (я узнал ее по узору на рукаве халата), но на сей раз она высунулась из пустоты с правой стороны обода и тут же исчезла.

— Что это было?! — воскликнул я, придя в еще большее изумление, ибо не видел, чтобы Башарат пропускал руку через кольцо в третий раз.

— Вспомни, господин мой: все, что происходит с правой стороны, предшествует тому, что совершается слева, — напомнил Башарат и, встав с левой стороны от обруча, просунул в него руку. Как и в предыдущие разы, его рука исчезла, словно отрубленная.

Ты, о великий халиф, конечно же, понял, в чем было дело; до меня же суть происходящего дошла далеко не сразу. Только с третьего раза я сообразил: всякое действие, совершенное с правой стороны таинственного обруча, завершалось с его левой стороны, но не сразу, а несколько секунд спустя.

— Не колдовство ли это, о господин? — спросил я у Башарата.

— Нет, — ответил он, качая головой. — Я прожил немало лет и ни разу не видел ни одного джинна или ифрита, но даже если бы кто-нибудь из этих темных духов явился ко мне, я бы не доверил ему и самого легкого дела. Нет, о почтеннейший, это не колдовство, а всего лишь один из разделов алхимической науки.

И Башарат рассказал, как он выискивает в ткани мироздания узкие поры, похожие на ходы, которые протачивают в старом дереве черви, и как, найдя такой ход, он понемногу расширяет и

вытягивает его подобно тому, как искусный стеклодув, вращая кусок расплавленного стекла, превращает его в длинную трубку. Еще он добавил, что время, втекающее в такую трубку, подобно воде, на другом ее конце сгущается, словно сироп. Должен признаться, о великий халиф, что я совершенно не понял его объяснений и потому не могу судить, истинны они или нет. Единственное, на что я был способен, это твердить: «Ты создал что-то поистине удивительное, о мудрец!», ибо мое уважение к этому ученому безмерно возросло.

— Благодарю тебя за добрые слова, мой господин, — ответил Башарат, — но все это только прелюдия к тому, что я собирался тебе показать.

И он знаком предложил мне пройти в следующую комнату, которая помещалась за его алхимической лабораторией. Там я увидел еще один круглый обруч, сделанный из того же полированного металла, только еще больше и массивнее, чем первый.

— То, что ты видел в предыдущей комнате, я называю Вратами секунд, — промолвил Башарат, останавливаясь перед своим творением. — А теперь перед тобой Врата лет. Две стороны этих Врат отстоят друг от друга ровно на два десятилетия.

Скажу честно, я понял его не сразу. На мгновение я даже представил себе, как Башарат просовывает руку в свои Врата с правой стороны, а потом двадцать лет ждет, пока она покажется слева. Никакого смысла в этом фокусе — если это был фокус — я не видел. Так я и сказал, но Башарат только рассмеялся в ответ.

— Разумеется, это устройство можно использовать и для фокусов, — сказал он. — Но подумай, мой господин, что будет, если ты сам пройдешь сквозь эту дверь… — И, встав с правой стороны Врат, он жестом подозвал меня к себе, а потом указал на кольцо.

— Смотри, господин мой.

Я посмотрел сквозь кольцо на дальний угол комнаты и почти сразу заметил, что ковры и подушки в нем отличаются от тех, которые были здесь, когда я вошел. Шагнув в сторону, я увидел, что комната ничуть не изменилась. Снова заглянув в кольцо, я убедился, что комната имеет другой вид.

— Глядя сквозь Врата, господин мой, ты видишь комнату, какой она станет двадцать лет спустя, — пояснил Башарат.

Я несколько раз моргнул, как иногда непроизвольно начинает моргать человек, когда вдруг в самом сердце пустыни ему начинает мерещиться прохладная озерная гладь, но видение — если это было видение — не исчезло.

— И ты утверждаешь, мудрец, что я тоже могу пройти сквозь

твои Врата? — спросил я.

— Конечно, мой господин. Сделав один-единственный шаг, ты окажешься в Багдаде, каким он станет через два десятка лет. Ты даже сможешь разыскать в нем будущего себя, поговорить сам с собою и вернуться. Для этого достаточно пройти сквозь Врата в обратном направлении.

При этих его словах у меня закружилась голова, так что я даже пошатнулся.

— И ты проделывал это, о мудрец? — спросил я. — Ты побывал в будущем и вернулся?!

— Да, господин мой, — кивнул ученый. — И не только я, но и многие из тех, кто заходил ко мне в лавку взглянуть на мои товары.

— Как же так, — удивился я, — ведь совсем недавно ты сказал, что я первый человек, которому ты показываешь свое творение!

— Я имел в виду только эти Врата. Но много лет назад мне принадлежала лавка в Каире; там я построил свои первые Врата лет. Их я показывал многим, и все эти люди воспользовались ими.

— Это поразительно! — воскликнул я. — Скажи же мне, о мудрейший, что принесли этим людям разговоры со своими двойниками из столь отдаленного будущего?

— Каждый узнаёт что-нибудь свое, — сказал Башарат. — Если хочешь, господин мой, я могу рассказать тебе историю одного такого человека.

И если будет угодно могущественному халифу, я готов поведать ее в таком виде, в каком она мне запомнилась.

ПОВЕСТЬ О СЧАСТЛИВОМ КАНАТЧИКЕ

Жил на свете молодой мастер-канатчик по имени Хасан, который прошел сквозь Врата лет, потому что хотел увидеть Каир, каким он станет через двадцать лет. Очутившись в будущем, он был поражен тем, как вырос и изменился его родной город. Хасану даже казалось, что он каким-то чудом оказался в сказке, вытканной искусным мастером на дорогом персидском ковре, и хотя вокруг него был самый что ни на есть Каир со всеми его достоинствами и недостатками, все вокруг казалось ему необыкновенным.

И вот Хасан забрел к воротам Зувайла, где выступают шпагоглотатели и заклинатели змей. Там его неожиданно окликнул какой-то предсказатель.

— Эй, парень, — сказал он, — хочешь, я открою тебе будущее?

— Я его уже знаю, — рассмеялся Хасан в ответ.

— Но тебе, наверное, любопытно, станешь ты богатым или нет?

— Мое ремесло — плетение канатов и веревок, — отвечал Хасан. — Вряд ли оно способно принести мне богатство.

— Почему ты так уверен в этом? — возразил предсказатель. — Разве ты не слышал о прославленном купце Хасане аль-Хуббале, который в юности тоже был простым канатчиком?

Заинтересовавшись, Хасан стал расспрашивать рыночных торговцев о своем прославленном тезке и вскоре выяснил, что о нем и его богатстве действительно знают буквально все. Ему даже сказали, что Хасан аль-Хуббаль живет в самом дорогом квартале Хабба-ния. Хасан тотчас отправился туда, и там ему указали дом купца, который оказался самым большим на улице и больше походил на дворец.

Сначала Хасан немного оробел, но потом постучался в калитку, и слуга в шелковом тюрбане провел его в просторный, устланный коврами дворик, в центре которого бил небольшой фонтан. Ожидая, пока слуга доложит о нем своему господину, Хасан разглядывал окружавшие его мрамор и слоновую кость и все больше убеждался, что здесь не место скромному канатчику. Он уже собирался потихоньку уйти, когда дверь во внутренние покои отворилась, и во дворике появился какой-то человек, в котором Хасан — отдадим должное его сообразительности — почти сразу узнал себя, постаревшего на два десятилетия.

— Наконец-то ты явился! — воскликнул Хасан аль-Хуббаль. — Я давно тебя поджидаю!

— Ты ждешь меня? — удивился молодой Хасан.

— Конечно! Ведь я побывал у будущего себя точно так же, как ты сейчас пришел ко мне. Это было так давно, что я забыл точную дату, поэтому и не знал, когда ты появишься. Садись же, о Хасан, отобедай со мной!

И оба отправились в обеденный зал. Там они уселись на шелковых подушках, и слуги подавали им золотистый плов, фаршированных оливками нежных цыплят, лепешки с медом и шашлык из мяса ягненка, вымоченного в соке граната. За обедом старший Хасан рассказал гостю кое-что о своей жизни, о своих коммерческих операциях и деловых интересах, но ни словом не обмолвился о том, как он стал купцом. Упомянул он и о том, что женат, но добавил, что сейчас молодому Хасану неблагоразумно встречаться со своей будущей супругой. Вместо этого Хасан аль-Хуббаль попросил юношу рассказать кое о каких проделках и шалостях, совершенных им в детстве, и долго смеялся над

несколькими случаями, которые время успело изгладить из его памяти.

Наконец молодой Хасан спросил аль-Хуббаля, как удалось ему изменить свою жизнь и разбогатеть.

— Сейчас я могу сказать тебе только одно: когда отправишься на базар покупать пеньку, никогда не ходи по южной стороне улицы Черных Собак, как ты обычно делаешь. Ходи по ее северной стороне.

— И это поможет мне разбогатеть? — недоверчиво спросил юный Хасан.

— Просто сделай, как я сказал. А сейчас возвращайся-ка обратно: тебя ждет работа. Мы еще встретимся; о дне второго визита ко мне ты узнаешь в свое время.

С тем юный Хасан и вернулся назад. Поразмыслив, он решил послушаться совета Хасана аль-Хуббаля и всегда ходил по северной стороне улицы Черных Собак, даже если на ней не было тени. Всего несколько дней спустя, когда он проходил по этой улице, по южной ее стороне промчалась во весь опор взбесившаяся лошадь. Она лягнула нескольких прохожих, изувечила одного мужчину, опрокинув на него тяжелый каменный кувшин с пальмовым маслом, а другого затоптала копытами. После того как лошадь умчалась и суматоха немного улеглась, Хасан помолился Аллаху об исцелении искалеченного и о вселении в обитель праведных души убитого, а потом возблагодарил Бога за то, что избавил его от смерти.

На следующий день Хасан снова прошел сквозь Врата лет и разыскал Хасана аль-Хуббаля.

— Почему ты дал мне такой совет? — спросил юноша. — Разве тебя искалечила взбесившаяся лошадь, когда ты проходил улицей Черных Собак?

— Нет, — был ответ, — потому что я последовал совету более позднего Хасана. Не забывай: ты и я — одно, и все, что случилось с тобой, когда-то выпало и мне.

И старший Хасан стал давать юноше другие указания, а тот неукоснительно их исполнял. Он перестал брать яйца в ближайшей лавке и счастливо избежал тяжкой болезни, поразившей других покупателей, когда к торговцу случайно попала подпорченная партия. В другой раз Хасан приобрел дополнительный запас пеньки и продолжал работать, когда прочие канатчики остались без материала из-за задержавшегося в пути каравана. Советы аль-Хуббаля помогли ему избежать и многих других неприятностей, однако юноша часто спрашивал себя, почему более поздний Хасан не открывает ему всей картины. На ком он женится? Как он разбогатеет, и когда это

наконец произойдет?

Как-то раз, выгодно продав на базаре большую партию готовых канатов, юный Хасан возвращался домой с довольно тяжелым кошельком на поясе, что случалось с ним весьма редко. На одной из городских улиц на него как бы случайно налетел какой-то мальчишка, и почти сразу Хасан почувствовал, что кошелек с его пояса исчез. Обернувшись с гневным воплем, он приготовился схватить воришку, но мальчуган бросился в толпу, да так проворно, что Хасан успел заметить только порванный рукав его рубашки. В следующий миг он затерялся среди людей и исчез.

На мгновение Хасан остолбенел. Он никак не мог понять, почему Хасан аль-Хуббаль не предупредил его об этом случае, однако в конце концов гнев победил удивление, и он отправился на поиски маленького мерзавца. С полчаса он рыскал по близлежащим улицам и площадям, разглядывая рукава у всех мальчишек, встречавшихся ему по дороге, и наконец случайно заметил воришку, который притаился под повозкой с фруктами. Схватив его за шиворот, Хасан крикнул собравшимся вокруг людям, что он поймал вора и просит кого-нибудь поскорее позвать стражу. Мальчишка, испугавшись тюрьмы, сразу же бросил украденный кошелек и заплакал. Хасан долго смотрел на него, но потом ему стало жаль мальчугана, да и гнев его успел остыть. Выпустив вора, он подобрал кошелек с деньгами и быстро зашагал прочь.

Когда в следующий раз юноша оказался в доме старшего Хасана, он спросил:

— Почему ты не предупредил меня о воре?

— А разве ты не получил от этого случая никакого удовлетворения? — в свою очередь, спросил Хасан аль-Хуббаль.

Хасан уже собирался сказать «нет», но неожиданно задумался.

— Пожалуй, получил, — признался он.

В самом деле, когда юноша преследовал вора, он не знал, чем кончится погоня, и ощутил такое волнение и кипение в крови, каких не испытывал уже давно. Когда же пойманный мальчишка расплакался, Хасан невольно вспомнил, что пророк Мухаммед учил своих последователей быть милосердными. Поддавшись душевному порыву, он отпустил вора и сразу почувствовал себя почти праведником.

— Стоило ли лишать тебя этих мгновений? — спросил Хасан аль-Хуббаль, внимательно наблюдавший за юношей.

Хасан, который только сейчас начал постигать ценность традиций, многие из которых казались ему прежде

бессмысленными, понял, что молчание часто бывает драгоценнее слов.

— Нет, — сказал он твердо. — Я рад, что ты меня не предупредил. И старший Хасан увидел, что юноша его понял.

— А теперь я расскажу тебе нечто по-настоящему важное, — сказал ему тогда Хасан аль-Хуббаль. — Когда ты вернешься домой, тебе нужно будет нанять лошадь и отправиться к месту, которое я укажу. В предгорьях холмов к западу от города ты должен отыскать небольшую рощу, а в ней — дерево, в которое ударила молния. У подножья дерева найди самый большой камень, какой сможешь перевернуть, и копай под ним.

— Что я там увижу? — спросил Хасан.

— Узнаешь, когда найдешь, — был ответ.

С тем Хасан и вернулся в Каир. На следующий день он отправился к холмам, как ему было указано, и бродил в роще, покуда не наткнулся на расщепленное молнией дерево. Землю под ним сплошь усеивали большие камни, и Хасан перевернул сначала один, потом другой. Только когда он копал под третьим, его лопата неожиданно обо что-то ударилась. Торопясь, Хасан сгреб в сторону землю и увидел бронзовый сундук, битком набитый сокровищами. Ничего подобного Хасан никогда в жизни не видел. Навьючив сундук на коня, он повез его назад в город.

Когда юноша в очередной раз встретился с Хасаном аль-Хубба-лем, он спросил:

— Как ты узнал, где зарыт клад?

— Как и ты, я узнал это от самого себя, — сказал старший Хасан. — Объяснить, откуда мы узнали, где именно спрятано золото, я не в силах. Очевидно, такова была воля Аллаха, а разве не она лежит в основе всего?

— Клянусь, — торжественно пообещал юный Хасан, — что разумно распоряжусь богатством, которым благословил меня Аллах.

— А я, в свою очередь, намерен и дальше следовать этой клятве, — молвил Хасан аль-Хуббаль. — С тобой мы больше не встретимся. Отныне ты будешь жить своим умом, и да поможет тебе Всевышний.

Так Хасан вернулся домой в последний раз. Теперь, когда у него было много золота, он мог покупать больше пеньки и нанимать рабочих, которым платил по справедливости, а готовые канаты и веревки всегда продавал с прибылью. Несколько лет спустя Хасан женился на красивой и умной женщине, которая посоветовала ему поместить капитал в торговлю. Так он и поступил и вскоре стал богатым и известным купцом Хасаном аль-Хуббалем. До конца своих дней он жил честно и праведно,

щедро подавая нищим и жертвуя деньги мечетям и медресе, и был счастлив, пока не забрала его смерть, разрушающая союзы и кладущая конец делам земным.

— Это поистине удивительная история, — сказал я Башарату, когда тот закончил. — И великий соблазн для каждого, кто еще не решил, стоит ли ему воспользоваться Вратами лет, — добавил я с легким упреком, ибо подобные выдумки всегда были в большом ходу у рыночных торговцев, расхваливающих свой товар.

— Ты мудр, мой господин, — с поклоном ответил Башарат. — Но напрасно подозреваешь меня во лжи. Аллах кого хочет — вознаграждает, кого хочет — наказывает, и никакие Врата не в силах изменить того, что предначертано человеку свыше.

Я кивнул, ибо в те минуты мне казалось, что я понял его слова.

— Ты имеешь в виду, — сказал я, — что если с помощью твоих Врат какой-то человек сумеет избежать бед, которые пережил его более поздний двойник, то на него могут обрушиться другие несчастья?

— Прости меня, мой господин, если я плохо выразил свою мысль, — возразил Башарат. — Но тот, кто пользуется Вратами, вовсе не выбирает свою судьбу, которая может оказаться такой, а может — и несколько иной. Нет, Врата лет — это нечто вроде потайного хода, по которому ты можешь попасть во дворец скорее, чем если бы шел через главные ворота. Дворец останется неизменным вне зависимости от того, каким путем — длинным или коротким — ты туда добрался.

Признаюсь, эти слова удивили меня.

— Значит, будущее предопределено? — спросил я. — И оно так же неизменно, как и прошлое?

— Говорят, искупление и покаяние — единственное, что способно перечеркнуть прошлое.

— Я тоже слышал об этом, однако не имел возможности убедиться в истинности сего высказывания.

— Весьма прискорбно, мой господин. Как бы там ни было, я могу сказать только одно: будущее не меняется, что бы мы ни предпринимали.

Я ненадолго задумался.

— Ты хочешь сказать, мудрец, — проговорил я, — что если кто-то узнает о своей кончине, то никак не сможет ее избежать?

Башарат утвердительно кивнул.

Все это повергло меня в недоумение, и я некоторое время молчал. Потом я подумал, не может ли подобная

предопределенность служить чем-то вроде двадцатилетней гарантии безопасности.

— Предположим, — сказал я, — с помощью твоих Врат человек узнал, что двадцать лет спустя он будет жив и здоров. Означает ли это, что в продолжении указанного срока никто и ничто не сможет ему повредить? Может ли такой человек быть уверен, что с ним ничего не случится, даже если он будет участвовать в самых страшных битвах или подвергать свою жизнь иным опасностям?

— Я не задумывался об этом, — ответил Башарат. — Но вполне вероятно, что человек, который намерен поступить столь безрассудно, при первом же посещении будущего узнает о своей давней кончине.

— Ага, — воскликнул я, — значит, встретить себя самого в будущем могут только самые благоразумные?

— Позволь мне, господин мой, поведать тебе историю еще об одном человеке, воспользовавшемся Вратами лет, и тогда ты решишь, был он благоразумен или нет, — сказал мне на это Башарат.

И если Твоему Величеству будет угодно, я расскажу о том, что узнал от сего ученого мужа.

ПОВЕСТЬ О ТКАЧЕ, КОТОРЫЙ ОБОКРАЛ САМОГО СЕБЯ

Жил в Каире молодой ткач по имени Аджиб. Был он небогат, но ему очень хотелось узнать, каково это — жить в роскоши и довольстве. Услышав историю Хасана-канатчика, он без колебаний прошел сквозь Врата лет, чтобы разыскать в будущем самого себя, ибо юноша был уверен, что через двадцать лет он станет таким же богатым и щедрым, как Хасан аль-Хуббаль.

Очутившись в будущем, юноша прямиком отправился в богатый каирский квартал Хаббания, расспрашивая встречных о том, где живет знаменитый купец Аджиб ибн-Тахир. А на случай, если кто-то обратит внимание на его сходство с богачом, Аджиб приготовился соврать, будто он его сын, недавно приехавший из Дамаска. Увы, ему так и не пришлось прибегнуть к этой выдумке, ибо никто из тех, кого он расспрашивал, ничего не слышал об Аджибе ибн-Тахире.

В конце концов юноша решил отправиться в тот район Каира, где жил всегда, и узнать у соседей, куда он переехал, после того как разбогател. Очутившись на своей улице, он остановил какого-то мальчугана и спросил, не знает ли тот, где можно найти человека по имени Аджиб. И мальчишка сразу указал Аджибу на его прежний дом.

— Здесь он жил раньше, — сказал Аджиб уверенно. — А мне нужно знать, где он живет сейчас.

— Если со вчерашнего вечера он успел куда-то переехать, в таком случае я не знаю, где его искать, — ответил мальчик и убежал.

Аджиб был озадачен. Неужели, спрашивал себя юноша, он и через двадцать лет будет жить все в той же развалюхе из необожженного кирпича? Но ведь это значит, что он так никогда и не разбогатеет и что более поздний Аджиб не даст ему никакого дельного совета, последовав которому, он сможет улучшить свою жизнь! Ну почему, почему его судьба так сильно отличается от судьбы счастливого канатчика?! И в надежде, что мальчишка ошибся или неудачно пошутил, Аджиб решил подождать у дома.

Вскоре юноша увидел, как из дверей выходит какой-то мужчина, и с упавшим сердцем узнал в нем самого себя. За мужчиной следовала женщина, очевидно, его жена, но Аджиб не обратил на нее внимания — до того потрясен он был гибелью всех своих надежд. С отвращением и глубоким разочарованием разглядывал он простую одежду супругов, пока те не исчезли из вида за поворотом улицы.

Тогда, снедаемый любопытством того рода, которое заставляет людей смотреть на отрубленные головы казненных преступников, Аджиб решился на рискованный поступок. Убедившись, что за ним никто не следит, он подошел к дверям своего дома. Ключ, который лежал у него в кармане, по-прежнему подходил к замку, и Аджиб без труда проник внутрь. Обстановка в комнатах, конечно, изменилась, но была она ветхой и дешевой. При виде ее Аджиб помертвел. Неужели и через двадцать лет он не сможет позволить себе ничего лучшего, чем эти протертые, полинявшие подушки?

В отчаянии Аджиб бросился к деревянному сундучку, где когда-то хранил свои скромные сбережения, открыл крышку и обомлел. Сундучок оказался доверху наполнен золотыми монетами.

Аджиб испытал настоящее потрясение. Он никак не мог понять, почему его поздний двойник, имея полный сундук золота, носит простую одежду и двадцать лет живет все в том же старом домишке? Каким же скупым, безрадостным и угрюмым человеком надо быть, чтобы обладать таким богатством и не пользоваться им! Сам Аджиб давно усвоил: богатство нельзя взять с собой в могилу. Ему казалось странным, что с возрастом он мог забыть столь очевидную истину!

В конце концов юноша решил, что богатство должно принадлежать человеку, который способен оценить его по

достоинству, то есть ему самому. Кроме того, Аджибу казалось, что он не совершит дурного поступка, если заберет золото — нельзя же, в самом деле, обокрасть самого себя! Подумав так, он без дальнейших колебаний взвалил сундучок на плечо, и, хотя тот был очень тяжел, сумел протащить его через Врата лет в обратном направлении.

Оказавшись в знакомом ему Каире, Аджиб отдал половину но-вообретенного богатства ростовщикам, а половину оставил себе. С тех пор он никогда не выходил из дома без кошелька, набитого золотыми монетами. Теперь он одевался в халат из дамасского атласа, кордовские туфли из мягкой козлиной кожи, а на голове носил тюрбан, украшенный драгоценным камнем. Сняв большой дом в хорошем квартале, он устлал его лучшими коврами и мягкими подушками и нанял искусного повара, который готовил ему самые изысканные кушанья. Немного освоившись со своим новым положением богатого человека, Аджиб задумал жениться и разыскал брата девушки, которой прежде позволял себе любоваться лишь издалека. Звали красавицу Таахира. Ее брат был цирюльником, и Та-ахира помогала ему составлять целебные снадобья и притирания для больных. Будучи бедняком, Аджиб несколько раз заходил в цирюльню якобы для того, чтобы купить лекарство от зубной боли, но на самом деле ему хотелось просто поболтать с Таахирой. Однажды ее чадра чуть приподнялась, и Аджиб увидел, что глаза у девушки большие и черные, как у газели. В прежние времена брат Та-ахиры, конечно, не согласился бы, чтобы его сестра вышла за простого ткача, но теперь положение изменилось, и Аджиб стал для нее завидным женихом.

Вскоре брат дал свое согласие, да и Таахира была не против, ибо Аджиб давно ей нравился. Свадьбу отпраздновали на широкую ногу. Аджиб не пожалел денег и арендовал одну из прогулочных барж, которые бороздили канал к югу от города. Пир с музыкантами и танцовщицами длился несколько дней, а Таахире Аджиб преподнес в качестве свадебного подарка ожерелье из великолепных жемчужин. Еще долго о свадьбе ткача судил и рядил весь квартал.

Юноша вовсю наслаждался своим богатством и обществом молодой жены, и в течение недели или двух они с Таахирой жили, ни в чем себе не отказывая. Но однажды, вернувшись домой, Аджиб увидел, что двери взломаны, а все серебряные и золотые безделушки, украшавшие комнаты, исчезли. Повар, напуганный грабителями, спрятался в сундуке. Услышав, что вернулся хозяин, он выбрался из своего убежища и рассказал Аджибу о разбойниках, напавших на дом и похитивших Таахиру.

В тот день Аджиб долго молился Аллаху, пока, измученный неизвестностью, не уснул. На следующее утро его разбудил стук в дверь. На пороге стоял незнакомый мужчина.

— Я должен кое-что передать тебе, господин, — начал он.

— Что же именно? — спросил Аджиб.

— Твоя жена цела и невредима.

Услышав эти слова, Аджиб почувствовал, как страх и ярость поднимаются в нем подобно черной желчи.

— Какой выкуп вы за нее хотите? — спросил он, едва сдерживая себя.

— Десять тысяч динаров, — был ответ.

— Но это больше, чем у меня есть! — в отчаянии воскликнул юноша.

— Не торгуйся со мной, — ответствовал грабитель. — Я сам видел, как ты швыряешь золото направо и налево.

Несчастный ткач упал на колени.

— Я вел себя расточительно и безрассудно! — вскричал он. — Клянусь именем пророка, у меня нет столько денег!

Грабитель пристально посмотрел на него.

— Собери все деньги, какие сможешь, — сказал он. — Завтра в этот же час я приду за ними. Если ты что-то утаишь, твоя жена умрет. Но если будешь вести себя честно, мои люди вернут тебе Таахиру.

И Аджиб понял: у него нет другого выхода.

— Хорошо, — сказал он, и грабитель ушел.

В тот же день Аджиб отправился к ростовщикам и забрал у них все деньги, которые когда-то дал им в рост. На следующее утро грабитель, как и обещал, явился за ними. В глазах юноши он увидел неподдельное отчаяние, и хотя даже с процентами сумма была намного меньше десяти тысяч динаров, он не сомневался: больше у Аджиба ничего нет. Свое слово грабитель сдержал, и в тот же день вечером Таахира вернулась к мужу.

Увидев друг друга, они крепко обнялись, потом Таахира сказала:

— Признаться, я не верила, что ты согласишься заплатить за меня столь большую сумму.

— Без тебя деньги были бы мне не в радость, — ответил Аджиб и с удивлением почувствовал, что сказал чистую правду. — Но теперь я сожалею, что не могу купить тебе все, чего ты заслуживаешь, — добавил он.

— Не нужно ничего мне покупать, я и так люблю тебя больше жизни, — промолвила Таахира.

Но Аджиб лишь низко опустил голову и сказал:

— Мне кажется, это Аллах наказывает меня за мои грехи.

— За какие грехи? — спросила Таахира, но юноша лишь еще сильнее поник головой и ничего не ответил.

— Я не спрашивала тебя раньше, — не отступала Таахира, — но я знаю: твое богатство досталось тебе не по наследству. Скажи, ведь ты украл эти деньги?

— Нет, — ответил Аджиб, которому было стыдно признаться в содеянном даже самому себе. — Я… мне их дали.

— Значит, ты взял их взаймы?

— Нет. То есть не совсем… В общем, мне их дали, но возвращать их не нужно.

— Как?! — воскликнула тогда Таахира. — Тебе дали деньги, а ты не собираешься их возвращать? Значит, тебя совсем не беспокоит, что нашу свадьбу оплатил какой-то другой человек? А выкуп, который ты дал моему брату? Он тоже из этих денег? — В глазах ее блеснули слезы. — Чья же я теперь жена? Твоя или того человека?

— Ты моя жена, — сказал Аджиб.

— Как это может быть, если даже самой своей жизнью я обязана деньгам неизвестного мужчины?!

— Нет! — с горячностью вскричал Аджиб. — Ты не должна сомневаться в моей любви. Я клянусь, что верну эти деньги — все, до последнего дирхема!

И вот супруги перебрались из роскошного дворца в прежний дом Аджиба и стали жить там, откладывая каждый грош. Сначала они оба работали в цирюльне у брата Таахиры, а когда тот стал поставщиком благовоний ко двору султана, его лавка досталась им. Теперь Аджиб и Таахира сами составляли лекарства и продавали страждущим. Аптекарское дело приносило хороший доход, но они старались тратить на собственные нужды как можно меньше, экономя не только на убранстве жилища, но и на еде. На протяжении нескольких лет Аджиб улыбался каждый раз, когда ему удавалось опустить в сундучок очередную монетку, и говорил, что это служит напоминанием о том, как дорога ему жена. А еще он добавлял, что не забудет об этом даже после того, как сундучок наполнится, и клятва, которую он когда-то дал Таахире, исполнится.

Но наполнить сундучок, добавляя в него по нескольку жалких монет, очень непросто. За годы бережливость превратилась в скупость, а умеренность — в жадность. А хуже всего было то, что с годами любовь Аджиба и Таахиры ослабела, ибо в глубине души каждый досадовал на другого из-за денег, которые они не могли потратить на себя.

Так проходили годы, Аджиб старел и все ждал дня, когда золото будет украдено у него во второй раз.

— Какая странная и грустная история, — сказал я Башарату.

— О да, мой господин, — согласился ученый. — Но скажи, как тебе кажется, благоразумно ли поступил Аджиб?

Я долго раздумывал.

— Не мне судить его, — промолвил я наконец. — Вероятно, он должен примириться с последствиями своего поступка точно так же, как я должен отвечать за последствия собственных решений. — Несколько секунд я молчал, потом добавил: — И все-таки меня восхищает, что Аджиб не постыдился открыть тебе все!

— Увы, он рассказал мне об этом в глубокой старости, — покачал головой Башарат. — После того как он вышел из Врат с сундучком на плече, я не видел его целых двадцать лет, и только недавно он снова явился ко мне. Это произошло после того, как, вернувшись домой, он обнаружил исчезновение драгоценного сундучка. Аджиб вернул долг и решил, что теперь он может рассказать мне обо всех своих злоключениях.

— Вот как? — удивился я. — А Хасан тоже рассказал тебе свою историю уже в зрелые годы?

— Вовсе нет, историю Хасана я узнал от его более раннего двойника. Богач Хасан аль-Хуббаль так и не навестил меня, зато у меня побывал другой гость, который знал об обоих Хасанах нечто такое, чего ни один из них не смог бы мне рассказать.

И Башарат поведал мне третью, самую удивительную историю, которую я готов повергнуть к твоим стопам, о халиф. Слушай же!

ПОВЕСТЬ О ЖЕНЕ И ЕЕ ЛЮБОВНИКЕ

Ранийя на протяжении многих лет была женой Хасана, и, надо сказать, их брак был очень счастливым. Но однажды женщина увидела, как ее супруг обедает с молодым человеком, поразительно похожим на него же в юности. Именно таким Ранийя помнила молодого Хасана. Изумление ее было столь велико, что она едва не вмешалась в разговор мужчин. Когда неизвестный ушел, Ранийя потребовала, чтобы муж признался ей, кто это был, и Хасан аль-Хуббаль рассказал ей невероятную, поразительную историю, больше всего напомнившую одну из сказок «Тысячи и одной ночи».

— А что ты рассказал ему обо мне? — спросила она, немного придя в себя. — Мне важно знать: когда ты меня встретил, ты уже знал, что ждет нас в будущем?!

— С той самой секунды, когда я впервые увидел тебя, я возмечтал жениться на тебе во что бы то ни стало, и ничто на

свете не смогло бы мне помешать, — с улыбкой ответил Хасан аль-Хуббаль. — И я сделал это вовсе не потому, что кто-то рассказал мне о моем будущем. Вот почему тебе лучше молчать. Ты же не хочешь испортить мне впечатление от нашей первой встречи, не так ли?

Ранийя послушалась мужа и пообещала ничего не рассказывать молодому Хасану. Это, впрочем, не помешало ей подслушать разговор мужа с гостем, когда он появился в их доме во второй раз. Прячась за занавеской, она украдкой бросила взгляд на молодого канатчика и вдруг почувствовала, что кровь в ее жилах закипела, как в молодости. Память часто подводит нас; вспоминая черты дорогих нам людей, мы порой идеализируем и приукрашиваем их, но лицо молодого Хасана было еще прекраснее, чем помнила Ранийя. Ночью она долго лежала без сна, вспоминая изящные, словно на персидской миниатюре, черты гостя, и к утру в голове созрел некий план.

Через несколько дней после очередного визита молодого Хасана муж Ранийи отправился по делам в Дамаск. Пока он отсутствовал, Ранийя разыскала на базаре лавку Башарата, о которой рассказал ей муж, и, пройдя сквозь Врата лет, вернулась в Каир своей молодости.

Она хорошо помнила, где жил тогда Хасан, и без труда нашла его скромный дом. День за днем Ранийя следила за юношей, вспоминая их первые ночи, и понемногу в ней разгоралось пламя грешного желания. Ранийя была преданной, верной женой и никогда не изменяла мужу, но, увы — с годами ее чувство к Хасану аль-Хуббалю потеряло свою остроту. Кроме того, сейчас ей выпала уникальная возможность, которая, как она твердо знала, не выпадала еще никогда и никому. Вернуться в молодость, снова ощутить всю сладость первых объятий своего мужа и возлюбленного — ради этого стоило рискнуть. И, поддавшись голосу собственного сердца, Ранийя сняла дом и потратила несколько дней, покупая для него подходящую обстановку.

Когда все было готово, она снова начала следить за Хасаном, тайно следуя за ним повсюду и пытаясь набраться храбрости, чтобы первой подойти к нему. В один из дней она увидела, как юноша забрел в ювелирную лавку и, показав мастеру ожерелье тонкой работы, украшенное к тому же десятью самоцветными камнями, спросил, сколько он за него даст. Ожерелье Ранийя узнала сразу — Хасан подарил ей такое же сразу после свадьбы. О том, что он пытался его продать, она не знала.

Стоя неподалеку, Ранийя притворилась, будто разглядывает какие-то кольца, а сама внимательно прислушивалась к разговору.

— Принеси его завтра, господин, я дам тебе за него тысячу динаров, — сказал ювелир.

Цена устроила молодого Хасана, и, бережно завернув ожерелье в тряпицу, он вышел из лавки. Ранийя проводила его взглядом и уже собиралась отправиться следом, как вдруг услышала рядом разговор двух мужчин.

— Видал это ожерелье? Оно из нашей добычи, — сказал один.

— Ты уверен? — спросил другой.

— Конечно. Должно быть, этот парень и выкопал наш клад.

— Давай расскажем обо всем главарю. Когда парень продаст ожерелье, мы отберем у него и деньги, и все остальные наши сокровища.

Мужчины вышли из лавки, не заметив Ранийю, которая стояла совершенно неподвижно, и только сердце ее билось часто-часто, как у затаившейся в траве лани, мимо которой только что прошел тигр. Она сразу поняла, что клад, который Хасан выкопал в холмах за городом, принадлежал банде разбойников и что эти двое тоже были из их числа. Очевидно, разбойники следили теперь за каирскими ювелирами, пытаясь найти вора.

Ранийя знала, что коль скоро ожерелье попало к ней, следовательно, Хасан его так и не продал. Ей также было очевидно, что разбойники не нашли и не убили ее мужа. И все же у нее не оставалось сомнений: Аллах желает, чтобы она тоже что-то предприняла, ведь не зря же Всевышний привел ее в эту лавку и дал возможность услышать разговор разбойников. Он желал, чтобы она послужила его орудием!

И Ранийя вернулась к Вратам лет. Пройдя сквозь них и оказавшись в своем собственном времени, она поспешила домой и отыскала в шкатулке то самое ожерелье. Затем она еще раз воспользовалась Вратами, но вступила в них не с правой, а с левой стороны, перенесясь в Каир, который отстоял от нее еще на двадцать лет. Там Ранийя встретилась с собой, постаревшей еще на два десятилетия, и попросила у себя самой еще одно ожерелье. И надо сказать, о халиф, что этим двум женщинам не нужно было долго объяснять друг другу, как помочь юному Хасану.

На следующий день двое грабителей снова появились в лавке каирского ювелира, но на сей раз с ними был еще один мужчина такого свирепого вида, что Ранийя сразу поняла: это главарь разбойничьей шайки. Все трое притворялись, будто рассматривают какие-то серебряные изделия, а сами внимательно наблюдали за тем, как Хасан достает из кармана драгоценное ожерелье и кладет на прилавок перед ювелиром.

И как только он это сделал, Ранийя быстро шагнула вперед и

воскликнула:

— Что за удивительное совпадение! Я как раз хотела продать точно такое же ожерелье! — И с этими словами она вынула из кошелька второе ожерелье и положила рядом с первым.

— Поразительно!.. — воскликнул мастер-ювелир. — За всю свою жизнь я еще никогда не видел двух украшений, которые были бы столь схожи между собой!

В этот момент в лавку вошла пожилая Ранийя.

— Что я вижу?! — проговорила она, бросив взгляд на прилавок. — Или мои глаза лгут мне? — С этими словами пожилая женщина достала третье ожерелье и положила рядом с первыми двумя.

— Продавец уверял меня, что мое ожерелье — единственное в своем роде! — с возмущением добавила старая Ранийя. — Теперь я вижу: он меня обманул!

— Среди торговцев встречаются удивительно бессовестные! — молвила молодая Ранийя. — Но теперь у вас есть свидетели, которые подтвердят, что подобное ожерелье вовсе не единственное на свете. Я уверена, госпожа, что вы сможете вернуть ожерелье и получить ваши деньги назад.

— Ну, не знаю, не знаю… — покачала головой старая женщина и повернулась к Хасану. — Сколько обещал тебе за него этот человек?

— Тысячу динаров, — растерянно ответил юноша.

— Вот как! Может быть, ты купишь за те же деньги и мое ожерелье, устод?[6]

— Я… я должен подумать, — пробормотал в замешательстве ювелир.

Пока юный Хасан и пожилая женщина торговались с оценщиком, молодая Ранийя отступила чуть в сторону, чтобы слышать разговор разбойников. Главарь полушепотом бранил своих сообщников на чем свет стоит.

— О, глупцы! — выговаривал он. — Теперь вы своими глазами видели, что это самые обыкновенные побрякушки. Из-за вас мы могли перерезать половину каирских ювелиров и в конце концов попасться в руки страже султана!

С этими словами он ударил по лбу сначала одного, потом другого разбойника и быстро вышел из лавки. Двое грабителей поспешили следом за главарем, а Ранийя снова вернулась к прилавку. Как она и ожидала, ювелир отказался покупать ожерелье Хасана за тысячу динаров. Он предлагал теперь вдвое меньшую сумму за оба украшения, и пожилая Ранийя с возмущением сказала:

— Нет, я не продам тебе это украшение за такие ничтожные

деньги. Попробую лучше вернуть его торговцу, который обманул меня, уверяя, будто другого такого ожерелья на всем свете нет. — И она быстро вышла из лавки, закрыв лицо чадрой, однако Ранийе показалось, что пожилая женщина улыбается.

— Похоже, никто из нас не продаст сегодня своего ожерелья, — промолвила молодая Ранийя, обращаясь к юноше.

— Бог даст, в другой день мне повезет больше, — грустно ответил Хасан.

— Я думаю, что за такую красоту все же можно выручить порядочную сумму, — сказала Ранийя. — Нам просто не повезло. Пожалуй, сегодня я больше не буду пытаться продать ожерелье. Лучше отнести его домой и попытать счастья в следующий раз. Не проводишь ли ты меня немного, о юноша, чтобы по дороге злые люди не напали на меня и не отняли это ожерелье?

— С радостью, о госпожа, — ответил Хасан и отправился с Раний-ей к снятому ею дому. У порога Ранийя пригласила юношу войти, предложила ему сладкого хорасанского вина, а после того, как они оба выпили по несколько бокалов, зазвала Хасана в свою опочивальню. Плотно зашторив окна, Ранийя погасила все светильники, так что в комнате стало темно, как ночью. Только после этого она сняла чадру и уложила Хасана на постель рядом с собой.

Этого момента Ранийя ждала с большим нетерпением, но ее постигло разочарование, ибо, вопреки ожиданиям, юноша оказался очень неловок и застенчив. Ранийя хорошо помнила их первую брачную ночь — тогда от каждого прикосновения Хасана у нее буквально захватывало дух, но сейчас перед ней был как будто совсем другой человек. Между тем до их первой встречи в той, другой, «молодой» жизни оставалось совсем немного, и она никак не могла понять, в чем дело. Ответ, однако, оказался совсем простым, но таким, какой вряд ли мог прийти Ранийе в голову раньше — до того, как она прошла сквозь Врата.

С этого дня Ранийя стала встречаться с Хасаном каждый вечер; уединившись с ним в спальне своего дома, она наставляла юношу в искусстве любви. Справедливо говорят, будто женщина — самое удивительное творение Аллаха. Именно Ранийя научила Хасана тому, что подаренное другому удовольствие непременно вернется к тебе сторицей. И каждый раз, когда ей доводилось напомнить об этом юноше, она улыбалась тайком, ибо ей было доподлинно известно, сколь верны эти слова. Вот как получилось, что очень скоро Хасан сделался весьма искушенным и опытным любовником, и Ранийя наслаждалась его ласками даже еще больше, чем в бытность свою юной девушкой.

Но вот прошел месяц, и Ранийя объявила Хасану о своем

скором отъезде. Юноша не стал расспрашивать, куда и зачем она едет, он спросил только, увидятся ли они еще когда-нибудь, и Ранийя ответила твердым «нет», хотя ей очень хотелось сказать «да». Потом она продала хозяину дома всю обстановку и вернулась через Врата лет в то время, из которого явилась.

И когда Хасан аль-Хуббаль возвратился из путешествия в Дамаск, Ранийя уже была дома и ждала его. Она радовалась возвращению мужа, но ей и в голову не пришло поделиться с ним своей тайной.

Башарат закончил свой рассказ, но я сидел, погруженный в глубокое раздумье, до тех пор, пока он не сказал:

— Я вижу, господин мой, эта история заинтересовала тебя больше, чем другие.

— Ты совершенно прав, ученый человек, — ответил я. — Теперь я понимаю, что, хотя прошлое действительно неизменно, каждый, кто побывает в нем, может столкнуться с большими неожиданностями.

— Совершенно верно, — промолвил Башарат. — И теперь, мой господин, тебе наверняка понятно, почему я утверждаю, будто прошлое и будущее ничем не отличаются друг от друга. Ни то, ни другое человек не в силах изменить, зато он может лучше узнать то, что с ним было и что будет.

— Да, теперь я понимаю… Ты открыл мне глаза, и я тоже решил воспользоваться Вратами лет. Назови мне твою цену, о мудрец.

Но Башарат махнул рукой.

— Я не беру денег с тех, кто хочет пройти сквозь Врата. Этих людей посылает мне сам Аллах, а я рад служить его орудием.

Будь на месте Башарата кто-то другой, я бы решил, что эти слова — просто уловка, с целью вытянуть из меня как можно больше денег, однако после всего, что услышал, я не сомневался: ученый — человек искренний.

— Твоя щедрость столь же безгранична, сколь и твоя ученость, о мудрец, — сказал я и поклонился ему. — И если есть такая услуга, которую способен оказать тебе простой торговец тканями, достаточно обратиться ко мне.

— Благодарю тебя, господин, — ответил мне Башарат и, в свою очередь, поклонился. — А теперь давай поговорим о твоем путешествии. Мне нужно кое-что с тобой обсудить, прежде чем ты отправишься на двадцать лет в будущее.

— Прости, ученый человек, — возразил я, — но я вовсе не хочу путешествовать в будущее. — Я бы хотел воспользоваться Вратами, чтобы побывать в собственной юности.

— Увы, мой господин, это невозможно. Эти Врата не доставят тебя в дни твоей молодости, ибо сегодня исполняется ровно неделя с тех пор, как я их построил. Иными словами, двадцать лет назад в Багдаде еще не было Врат, через которые ты смог бы выйти.

Мое разочарование было столь глубоко, что я на мгновение утратил власть над собой и спросил тоном капризного ребенка:

— Но куда же, в таком случае, приведут эти Врата, если войти в них справа?

И, сказав так, я обошел Врата с той стороны, которая вела в прошлое. Башарат, немного помедлив, встал рядом со мной. Комната, которую я наблюдал сквозь кольцо из таинственного металла, на первый взгляд, ничем не отличалась от той, что я видел, отводя взгляд немного в сторону, однако, когда Башарат поднял руку, чтобы просунуть ее сквозь Врата, его пальцы словно наткнулись на какое-то невидимое препятствие. Приглядевшись повнимательнее, я заметил: огонек лампы в комнате за кольцом не колышется и не мигает. Он был совершенно неподвижен, словно какое-то волшебство поместило его внутри глыбы чистейшего янтаря!

— Сейчас, когда ты глядишь сквозь Врата, — сказал Башарат, внимательно за мной наблюдавший, — ты видишь комнату, какой она была неделю назад, но войти в нее нельзя. Только через двадцать лет люди смогут входить во Врата с этой стороны, чтобы побывать во времени, которое мы зовем нашим настоящим. Или, — добавил он и подвел меня к другой стороне Врат, — мы сами можем войти в них отсюда, чтобы навестить этих людей в будущем, но, боюсь, в собственной юности ты побывать не сможешь.

— А как насчет Врат, что находятся в Каире? — спросил я, и Баша-рат кивнул:

— Да, те Врата еще существуют и до сих пор находятся в лавке, которая принадлежит теперь моему сыну.

— Значит, чтобы вернуться на двадцать лет в прошлое, мне достаточно только поехать в Каир и воспользоваться тамошними Вратами. А когда я окажусь в прошлом, то смогу вернуться из Каира в Багдад с попутным караваном, как сделал бы это в настоящем! — воскликнул я.

— Да, мой господин, ты можешь совершить такое путешествие, если пожелаешь, — кивнул Башарат, пристально глядя на меня.

— Весьма желаю! — вскричал я. — Расскажи же мне, о мудрец, как отыскать в Каире лавку твоего сына?!

— Расскажу, — ответствовал ученый муж, — но сперва, как я

уже говорил, мы должны кое-что обсудить. Я не спрашиваю, с каким намерением ты отправляешься в собственное прошлое; ты сам мне расскажешь, если захочешь. Но я должен еще раз напомнить тебе, мой господин: прошлое изменить нельзя. Свершившееся навсегда останется свершившимся.

— Я знаю, — сказал я.

— И ты не сможешь избежать несчастий и бед, пережить которые тебе суждено свыше. Ты должен с покорностью принимать все, что посылает тебе Аллах.

— Об этом я напоминаю себе каждый день во время намаза.

— Тогда я буду считать для себя великой честью помочь тебе, чем только смогу, — заключил Башарат.

Сказав так, он достал откуда-то лист тонкого пергамента, чернильницу и тростниковое перо-калям и принялся что-то писать.

— Это письмо поможет тебе в твоем путешествии, — промолвил он наконец и, сложив пергамент, накапал на него расплавленного воска и запечатал собственным перстнем. — Когда прибудешь в Каир, отдай это письмо моему сыну, и он позволит тебе пройти сквозь старые Врата.

Каждый торговец, если только он хочет чего-то добиться, должен уметь говорить красноречиво, однако, выражая Башарату свою признательность, я превзошел самого себя, а главное — каждое сказанное мною слово шло от чистого сердца. Ученый, в свою очередь, поблагодарил меня за теплые слова и подробно рассказал, как найти в Каире лавку его сына. Я уже собирался отправиться домой, чтобы начать готовиться к долгому путешествию, когда у меня в мозгу молнией сверкнула еще одна мысль.

— Если эти Врата открывают проход в будущее, — сказал я, — значит, ты можешь быть уверен, что и они, и эта твоя лавка-лаборатория простоят еще два десятилетия.

— Да, это так, — подтвердил Башарат.

Тут я хотел спросить Башарата, встречался ли он с собой будущим, но вовремя прикусил язык. Ведь если бы ответ был отрицательным, это наверняка означало бы, что к тому времени сей ученый уже умер, а расспрашивать его, знает ли он точную дату собственной смерти, показалось мне невежливым. Кто я такой, чтобы задавать подобные вопросы человеку, который и без того оказал мне великую милость, даже не поинтересовавшись моими намерениями? Впрочем, по выражению лица Башарата мне было ясно: он понял, о чем я хотел спросить, и мне оставалось только молча поклониться в знак того, что я прошу у него прощения. Ученый коротко кивнул, дав мне понять, что

извинения принимаются, после чего я попрощался с ним и наконец отправился домой.

Торговому каравану, с которым я отправился в путь, понадобилось два месяца, чтобы достичь Каира, и все это время мой ум был занят проблемой, о которой я ни слова не сказал Башарату. Дело в том, о великий халиф, что двадцать лет назад у меня была жена, которую звали Наджия. Она была стройна, как ива; лицом она была подобна луне, а глаза ее напоминали два сапфира чистейшей воды, но драгоценнее всего были ее добрая душа и нежное сердце, которые и привлекли меня к ней. Когда мы поженились, я только создавал свое дело, поэтому жили мы небогато; порой нам не хватало самого необходимого, однако мы были так счастливы, что ничего не замечали. Но прошел год, и я собрался в Басру, чтобы заключить сделку с капитаном невольничьего корабля. У меня появилась возможность неплохо поднажиться на торговле рабами, и я уже предвкушал изрядную прибыль, которая позволила бы мне расширить дело, но Наджия, которую я посвятил в свои планы, не одобрила моего намерения. Я напомнил жене, что согласно Корану правоверный может владеть рабами и не считаться грешником, если только он не станет слишком их притеснять, и что даже у самого Мухаммеда было несколько слуг-невольников. Но Наджия ответила, что я не могу знать, как будут относиться к рабам те, кто купит их у меня, поэтому, чтобы уберечься от греха, лучше продавать вещи, а не людей.

Я был молод тогда и не захотел уступить. Впервые со дня нашей свадьбы мы с Наджией поссорились, и я наговорил ей много такого, о чем мне и сейчас стыдно вспоминать, поэтому я прошу позволения Твоего Величества не повторять здесь мои слова. Все еще кипя от гнева, я уехал с караваном в Басру, а Наджия осталась дома одна. Увы, я больше никогда ее не видел… Через несколько дней после моего отъезда стена мечети, куда она всегда ходила, неожиданно обрушилась. Наджия была жестоко искалечена; ее извлекли из-под обломков и отвезли в городской бимаристан, но лекарь-табиб[7] не сумел спасти ее, и через два дня Наджия скончалась. О том, что произошло, я узнал только через неделю, когда вернулся в Багдад. О смерти любимой жены мне сообщили соседи, и я, о халиф, почувствовал себя так, словно убил ее своей собственной рукой!

Способны ли самые страшные адские муки сравниться с тем, что я испытывал в последующие несколько недель? Порой мне казалось, я вот-вот это узнаю, ибо горе мое едва не привело меня на порог смерти. Я остался жив, но мне до сих пор кажется: то, что я пережил тогда, очень похоже на вечное пламя, ибо горе мое

не утихало, а напротив — продолжало сжигать меня изнутри, делая мои сердце и душу еще более уязвимыми и восприимчивыми к боли.

Но время — лучший целитель, и хотя моя скорбь не стала меньше, я научился держать себя в руках и скрывать от людей свои страдания. Горе выжгло все внутри меня, я был наполовину мертв, и в душе моей царила пустота. Купленных рабов я, разумеется, сразу освободил и сосредоточился исключительно на торговле редкостными тканями. Прошло несколько лет, я стал очень богат, но, несмотря на то, что лет мне было немного, я так и не вступил в повторный брак, хотя многие из купцов, с которыми я вел дела, уверяли меня, будто любовь женщины поможет забыть о моем горе, и даже предлагали мне в жены своих сестер и дочерей. Возможно, они были по-своему правы, но они не знали главного: ни с одной, даже самой красивой женщиной я не смог бы забыть боль, которую причинил Наджие. Во всяком случае каждый раз, стоило мне только задуматься о новом браке, я вспоминал выражение глубокой обиды на лице моей суженой, и сердце мое оставалось закрытым для других женщин.

Однажды я рассказал о своем поступке мулле нашей мечети. Это он сказал, что перечеркнуть прошлое помогут мне только раскаяние и стремление исправиться. И я каялся снова и снова, как только мог: двадцать лет я вел жизнь праведника, молился больше всех, подавал милостыню, делал пожертвования мечетям и медресе и даже совершил паломничество в Мекку, но чувство вины по-прежнему не оставляло меня. Аллах милосерден, поэтому я знал, дело было во мне одном.

Если бы Башарат прямо спросил меня, что я собираюсь предпринять, вернувшись в свою молодость, я бы не знал, что ему ответить. Из того, что он мне рассказал, совершенно недвусмысленно следовало: я ничего не смогу изменить. Во всяком случае *тогда* никто не помешал мне наговорить Наджии обидных слов и уехать. Но то, что Башарат рассказывал о самоотверженном поступке Ранийи, о котором Хасан-канатчик так ничего и не узнал, позволяло мне надеяться. Возможно, размышлял я, мне тоже удастся каким-то образом принять участие в событиях, пока более молодой «я» будет в отъезде.

В конце концов, разве не могло оказаться, что произошла ошибка и моя Наджия осталась в живых? Быть может, не ее, а какую-то другую женщину завернули в саван и предали земле, пока я путешествовал в Басру и обратно. Вопреки всему я продолжал надеяться, что мне удастся спасти Наджию и вместе с ней вернуться в мое время — в Багдад, в котором я жил сейчас. В глубине души я понимал, что надеяться глупо. Не зря говорится,

что нельзя вернуть четыре вещи: сказанное слово, вылетевшую из лука стрелу, прошлую жизнь и упущенную возможность. И все же я не отступал от своего замысла, веря, что Аллах счел прошедшее двадцатилетие, наполненное сокрушением и раскаянием, достаточной платой за мой грех и теперь дает мне шанс вернуть потерянное.

Путешествие мое прошло спокойно. Шестьдесят восходов и триста намазов спустя я оказался в Каире и принялся блуждать по его напоминающим лабиринт узким, кривым улочкам, ибо по сравнению с гармоничным и прекрасным Городом Мира планировка Каира оставляет желать много лучшего. Наконец я добрался до Байн-уль-Кесрайна — главной улицы, которая пересекает каирский квартал Фатимидов, а вскорости отыскал и улочку, где стояла лавка Башарата.

Хозяину лавки я сказал, что недавно приехал из Багдада, где разговаривал с его отцом, и передал ему письмо, которое вручил мне Башарат. Прочтя его, сын Башарата провел меня в заднюю комнату, в центре которой стояли еще одни Врата лет, и жестом показал мне, чтобы я вошел в них с правой стороны.

Стоя перед массивным металлическим обручем, я почувствовал, как по коже пробежал легкий холодок, но тотчас упрекнул себя за малодушие. Глубоко вздохнув, я сделал шаг вперед и оказался в той же комнате, которая, однако, была обставлена совершенно иначе. Если бы не это, я бы ничего не заметил, поскольку пройти сквозь Врата лет так же просто, как сквозь обычную дверь. Тут же я понял и причину охватившей меня дрожи, ибо день, в который я прибыл, был намного прохладнее, чем тот, который я покинул. Теперь из Врат мне в спину дул легкий теплый ветерок, похожий на вздох.

Оказалось, что владелец лавки последовал за мной. Остановившись подле меня, он окликнул кого-то:

— Отец, к тебе гость!

Тотчас в комнату вошел мужчина средних лет. Не иначе — Баша-рат, но выглядел он гораздо моложе, чем при нашей последней встрече в Багдаде.

— Добро пожаловать, мой господин, — приветствовал он меня. — Я Башарат. Как твое имя?

— Разве ты не знаешь меня? — удивился я.

— Нет, мой господин. Ты, должно быть, виделся со мной более поздним, но для меня это первая встреча с тобой. Чем могу служить, господин мой?

Здесь, о могущественный халиф, я должен упомянуть еще об одном своем промахе, ибо я, ничтожнейший из смертных, всю жизнь совершал одни лишь ошибки. Путешествуя из Багдада в

Каир, я так глубоко ушел в раздумья о собственных несчастьях, что мне даже не пришло в голову — ведь Башарат, которого я увидел в своем времени, наверняка узнал меня, как только я вошел в его лавку. Я еще только восхищался его водяными часами и медным соловьем, а он уже знал, что я отправлюсь в Каир и обратно, а главное — ему наверняка было известно, достиг я своей цели или нет.

Но ранний Башарат, конечно же, ничего об этом не знал.

— Я вдвойне благодарен тебе за твою доброту, ученый человек, — поклонился я. — Мое имя Фувад ибн-Аббас, и я только что приехал в Каир из Багдада.

Тут сын Башарата куда-то вышел, а мы с ученым немного побеседовали. Я спросил у него, какой сегодня день, месяц и год, и убедился, что у меня как раз хватит времени на возвращение в Багдад моей юности с одним из торговых караванов. А прежде чем расстаться с ним, я пообещал ученому рассказать все по возвращении.

Ранний Башарат оказался столь же любезен, как и его более поздний двойник.

— Я буду с нетерпением ждать твоего возвращения, мой господин, чтобы двадцать лет спустя снова помочь тебе, чем только смогу, — сказал он, вежливо кланяясь.

Признаюсь, его последние слова меня несколько озадачили.

— Скажи, о ученый человек, собирался ли ты открыть лавку в Багдаде, до того как увидел меня сегодня? — спросил я.

— Почему тебя это интересует, мой господин?

— Мне кажется воистину удивительным, что в будущем мы с тобой встретились в Багдаде именно за столько времени до известного мне события, — с поправкой, разумеется, на минувшее двадцатилетие, — сколько необходимо, чтобы добраться сюда, воспользоваться Вратами и снова вернуться в Багдад, ибо человек, которого я ищу, находится именно там. Впрочем, — добавил я, — по зрелом размышлении, я начинаю сомневаться в случайности произошедшего. Скажи мне откровенно, ученый человек, не является ли мое появление здесь сегодня главной причиной, заставившей тебя перебраться в Багдад, чтобы быть там двадцать лет спустя? Я, например, больше не верю в подобные случайности.

Башарат улыбнулся.

— Случайность и необходимость — две стороны одного ковра, мой господин. И хотя одна из них выглядит гораздо приятнее для глаза, нельзя делать вид, будто одно может существовать без другого.

— И снова, о мудрец, ты дал мне пищу для размышлений, —

сказал я и, поблагодарив младшего Башарата, попрощался с ним. Когда я уже покидал его каирскую лавку-мастерскую, навстречу мне попалась какая-то женщина, которая так торопилась войти, что даже слегка толкнула меня. Приветствуя женщину, Башарат назвал ее Ра-нийей, и это заставило меня остановиться. Сквозь дверь я хорошо слышал, как она сказала:

— Мое ожерелье у меня. Надеюсь, более поздняя «я» его тоже не потеряла…

— Я совершенно уверен, что оно никуда не делось, ибо навряд ли ты забудешь о своем грядущем визите, — отвечал Башарат.

Тут я понял, кто была эта женщина. Ранийя из рассказа о Хасане-канатчике!.. Судя по тому, что я сейчас слышал, она как раз собиралась навестить себя в будущем, чтобы вместе с самой старшей Ра-нийей вернуться в дни собственной юности и спасти мужа от разбойников, введя их в заблуждение двумя точными копиями драгоценного ожерелья. На мгновение я задумался, уж не сплю ли, ибо мне казалось, что я каким-то чудом оказался в сказке и могу не только разговаривать с ее персонажами, но и принимать участие в событиях. Голова моя пошла кругом. Мне даже захотелось дождаться Ранийю, заговорить с ней и, быть может, сыграть хоть небольшую роль в удивительной истории, которую двадцать лет спустя расскажет мне Башарат, но я вовремя вспомнил историю своей собственной жизни, которая была так не похожа на волшебную сказку. В конце концов я решил не вмешиваться и вместо этого поспешил на базарную площадь, дабы найти подходящий караван, отправляющийся в Багдад.

Увы, о халиф, на собственном горьком опыте мне суждено было убедиться в справедливости поговорки, гласящей, что Судьба зло смеется над планами смертных. Поначалу мне везло: я быстро нашел подходящий караван и договорился, чтобы караванщики взяли меня с собой. Но стоило нам отправиться в путь, как у меня появилось достаточно поводов проклясть злой рок, ибо в пути нас ожидали многочисленные препятствия. В городке на расстоянии одного перехода от Каира все колодцы оказались сухими, и нам пришлось вернуться за дополнительным запасом воды. В следующем населенном пункте стражники, сопровождавшие караван, заболели какой-то желудочной болезнью, и мы вынуждены были ждать, пока они поправятся. Каждая такая задержка еще больше отодвигала первоначальную дату прибытия в Багдад, и я, заново рассчитывая время в пути, все больше и больше тревожился. Песчаные бури, начавшиеся, как только мы вступили в пустыню, казались мне предостережением свыше, так что я даже начал сомневаться в разумности

собственного плана. К счастью, когда налетел первый самум, мы отдыхали в караван-сарае к западу от Куфы, так что никто из нас не погиб, однако и двигаться дальше мы не могли. Один ураган налетал за другим; порой небо светлело, но стоило нам навьючить верблюдов, как снова разражалась буря, и мы вынужденно оставались на месте. День гибели Наджии приближался, а я почти отчаялся вовремя добраться до места. Напрасно я пытался подкупить погонщиков, предлагая им золото и умоляя отвезти меня в Багдад одного — никто не соглашался. В конце концов я все же уговорил одного из них продать мне своего верблюда за баснословную цену и в тот же день отправился. Свирепые песчаные бури бушевали по-прежнему, поэтому в первые дни я двигался очень медленно, но спустя примерно неделю ветер улегся, и мой верблюд перешел на более быстрый шаг. Увы, без стражи, охранявшей в пути каждый караван, я был легкой добычей для каждого, кто мог позариться на мои деньги, и два дня спустя меня действительно остановила шайка разбойников. Они отняли у меня верблюда и остатки золота, но сохранили жизнь. После этого мне не оставалось ничего другого, кроме как пешком отправиться назад, навстречу каравану. Небо, как назло, было совершенно безоблачным, и я ужасно страдал от жары и жажды, ибо воды разбойники оставили мне совсем мало. Когда караван наконец подобрал меня в песках, язык мой распух, а губы потрескались, словно высушенная солнцем грязевая корка. Денег у меня больше не было; теперь мне оставалось только уповать на милость Аллаха, ибо тяжело нагруженный караван двигался медленно.

Подобно тому, как увядающая роза один за другим теряет свои лепестки, так с каждым днем таяли и мои надежды. К тому времени, когда наш караван достиг Багдада, я уже понял, что опоздал, и все же, когда мы въезжали в городские ворота, я не удержался и спросил у стражника, слышал ли он что-нибудь об обрушившейся мечети. Стражник ничего не знал о происшествии, и в сердце моем вновь затеплилась надежда. Я уже решил, что неправильно запомнил точную дату и, несмотря на многочисленные препятствия, все же успел в Багдад вовремя, но товарищ первого стражника, слышавший мой вопрос, разом разрушил мои надежды, подтвердив: мечеть в квартале Карх обрушилась буквально вчера. Его слова, произнесенные легким, почти небрежным тоном, ударили меня, словно топор палача. Я понял, что совершил свое невероятное путешествие только затем, чтобы во второй раз услышать страшную весть о смерти любимой жены.

Расставшись с караванщиками, я отправился в квартал Карх и

долго стоял там над грудами кирпича, где была когда-то стена мечети. Раньше я никогда не видел этой картины воочию, но воображал ее бессчетное количество раз: достаточно сказать, что на протяжении двух десятилетий это зрелище каждую ночь являлось мне во сне. Увы, в прошлом мне нужно было только открыть глаза, чтобы избавиться от кошмара, но сейчас я не спал — а груды кирпичей никак не желали исчезать. Более того, теперь они выглядели грубо-вещественно, осязаемо-реально, и этого я уже не мог вынести. Отвернувшись, я побрел, куда несли меня ноги, не замечая ничего вокруг. Очнулся я только перед дверями своего прежнего дома, куда пришел, должно быть, просто по привычке. Когда-то я жил здесь с Наджией. Стоя на улице и не решаясь зайти внутрь, я предавался воспоминаниям, и сердце мое снова обливалось кровью, однако на этот раз горе мое было даже глубже.

Не знаю, сколько времени я так простоял. Очнулся я, только когда ко мне подошла какая-то молодая женщина.

— Прости, господин мой, — сказала она, — я ищу дом Фувада ибн-Аббаса. Не скажешь ли, где его найти?

— Вот этот дом, — сказал я, указывая на собственную дверь.

— А твое имя не Фувад ибн-Аббас?

— Да, это мое имя, — машинально ответил я, совершенно забыв, что как раз сейчас настоящий «я» должен был быть где-то на пути в Басру. — Но прошу тебя: кем бы ты ни была, оставь меня в покое. Сейчас я не могу с тобой говорить.

— Прости меня, господин, но мое дело очень важное. Меня зовут Маймуна, я помогаю табибам в бимаристане. Твоя жена скончалась у меня на руках.

Я повернулся к женщине.

— Ты провела с Наджией ее последние часы?

— Да, господин. Перед смертью она попросила меня кое-что тебе сказать, и я поклялась, что исполню ее желание.

— Что же она просила мне сказать, что?! — воскликнул я вне себя от волнения.

— Госпожа велела передать тебе, что она вспоминала тебя до самого конца и что, хотя ее жизнь оказалась слишком короткой, она чувствует себя счастливой, потому что Аллах послал ей тебя.

При этих словах по моим щекам заструились слезы, и Маймуна поспешно добавила:

— Прости, господин, если я причинила тебе боль…

— Мне не за что прощать тебя, дитя. Совсем наоборот — даже если бы я до конца дней моих ежечасно благодарил тебя за твои слова, я все равно остался бы перед тобой в неоплатном долгу.

— Скорбь никому ничего не должна, господин. Да пребудет с

тобой мир и благословение Аллаха.

— И с тобой, дитя…

Маймуна ушла, а я отправился бродить по улицам родного Багдада. По моему лицу все еще текли слезы, но то были слезы не горя, а облегчения. Вспоминая слова Башарата, я поражался их глубине и мудрости. Прошлое и будущее ничем не отличаются друг от друга, сказал ученый. Человек не в силах изменить ни того, ни другого, зато он может лучше узнать и то, и другое. Мое путешествие в прошлое не отменило произошедших событий, но то, что мне удалось узнать, изменило все, и я наконец понял, что иначе просто не могло быть. Если наши жизни — это истории, которые рассказывает Аллах, то сами мы не только слушатели, но и участники событий и, проживая собственные жизни, извлекаем из них полезные уроки.

Наступила ночь, прозвучал сигнал погасить огни, а я все бродил по улицам Багдада в своей грязной и пыльной одежде, пока меня не остановила ночная стража. Воины спросили, кто я такой, и я назвал им свое имя и место жительства, но когда меня отвели к моему дому и предъявили соседям, никто из них не признал во мне Фувада ибн-Аббаса, который, как всем было хорошо известно, уехал из города три дня назад.

Так я оказался в городской тюрьме. Там я рассказал капитану городской стражи мою историю, и он нашел ее довольно занимательной, хотя и не поверил ни единому слову. Да и кто бы поверил?! Тогда я припомнил несколько фактов, относящихся к последним двадцати годам моей исполненной горестей жизни, и сообщил ему, что твой внук, о халиф, родится альбиносом. Через несколько дней распространившиеся по городу слухи подтвердили мои слова. Дошли они и до капитана, и он доставил меня к старшине квартала, а тот, выслушав мою историю, велел отправить меня во дворец к твоему визирю. Когда же и визирь узнал о моих злоключениях, он счел возможным привести меня в этот зал и поставить пред твоими очами, о халиф, надежда и опора правоверных!

Теперь и ты, владыка, знаешь мою историю, которая удивительным образом догнала мою жизнь, и только ты, о мудрейший из мудрых, можешь решить, что будет со мной дальше. Мне известно множество событий, которые произошли — или произойдут — в Багдаде в течение ближайших двадцати лет, но я ничего не знаю о том, какой будет моя собственная дальнейшая судьба. У меня совсем не осталось денег, чтобы вернуться в Каир и пройти сквозь Врата лет в обратном направлении, и все же я почитаю себя счастливейшим из смертных, ибо я один из немногих, кто сумел побывать в

прошлом и узнать, какие средства великий Аллах дарует своим последователям для исправления собственных ошибок. Я буду счастлив, о халиф, открыть тебе будущее и рассказать все, что мне известно о грядущих событиях, однако самым драгоценным своим знанием я считаю слова, которые сказал мне Башарат. Ничто не в силах перечеркнуть прошлое. У человека, желающего исправить совершенную им ошибку, есть только покаяние, искупление и прощение. И хотя кому-то может показаться, что это совсем немного, на самом деле этого больше чем достаточно!

Перевел с английского Владимир ГРИШЕЧКИН

© Ted Chiang. The Merchant and the Alchemist's Gate. 2007.

Печатается с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

Александр Зорич
КОРОЛЕВА КУБКОВ, КОРОЛЕВА ЖЕЗЛОВ

Девочка безучастно посмотрела вверх, в круглый колодец распахнутого канализационного люка.

Золотило куст полыни у самого края закатное солнце, красное, как перезрелая клубничина. В вышине играли в голодные свои догонялки черные стрижи. Ветер донес трель автомобильного клаксона — изуродованную мелодию из «Крестного отца». Чуть погодя — далекий поездной гул.

Давным-давно к выходу из люка вели скобы-ступени, но теперь они осыпались, съеденные ржавчиной.

Чтобы выбраться наверх, достаточно было подпрыгнуть. Метра на три с половиной в высоту.

Девочка долго, пока не затекла шея, смотрела вверх.

— Я… тут! — набравшись храбрости, крикнула она. Эхо повторило ее писклявый призыв и, размножив, уволокло в темноту.

Прямо под люком подземная река образовывала нечто вроде

сухой отмели из желтого кладбищенского песка. Роль живописных валунов, ограждавших отмель от тухлой воды, исполняли глинистые комья грязи и сплющенные пивные банки. Между ними змейками вились буро-коричневые струи — уцененная Зона из фильма Тарковского.

Тата заглянула в сумочку. Вынула из нее старинную колоду карт. Пристроила сумку под попой и уселась в золотистом круге света, что струился из люка. Хрустнула пластиковая трубка раздавленной губной помады. Бережно перебирая карты, она вытащила одну — это был Король Кубков — и спрятала ее в нагрудном кармане джинсового сарафана. Потрогала указательным пальцем козявку спекшейся крови на расшибленной коленке, затем осторожно обвела вокруг свежей еще, сочащейся ссадины, встала и побрела дальше, в темноту.

Действие этой повести начинается жасминным летним днем, когда я, ваш проводник по миру живых картин, известных профанам как гадальные карты, осознал, что одна милая моему сердцу и вполне безрассудная юная особа угодила в пренеприятнейшую историю, и что сие хотя и свойственно ее тревожному возрасту, но все же, увы, не является залогом благоприятного окончания этой истории… Сменю-ка я, пожалуй, этот викторианский фасон де парле, или, как выражается умник Король Мечей, «дискурс», на какой-нибудь посовременней — пока читатель не взбесился… Да-да, сменю. Вот прямо со следующего предложения и сменю — сейчас все равно не получится: инерция… Итак, разрешите представиться: я — знаменитый Король Кубков, самый речистый и сентиментальный из семидесяти восьми арканов Таро. Я сижу на троне, который невесомо парит у самой кромки бушующих волн, и пронзаю зрителя своим особым серо-голубым взглядом, который женщинам обещает любовь, а мужчинам — понимание.

Я очень скромный король: не скандалю, не требую себе привилегий, не напрашиваюсь на похвалы, а если шучу, то не зло.

Другие короли совсем не такие. Король Жезлов — тот буян, завоеватель, Цезарь, Македонский и маршал Жуков в одном флаконе. Король Мечей — тот судья, критикан, гордец. Король Динариев — делец и торопыга, таких еще называют элегантным словом «негоциант», это только таким, как он, не лень ворочать миллионами… Признаться, мне трудно с другими королями, меня вообще тяготит мужское общество, пахнущее зрелостью и потом. Я предпочитаю книги, вино и молодежь, которой у нас в колоде, как и везде, предостаточно — одних пажей и рыцарей восемь штук, и все такие… как нынче говорят… «шебутные».

Милее всех мне застенчивый Паж Кубков — красавчик в синем тюрбане и вышитом кафтане. С ним и с его голубой говорящей рыбкой — она живет в бездонном кубке — я могу беседовать часами! Паж Кубков напоминает мне мою беспечную любострастную молодость.

А вот с нашими королевами (или, как сказали бы невежды, которые на черноморских пляжах дуются в «подкидного» и «очко», *дамами)* отношения у меня безоблачные (исключая, конечно, Королеву Кубков, но о ней речь еще впереди).

Королеве Динариев я помогаю в саду — мы вместе хлопочем на грядках, составляем земляные смеси и боремся с вредителями. С быстрой, как пожар, Королевой Жезлов я веду возвышенные и умные беседы (она же выручает меня, когда я влипаю в какую-нибудь историю, и ссужает мне денег). И даже злюка и ехидна Королева Мечей, нерукопожатная особа для доброй половины нашей плоской братии, меня ценит и по-своему голубит. У нас с ней крепкая дружба. Королева Мечей считает: я единственный, кто в состоянии понять ее тоску и нескладные порывы. В общем-то, так оно и есть.

Некоторые недалекие субъекты из младших арканов, вроде рвача Двойки Динариев или склочника Пажа Мечей, считают, что мое приятельство с королевами лишь следствие прежних чувственных связей… Глупости это все! Чувственно я познал лишь одну из Королев — Королеву Кубков. С остальными же знаюсь платонически. В минуты откровенности не стану, разумеется, отрицать, что я мог бы, еще как мог бы, соблазнить Королеву Жезлов. Ее золотые локоны и веснушки меня и впрямь волнуют… Увы, в своих мыслях я разрываю отношения с женщинами быстрее, чем они успевают толком начаться; я слишком хорошо знаю, что не люблю их и никогда не полюблю, поскольку в душе у меня нет для них места — все занято Королевой Кубков… А иногда мне кажется, что я в принципе не способен любить всерьез, потому что меня самого вроде как всерьез и нет…

Это тонкие материи — особенно, конечно, вопрос «есть я всерьез или нет».

Посмотреть с одной стороны, так «мы», как нас ни зови — «плоский народец», «живые картины», «арканы», — «мы» существуем, причем во множестве.

Мир наводнен миллионами гадальных колод. Иные из них пашут, как продавцы шавермы — от утренней зорьки и до вечерней, таская в мир килограммы, тонны правдивейших пророчеств и предсказаний.

Другие, потаенные, все больше отмалчиваются в бельевой

тиши комодов, чтобы раз в год поведать своему владельцу Самое Важное. Третьи — малоопытные, малограмотные, совсем новые, купленные по случаю какими-нибудь школьницами, непросватанными девицами, студентами-хвостистами, эти и букв-то не знают, а пытаются читать, нас читать… И даже эти малоопытные — они ведь тоже кому-то нужны и полезны…

Так вот, в мире миллионы колод, а значит, миллионы таких же, как я. Ведем себя мы все приблизительно одинаково (люди даже придумали умное слово «архетип»), выглядим — тоже… При этом смерть любой отдельно взятой колоды (а ведь и такое случается — утонет, к примеру, «Адмирал Нахимов») ничего в общем порядке не нарушит, отряд не заметит потери бойца… Это потому, что за нами всеми стоит одна сила, она не обеднеет, как не обеднеет солнце, если станет у него на один луч меньше… Вот когда думаешь об этом — о том, что нет в тебе никакой незаменимости и даже никакой своеродности, — начинает казаться, что и тебя самого нет. Ну, почти. А иной раз подумаешь этак самодовольно: ведь наша колода уникальна, и задачи, которые она уполномочена решать, тоже особенные. И что такое солнце, как не совокупность своих лучей, каждый из которых по-своему пробивает серенькую вату туч? И тогда кажется — врешь, брат, мы, арканы, все-таки есть и существуем всерьез, каждый в своей отдельности.

У нас, у плоского народца, всякое случается — то повздорим, то застолье устроим с братанием… Бывает — выгоним кого-нибудь взашей из нашего круга. Но ненадолго — так, для острастки. На моей памяти выгоняли Дурака, любителя горланить песни и говорить «без обиняков»… Потом, правда, назад пустили, сжалились. Однако и номер у Дурачины теперь нулевой. А ведь мог бы быть первым… Мы, плоский народец, достаточно похожи на людей — по сути, такие же рабы страстей и обстоятельств (полагаю, поэтому-то нас к людям и приставили). Правда, есть и отличия. Например, мы не очень-то любим разговаривать. В девяноста процентах случаев нам, арканам, «все ясно». Мы редко спрашиваем что-либо друг у друга. Знак вопроса появился в нашем синтаксисе лет тридцать назад. А все привычка: чуть что интересно — идите к Заоблачным Вратам, за которыми водятся ответы на все-все-все вопросы.

В сравнении с людьми мы, плоский народец, более миролюбивы. За несколько десятилетий существования нашей колоды свара с рукоприкладством у нас стряслась всего одна — когда драчуны с Пятерки Жезлов проиграли пари Семерке Жезлов, вооруженному дубьем детине… Помню, Ангел Умеренности разливал смутьянов водой… Смирность наша

объясняется просто — мы знаем, вместе нам жить и жить, может, сто лет или двести, а в других обличьях, после гибели колоды — так и до скончания веков. Новеньких в коллектив не пришлют, старенькие не исправятся… Есть ли смысл скандалить? Теперь открою страшную тайну (пожалуй, даже прошепчу ее жарким шепотом!): мы, плоский народец, суть пленники. Подневольные мы картинки. Мы приставлены к людям, чтобы служить им, желаем мы этого или нет.

Нас отпустят на волю, лишь когда все люди на земле будут счастливы.

Возьмем к примеру сегодняшнее утро.

Ночью спал я плохо — уж очень громко за окном выл пес, что живет среди сумеречных трав аркана Луна. Проснулся поздно, время шло к полудню. И проснулся бы за полдень, если бы не Семерка Мечей, ворюга и проходимец. Он, видите ли, явился предложить мне один из украденных им ночью клинков! Выгнал его — ступай, говорю, к Двойке Динариев (тот и впрямь, скорее всего, купит — что ему, барыге). Завтракать я отправился к Королеве Динариев, она умеет стряпать, нажимает на блюда, полезные для здоровья. Тут тебе и салаты из проросших зерен, и хрустящие морковные котлетки, и витаминные коктейли с благоуханной ореховой пахлавой… Раньше я равнодушно относился к теме «здоровый стол», но вот в последние пятнадцать лет начал прислеживать — меня, Короля Кубков, так часто донимают вопросами о здоровье болящие клиенты нашей патронессы Алисы Егоровны, что я поневоле стал бдеть, как бы не поднабраться от них хворей… Потом мы с Королевой Динариев прогуливались по ее сказочному саду и, конечно, сплетничали. Думаю, если бы моя любовь, Королева Кубков, застигла меня с ней — как мы воркуем, с какой предупредительностью трогаем друг друга за края одежд, — в ее глазах вскипели бы огневые слезы ревности.

К слову, сад Королевы Динариев граничит с садом Хозяйки — это она повелевает детьми, беременностями и взаимностью в любви. Мы долго стояли у ограды, вдыхая томительное головокружение, что источал эдемский розарий, оценивающе глядели на фруктовые деревья — они плодоносят круглый год. Вполголоса гадали, что сейчас поделывает соседушка — небось полулежит, этак томно развалясь, на своем троне (он, как всегда, выставлен на веранду) и любуется разноцветными искрами, которыми брызжут пробужденные полуденным солнцем алмазы ее короны? А может, кокетничает с Императором? Строит глазки святоше-Иерофанту? «Ко мне, мужчины, ко мне!» — вышито на

поясе Хозяйки.

Потом Королева Динариев отыскала прелестный кожаный мяч, его ссудил Двойка Жезлов, важный вельможа (клиенты и даже многие предсказатели принимают этот мяч за глобус, но нас-то не проведешь!). Мы было начали уже бросаться им, когда в ажурном проеме калитки возникла простоволосая, изможденная Восьмерка Мечей, закадычная подруга Королевы Динариев. Руки ее были связаны веревками, она рыдала…

«Что на сей раз?» — участливо поинтересовалась моя гостеприи-мица.

«Сейчас… расскажу…» — всхлипнув, проронила Восьмерка Мечей.

Королева Динариев метнула на меня извиняющийся взгляд и сделала этакий выметающий жест своими миниатюрными пальцами — мол, ты ступай, я буду врачевать душевные раны.

Что ж… Я уже почти добрел до своего моря-океана, когда в небе надо мной распростерлась знакомая стальная туча. Налетел ветер, туча рассыпалась на несколько курчавых облачков. Глядь — из ближнего облачка выросла рука, крепко сжимающая увенчанный короной клинок. Туз Мечей!

Я вздохнул. Небесное это явление означало, что меня, нас, зовут туда, в большой быстрый мир, где живут люди — любители разговоров и смертоубийства. Сейчас будем выпрямлять судьбы, вскрывать нарывы на мягких тканях души.

Вместе со мной в сферу Энроф заторопились и другие — тройки и десятки, двойки и пажи, подсобные рабочие Тайны.

У нас, арканов, спаянный коллектив.

С точки зрения наблюдателя, находящегося в сфере Энроф, мы почиваем в ларце, обитом изнутри красным бархатом. Самые злоязыкие из нас — вроде Пажа Мечей — называют его «саркофагом», а те, кто подобродушнее, вроде купчины в винном погребе Десятки Кубков — «нашим прекрасным дворцом». Ларец этот спрятан в нижнем отделении старинного секретера. Он заперт на ключ, ключ же лежит в яйце, яйцо — в утке, утка… шучу. Ключ под шерстяным ковриком возле кровати Алисы Егоровны.

Алиса Егоровна — опытная женщина. Когда-то она работала инженером в конструкторском бюро, специалистом по сопротивлению материалов. Мы уже тогда ее знали, хотя, конечно, не так хорошо. Иногда она раскладывала нас прямо на своем кульмане, на пахнущих графитом чертежах детских санаториев и техникумовских общежитий, а ее товарки, с обремененными тушью «Ленинград» ресницами (как видите, у нас

было время досконально изучить материальную культуру места нашего последнего назначения), боязливо таращились на результаты гадания, прозревая сквозь нас… нет, не будущее, но всего лишь свои меленькие мечтанья и пустые страхи.

Тогда наша Алиса знала только три расклада: вездесущий «Кельтский крест», ответчика на все важные вопросы, простодушную, как цыганский романс, «Малую подкову» (в ее тетради, с выбитым золотом Марксэнгельсом на обложке, она была помечена ремаркой «на любовные взаимоотношения») и расклад из трех карт «Утро-день-вечер», который прорицал день текущий.

К моменту выхода на пенсию наша Алиса была уже настоящей эрудиткой по части раскладов — раскидистых, как калина, струящихся синусами-косинусами, фигурных, уже почти фигуристых, линейных. Она разговаривала ими, а иногда даже глаголала. Как и положено мастерице.

Но тогда гадалка Алиса, еще только осваивающаяся в возрасте бабы-ягодки, напоминала дворового гитариста, пытающегося сыграть на трех привычных аккордах сразу все полюбившиеся мелодии — от

«…сбил его товарищ Ли-си-цин» до «Она прошла как каравелла по зеленым волнам…».

Все ее тогдашние клиентки хотели одного: любви. Случалось, она раскладывала «Малую подкову» дюжину раз за день.

В те времена «Кельтский крест» с его судьбоносными ответами на важные вопросы и даром никому не был нужен. На глобальный вопрос «куда идти?» тогда отвечали очень локально — к любовнику. Это потом, когда Алисино КБ закрыли, а на его месте возвели нечто капиталистически-фаллическое, когда все прочие КБ и НИИ были распроданы или превращены в доходные дома, «куда идти?» вопрошали многие, пламенно глядя в пустоту перед собой.

Во времена развитого социализма я, Король Кубков, пользовался незаслуженно высокой популярностью — это роднило меня с музкомедией и болгарскими курортами. Каждый второй расклад Алиса делала на меня. По науке я назывался «сигнификатором». И хотя мужчины, как и женщины, подлежат влиянию четырех основных мастей статистически равномерно, распадаясь на четыре основных группы, по замечательной иронии судьбы советские труженицы именно во мне хотели видеть символическое воплощение своего возлюбленного.

— Он какой, ваш мужчина? — спрашивала клиентку Алиса, теребя свои массивные янтарные бусы, привезенные из прибалтийского отпуска.

— Ну… какой-какой… ласковый, — отвечала девушка из отдела кадров.

— Чувственный?

— Очень.

— Знак Зодиака его не знаете? Хотя бы день рождения?

— Только познакомились…

— Глаза голубые?

— Кажется.

— Ну… — с покорным вздохом резюмировала Алиса, — значит, будет Король Кубков.

Я ложился в верхний правый угол стола, а подо мной, на сияющих священным ужасом глазах девушки из отдела кадров, росла «Малая подкова». Она сулила вопрошающей служебный роман в крымском санатории, два аборта и перевод с повышением.

Реальные возлюбленные этих девушек — машинисток, инжене-рок, лаборанток — в жизни были либо королями мечей, либо королями динариев, изредка королями жезлов (правда, эта честолюбивая публика сторонилась всяческих КБ, как проказы). Но девушки не замечали как будто. Они хотели видеть своих мужчин поэтами, страдальцами и этакими универсальными леонардо-да-винчами. Последнее было ближе к правде, нежели первое и второе. Мужчины, на которых гадали кабэшные жизели (уж я-то знаю, ведь я ходил за этой информацией к Заоблачным Вратам!), были и впрямь многогранны, но лишь в сфере личного. Дома — поблекшая жена при упрямом чаде, в курортном городе — подруга-художница, на десять лет старше, в конторе — страстишка с химией и на каблуках. В поэзии они не смыслили дальше «все возрасты покорны», а если и страдали, так от простатита.

Внучку Алисы Егоровны звали Тата.

Ей было одиннадцать с половиной лет. Опасный возраст, когда в теле уже пробуждаются дурные репродуктивные соки, а ум и душа еще вовсю живут бесполой горней тишиной андерсеновских сказок и звериным озорством санных катаний с ледяной горы. Возраст, изрядно осквернённый писателем-бабочковедом и основанной им сектой литераторов-лолитописцев. К счастью, наша Тата была неним-фетна — не то чтобы совсем некрасива, но вовсе не отмечена печатью той особой, через старческие морщины и целлюлит пробивающейся прелести, которая уже в тринадцать-четырнадцать делает девочек капризными и блудливыми.

Лицо у Таты было широким, с чуть припухшими от застоя

лимфы щеками и большим красным ртом, глаза же, напротив, были у нее небольшие, неопределенного какого-то грязно-серого цвета, взгляд чаще рассеянный или отсутствующий, речь медленная, грубоватая, по-мальчишески маловнятная. Славных русых кудряшек, абрикосового пушка на лядвеях и выразительных гримасок, вызывающих приток крови к пещеристым телам — всего этого за Татой не водилось. В общем, с точки зрения современных эстетов, второй сорт. Королеве Динариев, она самая дальнозоркая из четырех королев, было ясно: когда Тата вырастет, служить она будет Мужскому Богу, а вовсе не Великой Богине, что, впрочем, не помешает ей при желании выйти замуж и произвести одно-два чада.

Мы, плоский народец, познакомились с Татой одним зимним вечером.

Тата болела пневмонией, Тату лихорадило. Алиса, на попечении которой уже несколько лет находилась девочка, не знала, что предпринять, чтобы облегчить горящему тельцу его не в этой жизни заслуженные мучения. Тата отказывалась кушать, отказывалась разговаривать и, что самое вредное, не желала принимать лекарства. Только брыкалась под одеялом и жалобно подвывала. Бабушка уже почти согласилась с тем, что дитятко придется поместить в больницу — брыкание Таты она принимала за судороги. Чтобы поднять болящей настроение, был закуплен целый лоток киндер-яиц с игрушками внутри. Но, выковыряв из шоколадной скорлупы дурно отлитый из пластмассы трехколесный велосипед, фигурку рыцаря с копьем и пупырчатую жабу, Тата потеряла интерес к забаве, смахнула дребедень с одеяла на пол и громко, жалобно разревелась.

— Не хочу яйца! Хочу сейчас карты!

Ни слова не говоря, бабушка принесла Тате затрепанную колоду игральных карт, она осталась от первого мужа нашей патронессы, барабанщика военного оркестра.

— Не эти карты! А твои! Те, такие красивые! — приостановив рев, прогундосила девочка.

— Мои?

— Ну те, с которыми ты разговариваешь, когда гости приходят! Я видела!

— Мои тебе нельзя, — отрезала бабушка.

— Сейчас можно!

Помрачневшая Алиса проскрипела стареньким паркетом в направлении своей спальни. Вернулась уже с ларцом в руках. А внутри ларца, как уже было сказано, дожидались мы, плоский народ.

Это в грубоматериальном мире мы плоские, а в других слоях

прозрачного торта Вселенной мы очень, очень многомерные. Впрочем, я повторяюсь… Для нашей патронессы доверить внучке свою заветную колоду означало пойти на подлинную жертву — она пребывала во власти предрассудка «одна колода — одна рука» (впрочем, как и все предрассудки, этот является таковым лишь отчасти). Алиса наивно полагала, что за всю двадцатилетнюю историю нашей с ней дружбы мы, арканы, бывали исключительно в ее руках.

На самом деле пальцы-чужаки оскверняли нас дважды — первым был проверяющий Тихон Модестович, седовласый кагэбэшник с грозно-костлявым лицом — Алиса еще не родилась, а он уже троцкистов чистил! Тихон Модестович обнаружил нас аккуратно завернутыми в линейчатый тетрадный лист на дне сейфа, который материально ответственная Алиса полагала своим персональным.

Второй раз случился, когда клиентка Алисы — помню, она гадала на наследство, — воспользовавшись неожиданной отлучкой гадалки по вызову начальства, пошла на поводу у деятельного бабского любопытства. Выхватила нас, оставленных без присмотра, из ларца и перещупала, а потом еще и надругалась — раскладывала нами, точнее, пыталась раскладывать, вульгарный пасьянс «Колодец».

Помню, мы были обескуражены таким обращением и сразу же сменили наши парадные, запредельно-значительные лики на глянцевитые, шарлатански-пафосные личины. Щеголи-пажи вдруг стали скучными и пустыми, как геи-манекенщики, короли предстали мужланами, а королевы сделались похожи кто на старую перечницу, кто на пропустившую свой поезд Каренину, а кто и на Раису Горбачеву (стоял восемьдесят седьмой год, и воздействие этого образа на простую женщину было сродни действию рвотного). Нарушительнице наскучил пасьянс, она сложила нас в ларец, а там и Алиса вернулась…

С тех пор маленькая Тата частенько к нам приходила, обычно по воскресеньям.

Стоило бабушке, громыхнув бронированной дверью, отправиться на продуктовые закупки, как Тата, проворно выскользнув из-под одеяла, вприпрыжку неслась в ее комнату, вставала на четвереньки перед кроватью. Вначале долго-долго, цепляя черными волосами пушистую пыль, глядела по углам, искала, не поблескивает ли у дальней стены беглая бусинка или монета, очень уж любила она что-нибудь ценное найти. Затем все-таки извлекала ключ от заветного секретера из-под коврика и, шлепая тапками без задников, неслась к тайнику. Осторожно, как достают из аквариума морскую свинку, Тата выцарапывала

колоду из ларца и усаживалась на двухстворчатое бабушкино ложе (всегда аккуратно застеленное пледом — пионерка-Алиса не пропустила ни одной смены в пионерском лагере и спустя полвека все еще боготворила кроватный аккуратизм). Очарованная Тата часами рассматривала нас.

«Здравствуй, девочка Тата. Хорошо ли ты вела себя сегодня? Не дерзила ли старшим?» — спрашивал ее наш главный зануда Император.

«Посмотри на мои монеты, девочка. Один динарий я прижимаю к животу, два других — попираю ногами, четвертый — водрузил себе на голову. Я делец. По-вашему — бизнесмен. Если ты будешь слушать мои советы и советы Двойки Динариев, у тебя тоже будет свой замок с башенками и конюшней, не хуже того, что у меня за спиной», — шептал Четверка Динариев.

«Тебе нравится этот богатый кубок, маленькая принцесса? Он украшен самоцветами и сделан из лунного света. В нем — волшебное голубое вино, в котором растворены все любви мира. Смотреть в него гораздо интереснее, чем влюбляться. Потому что, когда ты в него смотришь, ты влюбляешься беспрестанно — и чувство твое сильно и безгрешно!» — уверяла Тату моя единственная королева, Королева Кубков.

«А я — Повешенный. Не нужно бояться, я не страшный. И повешен я не насмерть, а так, для опыта. Посмотри на меня внимательно! Я повешен за ногу, а от этого люди не умирают. Я самый гениальный среди плоского народца. Потому что я смотрю на мир не так, как все. Не люблю давать советы, ведь обычно им никто не следует. Но для тебя у меня есть один…» — бубнил Повешенный, раскачиваясь на своей веревке туда-сюда и его золотые волосы колыхались, как грива.

«Я — Королева Жезлов. У меня сильный характер и тренированный ум. Я нравлюсь тебе больше других королев. Угадала? Так и должно быть, ведь ты находишься под моим покровительством, и если кому-то придется гадать о твоей судьбе, именно моя карта будет олицетворять тебя, милочка!»

Монолог следовал за монологом. Правда, Тата нас почти не слышала (хотя «ее» карта, Королева Жезлов, и впрямь нравилась ей чрезвычайно). Она рассматривала старинные платья наших женщин, особенно, конечно, платье Хозяйки, гладила розовым пальцем нарисованные розы и лилии у ног Магуса, трогала ногтем огромный, как луна, бледно-желтый Туз Динариев и всматривалась в молодые лица пажей, пытаясь рассмотреть в них черты знакомых мальчиков.

Летние каникулы начались три недели назад.

Тата, считай, жила теперь во дворе. Дни стояли долгие, яркие, благоуханные. По вечерам во дворике детского сада, среди пестро выкрашенных гимнастических горок и алебастровых лукоморий, собиралась компания. Большинство ее завсегдатаев учились в той же школе, что и Тата, только на два-три класса старше.

Мальчики старательно, по-взрослому часто курили и оттого обильно, густо плевались. Их плевки висели на мясистых листьях подорожника, будто икра крупного земноводного.

Девочки делали вид, что сидят они на лавочках в детсадике лишь по недоразумению. И что белый «майбах», прямо из Глюкозьей песни «Невеста», уже выехал за ними, вот только по пути у миленького спустило колесо и некстати зазвонил мобильник («Из Администрации беспокоят!»), а потому поход в кино на вечерний сеанс откладывается до завтра. Добрая половина видела себя фотомоделями. Вторая половина — практически фотомоделями.

Слушали музыку, такую же убогую, как панельные многоэтажки с подсиненными краской швами, что геометрически громоздились вокруг.

Похвалялись мобильниками. У кого там камера, у кого плеер с радио, а у кого и шагомер!

Обсуждали роликовые доски и велосипеды, как на них прыгают, больно ли падать — стараниями рекламных агентств, помешанных на «урбан стайл» и всяческом «индастриале», тема, накрепко приклеенная к газировке, пиву и шоколадным батончикам, была в моде.

Неостановимо сквернословили.

Каким образом Тата попала в эту компанию, не знает даже всеведущая Королева Жезлов.

А вот задержалась она там из-за долговязого мальчика по имени Олег. Он был старше Таты на три года и, несомненно, относился к худшей разновидности людей, несущих на себе стигматы масти мечей. Влюбленные взгляды Таты он принимал трезво и расчетливо — как ценную находку, которую предстоит выгодно продать, а деньги — лихо прогулять. Он всерьез обсуждал с друзьями возможность близких отношений с Татой и в далекой перспективе даже совокупления. Те называли Тату «Малой» (эта кличка к ней вскоре пристала) и благоразумно советовали Олегу переключиться на сверстниц. Олег, однако, продолжал любезничать с Татой — в том понимании слова любезность, которое доступно зверятам: показывал «приколы» на эк-ранчике своего телефона, норовил угостить «Клинским», игриво душил.

Когда Тата уходила домой (происходило это ровно в девять, как велела Алиса), Олег и компания, по недостатку других тем, обсуждали Тату.

— Приколитесь, Малая сказала, что после школы пойдет в университет! — лелея прорезавшуюся в голосе хрипотцу, говорила девушка Анжела. Устроив между резцами пузатую, с белой полосой семечку, она хищно разгрызла ее.

— Работать? — спрашивал Веталь, восьмиклассник с безбровым лицом и шрамом на стриженной ежиком белявой голове.

— Дурак, учиться.

— На кого?

— На биолога, говорит.

— Брешет.

— А чего, у нее родаки богатые.

— Богатые? Да у нее даже мобилы нету!

— А деньги есть. Я ее вчера попросила занять две тысячи рублей, дала.

— Тоже мне — две тысячи.

— Олежа вот не дал, — Анжела кокетливо прищурилась. Получилось шлюховато.

— Да он и так всем должен. Будет он еще тебе давать. Да, Олежа?

— Разбежалась, — басил Олег, вырисовывая прутиком на песке скалящуюся рожу.

Так они и беседовали, оставляя после себя черную подсолнечную шелуху, неумелые, напитанные слюной окурки и плохие воспоминания.

— А давайте над Малой приколемся? — предложила однажды Алла, обладательница взрослого, по-бабски угрюмого лица с широким непородистым носом.

— Типа? — с особой, вопросительно-утвердительной интонацией поинтересовался Веталь.

— Типа Олежа ей назначит свидание. Эта придет. А мы будем смотреть и прикалываться.

— Ив чем прикол? — в голосе Веталя звучал скепсис, который апологеты рабочего класса склонны звать здоровым.

— Ну… не знаю.

— Вот если бы Олежа не пришел… на это свидание… вот это был бы реально прикол! — улыбнувшись углом рта, сказала Анжела.

— Да ладно. Подождет пять минут и чухнет. Всего прикола, — стоял на своем Веталь.

— Малая? Пять минут? Да ты ее не знаешь! — взвилась

Анжела. — Будет час ждать, а потом еще разревется!

— Ну и толку?

— Проучим ее.

— Хоба, а можно круче! — оживился девятиклассник Мичин, его все звали по фамилии. Чувствовалось, он не на шутку разгорячен идеей. — Пусть Олежа забьет ей стрелу в Магазине. Она туда внутрь зайдет. Мы засов задвинем. Посмотрим, что она будет делать.

— Обделается, наверное, — хмуро усмехнулся Веталь. — Будет орать: «Олежек! Любимый! Спаси меня! Мне так страшно!», — последние слова Веталь произнес тоненьким голоском, небесталанно изображая девичье отчаяние.

— Может, ну его к бесу? — вяло возразил Олег. Большими пальцами обеих рук он щупал клавиатуру мобильного — пока товарищи спорили, отстреливал летящие из правого верхнего угла экранчика звездолеты мутантов.

— Ты вообще сиди. Твое дело только ей сказать, — задумчиво изрек Мичин и в качестве последнего неотразимого довода добавил: — Ты мне должен вообще, забыл?

К своему первому свиданию Тата готовилась в вихре деятельного исступления — будто собиралась в школу к самому первому Первому сентября. Впрочем, ведь и свидание — первый класс взрослой жизни.

Прыщ над бровью был с горем пополам выдавлен, ранка прижжена водкой, найденной в холодильнике (Алиса держала ее для компрессов). Ногти — вычищены и подпилены. Волосы вымыты, причем дважды. Тата даже выстригла себе челку — кромка получилась косой, но так даже актуальней, успокаивала себя она.

Набег, совершенный поутру на косметический столик Алисы, принес Тате несколько полезных трофеев: тональный крем (им Тата собиралась замаскировать ранку от прыщика), перламутровую помаду и лак для ногтей. Правда, маникюра, несмотря на полтора часа мытарств, у Таты не получилось — кисточка в неумелых руках облизывала что попало и помимо собственно ногтей золотисто-оранжевый колер приобрели также и нежные беленькие кутикулы. Насупившись, Тата свела лак вонючим ацетоном.

Примерно два часа Тата крутилась перед зеркалом, примеряя уведенные из шкафа бабушкины торжественные платья времен щедрых премий за проектирование газопровода Уренгой-Помары-Ужгород. Поначалу задумка явиться пред очи Олега а-ля Королева Кубков казалась ей прекрасной. Но потом, вспомнив

заветы Анжелы и Аллы («слишком навороченных пацаны стремаются!»), Тата остановилась на джинсовом сарафане и полосатой кофточке, каковая, впрочем, вскоре обнаружилась в корзине для грязного белья. Пришлось согласиться на футболку с надписью «Sharm-el-Sheih». Старая Алисина клиентка, владелица агентства недвижимости Варвара Петровна, презентовала эту футболку на Татин день рожденья.

В молодости главбух Варвара гадала на любовников, затем переживала за оболтуса-сына, то и дело ввязывавшегося в мутные истории с давящими очертаниями казенного дома на заднике, а после пятидесяти открыла для себя вечные ценности в виде мохнатого кобеля по кличке Бендер, свежевыжатых овощных соков и отдыха на морях по системе all inclusive. Теперь Варвара Петровна приходила редко, в основном, чтобы подстраховаться перед особенно важными сделками. Алису она уже давно, и отчасти заслуженно, воспринимала как соавтора собственной судьбы. А гонорары всегда подзвучивала подарками и прочей милой мишурой женского приятельства.

Прежде чем покинуть дом, Тата выдернула из розетки видавший виды бабушкин «Локон» — попытка подкрутить кончики волос окончилась очередным за этот день фиаско.

Она почистила зубы, в восьмой раз надушилась и, на ходу пообедав шоколадной вафлей и помидором, бросилась вниз по лестнице.

Сердечко Таты стучало громко.

«Магазином», где назначено было Татино свидание, называлось гадкое и глухое место — один из отрогов построенной еще при царе Леониде станции, обеспечивавшей очистку сточных вод городской канализации.

С высоты полета стрижа станция напоминала бетонную черепаху — раскинувшую лапы, вытянувшую навстречу не поймешь чему тупую башку и, словно рулевым веслом, помогающую себе обрубком хвоста.

С наступлением капитализма коммунальное тело города ссохлось и одряхлело. Окраинная станция-черепаха, неподалеку от которой, считай, оканчивался город, не составляла исключения. Зимой в облупившихся помещениях станции ночевали бомжи, на подступах к ней сводили счеты беспризорные собачьи стаи. Что, впрочем, не мешало станции функционировать — в ее черных глубинах, как встарь, урчало, дрожало и механически переваливалось что-то значительное.

Многие служебные комнаты, ранее всегда закрытые, теперь были распахнуты настежь — делай, что хочешь (засовы и замки

сдали на лом сильно пьющие, а оттого ежеутренне предприимчивые граждане).

Одну из таких комнат, правда, с уцелевшим засовом, глядящую дверью на далекие бетонные брикеты Татиного района, облюбовали для своих идиотских нужд пацаны — там они курили (один раз даже низкосортную ростовскую дурь), понемногу выпивали и мечтали о разных гадостях.

На дверях повесили найденную на свалке табличку.

Вся в ржавых пятнах, она сообщала расписание работы некоего магазина. Обеденный перерыв с 13–00 до 14–00 на ней обозначался стилизованной чайной чашкой. Над ней левитировала черная запятая ароматных испарений.

Дверь Магазина была притворена. И Тата робко постучала.

На часах без пяти минут пять. Но, может статься, Олег, как и подобает Ромео, пришел раньше?

Не ответили.

Тата смело вошла. Здесь она уже бывала однажды, вместе с Анжелой — тогда Анжела забыла в Магазине солнцезащитные очки (девочки в Татином дворе носили их до самого октября, по большей части на темечке — получалось нечто вроде кокошника).

Скрипнули пружины продавленного дивана, Тата устроилась в углу. Она причесалась, скрестила руки на груди и принялась ждать.

В умной головке Таты хороводили сцены романтических объятий из урывками виденных мелодрам.

Она даже придумала, что скажет Олегу, когда он наконец появится.

«А давай уйдем отсюда! Здесь так мрачно!»

«Но куда?» — спросит Олег.

«К метро прогуляемся. Там открылся новый зоомагазин!»

«Зоомагазин? Круто! Ты любишь животных?» — спросит Олег.

«Еще бы! Особенно морских!»

«Хоба! Типа тюленей, да?» — спросит Олег.

«Ну да. И дельфинов. Они очень развитые!»

Вот как-то так.

Когда она, разнеженная амурными видениями, вынырнула из кокона грез, на часах было пятнадцать минут шестого.

Западное уже солнце пробралось сквозь щель в двери Магазина, проложило янтарное шоссе через противоположную дивану белую стену-целину, вырвало из сумрака цветную латку плаката, бесплатно прилагавшегося к глянцевому журналу о компьютерных играх. Парень и девушка с косой до пояса, одетые в форму времен Великой Отечественной, смотрели в мир озлобленными глазами профессиональных героев. В руках они

сжимали оружие.

«В тылу врага» — гласила надпись. Слева от плаката чернела дверь, уводящая в глубь станции.

Не успела Тата как следует рассмотреть бесстрашных красноармейцев, как в комнате стремительно потемнело.

Это дверь захлопнулась.

Вначале Тата подумала, «ветер шалит», но когда с той стороны прошуршал железом по железу длинный язык засова, Тату осенила мучительная догадка — вот только что белая рука провидения пере-листнула первые страницы новой сказки, где нет морских животных, поцелуев взасос и никому не интересны зоомагазины.

Я тоже это почувствовал. И окончательно проснулся.

Весь предшествующий этому месяц мы, плоский народ, были погружены в свой уездный сон наяву, прерываемый редкими выездами да балами: какими роскошными раскладами развлекала нас Алиса на глазах оторопевшего захожего мосфильмовского режиссера — гадал на кассовые сборы! Увы, клиентов, как и всегда летом, было негусто, проблемы у них были ерундовые («поступит ли Саша в институт?», «куда подевался загранпаспорт?»), словом, наши вакации длились и длились. И мне даже начало казаться, что в сфере Энроф, по крайней мере, в сфере моей ответственности, все к лучшему, и незачем трудиться, и незачем вообще. Я почуял неладное, лишь когда в половине пятого Тата рывком раскрыла наш бархатный ларец, похитила колоду и сунула ее, прямо в кисейном чехле, в единственное отделение своей длинной сумочки с фотографией щенка на холщовом боку.

Слева от нас мистически шуршали новые сторублевые купюры, справа химически пованивал золотистый лак для ногтей и розовая помада бабушки Алисы. Над нами скрипел поддельной крокодильей кожей красивый взрослый органайзер — девственно чистый, добротный, взятый явно за компанию.

Когда дверь Магазина захлопнулась, по воде в моем кубке пробежала ничего хорошего не обещающая рябь.

«Что же это теперь будет?» — крикнул я, адресуясь по преимуществу к старшим арканам. Я был растерян.

Мы, плоский народец, не то чтобы знаем больше людей. Мы знаем совсем другое. Если люди — это зрители в зале, то мы — рабочие кулис. И даром что нам гораздо чаще, чем людям, кажется, будто мы постигли замысел Режиссера. А впрочем, может, и постигли. По крайней мере, Ангел Умеренности, Звезда и Смерть производят именно такое впечатление.

Комната погрузилась в густые сизые сумерки.

Как ни странно, Тата совсем не испугалась.

Она подошла к двери, прислушалась — получилось совсем бесшумно, благо на ней были тряпичные туфли на резиновой подошве. С той стороны доносились смутные шорохи.

«Наверное, какой-то рабочий шел мимо, видит — дверь открыта.

Подумал, что непорядок. Вот и закрыл», — решила рассудительная Тата. И тут же додумала: «Ну ничего. Придет Олег, откроет».

Отыскавши быстрое утешение, Тата возвратилась на свой диван. Стараясь не скрипеть пружинами, уселась.

Прошло еще пятнадцать минут.

Впервые Тата пожалела о том, что так и не выпросила у Алисы свой собственный мобильный телефон.

Она вновь подкралась к двери и прильнула к ней ухом.

Там, снаружи, наметилось уже отчетливо уловимое движение — хлесткий шелест ветвей ближней сирени, толчки, сдавленное хихиканье.

И вот, словно новая тема в партитуре — «Черный бумер под окном катается…» — пропиликал мобильник Веталя.

Тата сразу узнала позывные.

И комок обиды подкатил к ее цыплячьему горлу.

Сразу придумалась еще одна, все объясняющая история.

«Олег не смог прийти, потому что у него опять заболела мама. Он побежал за лекарствами в аптеку. В это время возле Магазина случайно оказался Веталь. Он увидел, как я зашла в Магазин, и решил меня проучить. Потому что в Магазин нельзя никому заходить без разрешения Веталя. Потому что он тут хозяин, ведь это он нашел диван, принес из дома чайник, и пепельницы из пивных банок тоже сделал он, Веталь».

Все в этой истории было неправдой. Даже электрочайник принадлежал Мичину. Но одна интуиция была верной — Тата поняла, что Олег уже не придет.

Решение бежать буквально затопило Тату. Ей вдруг стало до слез омерзительно. Перед ее мысленным взором встало отталкивающее, плоское лицо Веталя, и она поняла, что встреча с ним не только нежелательна, она немыслима.

«Надо в эту дверь, которая ведет в подвал, а потом, наверное, на ту сторону станции. Выйду там из какой-нибудь такой же двери. Во всех больших старых постройках много всего одинакового. Наверняка есть такой Магазин где-то там. В крайнем случае, всегда можно вернуться…»

Размышляя так, Тата подступила к двери рядом с плакатом

из компьютерного журнала. Деликатно, стараясь не создавать шума, приоткрыла ее. Разглядеть, что там, во мраке, было трудно, явственно наметились лишь бетонные ступени — они воском оплывали вниз. Из глубины дохнуло сыростью, мочой, стоялой водой.

Но отвращение, которое испытала Тата, представляя себе, как будет спускаться по лестнице, заросшей экскрементами своих дворовых приятелей, было совсем небольшим по сравнению с той физиологической, необоримой гадливостью, что внушал ей Веталь — с его кривыми улыбками и шепелявой, под урку, речью.

Вдруг Тата вспомнила о коробке спичек, он лежал рядом с электрочайником на столе. Тихонько возвратилась, схоронила коробок в нагрудном кармане сарафана и юркнула в темный лаз, притворив за собой дверь.

Тата никогда не была трусихой. Не боялась ни высоты, ни пауков, ни страшилок про морское диво Ктулху и Черную Руку.

И все-таки, когда она обнаружила, что мрак за ее спиной уплотнился и стал как будто упругим, даже ее бесстрашное сердечко присмирело.

«Бояться очень глупо, надо идти дальше!» — подбодрила себя она.

Четверть часа прошло с тех пор, как Тата достигла конца каменной лестницы, начинающейся в Магазине, и, очутившись под сенью высокого черного свода, несмело двинулась вперед, держась рукой за стену.

Запах фекалий уже давно развеялся — забираться так далеко от двери Магазина приятели Веталя не отваживались. Зато утвердился запах гнили. Казалось, гнил сам воздух.

Шлепающим звукам Татиных шагов аккомпанировал плещущий рокот воды, но откуда именно он доносился — Тата не могла разобрать. Как будто отовсюду разом.

Звук этот обнадеживал Тату. Ей казалось, он подтверждает ее теорию, согласно которой она находилась под самым брюхом «черепахи», где что-то такое, индустриальное, с водой происходит. А коль скоро так, значит вот-вот впереди покажется лестница, родная сестра той, по которой она спустилась, только ведущая наверх…

Она чиркнула спичкой (это была уже третья, еще нескоро Тата поймет, что спички следует экономить). Бетонный свод впереди безнадежно длился.

Коридор, по которому она теперь шла, был сравнительно чистым, прямым, сухим и почти нестрашным. На его стене были начерчены таинственные аббревиатуры «АВХ-1», «НН-НП»… Тата

не понимала, конечно, их смысла, но буквы, милые русские буквы, согревали — в самом их кириллическом образе мреяло что-то родное, школьное. Погладив очередную абракадабру подушечками пальцев, Тата двинулась дальше.

Когда коридор начал как бы нехотя забирать вверх, Тата вновь воспряла духом.

«Значит, правильно я догадалась!» — подумала она. И еще: «Как здесь холодно…»

Тата заторопилась, ускорила шаг, но вдруг споткнулась о бетонный наплыв и нелепо растянулась на полу. Подобралась.

«Не страшно», — утешала себя она, стараясь не вспоминать, как настырно саднит ободранная коленка.

Впрочем предвкушение скорого избавления заставило Тату совсем позабыть о боли. Она вслепую отряхнула сарафан и как могла быстро зашагала к грезящейся цели, вот здесь, должно быть здесь, за этим порожком.

Однако никакой лестницы наверх, в Магазин-близнец, за порожком не обнаружилось. Коридор рывком уходил вправо и… вниз.

Еще одна спичка уныло потухла.

Тата шморгнула носом.

Ослепленные пламенем глаза нехотя привыкали к кромешной темноте, плавно переходящей в кромешную, склепную тишину и обратно.

«Наверное, надо назад», — рассудила Тата и неуверенно обернулась.

Чернота. И позади, и впереди она была как будто одинаковой. Но чернота впереди все же казалась чуть более привлекательной, поскольку незнакомой.

А вот чернота сзади… С каждым мгновением становилась она все более недружелюбной. На нее все меньше хотелось смотреть. В нее не хотелось снова входить. Это была уже «использованная» чернота.

Но главное, там, за завесой плотного смрада, ее ждал Веталь и его глумливые приятели.

«Нет, назад никак нельзя», — с тяжелым вздохом решила Тата.

Она сделала три неуверенных шага. От тщетных попыток разглядеть что-либо у нее начали слезиться глаза.

Тата грубо растерла набрякшие веки пальцами и решила, что дальше пойдет с закрытыми глазами. Вытянув вперед руки. «Как робот», — подумала она, и эта метафора очень ей понравилась. Она напоминала о мультфильмах, где роботам все нипочем.

Так она и двигалась — медленно, монотонно, механическими

мелкими шажками слепой.

Все дальше удалялась Тата от Магазина, от «черепахи», от безмятежности своего медленно иссякающего детства.

Наконец удача как будто улыбнулась ей.

Коридор влился в коротенький, с бетонными кольцевыми наростами проход, затем был шершавый пандус, ведущий в гору. Вскоре возник еще один тоннель, который вдруг сошелся с более просторным собратом, по дну которого протекала… речушка!

Тата обрадовалась ей, как радуются знакомому лицу в скучном заграничном отеле. Вода! По крайней мере, можно думать, что в воде кто-то живет. Ну кто-кто… рыбки какие-нибудь, головастики, червяки… Живые, добрые, глупые твари. Вода облизывала ноги Таты жирным, теплым языком.

Беспечно чиркая спичками, Тата захлюпала вперед, прилежно прикусив губу. Как же она обрадовалась, когда за плавным поворотом тоннеля послышался задорный собачий лай!

Звуки эти не казались гулкими, ухающими, как если бы собака находилась в тоннеле. Да-да, доносились они откуда-то… снаружи! Из большого, напоенного летом мира!

Взволнованно дыша, Тата миновала поворот.

И застыла, на миг сраженная блаженной картиной — злая чернота редеет, истончается до серого мерцания и превращается… в столб медового света, пронзающего подземелье!

— Вот же классненько… Классненько! — ликуя, прошептала Тата.

Она сощурилась, приглядываясь. Все так и есть! И это никакой не мираж!

Тату подхватила и понесла волна счастья.

Она задорно шагала по руслу тоннельного ручья, поднимая мириады мутных брызг.

Не прошло и пяти минут, как она оказалась в центре вожделенного золотого столба. Там ручей образовывал нечто вроде отмели. Тата откинула со лба мокрые от пота волосы, выбралась на отмель и посмотрела вверх.

Итак, она находилась совсем недалеко от поверхности. Метрах в трех-четырех.

Прямо над ней зияла дыра распахнутого канализационного люка. Когда-то к ней, по сделавшейся вдруг совершенно плоской стене тоннеля, вели железные скобы-ступени. Теперь их не было.

Тата закричала. Потом вновь позвала на помощь.

Но помочь никто не вызвался.

Она голосила еще долго, не столько уже уповая на подмогу, сколько стремясь выкричать, выдавить из себя воплем ту

подрагивающую, тяжелую муть, которая облепила изнутри ее легкие, запрудила брюшину, свинцовой слизью обволокла горло.

Как ни странно, Тата не заплакала, как заплакал бы на ее месте всякий.

Она лишь насупилась и сглотнула горький ком отчаяния, как когда-то глотала микстуры. Затем вынула из сумочки колоду, нашла в ней меня — без лишней скромности отмечу, что она доверяла мне больше других королей (злые языки утверждают, это оттого что я напоминал Тате ее дядю Максима, бездетного инженера-атомщика) — и переложила меня в нагрудный карман джинсового сарафана.

Я не стал надоедать ей словами утешения. Сказать по правде, не было на них времени — она смотрела мне в глаза пять десятых секунды, и за это крохотное времечко я должен был успеть сообщить ей кое-что полезное.

«У тебя в сумке органайзер. Если несколько его страниц вырвать и покрепче скрутить, получится хоть и быстрый, но все же факел».

Тата меня услышала. И, бросив прощальный взгляд на лжеспасительный люк, двинулась дальше.

Разветвление петлястого, похожего на кишку тоннеля, по которому она шла, не сворачивая, около часа, Тата предсказала на ощупь — изменился рельеф стен. Изъеденный временем, заросший грибком бетон вдруг обратился оштукатуренным кирпичом. Штукатурка была сравнительно свежей, пахла привычно, буднично — подвалом, подъездом, стройкой — и куда отзывчивее отвечала на Татины касания. Да и изнуряющие гнилые миазмы как будто исчезли!

Тата решилась зажечь спичку (к слову, их теперь оставалось девять штук плюс одна сломанная). Подпалила факел (после некоторых колебаний она все же раздербанила дорогую вещь). И… о радость! Обнаружила… обнаружила вот что.

Тот отрезок кишки, что был отштукатурен, плавно шел вниз. Он казался более ухоженным и почти даже прохожим. А вот другой, существование которого она заподозрила по слабым токам воздуха, шел резко вправо и оканчивался ступеньками. Ступеньки эти вели наверх (направление интуитивно радовало Тату, ей просто физически хотелось света, как хочется есть или пить), но выглядели запыленными, доисторическими.

Так вверх или вниз?

И тут она вновь вспомнила про колоду в своей сумочке; то ли самый горластый из нас — Дурачина — смог до нее докричаться, то ли Отшельник дошептался. Она извлекла карты. И жестом,

которым размазывают блинную жижу по сковороде, разложила нас рубашками вверх прямо на полу (в точности таким манером лет восемнадцать назад делала это начинающая гадальщица Алиса).

— Дорогие… люди из колоды! Пожалуйста… подскажите… что-нибудь! — сбивчиво прошептала Тата. По дрожи ее пальцев было ясно: она вытащит всего одну карту, больше просто не решится.

Мы, плоский народец, соображаем быстро. Отвечать вызвался Рыцарь Мечей.

«Мой меч указывает как раз в сторону оштукатуренного тоннеля. Если она пойдет по ступенькам вверх, то попадет в тупик и до утра не выберется! В общем, пойду я!» — воскликнул он.

«А если она подумает, что ты символизируешь совсем другое? Вдруг она решит, будто твой бравый вид обещает ей, что никуда спешить не надо и с минуты на минуту появится спаситель на белом коне и в латах? Точь-в-точь как ты?» — нудным голосом спросил вечный перестраховщик Семерка Динариев.

«Да отстань ты!» — бросил Рыцарь Мечей, записной грубиян.

Тата ощупью вытащила случайную — как ей казалось — карту, положила ее на бетонный пол перед собой и зажгла факел.

Рыцарь Мечей пронесся во весь опор сквозь дрожащий пламень. Мол, следуй за мной!

— Ладно. Сделаю так, — кивнула сообразительная Тата.

Труба, по которой теперь, согнувшись в три погибели, следовала девочка, была выкрашена серо-зеленой краской, которую изобрели в шестидесятые годы минувшего века исключительно для того, чтобы наводить на сынов человеческих уныние и тоску. Неудивительно, что именно ею красили советские вытрезвители духа — коридоры загсов, приемные комиссии институтов, казармы и ленинские комнаты.

Чтобы отвлечься от незавидной своей доли, Тата предавалась излюбленному занятию — мечтаниям о живой шиншилле.

Пушистые эти крысы страшно нравились ей. Она представляла себе, как заведет одну. Как будет кормить ее пророщенным овсом и отрубями, какой славный, с опилочной выстилкой внутри, устроит ей домик, как станет лечить ее, если та заболеет.

Когда труба, к явному облегчению измучившейся путешественницы, открылась в вымощенную кирпичом подземную галерею, Тата вдруг вспомнила, что так и не придумала своей шиншилле кличку. Больше других ей нравилось

имя Иннокентий, но тут крылся подвох: еще на прошлый день рожденья она твердо решила, что шиншилла, которую ей обязательно подарят на следующие именины, будет девочкой. И как же быть? Допустимо ли назвать девочку-шиншиллу Иннокентией? — вот какой вопрос обдумывала Тата со спасительной увлеченностью.

Это был самый угрюмый участок подземелья из всех, что Тата уже миновала.

То и дело в галерею, где-то на уровне Татиных ляжек, открывались узкие прямоугольные отверстия-бойницы, заполненные тяжелым удушливым газом (мы, плоский народец, предолго спорили, о том, что это за дрянь и откуда она). Шелушащиеся стены галереи были обильно покрыты разновсяким мусором: прошлогодними листьями, истлевшими газетами, линялыми пищевыми пакетами и комьями грязи — вероятно, весной и осенью помещение затопляли сточные воды…

Потолок галереи был достаточно высок, но если в человеческих жилищах высокие потолки сообщают находящемуся в них комфортабельное чувство неба, то в подземельях высокий потолок неприятен, он лишь сообщает мучительной тревоге еще одно, третье измерение…

«А если бабушка и в этот раз не разрешит шиншиллу, я пойду и сама куплю, наперекор!» — постановила Тата. И тотчас споткнулась о горку битого кирпича, что громоздилась возле обваливающегося участка стенной кладки.

Тем временем потолок галереи становился все ниже. В ближайшем будущем галерея грозила выродиться в очередной, до дрожи знакомый Тате, серо-зеленый коридор. Так и вышло. Однако имелось в этом новом коридоре и кое-что необычное — по потолку ползли упитанные электрические черви-провода.

Справа от входа в коридор виднелась дверь неопределенного буро-коричневого цвета.

На двери — рисунок белой краской. Носатый, с дерзкой ухмылкой солдат курит отчаянно дымящую сигару. В правой руке вояки — бутылка с тонким водочным горлышком. В левой — нечто вроде поезда с вагончиками, Тата не сразу угадала в нем стилизованный шашлык на шампуре. Надпись: «Дембель-86».

Тата так увлеклась разглядыванием граффити, что совсем не заметила табличку с черепом и костями, которая сиротой стояла в полуметре от порожка.

Возле двери, которая выглядела опрятно и лжеспасительно, Тата вновь занервничала. А вдруг ей нужно вовсе не в коридор, который, конечно же, продлится еще одной осклизлой трубой. А в эту самую смешную дверь? А вдруг там… лифт наверх?

Тата воспламенила еще один факел от старого, уже агонизирующего, и в неровном его свете вновь разложила колоду.

— Что там за дверью? — спросила она.

Дискуссии на предмет того, как именно Тате ответить, на этот раз заняли у нас долгих два часа. К счастью, два часа по времени нашего Плоского Королевства, которое, как известно, идет гораздо быстрее человеческого. Для Таты же не прошло и двух секунд. Спорили о том, как подоходчивее объяснить девочке, какую именно опасность представляет собой старая трансформаторная будка с оголенными контактами.

Пятеро вооруженных забияк с Пятерки Жезлов голоса себе сорвали, ходатайствуя за вибрирующую средь молний Башню.

Дескать, Тата увидит, как объятые ужасом людишки валятся из окон Башни к вящей славе Господней, и поймет: туда ей не нужно.

Мы, партия умеренного устрашения, ратовали за Повешенного. Вот взглянет Тата на него и поймет — за дверью ее ждет кое-что посерьезней этой постной рожи с рыжей щетиной.

Но тут помогать вызвался сам Дьявол.

«Что ни говори, а страшней меня для простого человека карты нет, — самодовольно сказал он. — Вот сижу я, господин, с рогами и крылами, на черном троне, а у самых мохнатых ножищ — мои нагие данники, мужчина и женщина, к трону моему прикованные стальными цепями. И одного взгляда в глаза мои достаточно, чтобы остановиться!»

Мы согласились, хотя Дьявола, конечно, недолюбливаем. Но скорее за склочный нрав, чем за общую, так сказать, инфернальность. Ведь ко всем известному Князю Тьмы наш Дьявол отношение имеет такое же, какое дорожный указатель — к пункту назначения. Он всего лишь свидетельствует: эта дорожка ведет в ад, да и эта в перспективе ведет.

Дьявол оказался прав — Тата испуганно сгребла нас гуртом и, не глядя больше на дембельскую дверь, спрятала.

«Да дверь, наверное, и заперта…» — с притворной непринужденностью рассудила Тата и продолжила свое угрюмое странствие.

Злоключения Таты имели для меня одно отрадное следствие — моя любовь Королева Кубков оторвала-таки взгляд от драгоценной вазы с чародейственным вином.

Она отставила свой священный Грааль в сторону, по-детски трогательно зевнула, несколько раз сморгнула, чтобы отдохнули близорукие глаза-незабудки, и, поджав ножки в парчовых туфлях, удобно устроилась на троне. Не скажу, чтобы она позвала меня

или сделала мне знак внимания. Но, по крайней мере, теперь она могла его сделать!

«На этот раз я обязательно ее добьюсь!» — решил я. Но вместо того, чтобы тотчас отправиться к ней, как сделал бы стремительный Король Мечей, я лишь поплотнее закутался в свой желтый шерстяной плащ — с севера дул пронизывающий ветер опасности — и принялся робеть и печалиться, припоминая, какими были столетия наших с ней отношений.

Мы с Королевой Кубков созданы друг для друга. Так говорят все влюбленные, но, поверьте, в нашем случае это правда.

Мы принадлежим к одной масти, которая славна своей глубиной и сердечностью (в стилизованные сердца выродились наши кубки в игральных колодах, назвавшись «червями»). Наш цвет — голубой, наша стихия — вода. И бесплотные музыканты на далекой планете Нептун играют свои ноктюрны лишь для нас и тех, кто нам вверен.

Наши души похожи, как озерная вода на морскую. Они податливы, ранимы, чувствительны и непостоянны. В этом сходстве кроется и причина наших неудач, и залог нашего счастья.

Ведь что такое счастье в любви как не отсутствие необходимости все объяснять?

С другой стороны, разве скука — не движитель всех несчастий на земле?

Стоит сойтись, и нам обоим становится муторно — боимся заскучать.

И мы расходимся. То есть это она уходит от меня. А я остаюсь.

Расставшись со мной, моя Королева Кубков, словно хмельная ундина, ныряет с головой в романный омут.

Первым делом она бросается на шею Короля Мечей, чей каменный трон украшен изображениями мотыльков и чья любовь живет, извините за банальную метафору, столь же долго.

Вокруг его трона даже летом вьются ледяные смерчи, и оттого он никогда не откидывает на спину капюшон своего плаща, даже корону носит поверх. Представьте себе идиотский вид!

Лицо его — желтоватое, бледное, с запавшими щеками, набрякшими веками и выцветшими бровями — никто не назовет привлекательным. Но мою милую это не смущает — очутившись в мертвящей прокурорской ауре Короля Мечей, она и сама начинает мыслить как товарищ следователь. Во всем принимается выискивать смысл, справедливость, целесообразность (на этих меченосных нивах уродилось и присловье «с лица воды не пить»).

Начинает говорить многословно и цинично и вместо того, чтобы смеяться и дарить миру ласку, все время норовит «дойти до самой сути», с азартом дилетантки бросается воевать с мировой глупостью и рассуждать о бремени власти… Стоит ли говорить, что все эти вещи у Королевы Кубков получаются так себе? Разящий клинок абсолютного разума выскальзывает из ее белых рук, созданных для того, чтобы пеленать младенцев и промывать гноящиеся раны. Король Мечей быстро теряет к ней интерес, принимая ее эмоциональность за истеричность, а простоту за недалекость. Его чахлое либидо слишком быстро насыщается эликсирами ее взыскательного тела… Жаль, что фригидная всезнайка Королева Мечей (та самая Пиковая Дама из кошмаров старинных кутил) никогда не полюбит Короля Мечей. Плоский народец стал бы благополучней, будь эта пара замкнута сама на себя. Увы, секс между женщиной и мужчиной мечей по накалу страсти напоминает спаривание сельдей у берегов Антарктиды…

Когда роман с Королем Мечей увядает (в стиле «давай останемся как бы друзьями»), моя любимая принимается строить глазки Королю Жезлов, самому настоящему из настоящих мужчин.

По правде сказать, этот субчик нечасто сиживает на своем золоченом троне. Все больше рыщет, как лев, по окрестностям, высматривая самок для своего гарема, и королевства, оставшиеся без присмотра — что бы еще прибрать к рукам? Но моя искательница не прочь подождать. Она устраивается у края гранитной плиты, на которой стоит его кресло, и, пока тот шастает, смело, как желанная гостья, терпеливо ждет. Рассматривает суковатый хозяйский посох, тот самый, который, как скипетр, а может, как антенну, держит в руках Король Жезлов, когда ему приходится показываться на публике во время гаданий. Вертит в руках его островерхую корону, задумчиво поглаживает горностаевую оторочку плаща — все невозвратимей погружается она в мечты о том, каким блистательным и щедрым будет с ней Король Жезлов, когда вернется.

Пожалуй, из всего сонмища любовников моей королевы с Королем Жезлов мне примириться всего легче — по крайней мере, этот порыв я могу понять.

Будь я женщиной, наверняка соблазнился бы малахитовым блеском его очей, роковой тяжестью медных локонов и ребячливой широтой замыслов. И клиентки Алисы, обзывавшие по невежеству своих возлюбленных королей жезлов «королями бубен», всегда могли рассчитывать на мою консультацию. Увы, страсть Короля Жезлов недолговечна и подобна радости избалованного чада при виде горы новогодних подарков. Жаль

только, моя королева вот уже несколько сотен лет желает переоткрывать этот печальный закон природы исключительно на собственном опыте.

Когда пресытившийся Король, притворившись Шестеркой Жезлов, седлает белого коня и тайком, пока моя милая спит, обессиленная бурной ночью, уезжает на поиски непросватанных принцесс и непобежденных драконов, наступает время Короля Динариев.

Он подкупает мою королеву своим постоянством, домовитостью и практицизмом. Своей укорененностью в потоке дел и делишек. А также всем прочим, в чем он является полной противоположностью нашего рыжеволосого донжуана.

Поначалу Королеву Кубков умиляет его угрюмая неразговорчивость. Медлительность Короля Динариев она принимает за основательность. Его неспособность абстрагироваться, подняться над ситуацией и воспарить в небеса, где вольно живут белокрылые птицы идей — за глубокое понимание материального мира. Его страсть к земле, землице, она принимает за то же самое. А ведь это всего лишь пережиток крестьянского происхождения!

Начинают медленное течение их совместные дни. Он никогда не изменяет ей — здравый смысл нашептывает ему, что это глупо, имея задаром первоклассный товар, покупать на стороне такой же втридорога. Никогда не унижает ее своей холодностью — как бессердечный Король Мечей. И не требует от нее невозможного: объективности, расчета, кругозора. Что можно требовать от сундука или кровати — вещей в хозяйстве незаменимых и достаточно разумных по конструкции для своего незамысловатого предназначения? Сутками напролет Король Динариев возится с тем, что его занимает (починяет часовые механизмы и музыкальные шкатулки, перепроверяет складские книги), и много-много лет моей королеве невдомек — ее смуглокожий спутник любит не столько ее саму, сколько ее в контексте своего обширного хозяйства, как любят ажурную беседку в лиловом мареве клематисов — украшение сада; как ценят ладно сидящую на ногах пару туфель. Она не догадывается, что лучший друг Короля Динариев, его подлинное альтер эго, и есть тот самый Динарий, который он приобнимает, развалившись на увитом виноградными лозами троне. Кстати, о винограде. Если бы не пьянство, будничное и неостановимое пьянство, которое хочется написать даже с большой буквы, коему предается вечерами после хлопотных дней Король Динариев, она бы никогда не набралась отваги от него уйти, ведь он такой благонамеренный, почти совсем идеальный! Но и от него

весенним ручьем утекает моя королева.

И вот тогда, во всех нас разочаровавшись, она начинает глядеть в колдовской кубок (когда-то его преподнесла ей в подарок Верховная Жрица, подозреваю, с тайным намерением нейтрализовать опасную соперницу).

Человеческий телевизор — лишь жалкое его подобие. Миллионы любовных историй, слезливых и поучительных, пробегают живой рябью по его поверхности, все сильнее завладевая вниманием. Главное же, что роднит его с телевизором — через пятнадцать минут смотрящему уже на самом деле все равно, что смотреть, лишь бы не отрываться.

Когда моя королева глядит в свой кубок, она не замечает ничего вокруг. В такие периоды лишь очень сильный хозяин колоды, вроде парижского мастера парикмахерских дел Этейлы или английского поэта Йитса, может отослать ее к Заоблачным Вратам за полезными сведениями. А вот нашей Алисе это удается не всегда.

Нас же, королей, Королева Кубков просто игнорирует, как будто мы какие королишки.

Однажды, когда моя любимая смотрела в кубок восемь лет подряд, Король Мечей явился к ее трону просить прощения за все то, что… да практически за все! Но она даже бровью не повела. Взбешенный ее равнодушием, Король Мечей отсек парчовый хвост ее плаща своим двуручным эспадоном.

Я же просто жду. Знаю, знаю — однажды Бог сжалится надо мной и над моей королевой и разрешит нам начать сначала.

Мы сразу узнаем о Его решении. Когда Алиса возьмется тасовать колоду, карта Королевы Кубков как бы случайно выскользнет, взмоет вверх, сделает невесомый пируэт в воздухе и, перевернувшись, втиснется в махонькую щель, где находится карта, на которой изображен ваш покорный слуга. Через мгновение мы с ней встретимся в физическом мире бумажной колоды лицом к лицу, а не лицо к рубашке, как обычно. А еще через мгновение в нашем призрачно-плоском мире сплетутся наши руки. Ударит трижды хрустальный колокол в священной роще Хозяйки. Обернутся, взглядами благословляя нас, Влюбленные, сомлевшие у Древа Познания. А миловидный юноша и прекрасная девушка с Двойки Кубков переглянутся так понимающе, снимут со своих голов розовый и лавровый венки — они подарят их нам — и заторопятся в путь, чтобы поскорее оделить нас медом бессмертия.

Тогда наступит дымчато-сизое, лазорево-золотое, сиреневое наше счастье.

Тем временем Тата, посетив смрадный тупик с мумифицировавшимся трупом добермана и погрустив в заброшенной комнате, увешанной плакатами по гражданской обороне (люди, похожие на манекенов, в деятельном ожидании «вспышки справа» и «вспышки слева»), выбралась в широкий подземный ход, пол которого был с фантасмагоричной добросовестностью устлан размокшим упаковочным картоном.

Как в подземелье попал картон, знал только пронырливый Паж Жезлов, но тогда интересоваться такой ерундой мне было недосуг, а теперь тем более. Идти по прелой бумажной каше оказалось утомительно, то и дело Тата увязала в месиве по щиколотку. Пожалуй, если бы не чудовищная выносливость подростков, о которой молчат опытные физруки, дело могло бы кончиться по-настоящему плохо…

После получаса мучений Тате все-таки повезло выбраться в относительно чистый и сухой тоннель, который мирно следовал на север параллельно поверхности земли. Ничего забавного Тате в нем не встретилось. Казалось, с каким-то болезненным упорством законченного зануды тоннель наматывает метр за метром, ничем не впечатляя, ничего не суля.

Вот тут-то Татой наконец и овладело отчаяние.

Алое сердце Тройки Мечей, пронзенное хищными кинжалами, уронило в Океан Скорбей еще одну густую каплю.

Тата шумно зарыдала и уселась на утопающий во влажной глине отломок бетонной опоры, не жалея уже ни сарафана, ни себя.

Утешали всем миром.

Рассудительная красавица Девятка Динариев объясняла Тате, насколько это обыденная и скучная в сущности вещь — подземелья. А ее смышленый попугай бесстрашно передразнивал хозяйку, лишь бы только Тата улыбнулась. Виноторговец Девятка Кубков, самый медоточивый из нас, многословно и с жизненными примерами напоминал Тате, что за каждым испытанием обычно следует воздаяние — сытный обед с шоколадным тортом, смешная комедия с кутерьмой и приключениями, поездка в парк, где хрусткая сладкая вата и аттракционы. И даже нищеброды-попрошайки с Пятерки Динариев, вельми и вельми асоциальные элементы, и те внесли свою лепту: «Посмотри на нас, несчастных калек, девочка. Мы такие одинокие и малообеспеченные! Бредем, скрипя костылями, по заметенной снегом улице, а в ярко освещенных окнах с витражами пируют бессердечные горожане… Если по совести, мы, горемыки, куда несчастней тебя!»

Трудно сейчас вспомнить, кто именно возвратил Тате трезвость духа. Но она высушила слезы подолом юбки,

высморкалась в кулачок и побрела дальше.

Еще два часа восемнадцать минут шла она по тоннелю-зануде — ни поворотов, ни дверей, ни ступеней. Мы беспомощно наблюдали за ней из своего метафизического далека. И даже у Скелета текли по скуловым костям призрачные слезы сочувствия.

Светские беседы у нас в тот вечер не клеились — клей прокис…

Вдруг на дороге, ведущей к Заоблачным Вратам — это разглядел самый дальнозоркий из нас, Колесничий, — вздыбились клубы желтой пыли.

Вскоре показался и сам всадник — это был дюжий Рыцарь Динариев на своем вороном битюге по кличке Денежка. Он яростно охаживал мерина хлыстом, не позволяя взмыленной скотине сменить яростный галоп на щадящую рысь. Рыцарь Динариев — здравомыс-ленный тихоня, за много лет я обменялся с ним разве что парой реплик, да и те, кажется, о погоде. Совершенно бесполезным субъектом казался мне он. И надо же — отличился!

Пока другие вздыхали и охали, он взял да и съездил к Заоблачным Вратам безо всякого повода, так сказать, сверхурочно, чтобы только узнать, не повернулось ли Большое Колесо Фортуны хотя бы на сотую долю миллиметра! А ведь и впрямь выяснилось, что в Та-тиной судьбе произошла перемена участи и совсем скоро скучный тоннель врастет в выложенную песчаником старинную галерею, из которой до выхода на поверхность рукой подать! Опасностей на ее пути, считай, уже не встретится, — сообщил Рыцарь Мечей, ловя на себе восхищенные взгляды блудливых граций с Тройки Кубков. Кроме одной: на каком-нибудь из привалов девочка попросту заснет от усталости…

В девять ноль-ноль вся компания встретилась на пятачке возле конечной остановки трамвая. Анжела сияла — как-никак премьер-ный показ новых джинсов с обтрепанными дырами, стразами и бисером, отец подарил.

Ее товарка Алла была мрачна, как октябрь в Нефтеюганске. Во-первых, джинсов с бисером ей никто не подарил. Во-вторых, перспективы крутого отдыха с матерью в Турции, которым она чванилась с самых весенних каникул, стремительно таяли — мать завела любовника, дядю Валеру, и бросать его хотя бы на день, хотя бы и ради шикарного пляжа, побаивалась. Еще сбежит. Отправлять же Аллу в Турцию, так сказать, соло отказывалась наотрез. Это бесило Аллу. Она была уверена, что уже взрослая и отлично справится сама. После того, как они заперли Малую в

Магазине, Алла отправилась домой с намерением закатить истерику на глазах у дяди Валеры. Рассчитывала, что мать, которая из халата выпрыгивает, стремясь показать, какая она образцовая мамулечка, усовестится и выдаст ей денег на тур в Анта-лию. Или хотя бы пообещает путевку в молодежный лагерь под Анапой. Хоть что уже! Однако дома вместо мамы и дяди Валеры (рассказывая о нем друзьям, Алла всегда опускала это детское «дядя», хотя в разговорах с родными опускать отчего-то забывала) обнаружилась бабушка. Старуха подшивала тяжелые оконные шторы. Стучала, содрогалась швейная машинка, выпущенная на заре германского национал-социализма в городе Эссен. «Чего стоишь барыней? Помогла бы лучше!» — проворчала бабушка, с натугой обернувшись через плечо.

Веталь, Мичин и Олег пребывали с том томительно-хмуром состоянии духа, что звалось в их кругу «депрессняки».

Только что они высосали по бутылке несвежего пива на ограждении парковки оздоровительного центра «иSPAния». Обсуждали дорогие машины клиентов.

Выходило, для того чтобы заиметь статусный агрегат, нужно… нужно нечто в высшей степени непривычное.

Мужчины, которые, кряхтя, выбирались из-за руля «лексусов» и «саабов», вовсе не выглядели теми лохами, у которых можно что-то украсть безнаказанно, как крадут мобильники или барсетки. Напротив, в их движениях, походке и особенно в выражении глаз чувствовалась какая-то темная, лихая сила. Такие, если заловят, будут бить, могут даже искалечить.

— Мне вон та по кайфу, — растягивая большим и указательным пальцами серый шарик опостылевшей жевательной резинки, произнес Веталь по поводу серебристой «субару форестер» — из нее выскочил сутулый человечек с архитектурным кавказским носом. — Тонн на сорок затянет, если нулевую брать… Уважаю японцев!

Олег гладил глазами новенькую «бэху». Стояла она через два «шевроле» от приглянувшейся Веталю «субару» и была красива скользящей красотой какого-то иного, не то чтобы лучшего, но, вне всяких, более складного мира. Олег размышлял о том, как жить. Как жить — было совершенно непонятно.

— Вы чего такие… Что случилось-то? — спросила Анжела, играя бедром. Стразы, которыми был расшит вдоль шва ее бок, вяло вспыхнули в лучах ближней неоновой вывески.

— Да ничего. Просто пробило, — признался Веталь.

— Может, в автоматы зайдем? — предложила Анжела, разумея ближайшую ликерку, там за стеклянными дверьми призывно мигали «блэк джеки», «рулетки» и другие хищные

электрические ящики.

— Денег нет. А у вас?

— Тоже нету, — соврала Алла. Деньги у нее были, но, согласно сложившемуся в среде ее подруг комильфо, тратить их на пацанов было совершенно недопустимо. Это пацаны должны всегда тратить деньги на девчонок. Потому что это нормально.

— Надо бы Малую выпустить. Пора уже, — добродушно сказала Анжела. Ее пустое обычно нутро распирала радость обновки. Хотелось поделиться ею с другими. Даже с Малой, хоть она и странная по жизни.

— Пусть посидит еще, — бросил Веталь.

— Да ты че? Девять уже!

— Не гони волну. Не двенадцать.

— Все равно. Пошутили и ладно, — настаивала Анжела. — Сходите, мальчики.

— Согласен, надо выпустить, — неуверенно сказал Олег.

— Вот ты и выпустишь, раз ты такой принц! — обрадовался Веталь. — Мне влом в Магазин тащиться. Далеко.

— Да ладно там далеко! Пошли.

— На фиг.

— Не понял!.. Вместе запирали, вместе отопрем!

— Тебе, походу, в педагогический надо, — недобро усмехнулся Веталь. — Там такие нужны. Моралисты.

— Мне лично вообще до фени Малая. Просто не надо быть лохуш-кой, — заявил Мичин сквозь протяжный зевок. После пива его всегда клонило в сон.

— Это не дело, — попробовал возмутиться Олег.

— И вообще, Олежа. Ты стрелу забивал — ты и отвечай.

Олег поморщился. Действительно: в случае чего, отвечать придется ему. А так — еще есть шанс отбрехаться.

— Ну что, Анжелка, Аллка, айда Малую откроем. А то у меня потом еще дело будет. Важное, — предложил Олег, вкладывая в эти слова всю свою душевность.

«А он вообще ничего…» — подумала Анжела со смутной надеждой.

Алла отказалась, сославшись на просьбу родителей вернуться пораньше. Веталь и Мичин двинули в сторону далекой дискотеки, где у них якобы назначено с ровными пацанами, обещали работу на стройке. Вот и пришлось отдуваться Олегу и Анжеле.

Когда совсем стемнело, они нехотя покинули пятачок и двинулись в сторону Магазина.

Пересекли автомобильную трассу, спустились по насыпи к тропе.

Анжела уже жалела, что согласилась пойти — дважды она

зацепилась новыми джинсами за колючие кусты, и оба раза что-то блестящее и розовое оставалось колючкам в качестве гламур-трофея. А потом, корова, еще и в лужу вступила — теперь придется мыть новые кроссовки!

— Черт бы ее, эту Малую… — выругалась Анжела.

Дорога в темноте оказалась неожиданно долгой и невеселой. Видно было плохо, зато слышно хорошо — где-то совсем рядом уныло завывала бродячая собака, выходило похоже на старый фильм про какой-то Баскервиль. Они шли быстро, почти не разговаривали. Дойдя до Магазина, оба обнаружили, что запыхались.

Переглянулись.

Анжела ободряюще кивнула Олегу. Мол, твоя партия.

Олег репетировал, что соврет Малой.

«Вот же ж блин! А я думал, ты уже ушла! Тут Анжелка сказала, что ты пропала, решил проверить… И вот… Кто же это запер-то? Какая скотина? Ой… Ты, наверное, реально застремалась? Вот говорил же я тебе — заведи себе трубу, как все!» Главное назвать ее «дорогой Та-точкой».

— Слышь, Анжелыч, Тата — это Тамара или Таня? — шепотом осведомился Олег.

— Тамара, дурак.

Олег сделал три шага по направлению ко входу в Магазин. Он выглядел зловещим пещерным проломом в доисторической скале.

— Тата! Таточка! Ты здесь? — ласково прогундосил Олег. Анжела невольно прыснула со смеху. «Похож на актера из того бразильского сериала! Уматный!» Ответа не было.

— Тата! Отзовись! Тишина.

«Заснула, видать», — решил Олег.

Засов поддался легко. С протяжным скрипом распахнулась дверь.

— Татка! — Олег щелкнул зажигалкой. Колышущееся пламя осветило пустую комнату. С постера на вошедшего глянули недобрые лица бойцов Великой Отечественной.

— Ее тут нету! — крикнул Олег, обернувшись в темноту.

— Да вижу! — откликнулась Анжела. Теперь она стояла у него за спиной, совсем близко.

— А ведь была!

— Так типа была.

— Может, в ту дверь пошла? — предположил Олег, указывая в сторону приоткрытого входа в подвал. Из темной утробы засквозило смрадом. Отбил земной поклон и тотчас погас огонек зажигалки.

— Да чего она, дура туда лезть? Стремно там! — пожала плечами Анжела.

— Знаешь, давай лучше думать, что туда она точно не полезла, — постановил Олег.

— А куда тогда делась?

— Хэ зэ.

Загадка! Олег не любил загадки. Ненавидел даже с самого раннего детства, со времен книжонок с любознательными карапузами и болтливыми лесными зверями. Потому что сама идея тупая. Неужели сразу нельзя сказать правильный ответ?

— Давай позвоним ее бабушке и все выясним, — предложила Анжела.

— Гони номер.

— Сейчас. Только ты звони со своего. У меня денег децл.

Они стояли в нескольких метрах от двери в Магазин и курили одну субтильную сигарету на двоих. Медленно всходила луна.

— Как ее зовут? Бабушку? — шепотом спросил Олег. Под Анжелину диктовку он набирал номер Алисиной квартиры. Анжела тем временем прикидывала, где бы пописать.

— А я знаю? — зло сказала она. Звонок ясности не прибавил.

— Ну что там? — поинтересовалась Анжела, выходя из кустов. Оказавшийся неожиданно артистичным, Олег уже покончил с кривляньями, скорее галантными, чем озабоченными, не то наоборот.

— Бабца, походу, в ауте, — ответствовал Олег. — Малая еще не приходила, хотя обычно в девять как штык. Где лазит — неясно.

— А ты?

— Натрындел, что назначил ей свидание. Что, типа, родители напрягли на поручение. Типа родственник-инвалид, ля-ля тополя, и я из-за этого опоздал, а Таты уже не было. Что сам волнуюсь. Попросил, чтобы позвонила, когда что-нибудь выяснится. Ну и все такое.

— А она?

— Сказала, будет звонить в милицию.

— Типа эти помогут… — презрительно процедила Анжела. С молоком матери она впитала растворенную в пролетарской среде ненависть к блюстителям закона — чувство сие имело в кругу этих бедных, многажды обманутых людей столько же эмоциональных оттенков, сколько в иных кругах приписывается чувству любовному.

Оба шустро зашагали к городу. Похолодало, причем как-то вдруг, рывком, будто на небе включили кондиционер. Но идти было приятно — ходьба согревала. А вот останавливаться не

хотелось совсем, казалось, кто-то преследует, смотрит из темноты. Как в фильме про Холмса.

Взвесив свежие впечатления, Анжела пришла к выводу, что нисколько не хотела бы, чтобы Олег был ее парнем. Тормознутый он какой-то, беспонтовый. Видит же — девушка устала. Мог бы предложить… ну… понести ее на руках. Или отмочить что-нибудь прикольное. Рассказать… Продолжать мысль Анжела не стала — в голове как будто замерзло все, инеем покрылось.

Наконец добрались до трассы. Навстречу, обливая щурящуюся парочку дальним светом фар, несся «КамАЗ». За ним — две легковушки.

— Вышел ежик из тумана — кончилась марихуана, — продекламировала Анжела, приободрившись.

Тата проснулась. Но вовсе не от звенящего трубного звука, которым, рулада за руладой, пытался разбудить ее златокудрый ангел Страшного суда, подстрекаемый нашим братом. Но от звука человеческого голоса. Точнее, двух голосов. Мужских, далеких. Галлюцинация?

Чиркнула, еще раз чиркнула Тата последней спичкой.

Обросший сверху неопрятным лишайником низкий свод тоннеля осветился оранжевым сполохом и с привычной уже неторопливостью пополз на север.

Справа от Таты, как раз на высоте ее груди, начинался узкий коричневый желоб шириною в полметра.

Желоб шел вверх под значительным и никакого комфорта взбирающемуся не обещающим углом. Но главное было дальше: через пару метров желоб нырял в тоннельчик поменьше, вымощенный старинным красным кирпичом, и этот второй тоже шел вверх! Все эти дива Тата успела рассмотреть, пока пылал бумажный шар из скомканных страниц органайзера. Тата разложила карты.

«Что там, наверху, скажите!» Так горячо прижимала она к груди, к сарафанному кармашку, где лежал один-одинешенек я, свою руку, что я почувствовал, как пульсирует кровь в ее ладонях.

На сей раз обошлось без перебранок — пред Татины очи явилась самая умилительная пара нашего околотка, супруги с Десятки Кубков. Ведя за руки детей, они выступили из мрака и нежно обнялись, а на небесах засияла их ручная вполнеба радуга. Пока Тата разглядывала эту идиллию, дети, взявшись за руки, станцевали перед Татой свой варварский танец, громко восклицая и смеясь.

Увиденное обнадеживало.

Тате стоило многих трудов забраться на желоб. И еще

больших — удержаться на его осклизлой, обросшей грибком поверхности. Карабкаться на четвереньках вверх было страшновато — некстати вспоминались синяки, набитые на горках, что громоздились космическими ракетами на детской площадке перед домом Татиных родителей. Сколько раз дошкольницей она пыталась забраться наверх беззаконно, снизу вверх, по нержавеющему горкиному языку! Сколько раз шлепалась, раздирая коленки! Если бы не далекие голоса, Тата никогда бы не отважилась. Сумка, которую она повесила на шею, перед тем как начать восхождение, мешала движению, волосы норовили сразу в рот…

Тата благополучно переползла с желоба в тоннельчик и уже на четвереньках, упираясь локтями в ледяные стены, добралась до самого конца лаза. Каково же было ее разочарование, когда она обнаружила, что листва, черная холодная листва поблекших боярышников, которая скрывала от нее близкие человеческие голоса, находится уже там, с той стороны, что лаз оканчивается узкой площадкой, отделенной от свободы прочной железной клетью решетки!

Тата подергала грязные прутья.

Решетка, конечно, не поддалась.

Ночной шум гипнотически подействовал на Тату. Она присела на корточки, а потом, когда затекли ноги, на попу. Она закрыла глаза.

«Кажется, она снова вот-вот заснет!» — скептически прогундосил Четверка Кубков (недаром некоторые гадальщики зовут его Владыкой Пессимизма!).

«На минуточку, всего на одну минуту!» — пообещала Тата, сладко зевая.

Звенел соловьями, шелестел дубами близкий летний парк. «Добро пожаловать в вечность!» — слышалось в плеске листвы. Тата улеглась, ничем уже не смущаясь, на каменный пол, вцепилась правой рукой в решетку и вновь задремала. Бояться, что люди, эти самые, с голосами, уйдут навсегда и она вновь останется один на один с немотствующей городской клоакой, у нее уже не было сил.

К счастью, речистые парковые незнакомцы не торопились.

Если бы Тата сумела крысой протиснуться в щель между прутьями и зоркой совой воспарить над укромной поляной, где на унесенной с аллеи парковой скамье сидели двое мужчин лет около тридцати, она бы увидела вот что.

На одном краю скамьи полулежал полный, коротко стриженный блондин с одутловатым начальственным лицом.

На другом краю, заложив ногу за ногу, курил высокий, щуплый шатен наружности самой что ни на есть интеллигентной, но без стигматов безденежья. Его узкое лицо с впалыми скулами было покрыто веснушками.

Между ними, на исписанных признаниями и чаяниями досках скамейки, сиял многодюймовым экраном ноутбук шикарной разновидности.

Крутился волчком, вихлял всеми своими окружностями и рассыпался на нем в прах, чтобы тотчас вновь собраться в прежнем образе, логотип фирмы, торгующей интернет-магазинами под ключ.

«Мы заставим их покупать!» — беззвучно пообещал ролик.

Экран, на который, впрочем, никто уже не смотрел, освещал лица и фигуры сидящих нереальным, но все же нестрашным светом. И по усталой удовлетворенности, которая сквозила в движениях обоих, даже сове стало бы ясно, что ужин, с его бифштексами бизнес-схем и вином прибыльных обещаний, уже съеден, грядут разве что десерт да сигары.

— Сам-то ты веришь в этот «веб два ноль», Саша? — спросил толстяк, грузно поворачивая вполоборота к визави свою крупную голову.

— Да не знаю, Боря, — пожимая плечами, ответил второй. — Чтобы во что-то верить, нужно это «что-то» любить или хотя бы употреблять.

— Ничего себе заявление от продавца интернет-магазинов!

— Знаешь, в традиционных индийских ресторанах большинство поваров — вегетарианцы. Что не мешает им прекрасно готовить свинину и баранину.

Еще минуту товарищи сидели в тишине. В хороших сигаретах шатена уютно потрескивал табак. Наконец Борис нарушил тишину, подзвученную комариным звоном.

— Ладно… Первый час. Что-то я подмерз, — сказал он, медленно подымаясь.

Зашуршал пластиковый пакет — это шатен складывал в него документы в файликах, диски, прайс-листы.

От этого-то шороха Тата и проснулась. Она быстро стряхнула с себя забытье. Села. И поняла всем телом сразу: пора, иначе будет поздно.

— Эй! Эй! Помогите, пожалуйста! — пропищала она. У решетки выросли две фигуры — широкая и узкая.

— Алло! Кто кричал?

— Я тут застряла. Не получается выйти!

— Ни фига себе! Как тебя зовут?

— Тамара.

— Ну ты и забралась, мать… — пробормотал Борис.

— А чего, все по классике, — хохотнув, сказал Саша, он сразу заметил — девочка сильно напугана. — Помнишь, Борька, мы с тобой в школе учили: «В той башне высокой и тесной царица Тамара жила: прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла…» Не знаю, как насчет характера, но башня у Тамары действительно тесная…

Тата вытерла замурзанный рот тыльной стороной ладони и улыбнулась.

— Слушай, тут замок!

— Сбегаю к машине за фонариком, — тяжелой медвежьей пробежкой Борис бросился к грунтовке, где стоял, наползая на увитую копытнем кочку, его старенький джип.

— Топор из багажника захвати!

Провозившись с замком что-то около четверти часа, они все же вскрыли решетку, развинтив при помощи гаечного ключа ее крепление к каменному проему канализационного возвышения — при взгляде сзади оно напоминало суфлерскую будку. И вот, аплодисменты, аплодисменты, плоский народец! Тата выбралась наружу и, кое-как доковыляв, присела на край скамейки — ноги не держали. Саша накинул на ободранные плечи девочки ветровку.

— Честно говоря, мать, ты похожа на бомжиху сумасшедшую, — Боря протянул Тате леденец с антиникотиновым действием. — Ты где живешь вообще?

— На Комсомольской, — одними губами сказала Тата.

А потом король жезлов и король динариев повезли Тату домой через летний город, никак не желающий засыпать.

Шумел и плевался в стеклянный прямоугольник оконца горячий душ — Тата смывала с себя подземелье.

У кухонной плиты Алиса капала корвалол в стакан с морковным соком. Последняя капля нехотя выкатилась из жерла аптечного пузырька, когда Алисе вдруг вспомнилось: она не позвонила Олегу. А ведь мальчишка, поди, места себе не находит!

На часах было начало третьего. Улицы притихли. И даже фонари как будто потускнели.

Алиса подошла к телефону, сняла трубку, но набрать номер не решилась. Все-таки у юноши родители. И родственник-инвалид. Все — в однокомнатной квартире. А тут еще звонки… «Позвоню-ка утром», — рассудила наша благоразумная Алиса.

Легко, бесшумно, насколько вообще могут быть бесшумными трамваи, пролетел в депо последний из могикан. Привычно громыхнул на развилке. Этот далекий звук был хорошо знаком

Алисе, знатной полуночнице.

Дом, где жил Олег, стоял как раз напротив разъезда. Сквозь липкий сон юноши прокатился рвущий звон реборды. Олег вынырнул из дремы, матюгнулся, повернулся лицом к стене и снова засопел. Между тем, быстро распрощавшись с Анжелой, он славно провел вечер — вначале рассекал по Лос-Анджелесу на гоночной машине, проворно орудуя джойстиком. Когда надоело — воевал вурдалаков в германских чащобах. Потом решил заценить, что по телеку — на MTV была передача про «Аэросмит», на другом канале — повтор матча Греция—Норвегия, попал как раз на послематчевые пенальти. За полночь он отправился на кухню — на сковороде прели оставленные матерью с ужина кругляшки жареного кабачка. Он съел все.

Потом, двадцать восемь лет спустя, Олегу придется расплатиться за свою подлость. В войске Чингисхана, уверял меня книгочей Иеро-фант, самой жестокой была казнь «за обман доверившегося тебе». Отшельник, Повешенный и Смерть клянутся, что и наша кара будет суровой, хотя, конечно, не такой, как в войске Чингисхана. Обещают поставить тему на контроль. Когда я сосчитал, сколько дней в двадцати восьми годах, из моей груди вырвался разочарованный вздох. Я — поклонник быстрых воздаяний. И в любви, и вообще. Ведь, бедствуя через долгие двадцать восемь лет, Олег, тогда уже какой-нибудь Олег Игоревич, с плешью на затылке, гнилым дыханием и язвой желудка, едва ли вспомнит о Тате, нескладной большеротой девочке из соседнего двора. А значит, его страдания едва ли можно будет назвать расплатой, карой за обман. Впрочем, Отшельник считает — можно. Он старший среди нас, и я ему верю.

Что же до Таты, с ней все устроится хорошо. Еще три с половиной года она будет отставать от развитых сверстниц в бойкости, цепкости и общественной вменяемости, производя на учителей и соседей неверное впечатление аутичной особы, застрявшей в золотом детстве, как Винни-Пух в кроличьей норе. Но вот ей стукнет пятнадцать, и все переменится — она вытянется и повзрослеет за одно-единственное лето. В университет она поступит без особого труда, мимоходом доведя до развода репетитора по физике. Но в университете Тата не задержится. Вот мы видим Тамару в белом халате медички. Она жадно поедает расстегай в студенческом кафе напротив медицинского. За соседним столиком аккуратно расчленяет чебурек кареглазый король жезлов, интерн Института неотложной хирургии. Он жадно глядит на Тату, но одолеть робость не силах. Тата же как будто не замечает его, она листает

затрепанный конспект по цитологии. Лишь через два года король жезлов станет ее первым мужем. Однажды, застрявши в лифте, Тата поведает ему о своем подземном путешествии в трубку мобильного телефона. В ответ тот расскажет ей, как в бытность свою медбратом в дагестанском полевом госпитале, он обнаружил тикающую бомбу прямо под хирургическим столом, а на столе, как назло, операция…

Еще долго Тата не отважится поговорить с нами. Ведь мы, плоский народец, для нее навсегда повенчаны теперь с тухлыми, жижей хлюпающими галереями. Но пройдет много лет после Татиной свадьбы, может быть, пять или десять, и мы вновь возникнем в ее жизни вместе с отошедшими к ней по завещанию недорогими драгоценностями бабушки Алисы. Она нахмурит лоб и осторожно возьмет нас в руки. Чтобы не выпустить уже никогда.

Утром была суббота. Алиса ожидала клиентку. Наконец простужено хрюкнул дверной звонок.

— Мину-у-уточку! — пропела Алиса из ванной.

За клиентку горячо ходатайствовала бывшая коллега Алисы Егоровны, в славном прошлом — начальница машбюро, ныне прилежная огородница.

«А моя, представляешь, влюбилась в одного, он чем-то на Зимина похож, помнишь, замдиректора? Этот тип удрал в Аргентину по контракту, бросил ее, а она по нему уже полгода сохнет, хотя он старше на десять лет плюс двое детей от первого брака. Пишет ей письма такие… знаешь, скользкие… Увертливые! Чтоб дурында не подумала, что он что-нибудь ей обещает!» «Посмотрим, что можно сделать…» — уклончиво отвечала Алиса.

Мы зачуяли бедняжку загодя, еще на рассвете — благо после ночных перипетий никто не мог заснуть, даже природа нашего Королевства не желала погружаться в млечные туманы иномирья. Палец с французским маникюром еще только робко нацеливался на зеленую клавишу звонка, а мы уже были во всеоружии.

Девушка, блондинка с конским хвостом, носила хорошо скроенный костюм и держалась настороженно. Застенчиво прижимала к груди кожаный портфель. Пахла духами, мороженым пломбир и салоном новой малолитражки. Лишь темные тени под влажными глазами да красные жилки, которыми были испещрены белки, намекали на адские бездны — они дымили серой за зеркальным офисным фасадом. Слова она выговаривала с усилием, словно бы недавно излечилась от немоты. «Русалочка» — окрестил ее я.

— Мне говорили, у вас вопрос, — доброжелательно начала Алиса, заранее отсекая возможность приступить к гаданию без

объяснений со стороны гостьи. — Так что там произошло?

— Я увлеклась… одним человеком… — сказала Русалочка. Он — очень тонкая натура… Такой необычный… Сердечный…

«Ага, похоже, снова мне на выход…» — вздохнул я и тотчас перехватил исполненный презрительной зависти взгляд Короля Мечей. Он считал, его всегда обходят и недооценивают.

Так и вышло — Алиса начала перебирать колоду, быстро отыскала меня и молча выложила лицом вверх на алую шелковую скатерть. Зажгла свечу.

— Но этот человек… он, кажется, не разведен… Вот я хочу знать, — продолжала Русалочка. — Какое… будущее?

— Сейчас мы спросим об этом Ангела Таро.

— Простите?

— Мы спросим карты, — спокойно повторила Алиса.

Я уже был готов мчаться к Заоблачным Вратам, позаимствовав у своего Рыцаря серую в яблоках лошадь, когда наконец случилось.

Алиса принялась тасовать колоду.

Королева Кубков, пробудившаяся от своего телевизионного забытья, в сердцах отшвырнула свой монструозный кубок. Плеснуло веером ультрамариновое искрящее зелье. Дребезжа, как какая-нибудь жестянка, теряя на ходу самоцветы, кубок покатился по ступеням, уводящим прочь от ее трона.

Тем временем моя королева встала во весь рост, собрала воедино свои магические силы, воздела вверх руки и, нащупав в воздухе туго натянутые волшебные струны, связывающие наш сказочный мир с миром нарисованных на дорогой бумаге картинок, сиречь с физическими телами карт из Алисиной колоды, обняла их, притиснула друг к другу — получился сноп как будто бы колосьев. Напрягши все свое тело, которое стало вдруг золотым и бриллиантовым, с первородной мощью валькирии она дернула охапку вниз. Вот так вот!

Мы, плоский народец, конечно, предчувствовали: грядет. Когда кто-то из нас решается на пируэт, мы все начинаем нервничать — повышается напряжение волшебного поля, жарко делается, душно. Самые чуткие из Старших Арканов слышат даже нечто вроде низкого дребезжания, будто в соседней квартире режут старую чугунную батарею пилой-«болгаркой».

Карта Королевы Кубков выскользнула из колоды, преодолела силу земного притяжения и пружинисто вылетела из нее, как лосось из северной реки.

Она перевернулась в воздухе, повинуясь колдовскому расчету, лизнула сухонькую руку Алисы краем рубашки и упала на скатерть, прямиком на меня, гордого сигнификатора гадания.

Спиной ко всем, лицом ко мне. Ко мне.

«Я Вас любил. Люблю. И буду впредь. Не дай Вам бог любимой быть другими!» — шепотом процитировал я, припадая на одно колено. Я был взлохмачен и небрит с похмелья.

Королева Кубков сложила свои белые прохладные руки у меня на макушке и, улыбаясь сквозь слезящийся прищур, подняла глаза к небу. Как был, на коленях, я бережно привлек ее к себе и поцеловал в самое лоно.

— Вы тоже, кажется… волнуетесь? — спросила Алису Русалочка. От нее не укрылись проделки карты-отщепенки, но она сочла их следствием Алисиной неловкости.

— Это волнуется Королева Кубков. У нее чувства, перемены.

— Вы так говорите, будто они живые, — пробормотала Русалочка.

Тим Пратт
НЕВЕРОЯТНЫЕ МЕЧТЫ

В ретро-кинотеатре показывали «Иметь и не иметь». Пит возвращался домой с последнего сеанса и вдруг заметил новую вывеску.

Он замер посреди тротуара и в недоумении уставился на витрину, чудом втиснутую между магазином подарков и булочной. Подошел поближе, заглянул внутрь и увидел полки с фильмами, старые киноафиши на стенах и большой телевизор. На потертой двери красовалась табличка: НЕВЕРОЯТНЫЕ МЕЧТЫ. Похоже, торговали тут не первый день.

Вот так сюрприз! Пит знал каждую видеоточку в округе, от крупных сетей и маленьких лавочек рядом с университетом, где работали студенты-киношники, до крошечного порномагазинчика в центре: там иногда удавалось откопать классические итальянские ужастики и контрабандные азиатские ленты. Однако ни о каких «Невероятных мечтах» он и слыхом не слыхивал, хотя проходил по этой улице дважды в неделю. Кино для Пита

составляло смысл жизни, было его религией. Как получилось, что он упустил из виду магазин в трех кварталах от дома? Он вошел, дверь звякнула колокольчиком. Люминесцентные лампы освещали скромный торговый зал: три стеллажа с дисками и один, вдоль стены, с видеокассетами.

— Если что — обращайтесь, — буркнула девушка за прилавком. Пит подумал, что она похожа на птенца — короткие светлые волосы топорщатся, будто цыплячий пух.

Он рассеянно кивнул и направился прямиком к разделу с классикой. В отношении кино он был всеяден, но о видеомагазине можно судить по ассортименту классики, так же, как о державе — по состоянию тюрем. Он бегло просматривал знакомые названия и вдруг заметил диск с ярлычком «Новинка».

Дрожащими руками Пит достал коробку. Не может быть: «Великолепные Амберсоны» Орсона Уэллса, режиссерская версия!

— Это что, шутка? — вырвалось у него.

— Где? — вскинулась продавщица.

Пит шагнул к прилавку, потрясая коробкой. Девушка в ожидании неприятностей насторожилась и подобралась.

— Простите, вот здесь указано, что это режиссерская версия «Великолепных Амберсонов» с восстановленными фрагментами утраченной пленки.

— Ну да, — смягчившись, ответила она. — Диск поступил пару недель назад. Вы не знали? Раньше существовала только версия для кинопроката, которую изуродовали на студии…

— Но режиссерский вариант уничтожили, — возразил Пит. — От последних пятидесяти минут не осталось ничего, кроме раскадровки.

Девушка пожала плечами.

— Все так думали, но в прошлом году пленку обнаружили где-то на складских задворках.

Неужели новость обошла Пита стороной? Ведь такая находка — голубая мечта киномана, все интернет-форумы должны гудеть, как улей.

— Как же она нашлась?

— Вообще, забавная получилась история. Уэллс рассказывает об этом в интервью, записанном на диске. Правда, он сбивается то и дело, но с девяностолетнего старца что возьмешь? Он…

— Вы ошибаетесь, — прервал ее Пит. — Если только Уэллс не вещает с того света. Он умер в восьмидесятых.

Продавщица раскрыла рот от удивления, но, спохватившись, натянуто улыбнулась. Пит почти слышал, как она повторяет про себя заветные мантры: «Пункт первый — клиент всегда прав; пункт второй — если клиент не прав, смотри пункт первый».

— Разумеется, как скажете. Возьмете диск напрокат?

— Да, — ответил он. — Только я у вас еще не записан.

— Если вы здесь живете, достаточно оставить номер телефона, ну, и еще нужен какой-нибудь документ с вашим адресом.

— Кажется, у меня есть платежные квитанции, — порывшись в бумажнике, Пит протянул девушке корешок.

Потом заполнил анкету, и продавщица стала вводить данные в компьютер. Пока она этим занималась, Пит сказал:

— Слушайте, может, я и похож на психа, но… *я бы слышал.* Я знаю о кино почти все.

— Дело ваше, хотите — верьте, хотите — нет, — отвечала продавщица, постукивая пальцами по коробке. — С вас три доллара восемнадцать центов.

Пит снова вынул бумажник, но среди старых чеков, квитанций и прочего хлама не оказалось ни одной купюры.

— Карточки принимаете? Девушка наморщила нос.

— Оплата карточкой при покупке от пяти долларов. Извините, так положено.

— Тогда я еще что-нибудь возьму.

Она посмотрела на стенные часы. Почти десять.

— Понимаю, вы уже закрываетесь. Я быстро.

— Ладно, давайте.

Пит подошел к полке с фантастикой, и его чуть удар не хватил. «Я, робот» — но не нынешний, посредственный, с Уиллом Смитом, а более ранний. Автор сценария — Харлан Эллисон. Действительно, был такой сценарий по роману Азимова, и его даже издали отдельной книгой, а вот фильм в производство не пошел.

— Студенты небось наснимали, — пробормотал Пит.

Да и название кинокомпании ни о чем не говорило. Что там еще: *обладатель «Оскара» за лучший сценарий-адаптацию?* Студенческая шутка? Ничего себе — прямо-таки фильм из другой реальности. Пожалуй, стоит посмотреть. Хотя опять же у Пита не укладывалось в голове, как он мог ничего не слышать об этом? Может, в самом деле, работа старшекурсников? Пит взял диск, подошел к кассе и достал кредитную карточку.

Продавщица посмотрела подозрительно:

— «Виза»? Извините. Мы принимаем только «Вебер» и «Фостер-кард».

Пит в изумлении уставился на девушку:

— Но это же самая распространенная карта. В жизни бы не подумал, что…

Она опять взглянула на часы — теперь уже явно с намеком:

— Извините, не я здесь распоряжаюсь.

Пит решительно должен был посмотреть эти ленты! Новое кино, необычное кино — тут он становился нетерпелив и напорист. Ко всему в жизни он относился легко, порой даже наплевательски — но только не к фильмам.

— Пожалуйста, прошу вас… очень… Я живу тут рядом, за углом, сбегаю домой за деньгами. Десять минут! Пожалуйста.

Продавщица сурово поджала губы. Пит протянул руку к «Амберсо-нам».

— Понимаете, очень хочется увидеть, как это снял Уэллс. Вы ведь любите кино. Вы должны меня понять.

Она немного смягчилась.

— Ладно. Жду ровно десять минут. Я ведь тоже домой хочу.

Пит рассыпался в благодарностях и чуть ли не бегом выскочил из магазина. Промчался три квартала в гору, выуживая на ходу ключи, бормоча ругательства, и наконец добрался до нижнего ящика комода, где прятал на черный день немного наличных. Он метнулся назад к «Волшебному миру». Каждый вдох огнем обжигал легкие, каждый шаг отдавался болью в боку. Пит не бегал со студенческих времен, а было это лет десять назад.

Наконец булочная, за ней магазин подарков… но двери между ними как не бывало. Да там и места для нее не нашлось бы. Два магазина стояли бок о бок, без просвета.

Пит потрогал кирпичную стену. Он уговаривал сам себя: мол, случайно свернул не туда, хотя знал, что ошибиться здесь невозможно.

Пит медленно побрел домой. В квартире сразу прошел в гостиную — там от пола до потолка громоздились стойки с кассетами и дисками. Выбрал диск, вставил в проигрыватель, включил огромный плазменный телевизор. Тихо загудели колонки стереосистемы. Пит опустился в стильное кожаное кресло посреди комнаты.

Он ездил на ржавой «хонде» — двести тысяч миль пробега у старушки, — питался на скорую руку макаронами с сыром, а на туалетной бумаге экономил, таская початые рулоны со службы. Простая, незатейливая жизнь, но зато в мире кино Пит ни в чем себе не отказывал.

Он запустил «Сумеречную зону», и вот из колонок полился размеренный голос, повествующий о том, как некто нашел маленький волшебный магазинчик, полный чудес.

По ходу сюжета Пит несколько раз кивнул:

— Да-да, — бормотал он.

На следующий день Пит приходил к магазину подарков

утром, в обеденный перерыв, наконец, вечером по пути с работы, но «Невероятные мечты» так и не появились. Наскоро поужинав в небольшой закусочной, он бродил туда-сюда по кварталу. Ровно в половине девятого прислонился к фонарному столбу напротив того места, где вчера обнаружил «Невероятные мечты». В котором часу это было? Без пятнадцати десять? А что если чудо никак не зависит от времени? И магазин вообще больше не появится?

Примерно без четверти девять вдруг показались очертания знакомой двери. Пит моргнул, и в этот миг все произошло.

Он задрожал от возбуждения, радость буквально переполнила его. Должно быть, что-то вроде этого испытывают очевидцы исцелений и тому подобных чудес. Глубоко вдохнув, он шагнул в магазин.

Продавщица смерила его суровым взглядом.

— А я вас ждала вчера вечером.

— Простите, — Пит отвел глаза.

Интересно, она знает, что магазин волшебный? По виду вроде не скажешь. Наверняка она сама — часть *того* мира, иной реальности, в которой режиссерской версией «Великолепных Амберсонов» никого не удивишь.

— Вчера дома не нашлось наличных, но сегодня я при деньгах.

— Я отложила для вас диски, — сказала девушка. — Обязательно посмотрите Уэллса, это так здорово!

— Большое вам спасибо. Я тут поброжу немного, может, еще чего выберу.

— Не спешите. День долгий сегодня, все тянется и тянется. Пита раздирало на части — интерес к обитательнице волшебного магазина боролся с желанием порыться среди сокровищ на полках.

— А вы всегда работаете одна?

— В основном, да, кроме выходных. Вообще-то, нас тут должно быть двое, но хозяин и так почти разорился. Все находят фильмы в Сети, заказывают доставку почтой, — девушка покачала головой.

Пит кивнул. Он и сам частенько так приобретал фильмы, но это все равно не сравнить с удовольствием, которое получаешь сразу, как только возьмешь диск напрокат, не дожидаясь, пока придет посылка или окончится закачка.

— Жаль. У вас отличный магазин. А вы тут каждый вечер бываете? Она со вздохом облокотилась о прилавок.

— Да, в последнее время работаю как проклятая, иногда две смены подряд. Деньги очень нужны. На еду и то не хватает: в обед — яблоко, на ужин — лапша. Соседка по комнате съехала, мне

приходится платить за двоих, пока не найду новую, в общем, засада. Я даже… ой, простите. Вывалила на вас все…

— Да ничего.

Пока она говорила, Пит разглядел, что продавщица чудес действительно симпатичная, хотя и не в его вкусе — этакий «трудный подросток». Зато увлекается кино.

— Вы хотели побродить — давайте, — она раскрыла на прилавке толстый учебник.

Пита не пришлось долго упрашивать. Минувшей ночью он построил теорию, и сейчас она во всем подтверждалась. Допустим, этот магазин принадлежит параллельному миру, почти такому же, как наш, но с небольшими отличиями, вроде названий самых популярных кредитных карточек. Однако в случае с кино эта мизерная разница выливалась в серьезные расхождения. Любая мелочь может существенно повлиять на судьбу фильма. Важно все: с какой ноги сегодня встал режиссер, насколько заинтересована в сценарии студия, кого из звезд удалось пригласить на главную роль, даже то, с кем из старлеток случилось переспать продюсеру. В истории Голливуда полно фильмов, которые так и не состоялись. В этой вселенной некоторые из них удалось снять, и Пит готов был не смыкать глаз неделю, лишь бы увидеть побольше.

На полках чудеса являлись одно за другим. Вот хотя бы «Гибель Супермена», режиссер — Тим Бартон, в главной роли — Николас Кейдж. В нашей реальности Кейдж и Бартон бросили проект в самом начале. «Вспомнить все» — режиссер и автор сценария не Пол Верху-вен, а Дэвид Кроненберг. «Терминатор», где роботом-убийцей был О. Дж. Симпсон, а не Шварценеггер, хотя Арнольд там тоже не бездельничал — он сыграл Кайла Риза. «В поисках утраченного ковчега» с Томом Селлеком вместо Харрисона Форда в главной роли, и никаких других фильмов про Индиану Джонса — а вот это жаль. Пит набрал гору дисков и еле удерживал их, вытаскивая с полок все новые и новые коробки. Вот «Касабланка» — в главной роли не Богарт, а Джордж Рафт. Кто знает, может, у этой версии другой финал — из тех, что были сняты, но в нашем мире не пришлись по вкусу продюсерам? Вот незнакомый фильм Джона Уэйна о второй мировой войне, на обложке сказано: *Захватывающая историческая драма о высадке американских войск в Японии.* Он наскоро проверил соседние полки. Кубриковского фильма «Доктор Стрэйнджлав» не оказалось, — видимо, в этом мире не бомбили Хиросиму и Нагасаки.[8] Если вдуматься, это означало, что… Однако Пит оставил рассуждения на сей счет, увидев следующую коробку. В параллельной реальности Стэнли Кубрик прожил довольно,

чтобы самому снять «Искусственный разум»! Питу непременно захотелось увидеть, что из этого вышло. Он надеялся перебить сентиментальный привкус истории Пиноккио, оставшийся после работы Спилберга.

— У нас прокат только на три дня, — изумилась продавщица. — Вы успеете все это посмотреть?

Пит пришел в себя и часто заморгал.

— Устрою маленький кинофестиваль.

Он и вправду собирался позвонить на работу, сказаться больным и смотреть кино до упора. Ну, и скопировать диски, если получится: кто знает, какая там у них технология защиты данных?

— Понимаете, вот так сразу дать новому клиенту десяток фильмов — хозяин не одобрит. Может, для начала возьмете штук пять? Вы ведь рядом живете? Вам не трудно прийти, когда эти посмотрите, и взять еще?

— Ладно. — Питу очень не хотелось расставаться с добычей, но было ясно: продавщица все равно не согласится, как ни уговаривай. Он выбрал четыре фильма: «Великолепные Амберсоны», «Я, робот», «Касабланка» и «Гибель Супермена», а прочие отложил в сторону. Ничего, после пары-тройки заказов к нему привыкнут, и тогда, может статься, девушка позволит взять побольше дисков. Пит давно не отпрашивался с работы по болезни — ну, так теперь самое время подцепить жуткий грипп и недельку-другую провести дома.

Продавщица отсканировала коды на упаковках, пощелкала клавишами и сообщила, что всего он набрал на двенадцать долларов семьдесят два цента. Пит отсчитал две пятерки, две долларовые бумажки, два четвертака, десять центов, два пятицентовика-никеля и пару одноцентовых монеток. Сегодня наличных у него хватало.

Девушка посмотрела на деньги, затем на Пита. Во взгляде смешались изумление и тревога:

— Вы явно не фальшивомонетчик, иначе бы постарались, чтобы деньги хоть с виду соответствовали оригиналу. Это что, из настольной игры? Вроде не иностранные… Президенты знакомые, только этого, на десяти центах, что-то не припоминаю.

Пит чуть не взвыл от досады. Деньги! Мог бы догадаться, что здесь они совсем другие. В уме замаячил план вооруженного ограбления.

— Погодите-ка, тут у вас затесалась парочка настоящих никелей, — прервала его мысли продавщица, отложив пятицентовые монеты.

— Итак, осталось всего двенадцать долларов шестьдесят два

цента.

— Какой же я идиот, — вздохнул Пит. — Вчера играли, наверное, прихватил по ошибке. — Он сгреб с прилавка деньги.

— Не обижайтесь, но вы и правда какой-то странный.

— Да уж, — уныло кивнув, он достал из кармана горсть мелочи и принялся отбирать никели. Всего набралось три доллара тридцать пять центов — этого хватит на один фильм. Ну ничего, завтра он пойдет в банк и разменяет крупные деньги. Получит мешки этих никелевых монеток, притащит сюда, сколько сумеет унести, и возьмет все фильмы, какие захочет. С одной стороны, можно схватить вот эти четыре диска и убежать, но тогда он ни за что не посмеет вернуться, а ведь тут полки ломятся от невиданных фильмов. Что ж, на сегодня ограничимся «Великолепными Амберсонами».

— Вот этот, — Пит указал на диск. Девушка улыбнулась и взяла мелочь. Затем вручила ему коробку и пару странных восьмиугольных монеток сдачи.

— Остальные отложу, — с этими словами она убрала диски с прилавка. — Желаю приятного просмотра, мистер Никель, и не забудьте поделиться впечатлениями.

Пит пробормотал какие-то любезности и устремился к выходу, прижимая диск к груди. По дороге домой он то и дело срывался с быстрой ходьбы на бег. Едва зайдя в квартиру, включил аппаратуру, откинул крышку плеера и вставил диск. По виду тот ничем не отличался от обычных — простой, черный, с серебряной надписью. Правда, чуть меньше в диаметре, но вроде подходил. Привод зажужжал, диск завертелся, экран несколько раз моргнул и… выдал сообщение «Диск не обнаружен». Пит выругался и снова нажал «пуск». Ничего не вышло.

Он упал в кресло и обхватил голову руками. Получается, разница не только в деньгах. Его проигрыватель читает любые иностранные диски, но отказывается воспроизводить данную версию «Великолепных Амберсонов». Значит, в той реальности другие форматы записи. С видеокассетами то же самое. Пит еще в магазине разглядел, что они отличаются от здешних. Ну уж нет! Только не сдаваться! Он вскочил с кресла, схватил диск с «Амберсонами» и помчался в магазин.

— DVD-плееры напрокат даете? — спросил он, переводя дух. — Мой сломался.

— Да, под залог в триста долларов. Как платить будете, опять центами?

— Нет, конечно, — соврал Пит, — я принес настоящие деньги. Разрешите взглянуть, что за модель?

К черту условности. Надо хватать плеер и уносить ноги.

Пусть даже у нее останется адрес, все равно это *его* реальность, а магазин через пару минут растворится в воздухе. Можно вообще нагрянуть завтра с игрушечным пистолетом и забрать все, до чего руки дотянутся. Взять чемодан побольше, чтобы…

Она поставила плеер на прилавок, и Пит увидел штепсель. Штырьки на нем располагались странным образом — перпендикулярно друг другу, и Пит вспомнил, что стандарты электросетей различаются даже в его собственном мире. Наивно полагать, что вилка из другой реальности подойдет к нашей розетке. Вряд ли он сможет найти переходник, а если и отыщет, наверняка рабочее напряжение окажется не то, и плеер просто сгорит, как это бывает с американскими компьютерами, если включить их в европейскую розетку.

— Нет, не выйдет, — сказал он упавшим голосом, демонстративно порывшись в карманах, и добавил: — Я забыл бумажник.

— Вы так расстроены, на вас прямо лица нет.

— Очень уж хотелось посмотреть «Амберсонов».

В ответ он ожидал услышать что-нибудь вроде: «Подумаешь, кино, не стоит из-за него убиваться», — такими словами его успокаивали друзья и родственники.

Однако продавщица сказала:

— Понятно. Не волнуйтесь. Фильм никуда не денется, пока вы будете чинить проигрыватель. Старина Орсон уже давно не пользуется спросом.

— Ладно, — Пит бросил диск на прилавок.

— Вам вернуть деньги? Диск-то был у вас всего двадцать минут.

— Не надо, — ответил Пит.

Потом он слонялся вокруг и видел, как девушка запирает магазин. Примерно в десять минут одиннадцатого на секунду прикрыл глаза, и магазин тотчас испарился. Пит устало побрел домой.

Вечером он пересмотрел своих «Великолепных Амберсонов» — фильм-калеку, смонтированный на живую нитку, с приделанным кое-как счастливым концом, потому что студия не желала огорчать зрителей в тяжкое военное время. После долго не мог уснуть, ворочался и все гадал, каким мог получиться фильм без этого варварского вмешательства.

Пит и не надеялся, что «Невероятные мечты» появятся вновь, но почти в девять магазин возник на прежнем месте. Похоже, окно между вселенными сужается, и магазин будет с каждым днем появляться все позже и позже, а примерно через неделю исчезнет навсегда. Пит толкнул дверь, в руках у него был

объемистый пакет. Девушка за прилавком грызла крекеры из маленьких пакетиков, какие подают в кафешках к супу.

— Привет.

— А, мистер Никель, — обрадовалась она. — Теперь вы у меня единственный клиент после девяти вечера.

— Меня зовут Пит. Вы обмолвились, что вам не хватает денег на еду, и еще я хотел извиниться, что доставляю вам столько беспокойства, и все такое… в общем, я тут собрал немного поесть. Надеюсь, вы не против?

Весь день Пит раздумывал, что принести. «Макдоналдс» не годится: вдруг в ее мире нет этой сети, увидит упаковку — еще заподозрит что-нибудь. Сомневался и насчет говядины. В ее реальности могла свирепствовать эпидемия коровьего бешенства. Вполне возможно, что из-за птичьего гриппа и кур у них повывели. А вдруг они вообще там все вегетарианцы? Наконец Пит остановился на яичных рулетах, рисовой лапше и овощном супе. Он видел в магазине гонконгские боевики, значит, китайская культура существует и там, стало быть, есть и китайская кухня.

— Пит, да ты просто чудо! — от избытка чувств девушка перешла на «ты». Вскрыв упаковку, она принялась мастерски орудовать палочками. — Угадай, что у меня было сегодня на обед? Груша, и то сорвала ее в соседском саду. А крекеры утащила в кафе. Ты меня просто спас!

— Пустяки. Мне и правда неудобно. Со мной столько хлопот. Она отмахнулась, мол, все в порядке. Пит взглянул на девушку и понял: план не сработает. Он думал расположить ее к себе, уговорить, чтобы позволила остаться в магазине до закрытия. Отличный шанс украдкой проникнуть в другой мир, посмотреть все эти фильмы, может, даже стать ее новым соседом по квартире. Вчера в три утра решение казалось вполне здравым, и большую часть дня он вертел его в уме так и сяк. Однако сейчас, по мере воплощения замысла, Пит решил, что все это, конечно, весьма привлекательно, но едва ли осуществимо. В кино бы такое прошло, а тут он даже имени продавщицы не знает. Вдруг она вовсе не примет его с распростертыми объятиями? А если и примет — что он станет делать в другом мире? Здесь он целыми днями обрабатывает заявления, заказывает выписки, возится с базами данных, а там? Что если у тамошних компьютеров совершенно другие языки программирования? Чем зарабатывать на жизнь, когда закончатся мешки с мелочью?

— Извините, — сказал Пит, — я ведь даже не спросил, как вас зовут.

— Элли. Съешь кусочек рулета, а то я чувствую себя свиньей.

И больше никаких «вы».

Пит согласился. Элли вышла из-за прилавка.

— Хочу тебе кое-что показать.

Она включила большой телевизор, запустила видеоплеер.

— На весь фильм до закрытия не хватит времени, но самое интересное — ближе к концу.

— «Великолепные Амберсоны»! Ох, Элли, спасибо!

— Да не за что. Твой проигрыватель сломался, а тут действительно есть, на что поглядеть.

Следующие пятьдесят минут Пит не отрывался от экрана. Актерский состав не изменился, за исключением одного исполнителя, и, насколько Пит понимал, это были те самые утраченные эпизоды, о которых в его мире знали только понаслышке. Режиссерский гений проступал и в прокатной версии; здесь же, нетронутый, он придавал зрелищу поразительную ясность. Уэллс снял воистину печальную историю о славе и неминуемом закате.

Фильм закончился. Пит был выжат, как лимон, и безгранично счастлив.

— Пора закрываться, Пит, — напомнила Элли. — Спасибо за ужин. Обожаю китайскую еду.

Она мягко подталкивала его к двери, а он все благодарил и не мог уйти.

— Рада, что тебе понравилось. Давай об этом завтра поговорим.

Она заперла дверь, а Пит перешел через улицу и встал у входа в магазин напротив. Оттуда он наблюдал, как около десяти часов «Невероятные мечты» исчезли. Каждый вечер чудо длилось все меньше и меньше.

Нельзя требовать от чудес большего, чем они могут дать.

Назавтра он принес цыпленка по-сычуаньски и спросил Элли, какие фильмы ей нравятся. Элли подвела его к полке с надписью «Выбор наших сотрудников» и показала свою коллекцию.

— Тут все больше ностальгия. Я до сих пор люблю «Поход на обед»: знаешь, это продолжение Клуба «Завтрак»[9] — десять лет спустя. Молли Рингуолд там просто потрясающая. И «Возвращение джедая», конечно. Многие плюются, но, по-моему, это лучший фильм Дэвида Линча. «Дюна» — черт знает что такое, но в «Звездных войнах», я думаю, он добрался до самых глубин, дальше некуда. Тяжелый это фильм, сложный. Гораздо мрачнее, чем «Империя наносит ответный удар». А вот «Ясон и аргонавты» Уэллса, ну, это все любят…

Пит вдруг сообразил, что смотрит на нее, а не на коробки с фильмами, о которых она рассказывает с таким жаром. Конечно,

хотелось бы увидеть их все, но, увы! То, что он разговаривает с девушкой из другой вселенной, само по себе удивительно — не хуже любого кино. Элли веселая, умная и знает о фильмах столько же, сколько и он. Пит редко ходил на свидания; честно говоря, ему было куда удобнее и приятнее сидеть в темноте один на один с экраном, нежели за столиком с девушкой. Обычно уже после нескольких встреч его подружки понимали, что кино для Пита — основной вид досуга, и на этом отношения заканчивались. Однако с Элли он нашел общий язык. Она целиком и полностью разделяла его увлечение.

А может статься, он просто хотел превратить выпавшее на его долю чудо в романтическое знакомство — чтобы как в кино?

— Ты такая красивая, когда говоришь о фильмах, — сказал он.

— Очень мило с твоей стороны, мистер Никель.

Пит приходил в магазин еще три вечера подряд, каждый раз на несколько минут позже — потому что явления волшебной двери становились все короче и короче. Элли заводила разговор о кино, изумляясь пробелам в его знаниях: «Ты ничего не слышал о Саре Хансен? Это же величайший режиссер!» А в нашем мире госпожа Хансен, надо полагать, умерла молодой или вовсе не родилась.

Элли питала слабость к скверной фантастике, вроде фильмов Эда Вуда с участием Белы Лугоши. В ее мире знаменитый венгерский актер прожил на несколько лет дольше и собственной персоной сыграл в «Плане 9 из открытого космоса».[10] Впрочем, она любила и хорошую фантастику, например, «Игру Эндера»[11] Рона Говарда. Пит жалел, что не увидит этих фильмов — не считая тех отрывков, которые Элли показывала ему, чтобы подтвердить свою точку зрения. Но еще больше он сожалел о том, что скоро не сможет видеть и саму Элли, ведь однажды магазин исчезнет из его мира навсегда.

А она разбиралась во всем: как меняется персонаж по ходу действия, зачем используется цвет, как играли актеры немого кино и почему их манеру недооценивали. Ей нравилась безудержная откровенность фильмов, снятых до принятия «Кодекса Хейза»,[12] она понимала, чем труден закадровый перевод и почему так восхитительно хороши длинные планы. Ей не приходилось объяснять, что анимированные спецэффекты Рэя Хэррихаузена[13] доставляют гораздо больше удовольствия, нежели самая крутая компьютерная графика. Она была свой человек.

— А почему ты вообще любишь кино? — спросил Пит, в

очередной раз заявившись с пакетом продуктов. Облокотившись на прилавок каждый со своей стороны, они уплетали креветок в остром соусе. Эл-ли прожевала еду, прежде чем ответить. Она размышляла.

— Понимаешь, вот говорят, что читать хорошую книгу — все равно что смотреть сон наяву. Я думаю, кино в этом смысле гораздо круче. Некоторые считают, что кино не сравнится с хорошей книгой, а я думаю, они просто не видели хорошего кино. Или не умеют смотреть по-настоящему. Вот в моей жизни, если вдуматься, немного смысла. Живу одна, голодная-холодная, предки — сволочи, за следующий семестр нет денег заплатить, да и вообще понятия не имею, что я буду делать после учебы. Но когда я смотрю классный фильм, то чувствую, что понимаю в жизни чуть больше. И даже не самый классный фильм помогает на пару часов забыть о том, как все вокруг паршиво. Кино научило меня быть смелой, нежной, показало, что нужно стоять за себя и за друзей. В церковь я не хожу, родителям на меня наплевать, остается кино. В школе я убегала с уроков на дневные сеансы. Потом поднакопила деньжат, купила телевизор с плеером, — теперь у меня свое кино. Никто со мной не носится, уму-разуму не учит, зато есть Оби-ван Кеноби, есть «Эта чудесная жизнь» с Джимми Стюартом[14]… Не спорю, кино — это побег, но иногда прижмет так, что взвоешь, в самый раз сбежать, поглядеть на что-нибудь хорошее и красивое. Или наоборот — понять, что кому-то хуже, чем тебе, и твои дела, значит, не так уж плохи. Кино помогает не останавливаться на достигнутом, — она отпила воды из бутылки, — вот за это я его и люблю.

— Ох, ничего себе, — пробормотал Пит. — Вот это да…

— Ну, а ты? — Элли как-то непонятно взглянула на него. — Почему ты прикидываешься, что любишь кино?

— Что?! Я прикидываюсь?

— Ну да. Пришел, стал рассказывать, какой ты крутой знаток, а сам понятия не имеешь, кто такая Сара Хансен! «Ясона и аргонавтов» не видел. Говоришь про актеров, будто они снимались в фильмах, которых просто нет! Все понятно: я тебе нравлюсь. Что, не мог сообразить, как бы за мной поухаживать? Так имей в виду: ты мне тоже нравишься. Можешь пригласить меня куда-нибудь. Тебе для этого вовсе не надо быть таким уж киноманом.

— Да, ты мне нравишься, — сказал Пит. — Но и кино я люблю. Правда. Очень.

— А кто мне рассказывал про Кларка Гейбла в «Унесенных ветром»? Ну? Этого мало?

Пит взглянул на часы. У него в запасе оставалось пятнадцать

минут.

— Погоди. Я тебе сейчас кое-что покажу.

Он опрометью кинулся домой. Бегать стало намного легче. Видимо, сказывались регулярные упражнения. Дома Пит набил рюкзак всевозможными книжками — взял энциклопедию научно-фантастического кино, справочник Американского института кинематографии, прошлогодний «Видеогид» — и припустил обратно. Пыхтя, взгромоздил тяжелую ношу на прилавок.

— Там книги, — выдохнул он. — Почитай… До завтра.

— Ладно, как скажешь.

Пошатываясь и переводя дух, Пит вышел на улицу. Он обернулся, но магазин уже растворился в ночи. А ведь еще нет и десяти часов. Время чудес истекало. Скоро Элли навсегда исчезнет из его жизни. Нельзя допустить, чтобы она запомнила его невеждой. Возможно, книги прояснят ситуацию. А завтра он покажет ей что-нибудь еще.

Пит вошел, как только появилась дверь. Часы показывали девять тридцать. Элли негодовала. Она швырнула на прилавок «Видеогид».

— Как прикажешь это понимать?

Пит снял с плеча сумку, открыл ее, достал тонкий серебристый ноутбук и несколько дисков.

— «Унесенные ветром», — он вставил диск, запустил фильм и перемотал до сцены с Кларком Гейблом.

Элли уставилась на монитор, по ее лицу перебегали цветные блики. Звук во встроенных колонках чуть дребезжал, но великолепный голос Гейбла оставался таким же сильным.

Пит осторожно закрыл ноутбук.

— Я знаю о кино многое. Только не совсем то, что знаешь ты.

— Не понимаю. Этот фильм, книги, ты… все словно из другого мира. Прямо как в «Сумеречной зоне».

— Согласен. Но, если разобраться, это ты из другого мира. Каждую ночь примерно на час, а в последнее время чуть меньше, на моей улице появляется дверь в «Невероятные мечты».

— Что ты несешь? Быть такого не может!

— Пойдем, — Пит взял Элли за руку. Она не сопротивлялась, и парень вывел ее на улицу. — Смотри, — он показал булочную, магазин подарков и велосипедную мастерскую напротив.

Элли отшатнулась назад, к двери.

— Ничего себе. Тут все совсем не так, как должно быть.

— Зайди внутрь, — попросил Пит. — Каждую ночь магазин появляется все позже, а исчезает все раньше. Еще зависнешь здесь.

— Как же это? — спросила Элли, не выпуская его руку.

— Понятия не имею, — честно признался Пит. — Происходит, и все. В кино нашлось бы объяснение, а…

— Иногда кино заставляет задуматься, есть ли в жизни смысл, — перебила его Элли. — Иногда, наоборот, намекает, что всё бессмыслица, — она фыркнула. — А кое-что вообще не связано с кино.

— Помолчи лучше, — перебил Пит. — Вот ноутбук. Батареи хватит на несколько часов. В сумке есть еще запасная, она заряжена. Когда смотришь кино, заряд расходуется быстро. Я не знаю, найдется ли у тебя переходник, чтобы запитать компьютер — стандарты сети, скорее всего, разные. Но уж один-два фильма ты сможешь посмотреть. Тут все мои любимые: Хаяо Миядзаки, Бит Такеши, Уэс Андерсон, кое-что из классики. Дарю.

— Пит…

Он наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Так славно было разговаривать с тобой по вечерам. Точь-в-точь заключительная сцена, подумал он. Миг расставания, как в «Касабланке». Хорошо бы сказать что-нибудь такое, проникновенное… В памяти звучали десятки трогательных цитат, но Пит ни одной не воспользовался.

— Я буду скучать, Элли, — промолвил он.

— Спасибо, Пит, — Элли нехотя отступила в «Невероятные мечты». Она глядела на Пита сквозь стекло. Он поднял руку в прощальном жесте, и тут дверь исчезла.

На следующий день Пит решил не ходить к заветному месту. Он знал, что не вытерпит и войдет в магазин, даже если «Невероятные мечты» возникнут всего на несколько минут. Вечером Пит долго мерил шагами гостиную. В десять он передумал, вышел из дому и отправился туда, где появлялась заветная дверь. Вдруг Элли оставила какой-нибудь знак на прощание: записку, розу на пороге, хоть что-то?

Ничего там не оказалось: ни двери, ни розы, ни записки. Пит уселся на тротуар. Жаль, не додумался сфотографировать Элли. Вот бы узнать, какие фильмы из его коллекции она посмотрела? Понравилось ли ей?

— Привет, мистер Никель.

Пит оглянулся и увидел Элли в красном плаще и с компьютерной сумкой через плечо. Девушка села рядом.

— Я уж думала, ты не придешь. А самой что-то не улыбалось шататься ночью по чужому городу, когда в кармане пятьдесят долларов мелочью на все про все. Некоторые улицы тут такие же, как у нас, но не настолько, чтобы вычислить, где твой дом.

— Зачем ты здесь?

— Во всех книжках, что ты мне дал, упоминается «Гражданин Кейн». Пишут, что этот фильм перевернул всю историю кинематографа, — она легонько стукнула Пита кулаком в плечо. — А диска-то у меня нет!

— Как — нет? «Гражданина Кейна» все знают!

— Не у нас. В нашем мире фильм погиб. Херст[15] знал, что сценарий основан на событиях его жизни. Он договорился со студией: охрана отвлеклась, и неизвестный злоумышленник уничтожил пленку. Уэллсу пришлось начинать все заново. И он снял «Ясона и аргонавтов».

— Элли, ты понимаешь, что вернуться…

Она рассмеялась и склонила голову ему на плечо.

— Я не собираюсь возвращаться. Что я там забыла? От внезапного страха у Пита засосало под ложечкой.

— Элли, это не кино.

— Конечно, — ответила она. — Это жизнь, что намного лучше.

— Просто я…

— Не волнуйся, — она шлепнула Пита по ноге. — Напрашиваться не буду. Я не Бланш Дюбуа[16] — между прочим, у нас в кино ее сыграла не Вивьен Ли, а Джессика Танди — и не стану полагаться на милость первого встречного. В пятнадцать лет я ушла из дому — как отрезала. Начинала с нуля, без друзей, без документов. Сумела там — сумею и здесь.

Пит обнял ее.

— Здесь тебе не придется начинать с нуля. Ни за что.

Огни не загорались, не падал занавес: это не был конец фильма. Впервые Пит чувствовал, что жизнь ему милее экранного сна наяву.

— Идем. Нас ждет «Гражданин Кейн».

Они поднялись и пошли рядом, плечо к плечу.

— Все хотел спросить… Какие фильмы из моих ты посмотрела?

— А никакие. Я подумала, будет классно посмотреть их вместе. Пит рассмеялся.

— Элли, я думаю, это начало прекрасной дружбы.[17] Девушка взглянула на него лукаво, искоса:

— Похоже, цитата, но не помню откуда.

— У нас впереди столько фильмов, — сказал он.

— У нас впереди столько всего.

Перевели с английского Юлия СИРОМОЛОТ и Нелли БЕЗРУКОВА

© Tim Pratt. Impossible Dreams. 2006. Печатается с

разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2006 году.

Пол Мелкоу
СТЕНЫ ВСЕЛЕННОЙ

Входная дверь за Джоном Рэйберном закрылась с ужасающим скрипом. Сколько раз они с отцом собирались подкрасить и смазать ее к зиме… Впрочем, сейчас Джону больше всего хотелось сорвать эту проклятую дверь с петель и забросить куда подальше.

— Джонни! — окликнула мать, но он уже скрылся в густой тени сарая, завернул за угол, и голос женщины потонул в стрекоте кузнечиков. Дыхание вырывалось изо рта облачками пара.

На краю тыквенного поля Джон помедлил секунду и зашагал дальше. Где-то за этим полем, там, на востоке, был Технологический институт Кейза, в который он хотел поступать на будущий год. Только вот вряд ли получится. Есть еще университет в Толедо… Отец говорит, поработав год-другой, можно подкопить деньжат и заплатить за обучение.

Джон пнул ногой переспелую тыкву. В воздух взвились семена и тонкие ниточки мякоти. Запах сырой земли и гнили

напомнил о том, что до Хэллоуина всего неделя, а урожай они с отцом так и не собрали. Значит, тысяча зеленых коту под хвост. Опять сплошной убыток…

С востока тыквенное поле заканчивалось полоской деревьев — старых кленов и вязов, — которые отделяли ферму от Таунлайн-роуд. За ней начинался заброшенный карьер. Тяжело дыша, Джон остановился возле дерева и постарался успокоиться.

Нет, родители тут ни при чем. Если кто и виноват, то только он сам. Не стоило ему драться с этим Тедом Карсоном. И уж тем более грубить его мамаше. Он один во всем виноват. Хотя… когда он сказал миссис Карсон, что ее сыночек — сволочь, у той сделалось такое лицо, что, пожалуй, оно того стоило.

Заслышав хруст сломанной ветки, Джон обернулся. Сперва он решил, что это Тед Карсон со своей мамочкой — выследили его и устроили в кустах засаду. Однако перед ним стоял какой-то незнакомый мальчишка со сломанным прутиком в руках.

— Джонни? — произнес он. Ветка в его руке обвисла и коснулась земли.

Джон пригляделся: это был не мальчик, а, скорее, подросток. Джон подошел поближе. Парнишка был в джинсах и клетчатой рубашке. Поверх рубашки он натянул какую-то нелепую красную безрукавку.

Джон задержал взгляд на лице незнакомца. Где-то он его видел… Это было его собственное лицо.

— Эй, Джонни, привет!

Стоявший перед ним был он сам.

Джон-в-безрукавке смотрел на двойника, суб-Джона, и думал: это как раз то, что нужно. Это был явно Джонни-Простачок, а не один из Джонни-Мятежников или Сломленных Джонни. Такому можно будет впарить все, что угодно. Он поверит.

— Кто… Кто ты такой? — спросил Джонни-Простак. Он тоже был в джинсах и рубашке, но без куртки.

Джон изобразил на лице самую искреннюю улыбку:

— Я — это ты, Джон.

— Что?!

Похоже, он несколько туповат.

— На кого я, по-твоему, похож? — спросил Джон и сам же ответил: — На тебя, Джон, на тебя. Потому что я и есть ты.

Джонни-Простак попятился назад, а Джон продолжал:

— Я знаю, о чем ты сейчас думаешь. Что это розыгрыш. Что кто-то потешается над простым деревенским парнем. Нет, это не так. И закрыли эту тему. Потом ты решишь, что у тебя, оказывается, есть брат-близнец, которого усыновили другие

родители. И здесь ты будешь не прав. На самом деле все гораздо интереснее.

Джонни-Простак скрестил руки на груди.

— Ну, давай тогда, выкладывай.

— Вообще-то, я голодный как волк и не прочь где-нибудь присесть перекусить. Отец, я смотрю, уже дома. Может, пойдем в сарай и обсудим все там?

Джон подождал, пока в голове собеседника провернутся нужные шестеренки.

— Вряд ли, — наконец изрек тот.

— Ну, как хочешь. Тогда я разворачиваюсь и ухожу. И ты никогда ничего не узнаешь.

Джон наблюдал за битвой эмоций на лице Простака. Показной скептицизм боролся в нем с мыслью о бредовости этого видения и отчаянным желанием разгадать загадку. Простак любил загадки. В конце концов лицо его разгладилось.

— Ладно, пошли, — согласился он.

Они двигались рядом, и Джон немного успокоился. Пока шагали по тыквенному полю, он заметил, что они идут в ногу. Джон открыл дверь сарая, и пришелец вошел первым, привычно щелкнув выключателем возле двери.

— Здесь хоть потеплее, — сказал он, потирая руки, и обернулся к Джону.

Свет ударил ему прямо в лицо, и Джон поразился сверхъестественному сходству. Их действительно можно было принять за близнецов. Волосы у парнишки были такого же песочного цвета, только немного длиннее и по-другому пострижены. Одежда казалась странной: такой куртки Джон никогда не носил. Кроме того, юноша был чуть постройнее. За плечами у него висел синий рюкзак — набитый так туго, что молния не застегивалась до конца. Над глазом кожа была поцарапана, а над левой бровью темнело пятнышко бурой крови — уже свернувшейся, но еще довольно свежей.

— Ну, и кто ты такой?

— А как насчет перекусить?

Джон подошел к стойлу и, взяв из корзины яблоко, бросил его юноше. Тот поймал и улыбнулся.

— Рассказывай, а потом я схожу в дом, принесу поесть.

— Разве так отец учил тебя обращаться с путниками? Готов поспорить, если бы там, в кустах, я столкнулся с ним, он пригласил бы меня на ужин.

— Рассказывай, — повторил Джон.

— Ладно. — Юноша плюхнулся на тюк сена и стал грызть

яблоко. — На самом деле все просто. Я — это ты. Вернее, я — это ты с генетической точки зрения. Я вырос на этой самой ферме, только в другой вселенной. А теперь вот решил повидаться с самим собой.

— Чушь собачья. Кто это такое выдумал?

— Ладно, ладно. Я бы тоже не поверил. — По его лицу пробежала тень. — Но у меня есть доказательства. Одну секунду… — Он вытер рот тыльной стороной ладони. — Итак, начнем. Этого коня зовут Стэн или Дэн. Вы купили его у Макгрегоров с Батт-роуд, когда тебе было десять. Конь упрямый, норовистый и терпеть не может ходить под седлом. Но становится шелковым, если знает, что у тебя в кармане яблоко. — Парень повернулся налево, к другим стойлам. — Свинью зовут Рози. А это корова Вильма. Кур вы называете Дамочками. Ну как, пока все верно?

Он самоуверенно ухмыльнулся.

— Когда тебе было двенадцать, ты украл у дяди пачку сигарет и все их выкурил. В восемь лет ты застрелил из ружья здоровенную жабу. После этого тебя вырвало от омерзения, и больше ты к ружью не притрагивался. Девчонку, которую ты впервые поцеловал, звали Эми Уолдер. Она была даже не прочь показать тебе трусики, но ты сбежал домой, к мамочке. И правильно сделал: у нее повсюду вши. Все зовут тебя Джонни, хотя тебе больше нравится «Джон». На сеновале у тебя припрятана пачка старых «Плейбоев». Однажды ты прожег дырку в ковре в своей комнате. Никто об этом не знает, потому что ты поставил на это место тумбочку.

Он развел руки в стороны, словно гимнаст после удачного прыжка.

— Ну как? Близко к тексту? — Он ухмыльнулся и швырнул огрызок в стойло Стэна.

— Не целовался я с Эми Уолдер.

Эми залетела от Тайрона Биггенса, когда ей было пятнадцать. После этого она вместе с теткой уехала в Монтану и больше не возвращалась. Джон не стал упоминать, что, кроме этого пункта, все остальное было чистой правдой.

— А остальное я угадал? Джон кивнул:

— В общих чертах.

— В общих чертах?! Да я попал в самую точку, потому что все это произошло со мной. Только в другой вселенной.

Откуда этот парень столько про него знает? Кто мог ему рассказать? Родители?

— Ну, допустим, так. Тогда скажи вот что. Как звали моего первого кота?

— Снежок.

— Мой любимый предмет в школе?

— Физика.

— В какой колледж я хочу поступить? Пришелец помолчал, нахмурился.

— Не знаю.

— А что так?

— Пойми, я уже довольно долго путешествую, а до того о колледже я не думал. Потому и не знаю. С тех пор как я начал пользоваться прибором для путешествий, я стал другим… Но до этого момента мы были одним целым. — Он помолчал. Казалось, он уже устал от этого разговора. — Послушай. Я — это ты. Но если ты не хочешь мне верить — ничего страшного. Если ты не против, я переночую на сеновале, а утром уйду.

Глядя, как пришелец берется за лестницу, Джон почувствовал укол совести: нельзя же так гнусно обращаться с гостем.

— Ладно, можешь спать здесь. Я сейчас принесу поесть. Только не выходи никуда и, если кто-нибудь войдет, спрячься. А то с моими предками удар случится.

— Спасибо, Джон.

Дрожа и затаив дыхание, Джон смотрел, как Простак открыл дверь и растворился в ночи. А ведь самое сложное еще впереди.

Как просто было бы прикончить этого деревенского увальня… Один удар по темечку — и готово. Но нет, на такое он не пойдет. Во всяком случае, пока. Да, он дошел уже до предела отчаяния, но все же не настолько, чтобы совершить убийство. Или самоубийство?

Он мрачно усмехнулся. Старина Дэн тихонько заржал в ответ.

Взяв из корзины яблоко, Джон протянул его лошади. Глаза его вдруг наполнились слезами.

— Держись, старина, — прошептал он, пока Дэн с воодушевленным хрустом поедал яблоко. Его собственный Дэн умер. Погиб от его руки.

Он ехал верхом и решил перепрыгнуть через забор за дальним полем. Препятствие они одолели, но левая задняя нога Дэна не вынесла такого испытания. Кость сломалась, и Джон в слезах бросился на ферму.

Отец уже шел ему навстречу, мрачнее тучи и с ружьем в руках. Он все видел.

— Дэн поранился! — крикнул Джон.

Отец кивнул и молча протянул ему ружье. Джон машинально взял его, но тут же попытался вернуть обратно.

— Нет!

— Если сломана нога, другого выхода нет.

— Но, может… — Джон осекся. Пронзительное ржание Дэна было слышно даже отсюда. Его нога была вывернута под таким ужасным углом, что сомнений не оставалось.

— Может, доктор Кимбл его посмотрит?

— И чем ты за это заплатишь?

— А ты не…

Отец фыркнул и пошел к дому.

Джон смотрел ему вслед, пока крики Дэна не сделались совсем уж невыносимыми. Тогда он пошел обратно, и слезы ручьем текли по его щекам.

Выпучив глаза, конь яростно мотал головой, но, когда Джон приставил к его черепу ствол, затих. Наверное, догадался. Джон вытащил из кармана яблоко и сунул его Дэну. Конь зажал яблоко в зубах, но жевать не стал, словно ожидая. А потом чуть заметно кивнул, или Джону это показалось. И парень спустил курок. Дэн вздрогнул и повалился замертво. Джон бросился на землю и прорыдал целый час.

А здесь Дэн цел и невредим. Джон потрепал лошадь по морде.

— Привет, восставший из мертвых, — усмехнулся Джон. — Прямо как я.

Когда хлопнула входная дверь, отец с матерью разом замолчали, и Джонни догадался: разговор шел о нем.

— Я поем в сарае, — объявил он. — У меня там один важный эксперимент.

Достав из буфета тарелку, он принялся накладывать туда лазанью. Поймав его взгляд, отец сказал:

— Сынок, насчет этой истории с мальчишкой Карсоном… Джон незаметно сунул в карман вторую вилку.

— Да?

— Я знаю, ты поступил правильно и все такое… Джон кивнул и заметил, как мать отвела взгляд.

— Он презирает нас из-за того, что мы фермеры и копаемся в земле, — сказал Джон.

Мама развязала тесемку на шее, повесила фартук на стул и вышла из кухни.

— Знаю, Джонни… Джон. Но иногда приходится с чем-то мириться. Джон кивнул:

— А иногда нужно как следует дать в морду, отец. Он повернулся, чтобы уйти.

— Джон, ты можешь поесть здесь, с нами.

— Не сегодня, пап.

Захватив с собой кварту молока, он пересек кухню и вышел через черный ход.

— Стэн такого никому, кроме меня, не позволяет.

Джон, трепавший Дэна за ухом, обернулся.

— Точно, — сказал он, взял бумажную салфетку с лазаньей, которую протянул ему Джон, и принялся уплетать. — Спасибо. Обожаю мамину лазанью!

Простак нахмурился, и это упрямство было знакомо Джону. Он сам вел себя так же, когда сталкивался с невероятным. Пожалуй, стоит попридержать язык и перестать заваливать его доказательствами, решил он. К этому Джону требовался более тонкий подход, чем показалось в начале.

Джон поедал ужин в полном молчании под пристальным взглядом Простака. Наконец тот не выдержал:

— Ладно, допустим, ты явился из другой вселенной. Каким образом ты это сделал?

С набитым ртом он ответил:

— С помощью моего прибора.

— И почему именно ты?

— Я не знаю.

— Хитро придумано, — со злостью заметил Джон.

— Мне дали прибор, который позволяет перемещаться из одной вселенной в другую. Сейчас он у меня здесь, под рубашкой. А почему именно я, мне неизвестно. Вернее, почему именно мы.

— Кто тебе дал этот прибор?

— Я! — ухмыльнулся пришелец.

— Еще одна наша копия из другой вселенной? — догадался Джонни.

— Ну да. Еще один Джон. Довольно симпатичный парень. Пока все его слова были чистой правдой.

Простак надолго задумался. Наконец он изрек:

— Надо овец покормить.

И стал насыпать в корыто зерно из мешка. Пришелец подхватил мешок с другого конца и поднял повыше.

— Спасибо.

Они вместе задали корм корове, потом лошади, а уж после этого закончили собственный ужин.

— Если ты — это я, как мне тебя называть? — спросил Простак.

— Что ж… Может, Джон Первичный?

— Я не хочу называться «вторичным»…

— И не надо, будь просто Джоном.

— Если ты — первичный, то который по счету тот, что дал

тебе прибор?

— Нулевой, — усмехнулся Джон. — Так значит, теперь ты мне веришь?

Казалось, Простак все еще сомневался.

— Может быть.

— Ну ладно. Тогда вот тебе последний аргумент. Уж тут отрицать бесполезно. — Джон Первичный задрал штанину, обнажив длинный белый шрам на ноге, где не росли волосы. — Теперь покажи свой, предложил он, стараясь не поддаваться панике. Последний раз, когда он попытался проделать этот трюк, шрама не оказалось.

Простак оглядел шрам, а затем закатал джинсы до колена. От холодного воздуха волоски встали дыбом на всей икре, кроме полоски зарубцевавшейся плоти на точно таком же шраме.

Когда Джону Первичному было двенадцать, они с Бобби Уолдером перебрались через колючую проволоку на участок миссис Джонс, чтобы поплавать в бассейне. Та спустила на них собак, и мальчишкам пришлось нагишом удирать через поле и с разбега сигать через колючую проволоку. Джон в этом преуспел не слишком. Бобби благополучно смылся, а Джон доковылял до дома кое-как. На рану пришлось накладывать швы и делать укол от столбняка.

— Теперь ты мне веришь? — спросил Джон Первичный. Простак уставился на шрам.

— Да. Боль была адская, правда?

Джонни сидел в «аквариуме» — комнате со стеклянными стенами рядом с кабинетом директора, — стараясь не встречаться взглядом с одноклассниками и гадая, чем сейчас занимается Джон Первичный. Он оставил своего двойника на сеновале с половиной школьного завтрака и обещанием не высовывать из сарая носа.

— Не беспокойся, — сказал ему тот с ухмылкой. — После школы встретимся в библиотеке.

— Только чтобы никто тебя не видел, ладно? Джон Первичный улыбнулся снова.

— Джон! — Из кабинета директора высунулась голова. У парня упало сердце: он никогда еще не попадал в неприятности.

У мистера Гушмэна были грудь колесом, лысеющая голова и вечно нахмуренные брови. Он жестом указал Джону на стул, а сам с тяжелым вздохом опустился за письменный стол. Говорили, что в армии он был майором и во всем любил строгость. За тот год, что он работал директором, Джону еще ни разу не доводилось с ним разговаривать.

— В нашей школе существует определенная политика в отношении насилия и хулиганства, — начал он.

Джон открыл рот, чтобы ответить, но не тут-то было.

— Дай мне закончить. Факты таковы. В раздевалке ты несколько раз ударил своего школьного товарища, который к тому же младше тебя. В результате ему потребовалась медицинская помощь и наложение швов. — Он раскрыл лежащую на столе папку. — Устав школы создан для того, чтобы защитить всех учеников. Насилие в учебном заведении исключено. Тебе это ясно?

Джон некоторое время молча смотрел перед собой, затем сказал:

— Я понимаю, что существует Устав. Но…

— У тебя отличная успеваемость, ты член школьной команды по футболу. Ты на хорошем счету, собираешься поступить в престижный колледж. Эта история может испортить твою репутацию.

Джон прекрасно это понимал.

— В Уставе сказано, что ученик, виновный в совершении насилия, отстраняется от занятий на три дня и исключается из всех спортивных секций. Тебе придется оставить футбол.

У Джона что-то сжалось в горле.

— Ты сознаешь всю серьезность ситуации?

— Да, — только и сумел выдавить Джон. Гушмэн открыл еще одну папку.

— Но, как мне кажется, здесь имеет место особый случай. А потому, если ты письменно извинишься перед миссис Карсон, мы замнем это дело. — Гушмэн посмотрел на подростка, ожидая ответа.

Джон почувствовал, что его приперли к стенке. Этот гад Тед напрашивался на хорошую трепку: он спустил в унитаз одежду Джона.

— С какой стати я должен извиняться перед миссис Карсон? — спросил он. — Я ведь не ее ударил, а Теда.

— Она считает, что ты обошелся с ней непочтительно. И хочет, чтобы ты извинился за это.

Написать эту бумажку — и делу конец. Но ведь он всегда будет помнить, что его сломали. А он не терпел поражения — о чем бы ни шла речь. Ему хотелось крикнуть Гушмэну, что он готов понести наказание…

Но вместо этого он сказал:

— Если вы позволите, я обдумаю ваши слова в выходные.

Судя по улыбке мистера Гушмэна, тот был уверен, что сумел сломить Джона.

— Конечно, подумай. Но к понедельнику мне нужно знать твое решение.

Джон вышел и отправился на следующий урок.

Поглубже надвинув на глаза кепку с надписью «Мартышки из Толедо», Джон Первичный пробрался мимо библиотекарши. Он не хотел, чтобы в нем узнали Джона Рэйберна. Не сейчас.

Отдел справочников располагался на своем обычном месте, и это радовало. Сходство по мелочам позволяло надеяться и на более серьезные совпадения. Джон пробовал жить в очень странных местах, но рано или поздно что-то шло наперекосяк, и ему приходилось бежать. Сейчас он нуждался в мире, похожем на его собственный, и до сих пор эта вселенная соответствовала такому требованию.

Джон взял с полки альманах. Конечно, энциклопедия содержит больше информации, но там он рисковал заблудиться в деталях. А ему требовалось всего лишь простое сравнение.

Он пробежал пальцем по списку президентов: все имена были знакомые. Значит, это не тот мир, где Вашингтон пробыл на посту четыре срока подряд, установив систему президентско-монархического пожизненного правления. Перелистнув страницу, Джон обнаружил, что следующие двадцать президентов были те же самые, за исключением последних четырех. Что это еще за Билл Клинтон, черт подери?

И все же расхождения оказались совсем незначительные. Ну что ж, так тому и быть! Как он устал от этого вечного бегства…

Джон нашел незанятый стол, расстегнул рюкзак и принялся за свои изыскания.

Городская библиотека находилась всего в паре кварталов от школы. Джонни довольно долго бродил среди стеллажей, пока не обнаружил на третьем этаже в третьем ряду Джона Первичного. Тот сидел за столом в центре зала, обложившись книгами и подшивками местных газет. Рюкзак был расстегнут, и Простак увидел, что он битком набит бумагами и папками.

Джон Первичный был в бейсболке и темных очках — видимо, в целях конспирации. Заметив Джонни, он снял очки и сказал:

— Видок у тебя неважный. Что стряслось?

— Да ничего. Чем это ты тут занимаешься?

Джон Первичный взял в руки учебник истории, раскрыл книгу и ткнул пальцем в разноцветный список американских президентов.

— Здесь Джордж Буш повысил налоги, и его не переизбрали на второй срок — в девяносто первом его победил Клинтон. А в

моем мире Буш не пошел на такие меры, в экономике случился спад, и его переизбрали на второй срок. Еще выше он поднялся, когда посреди его второго срока прикончили Хуссейна. А в девяносто шестом президентом избрали сына Буша.

Джон рассмеялся:

— Этого клоуна?

Джон Первичный нахмурился:

— Буш-младший избавил страну от внешнего долга. И безработица у нас была ниже трех процентов.

— У нас она тоже невелика. Клинтон неплохо поработал. Джон Первичный ткнул пальцем в ксерокопию газетной статьи.

— А дело «Уайтуотер»? А наркотики? А Винс Фостер?[18] — Он протянул вырезки Джону, а затем покачал головой. — Ладно, забудь. В конце концов, все это не так уж важно. По крайней мере, мы не родились в одном из тех миров, где Никсона так и не поймали и не было Уотергейта.

— А что было там?

— Как правило, Вторая великая депрессия. Россия и Штаты так и не вышли из гонки вооружений. Это очень тоталитарные места. — Он забрал у Джона статьи. — В вашем мире есть липкие листочки для записок?

— Естественно.

Джон Первичный пожал плечами.

— Их придумали далеко не везде. Идея простая, а стоит целое состояние. — Он вытащил из рюкзака блокнот и открыл его на странице с телерекламой. — А MTV?

— Ну да.

— Интернет?

— Вроде да.

— Кубик Рубика?

— Не слыхал о таком.

Джон Первичный поставил галочку напротив рисунка, изображавшего разноцветный куб.

— Ага! Это настоящее золотое дно.

— Правда?

Первичный перевернул страницу.

— «Темницы и драконы»?

— Это игра, где изображаешь из себя волшебника?

— Та самая. А как насчет леденцов? Есть здесь такая штука?

— Что-то не припомню. А что это?

— Такие конфетки. Та-ак… А алмазные месторождения в Южной Африке?

Так они пробежались по целому списку вещей, примерно три четверти из которых были Джону знакомы: в основном, игры,

игрушки и изобретения.

— Ну что ж, есть чем заняться. Кое на чем из этого списка можно сделать неплохие бабки.

— И что ты собираешься делать? — с подозрением спросил Джон.

— Зарабатывать деньги на межвселенской торговле.

— Межвселенской?

— В смысле, между разными вселенными. Конечно, не в смысле торговли реальными вещами. Я не в состоянии перетащить достаточно предметов, чтобы получать из этого выгоду. Слишком сложно. А вот идеи перемещаются очень даже легко, и то, что давно стало всеобщим достоянием в одной вселенной, в соседней может оказаться невидалью. Рубик продал сто миллионов своих кубиков. По десять долларов за штуку — это получается миллиард баксов! — Он помахал блокнотом у Джона перед носом. — Здесь две дюжины идей, на которых можно сколотить состояние.

— Так что ты собираешься делать? — повторил Джонни.

Джон Первичный улыбнулся своей фирменной снисходительной улыбочкой.

— Не я, а мы. Мне нужен агент, который занимался бы делами в этом мире. Кто же может подойти на эту роль лучше, чем я сам? И хотя говорят, что в два места одновременно не поспеешь, ко мне это не относится.

— Угу.

— Навар поделим пополам.

— Угу.

— Слушай, ты не думай, это не воровство. Эти идеи никому здесь не приходили в голову. Людей, которые все это изобрели, в этом мире может просто не существовать.

— Я и не говорил, что это воровство, — сказал Джон. — Просто я до сих пор не очень верю тебе.

Джон Первичный вздохнул:

— Ну что с тобой сегодня стряслось?

— Меня могут отстранить от занятий и выкинуть из футбольной команды, — ответил Джонни.

— Что? С какой стати? — Джон Первичный казался искренне обеспокоенным.

— Я побил одного типа, Теда Карсона. Его мать наябедничала директору. Тот хочет, чтобы я извинился.

Джон Первичный побагровел.

— Надеюсь, ты не собираешься этого делать? Знаю я этого Теда Карсона. Он во всех вселенных маленький засранец.

— У меня нет другого выхода.

— Выход есть всегда. — Джон Первичный вытащил из рюкзака другой блокнот. — Тед Карсон, говоришь? У меня на него кое-что имеется…

Джон заглянул ему через плечо. На каждой странице блокнота была приклеена газетная вырезка: отдельные фразы были выделены маркером, а внизу имелись ссылки на другие страницы. Один из заголовков гласил: «Мэру и членам городского совета предъявлено обвинение». Фотограф запечатлел мэра Тиссена с искаженным от крика лицом. Другая заметка представляла собой список разводов. Джон Первичный перевернул страницу.

— Вот: «Тед Карсон арестован за издевательство над соседским котом. По-видимому, подросток погубил не меньше дюжины окрестных животных, прежде чем его поймали с поличным».

Он взглянул на Джона. Тот прочитал заметку, качая головой.

— Что-то я об этом не слышал.

— Возможно, здесь его так и не поймают.

— И что нам с этим делать? — спросил Джон.

— Шевели мозгами, братишка. — С этими словами Джон Первичный отдал Джону клочок газеты с перечнем разводов. — Отксерь-ка вот это.

— Зачем?

— Это самый верный способ узнать, кто с кем спит. Обычно такие вещи не меняются, в какой бы вселенной ты ни оказался. Кстати говоря, как тут у вас выглядит Кейси Николсон?

— Что?! — глаза Джона полезли на лоб.

— Да ладно тебе. Так все-таки? Уродина или красотка? В половине миров она залетела еще в школе и живет на парковке для трейлеров.

— Она член школьной группы поддержки, — ответил Джонни. Джон Первичный взглянул на него и усмехнулся:

— Ведь она нам нравится, да? Мы с ней встречаемся?

— Нет.

— А мы ей нравимся?

— Я, а не мы! — возмутился Джон. — Думаю, да. Она улыбается мне на уроках.

— А почему бы нам не полюбить ее?… — Тут пришелец бросил взгляд на свои часы. — Тебе пора возвращаться в школу, верно?

— Ага.

— Встретимся вечером дома. Пока!

— Не вздумай болтать, — предупредил Джон. — А то еще подумают, что это я. Не создавай мне проблем, ладно?

— Не беспокойся. Я вовсе не хочу портить твою жизнь.

«Кейси, Кейси, Кейси…» — мысленно повторял Джон Первичный, провожая взглядом Джонни-Простака. Кейси из группы поддержки была самой лучшей разновидностью Кейси. От нее пахло чистотой. И такое сокровище достанется этому недотепе?

Джон собирался просидеть в библиотеке до самого закрытия, но соблазн увидеть Кейси оказался сильнее. Он без особого энтузиазма пролистал еще несколько газет, а потом собрал вещи и направился к школе.

Во время прогулки по крошечному центру города его настиг приступ ностальгии. Всю свою жизнь он провел в этом маленьком городке — хотя, конечно, не в этом, а в таком же. В какой-то момент ему ужасно захотелось заскочить в букинистический магазин и порыться в старых комиксах. Но продавец за прилавком непременно его узнает. Нет, еще рано, решил он.

Когда он подошел к стадиону, игра уже началась. Джон выбрал местечко на самом верху трибуны и удостоверился, что козырек бейсболки надежно закрывает его лицо. Солнце опускалось за дальний конец поля, отбрасывая длинные зловещие тени, пока две школьные команды (средняя школа Финдли играла с «Долиной Гуриона») бестолково гоняли мяч по полю. Наблюдать за игрой теней было куда интереснее.

Но вскоре матч кончился, и трибуны стали наполняться людьми. Джон увидел знакомые лица, пробудившие давнишние, но все еще яркие воспоминания. Скрючившись на скамье, он поднял воротник куртки и невесело усмехнулся. Всегда скрываться, всегда быть в бегах… Но только не в этот раз.

На поле выбежали девушки из команды поддержки. Кейси пришелец заметил сразу и тут же ощутил прилив гормонов. Он шел к ней сквозь вселенные, подумал он. А что? Неплохая фраза для знакомства!

Господи, как она хороша… Он даже привстал, чтобы разглядеть ее получше.

— Эй, Джон! — крикнул кто-то с трибуны, двумя рядами ниже.

Джон в замешательстве замер: он понятия не имел, кто это. Его охватила паника. Он отсутствовал целый год — кто знает, что он пропустил за это время.

— Привет, — отозвался он неуверенно.

— Чего это ты не на поле?

— Ну да, уже иду.

Перепрыгивая через две скамейки, Джон почти бегом

бросился прочь. Нет, пялиться на Кейси еще рано.

После матча Джон встретился с отцом на парковке.

— Прямо скажем, не лучшая игра, — заметил отец. Он был в рабочем комбинезоне и в шляпе с логотипом фирмы «Джон Дир». [19] А ведь он и на трибуне сидел в таком виде, подумал Джон. С навозом на башмаках… Из колонок старенького грузовика доносилось какое-то дребезжание в стиле кантри. На миг Джону стало стыдно за отца, но потом он вспомнил, из-за чего подрался с Тедом Карсо-ном.

— Спасибо, пап, что заехал за мной.

— Да ладно. — Он завел машину и выехал со стоянки. — Вот какая странная штука. Мне померещилось, будто ты сидел на трибуне.

Стараясь сохранять спокойствие, Джон взглянул на отца.

— Ты что? Я же был внизу.

— Знаю, знаю. Я видел. Должно быть, мои старые глаза играют со мной такие шутки.

Неужели Джон Первичный не вернулся в сарай? Что этот негодяй себе позволяет?

— Гушмэн звонил.

В полумраке кабины Джон кивнул.

— Я так и думал.

— Сказал, что ты собираешься написать письмо с извинениями.

— Я не хочу, пап, — сказал Джон. — Но…

— Знаю. Пятно на репутации и все такое. — Отец выключил радио. — Я сам проучился в университете в Толедо один или два семестра. Мы с колледжем не слишком поладили. Но ты, сынок, можешь выучиться и сделать свою жизнь интереснее. Вот этого-то мы и хотим с твоей мамой.

— Пап…

— Погоди минутку. Я не говорю, что ты обошелся с мальчишкой Карсоном неправильно. Но тебя поймали. А когда тебя на чем-то ловят, обычно приходится за это платить. И потом, написать что-то — это одно, а верить в это — совсем другое.

Джон кивнул.

— Думаю, я напишу это письмо. Отец удовлетворенно хмыкнул.

— Поможешь мне завтра разобраться с яблоками? Дальше тянуть некуда, а то все попортятся.

— Хорошо, помогу, но только до ланча. Потом у меня тренировка.

— Идет.

Остаток пути они проехали молча. Джон был даже рад, что отец у него такой прагматик. А когда впереди показалась ферма, он стал размышлять, как ему быть с Джоном Первичным.

— Ты где?!

Джон оторвался от газеты и взял в руки лопату. Похоже, без насилия не обойтись: слишком уж возбужденный был вид у Джонни-Простака.

— Я здесь, наверху.

— Ты был на футболе! — выкрикнул Джонни, взбираясь по лестнице.

— Совсем чуть-чуть.

— Тебя видел отец!

— Но он ведь не понял, что это ты, верно? Гнев Простака чуточку поутих.

— Нет, слава богу. Решил, что показалось.

— Вот видишь? И никто ничего не поймет, даже если нас увидят вместе. — Простак с ворчанием покачал головой, а Джон добавил: — Эта заварушка с Тедом Карсоном скоро кончится.

— В смысле?

— В округе пропала уже целая куча кошек.

— Ты что, с кем-то разговаривал на улице?

— Только с малышней. К тому же было темно, никто не видел моего лица. Между прочим, три кошки — только в этом месяце. Тед настоящий серийный убийца. Так что мы можем его прижать, и его мамочке придется пойти на попятную.

— Я собираюсь извиниться, — сказал Простак.

— Что?! Не вздумай!

— Так будет лучше. Я не хочу портить себе жизнь.

— Послушай. Парень — откровенный псих, и мы можем ткнуть это в нос его предкам. Что может быть лучше?

— Нет, это ты послушай. Ты должен быть тише воды, ниже травы. Я не желаю, чтобы ты шлялся по городу и везде светился, — заявил Простак. — Сегодняшний поход в библиотеку — уже это было чересчур.

Джон улыбнулся.

— Не хочешь, чтобы я столкнулся с Кейси Николсон, да?

— Ну, все! — Простак замахнулся. — С меня хватит. Почему бы тебе не убраться отсюда? Просто исчезнуть из моей жизни! В другой город или в другую вселенную, раз ты это умеешь?

Джон нахмурился. Настало время решающего удара. Он расстегнул рубашку. Под серой футболкой на нескольких ремешках был закреплен тонкий диск размером с теннисный мячик. На диске имелся экран, показывавший: «7533», три синие

кнопки на передней панели и еще какие-то циферблаты и рычажки по бокам.

Джон отцепил диск со словами:

— Наверное, тебе пора взглянуть на это самому.

Джонни подозрительно посмотрел на прибор: для устройства с такими возможностями он казался слишком уж тоненьким и походил, скорее, на игрушку.

— И как он работает? — спросил он, представляя, как золотые нити обвивают черные вихри первичной энергии и стены вселенной рвутся, словно ветхая ткань…

— Понятия не имею, — с раздражением ответил Джон Первичный.

— Знаю только, что работает. — Парень указал на цифровой дисплей.

— Это номер твоей вселенной.

— 7533?

— Моя вселенная — 7433. — Он коснулся первой синей кнопки. — Эта штука увеличивает порядковый номер вселенной. Смотри. — Он нажал кнопку один раз, и на экране появилось «7534». — А так этот номер можно уменьшать. — Он нажал другую кнопку, и на экране снова засветились цифры «7533».

Джон указал пальцем на металлический рычажок на боковой части прибора:

— Когда выберешь нужный номер, стоит передвинуть этот рычаг, и — бац! — ты уже в другой вселенной.

— Что-то больно смахивает на игровой автомат, — заметил Джон.

Джон Первичный поджал губы.

— Это великое изобретение могущественной цивилизации.

— А это не больно? — поинтересовался Джон.

— Лично я ничего не чувствовал. Разве что иногда уши закладывает, но это виновата, скорее, резкая перемена погоды. Да еще порой упадешь с пары дюймов или, наоборот, ноги увязнут в земле.

— А эта кнопочка для чего? Джон Первичный покачал головой:

— Не знаю. Я ее нажимал, но ничего не происходило. Извини, инструкции не прилагалось, — ухмыльнулся он. — Ну что, хочешь попробовать?

Джону хотелось. Еще как хотелось! Ведь это такой шанс — не только проверить, соврал Джон Первичный или нет, но и побывать в другой вселенной! Перспектива была ошеломляющей. Отправиться в путешествие, освободиться от всего этого хлама в

его жизни. Еще десять тоскливых месяцев в Финдли — целая вечность! А тут перед ним — приключение!

— Покажи сначала сам. Джон Первичный нахмурился.

— Он после каждого перехода заряжается двенадцать часов. Если я исчезну, мне придется пробыть в другой вселенной целый день, прежде чем я смогу вернуться обратно.

— Э, нет. Я тоже не хочу исчезать на целый день! У меня дела. Мне нужно письмо писать.

— Не волнуйся, я тебя подменю.

— Еще чего!

— У меня получится, не сомневайся. И никто ничего не узнает. Я был тобой столько же, сколько ты сам.

— Нет уж. Чтобы я отправился куда-то на целых двенадцать часов, пока ты будешь распоряжаться моей жизнью? Ни за что!

Джон Первичный покачал головой.

— Можешь устроить мне проверку. Вот завтра, например, что ты делаешь?

— Будем с отцом собирать яблоки.

— Я займусь этим вместо тебя. Если отец ничего не заметит, ты сможешь немного попутешествовать, а я тебя прикрою. Если ты отправишься завтра днем, то сможешь вернуться в воскресенье и даже школу не пропустишь. — Джон Первичный расстегнул рюкзак. — А чтобы было веселее, вот тебе деньги на карманные расходы.

И он вытащил пачку двадцатидолларовых купюр.

— Откуда это у тебя?

Джон никогда не видел такой кучи денег. На его счету в банке лежало не больше трехсот долларов.

Джон Первичный протянул ему пачку наличных. Двадцатки были новенькие, хрустящие, из такой гладкой бумаги, что она липла к пальцам.

— Здесь две тысячи.

— Ого… Но ведь они из другой вселенной, верно? Значит, это фальшивка.

— Они настоящие. И пусть кто-нибудь попробует сказать, что это не так. — Джон Первичный вытащил двадцатку из собственного кармана. — Вот эта — отсюда. Видишь разницу?

Джон вытянул верхнюю банкноту из пачки и сравнил с помятой двадцаткой. На его взгляд, они были совершенно одинаковы.

— Где ты их взял?

Джон Первичный многозначительно усмехнулся:

— Инвестиции.

— Украл?

Джон Первичный покачал головой.

— Но даже если бы украл, полиция искала бы их в другой вселенной. Джона кольнуло нехорошее предчувствие. У Джона Первичного были его отпечатки пальцев, его внешность, его голос. Он знал о нем все, что только возможно. Он мог ограбить банк, убить кого-нибудь, а потом сбежать в другую вселенную, оставив Джона расхлебывать эту кашу. Все улики укажут на него, и он никогда не сможет доказать свою невиновность.

Но Джон Первичный предлагал ему воспользоваться прибором и попутешествовать, предлагал подменить на некоторое время в этой вселенной… Это было очень заманчиво.

— Двадцать четыре часа, — произнес Джон Первичный. — Представь, что ты на каникулах. И можно отдохнуть от всего этого дерьма с Тедом Карсоном.

Соблазн посмотреть на другую вселенную был слишком велик.

— Завтра пособираешь с отцом яблоки. Если он ничего не заподозрит, то, может, я и соглашусь.

— Не пожалеешь.

— Только обещай, что не будешь ни во что вмешиваться! Джон Первичный кивнул:

— Мне это совершенно ни к чему.

— Черт! Еще так рано… — пробормотал Джон Первичный, вытряхивая из волос солому.

— Не ругайся при отце, — предупредил Простак.

— Ты прав. Никаких ругательств. — Джон встал и потянулся. — Значит, собираем яблоки? Когда же я последний раз этим занимался? Уже и не помню.

С тех пор прошло гораздо больше года: его собственный отец давным-давно забросил сад.

Джон выглянул в маленькое оконце. Отец Джонни уже оседлал трактор.

— Что у тебя с отцом? Нелады? — поинтересовался Джон. Простак скинул свою куртку, отдал ее Джону, взяв взамен его безрукавку, и покачал головой:

— Вчера вечером мы толковали по поводу этой истории с Карсо-ном. Он хочет, чтобы я извинился.

— Ясно. А что мать?

— Злилась, конечно. Может, и до сих пор злится. Мы с четверга не разговариваем.

— Что у вас сегодня по плану?

Джон Первичный достал карандаш и стал делать пометки.

— До завтра — ничего особенного. Церковь, потом домашние

дела. Убрать навоз в стойлах. Сделать уроки. Но это я и сам сделаю.

— Что задали на понедельник?

— По физике — прочитать параграф. По английскому — сочинение про Джерарда Мэнли Хопкинса. По математике — решить задачи. Вроде все.

— А какие будут уроки?

Простак начал было перечислять, но вдруг опомнился:

— Зачем тебе это? Я ведь вернусь.

— А если кто-нибудь спросит?

— Да никто не спросит. — Пока Простак натягивал безрукавку Джона, тот смотрел в свой бинокль. — Я буду наблюдать отсюда. Если что-то пойдет не так, соври, что заболел живот и возвращайся к сараю. Быстренько доложишь обстановку, и мы поменяемся обратно.

Джон Первичный улыбнулся.

— Ничего не случится. Не волнуйся. — Он надел перчатки и слез вниз по лестнице. — Увидимся за обедом.

Направляясь к яблоневому саду, Джон и сам волновался не на шутку. Оглянувшись через плечо, он увидел Простака, наблюдающего за ним в бинокль. Эта проверка куда серьезнее, чем кажется. Еще не поздно сбежать. Еще не поздно найти другую лазейку.

Отец едва взглянул на парня, буркнув:

— Давай начнем с этой стороны.

— Ладно, — ответил Джон. В горле внезапно пересохло. Отец держал спину прямо, и когда он прошел мимо, от него пахнуло землей, а не перегаром. Он подошел к дереву и обернулся:

— Ну, чего ты? Давай.

Джон ухватился за ветку и вскарабкался на дерево. Даже сквозь перчатки шершавая кора оцарапала ему пальцы. Нога соскользнула с сучка, и он оступился.

— Поосторожнее там.

— Наверное, я стал слишком тяжелым, — сказал Джон.

— На будущий год придется кого-то нанимать в помощники. Джон помолчал: ему хотелось сказать что-нибудь веселое. Он улыбнулся:

— Готов поспорить, мама и сама с этим справится.

Отец рассмеялся.

— А что, это мысль!

Глядя на то, как отец над чем-то смеется, Джонни ощутил укол ревности. Хотел бы он знать, чем это Джон Первичный его рассмешил… С другой стороны, подумал он, раз отец смеется,

значит, все в порядке и разоблачения можно не опасаться.

И все же его беспокоила сомнительность этой ситуации. По сути, Джон Первичный сейчас был им. А он сам тогда, выходит, никто? Легко ли другому человеку влезть в его шкуру? Поразмыслив, Джон пришел к выводу, что это совсем несложно. Близких родственников у него немного. Несколько новых знакомых и событий, случившихся за последние недели, были известны только ему, но через какой-нибудь месяц все это останется в прошлом. Девушки у него не было. Настоящих друзей — тоже, кроме разве что Эрика, но эта дружба не выходила за пределы футбольной площадки. Самое сложное, наверное, — заменить его в учебе, но и это вполне реально. Все предметы — пустяковые, кроме углубленного изучения физики, но и там с понедельника начинается новая тема. Момент и правда выбран самый подходящий.

Интересно, какая она, другая вселенная? Обнаружит ли он там другие научные достижения? Может, удастся сделать копию с какого-нибудь научного журнала и переправить ее сюда? А что если в той, другой вселенной кто-нибудь уже создал единую теорию? Или нашел элементарное решение теоремы Ферма. Или… Вот только что ему делать с этими чужими идеями? Публиковать под собственным именем? Но это ведь ничем не лучше, чем попытки Джона Первичного разбогатеть с помощью загадочного «квадрата Рубика».

Рассмеявшись, Джон взял в руки учебник физики. Нет, ему позарез нужно остаться в этой вселенной — в конце концов, в понедельник начинается курс квантовой механики.

В обед Джон принес Простаку бутерброд.

— Твоя матушка тоже ничего не заметила.

Протянув руку за бутербродом, тот помедлил, чтобы заглянуть Джону в глаза.

— Что это вид у тебя такой довольный?

Джон вздрогнул. Его одежда пропиталась потом, исцарапанные ладони саднило, плечи ныли… Он всегда терпеть не мог такую работу. Но то было раньше.

— Да так. Просто я сто лет этим не занимался. Откусывая сэндвич, Простак заметил:

— Выходит, тебя не было довольно долго.

— Это точно, — кивнул Джон. — Не ценишь ты своего счастья. И на кой черт тебе сдался этот колледж?

Простак усмехнулся:

— Знаешь, первые пятнадцать лет все классно, но потом начинает доставать.

— Ясно.

Простак протянул Джону его безрукавку.

— А что я увижу там, в другой вселенной? У Джона ёкнуло сердце.

— Значит, хочешь поймать меня на слове? — сказал он словно бы невзначай.

— Да, наверное. Расскажи, что там будет?

— Да примерно то же, что и здесь. Кое-что, конечно, отличается, не помню, что именно.

— И Джон Рэйберн там тоже существует?

— Да, конечно. Я, правда, не пробовал с ним встретиться. Так что он о нас не знает.

— А почему ты решил повстречаться со мной? Почему не с остальными?

— Этот мир больше всего похож на мой, — сказал Джон. — Здесь все так, как я помню.

— Из ста вселенных эта больше всех похожа на твою? А мы сильно отличаемся друг от друга? Ведь не может быть, чтобы слишком сильно.

— Ты действительно хочешь знать? Простак кивнул.

— Ну что ж. Мы существуем в нескольких вариантах. Есть простые деревенские парни, как ты и я. Еще есть мы-подонки.

— Подонки?

— Угу. Мы курим и болтаемся без дела по подворотням.

— Как же так?

— А иные из нас уже обрюхатили Кейси Николсон и живут в дешевой комнатушке на Стюарт-стрит. Есть еще миры, где мы погибли.

— Погибли?!

— Угу. В автокатастрофе. Или под колесами трактора. Или от случайного выстрела. Так что нам с тобой повезло.

Простак отвел взгляд. Джон знал, о чем он сейчас думает. О том, как однажды они с отцом складывали в сарай сено, и на парня чуть не свалились вилы. Или о том, когда он гулял по замерзшему пруду старой миссис Джонс, и хотя лед трещал, все шел и шел себе дальше. Или когда он едва успел выскочить буквально из-под колес грузовика. И правда, это большая удача, что оба они остались живы.

Наконец Простак произнес:

— Ну, я готов. Какой будет план?

Джон Первичный задрал рубашку и начал отстегивать ремни.

— Отправляйся с тыквенного поля. Выберешь следующую по счету вселенную. Нажмешь на кнопку. За день хорошенько все изучишь. Сходишь в библиотеку, выяснишь, что там новенького.

Если хочешь, запиши какие-нибудь ценные идеи. — Увидев лицо Простака, Джон поспешил добавить: — Ладно, ладно. Нет так нет. Назавтра переставишь циферблат обратно на свою вселенную и нажмешь на рычаг. К понедельнику вернешься в школу.

— Похоже, все проще некуда.

— Смотри, не потеряй прибор! И не попадайся полицейским. Старайся привлекать к себе как можно меньше внимания.

— Ладно.

— Да, и не швыряйся деньгами. Если кто-то тебя узнает, кивни с умным видом, а потом быстренько линяй. Ты же не хочешь подставлять нашего парня из той вселенной, верно?

— Верно.

— Джонни, по-моему, ты нервничаешь. Не волнуйся, здесь я тебя прикрою.

Джон хлопнул двойника по спине и отдал ему прибор.

Расстегнув рубашку, Простак поежился. Потом перекинул два ремешка через плечи и еще один ремень застегнул за спиной. Диск оказался холодным на ощупь, а ременные крепления, похоже, были сделаны из какого-то синтетического материала.

— Надо же, всё подошло.

— А как же иначе? — Джон кивнул. — Я тут скопировал для тебя кое-что, на всякий случай.

Вытащив из рюкзака блокнот, Джон Первичный открыл его и продемонстрировал страницы с вырезками и заметками.

— Кто его знает, вдруг понадобится. Вот тебе рюкзак, чтобы все это сложить.

Лишившись прибора, Джон вдруг почувствовал себя неуютно. Теперь он был безоружен.

— Что-то не так? — забеспокоился Простак.

— Я слишком долго не расставался с этой штуковиной. Она стала для меня чем-то вроде талисмана. Без нее я словно голый. Ты уж с ней поосторожней…

— Эй, — возразил Джон, — я оставляю тебе взамен свою жизнь! Как насчет взаимного доверия?

Джон мрачновато улыбнулся.

— Все в порядке. Ну что, готов? На моих часах сейчас 12.30. Значит, ты сможешь вернуться через полчаса после полуночи. Договорились?

Джонни взглянул на свои часы.

— Договорились.

— Тогда переключай.

Простак задрал рубашку и изменил номер на циферблате на 7534.

— Все верно?

— Да. Я буду наблюдать за тобой с сеновала. — Джон стал взбираться по лестнице, но потом обернулся. — Смотри, не светись там особо!

Сердце неслось вскачь. Вот оно! Почти готово. Он выглянул из окна, помахал рукой.

Простак махнул ему в ответ и полез под рубашку. Солнце сверкнуло на полированной поверхности прибора.

Простак медлил.

— Ну же! — прошептал Джон. — Давай!

Простак улыбнулся, передвинул рычажок и исчез.

У Джона заложило уши, а подошвы ботинок увязли в земле. Потеряв равновесие, он упал, успев выставить вперед руки в перчатках.

Вокруг больше не было тыквенных плетей. Судя по запаху навоза, он очутился на пастбище.

Джон высвободил ноги. Ботинки впечатались в почву на целый дюйм. Интересно, подумал он, в ботинках теперь тоже земля? Похоже, в этом мире слой почвы был на дюйм выше, чем в предыдущем. Куда же девается этот добавочный дюйм? Он отряхнул ботинки, и земля с них осыпалась.

Получилось! Его охватила дрожь. Он сомневался до последней секунды, но вот он здесь, в новой вселенной!

Джон Первичный говорил, что в этом мире тоже есть свой Джон Рэйберн. Парень огляделся по сторонам. В сотне ярдов от него мирно паслись коровы, в остальном же поля были пусты. Деревьев здесь не было. И домов тоже.

Макмастер-роуд была на месте, так же, как и Гурней-роуд. Джон дошел до конца поля, перепрыгнул через забор и остановился на перекрестке. На севере, по направлению к городу, не было ничего, кроме одинокой фермы примерно на расстоянии мили. На востоке, там, где полагалось находиться заводским трубам «Дженерал Электрик», виднелся один только лес. На юге — снова поля.

Джон Первичный сказал, что в этой вселенной существует Джон Рэйберн. Что здесь есть ферма. Он уверял, что побывал в этой вселенной.

Джон торопливо задрал куртку и рубашку и попытался разглядеть номер на циферблате. Закрывшись рукой от солнца, он прочитал: «7534». Значит, если прибор не врет, он очутился именно там, куда стремился. Но здесь ничего не было.

В животе у Джона зашевелился страх. Что-то случилось. Что-то пошло не так. Он попал не туда, куда хотел. Но это ничего, подумал он, пытаясь успокоиться. Ничего. Он дошел до обочины

и присел на маленький бордюр.

Наверняка Джон Первичный что-то напутал. Вселенных много, и все они разные, так что немудрено забыть, где какая.

Стараясь не думать о плохом, он поднялся на ноги. Следующие двенадцать часов он проведет согласно плану. А потом вернется домой.

И все же, когда Джон направился к городу, его терзали самые мрачные предчувствия.

Когда его второе «я» исчезло с тыквенного поля, Джон наконец смог расслабиться. По крайней мере, не пришлось никого убивать. Так все же гораздо лучше: ведь труп всегда могут найти — конечно, если он не в другой вселенной. Правда, он лишился прибора, но тот больше ему и не понадобится. На самом деле, Джон был даже рад избавиться от этой штуковины. Взамен он обрел нечто гораздо более важное — новую жизнь.

Три дня он потратил на хитрости и уговоры, но в конце концов Джонни-Простак заглотил наживку. Счастливое избавление — и счастливого пути! Когда-то и сам он тоже был наивным. Тоже доверчиво смотрел на все широко раскрытыми глазами, готовый броситься на исследование новых миров. Но в них не оказалось ничего, кроме боли. А теперь он снова живет. У него есть родители. У него есть деньги, 125 тысяч долларов. А еще — блокнот. И это самое главное. Этот блокнотик стоит миллиарда долларов.

Джон окинул взглядом сарай. Вполне подходящее место, чтобы припрятать часть денег. Если он ничего не путает, в южной части сеновала есть тайник. Джон отыскал его и вытащил оттуда пачку вкладышей от жвачки и рогатку.

Чертов Джонни, усмехнулся он.

В тайник он положил около трети денег. Еще одну треть он спрячет в своей комнате. А оставшуюся часть закопает. Он не положит их в банк, как во вселенной 7489. А может, 7490?… Тогда копы быстро схватили его за задницу. Франклин, видите ли, на этих банкнотах смотрел не в ту сторону. А в результате он потерял 80 тысяч.

Нет, на этот раз он будет осторожнее. Он найдет вполне законные источники для своей наличности. Когда его изобретения заработают, в Финдли, штат Огайо, о нем еще заговорят! Кто бы мог подумать, что парень окажется гениальным физиком! Конечно, ему будут завидовать, но все узнают, что Джонни Рэйберн — голова. Кубик Рубика — нет, Кубик Рэйберна! — проложит ему дорогу к богатству и славе.

Через час Джон добрался до окраины города, миновав зеленую табличку с надписью «Финдли, Огайо. Население 6232 человека». В его родном Финдли было около двадцати тысяч жителей. Пока он разглядывал табличку, позади послышался нарастающий высокий вой. Джон сошел с бордюра на обочину, и мимо на скорости около 45 миль в час промчался грузовик. Вернее, это были даже два грузовика: сцепленные вместе, они тащили за собой огромный прицеп с гравием. Спереди обе машины были плоские — вероятно, чтобы было удобнее сцеплять их вместе при перевозке тяжелых грузов, по типу того, как поезд иногда тащит не один локомотив, а два и больше. Прицеп был меньше, чем у обычных самосвалов в его вселенной. В каждом грузовике сидел водитель. Попав в облако выхлопных газов, Джон машинально сморщился, но оказалось, что это всего лишь водяной пар.

Неужели гидродвигатель? — изумился он. Или паровой?

Несмотря на груз собственных проблем, Джон искренне заинтересовался устройством этих грузовиков. Еще через десять минут, пройдя мимо двух мотелей и закусочной, он очутился на городской площади, где монумент в честь гражданской войны высился так же гордо, как и всегда, нацелив пушку в сторону юга. Несколько человек прогуливались по площади, но никто не обратил на него внимания.

На другой стороне площади стояло здание суда. Рядом с ним располагалась библиотека — на вид точно такая же, как в его мире: трехэтажное здание с гранитными львами на кирпичных постаментах возле парадного входа. Отсюда Джону предстояло начать изучение новой вселенной.

Внутренним устройством библиотека тоже не отличалась. Джон прошел в зал каталогов (компьютерного терминала здесь не было) и выписал номера по истории Америки. На полке он обнаружил опус Альберта Трея под названием «Историческое наследие США: основные события, сформировавшие нацию». Присев на невысокий стульчик, Джон пролистал книгу. Различия обнаружились незамедлительно.

Война за независимость и кампания 1812 года, а также гражданская война окончились привычными результатами. Президенты были те же самые — вплоть до Вудро Вильсона. Первая мировая война оказалась не такой глобальной и была обозначена как «греко-турецкая война». Вторая мировая называлась «Великой»: в ней Англия и Штаты воевали против Германии, России и Японии. Перемирие было объявлено в 1956-м, после многолетних безрезультатных сражений. Какое-то время между странами то и дело вспыхивали конфликты — вплоть до

восьмидесятых годов, когда во Франции (поделенной между Германией и Испанией) были провозглашены мир и разоружение.

Но все это случилось после того, как Александр Грэхем Белл разработал эффективные автомобильные батареи. Вместо двигателей внутреннего сгорания и в легковушках, и в грузовиках здесь стояли электрические моторы. Это объясняло многое, в том числе устройство встреченных Джоном грузовиков.

Но даже когда Джон читал о повсеместном использовании дирижаблей в качестве транспорта и относительно спокойном двадцатом веке, в нем понемногу нарастала злость. Этот мир был совсем не таким, как его собственный. Джон Первичный нагло врал.

Наконец Джон встал и взял местную телефонную книгу. Как и следовало ожидать, Рэйбернов в ней не оказалось.

Джон посмотрел на часы. Через восемь часов он вернется домой и покажет этому «Первичному», где раки зимуют.

Мать позвала ужинать, и на мгновение он обмер от страха. Догадаются, подумал Джон. Они догадаются, что я не их сын.

Замирая от волнения, он спрятал деньги в шкафу, под пачкой старых комиксов и крикнул:

— Иду!

За обедом Джон старался помалкивать, сосредоточенно вслушиваясь в беседу родителей и отмечая для себя ключевые факты, чтобы использовать их в дальнейшем. Слишком многого он еще не знал. Пока на руках у него не будет всех фактов, не стоит ничего предпринимать.

Итак, дядюшка Пол все еще в тюрьме. Завтра после службы они всей семьей остаются на церковный ланч со спагетти. Мама на будущей неделе займется заготовками на зиму и приготовлением уксуса. Отец собирается купить индюшку у Сэма Райли, который держит целую стаю в двадцать голов.

Достойным завершением ужина стал домашний яблочный пирог. Ради такого пирога стоило потерпеть и ссадины на ладонях, и ломоту в спине.

После ужина он, извинившись, ушел в свою комнату, где основательно порылся в школьной сумке Простака. Джон пропустил целый год учебы, и теперь ему многое предстояло наверстывать. Да, и не забыть об этом проклятом сочинении… Кто такой Джерард Мэнли Хоп-кинс, черт бы его побрал?

К закрытию библиотеки голова у Джона распухла от сведений и фактов о новой вселенной. Ему хотелось изучить подробнее тысячи разных вещей, но на это не было времени. Остановившись

перед газетным киоском, он попросил полистать альманах. После секундного колебания он все же решился расплатиться за трехдолларовую книгу одной из тех двадцаток, которые дал ему Джон Первичный. Продавец мельком взглянул на купюру и протянул Джону шестнадцать долларов сдачи и мелочь. Банкноты здесь были такие же, а вот монеты выглядели по-другому.

Поужинал он в кафе «У Экарта», где играла музыка в стиле рока-билли. Ни одну из мелодий он не узнал, но в его мире такие песни вполне можно было бы услышать в каком-нибудь захолустном клубе. Даже в десять вечера в кафе было полно посетителей, распивавших кофе и ликеры. Пива здесь не подавали.

Публика собралась довольно мирная — особенно для субботнего вечера. Джон пролистал альманах и послушал, о чем говорили вокруг. Большинство застольных разговоров, как и в его вселенной, крутилось вокруг машин, женщин и общих знакомых.

К полуночи толпа поредела. В половине первого Джон вышел на площадь и зашел за памятник героям гражданской войны. Потом закатал рубашку, нажал кнопку, и цифры на экране стали показывать «7533».

Джон помедлил секунду, взглянул на часы: без четверти час. «Пора», — решил он и повернул рычаг.

Ничего не произошло.

В церкви ему удалось продержаться всю службу и не заснуть. К счастью, месса была стандартная. Уж если что и остается одинаковым во всех мирах, так это церковь.

Джон был уверен, что ланч окажется такой же нудятиной, но на другом конце зала он заметил семейство Кейси Николсон. Единственный человек, чье отношение к Простаку было ему известно. Он ей нравился, это ясно, но Джонни был слишком правильным мальчиком, чтобы сделать первый шаг. В отличие от него. Извинившись, Джон встал и подошел к девушке.

— Привет, Кейси, — сказал он.

Она покраснела, может, из-за того, что рядом были ее родители. Ее папаша расплылся в улыбке:

— Здорово, Джон! Как в этом году успехи у вашей команды? Больше всего на свете Джону хотелось рявкнуть в ответ, что ему это абсолютно по барабану, но вместо этого он улыбнулся и сказал:

— С поддержкой Кейси мы просто обязаны победить. Девушка опустила глаза, щеки ее снова покрылись румянцем. Она была в белом нарядном платье, которое закрывало грудь, талию и бедра так, будто этих частей тела у нее не было вовсе. Впрочем,

Джон прекрасно знал, что там имеется: он соблазнял Кейси Николсон по меньшей мере в дюжине вселенных.

— Я только осенью танцую в группе поддержки, — тихо промолвила она. — А весной сама играю — в хоккей на траве.

Джон обернулся к ее матери:

— Миссис Николсон, вы не возражаете, если мы с Кейси прогуляемся возле церкви?

Та улыбнулась, взглянула на мужа и сказала:

— Конечно, почему бы нет.

— Отличная мысль, — согласился мистер Николсон.

Кейси тут же встала и поспешила к выходу. Джон бросился ее догонять. Она замедлила шаг лишь тогда, когда убедилась, что их не видно — в укромной нише рядом с туалетом.

— Какие же зануды мои предки! — выпалила она, когда Джон ее догнал.

— Да и хрен с ними, — махнул рукой Джон.

Она изумленно округлила глаза, услыхав от него такую грубость, но тут же улыбнулась.

— Рада, что ты наконец-то заговорил со мной. Джон улыбнулся в ответ:

— Пойдем погуляем?

Он приобнял ее за талию, и она не стала протестовать.

Не было ни ощущения перемещения, ни смены давления. Электромобиль на парковке остался на своем месте. Прибор явно не сработал.

Джон еще раз удостоверился, что цифры на экране показывают номер 7533. Его палец лежал на верном рычажке. Он попробовал еще раз. Ничего.

Прошло двенадцать часов. Точнее, двенадцать часов и сорок пять минут. Но, может, Джон Первичный назвал время лишь приблизительно? Возможно, для подзарядки прибора требовалось не двенадцать, а, например, тринадцать часов? Прислонившись спиной к постаменту, Джон сполз на землю.

Сбывались его недобрые предчувствия. Джон Первичный соврал ему про эту вселенную. Может, он соврал и про время подзарядки? Возможно, для этого нужны дни или даже месяцы. А когда он вернется, то обнаружит, что Джон Первичный уже прочно укоренился в его жизни.

Он просидел на площади до трех утра, переключая рычаг каждые пятнадцать минут. Джон замерз, но все же уснул прямо на траве, привалившись к памятнику.

Проснулся он на рассвете — от бьющего в глаза солнца, заливавшего Вашингтон-авеню. Он встал и попрыгал на месте,

чтобы размяться. Спина затекла ужасно, но стоило хорошенько потянуться, как сведенные мышцы тут же расслабились.

На сдачу, оставшуюся после покупки альманаха, он купил глазированный пончик и апельсиновый сок. В течение часа перед ним прошла целая вереница людей, которые покупали пончики и кофе, перед тем как отправиться на работу или в церковь. Внешне этот мир очень походил на его собственный.

Ожидание становилось невыносимым. Джон перешел через площадь, поднялся по ступеням библиотеки и подергал дверь. Заперто. Рядом висела табличка с расписанием: сегодня библиотека работала с обеда.

Джон огляделся по сторонам. За гипсовыми львами пряталась укромная ниша со скамейкой. Там его не заметят с улицы. Джон сел на скамью и сделал еще одну попытку. Никакого результата.

Он продолжал нажимать на рычаг каждые десять-пятнадцать минут. Но чем дольше он сидел на лестнице, тем мрачнее становились его мысли. Видимо, он не попадет в школу вовремя. И не попадет домой даже через двадцать четыре часа. А если он не попадет обратно в свою жизнь вообще?! Почему этот прибор не работает так, как надо?!

Только теперь он начинал понимать, что Джон Первичный лгал. Стало ясно: он жертва махинации, он попал в мышеловку, соблазнившись приманкой — другой вселенной. Теперь вставал вопрос: как вернуться назад, в свою жизнь?

У него имелся прибор. Один раз он сработал — перенес его из вселенной номер 7533 во вселенную номер 7534. Вернуться назад не получается, потому что прибор еще не зарядился. Видимо, для подзарядки требовалось больше… — он взглянул на часы, — двадцати часов.

Стоп. Все эти рассуждения основывались на заверениях Джона Первичного. Но разве его слова могут служить источником достоверной информации? Истинно лишь то, что Джон видит своими глазами.

Итак, двадцать часов подзарядки — это полная чушь. Но если Джон Первичный солгал в этом, то, скорее всего, никакой подзарядки не существует вовсе! Просто пройдоха хотел с какой-то целью удержать двойника от возвращения в свою вселенную. Хотя возможен и другой вариант: прибор больше не работает. Наверное, он истратил последний запас энергии.

И все же Простак не хотел расставаться с остатками веры в невиновность Джона Первичного. Если все дело в какой-то технической проблеме, то, пораскинув мозгами, он сумеет ее решить. Допустим, Джон Первичный не врал, а просто не знал о том, что с прибором что-то случилось… Возможно, он и сам

удивился, когда Джонни не вернулся вместе с прибором, фактически заперев Джона в чужой жизни. Быть может, он даже думает, что сын фермера похитил ценное устройство.

Однако версия с механической поломкой выглядела не слишком правдоподобно. Джон Первичный упомянул, что использовал прибор сотню раз. Номер его родной вселенной — 7433. Выходит, если он воспользовался прибором ровно сто раз, это и есть расстояние между миром Джона и миром Джона Первичного. Означает ли это, что он каждый раз перемещался в следующую по счету вселенную? Или же скакал туда-сюда? Нет, слишком уж похожие были цифры. Вероятно, Джон Первичный двигался от одной вселенной к другой вполне целенаправленно.

Джон решил, что он еще слишком мало знает, чтобы отвергать всю информацию, полученную от Джона Первичного. Какую-то ее часть придется принять на веру.

Цифра 100 говорила о том, что Джон перемещался во вселенных только по возрастающей. Но почему? Неужели потому, что прибор позволял путешествовать только в одном направлении?

Он попробовал применить эту теорию, составляя вместе разрозненные факты. Устройство было либо неисправно, либо изначально сконструировано так, что перемещаться во вселенных можно было только вперед. «Время для подзарядки» Джон Первичный придумал лишь для того, чтобы исключить возможность демонстрации его в деле. Возможно, никакой подзарядки нет вовсе. Никакой ценности для Джона Первичного прибор не представлял, поскольку тот решил остаться. Этим объяснялись вопросы, которые он задавал: двойник хотел проникнуть в его жизнь. Многое он уже знал, но кое-что ему необходимо было выведать у самого Джонни.

Джон вскипел от ярости.

— Вот гад! — тихо выругался он. Джон Первичный его надул. Поманил деревенщину вселенными… И вот, пожалуйста, — он в другой вселенной, там, где Джона Рэйберна не существует. Только вот вернуться-то как?

Придется проверить теорию, решил он. Другого выхода не оставалось.

Джон нацепил на спину рюкзак и осмотрелся вокруг: не забыл ли чего. После этого установил на циферблате число 7535, нажал кнопку…

И упал.

Первый день в школе прошел ненамного хуже, чем он ожидал. Джон едва отыскал свой класс и в конце концов случайно

сел рядом с какими-то «торчками». Он понятия не имел, что означает слово «пряжка» в стихотворении Хопкинса. А мистеру Уэллису пришлось чуть ли не за руку ввести его в кабинет физики.

— Ты что, забыл, где находится класс? — спросил он.

В ответ Джон лишь невнятно что-то пробормотал. Не было в его родной вселенной никакого мистера Уэллиса, и сейчас, не зная их отношений с Джонни-Простаком, он рисковал попасть впросак. К тому же по плану сегодня была самостоятельная работа. Джон пожалел, что не пропустил этот урок, и вздохнул с облегчением, когда в дверь постучал какой-то мальчишка.

— Джона Рэйберна вызывают в кабинет мистера Гушмэна. Мистер Уэллис взял листок бумаги, который протянул ему прыщавый малец.

— Опять? Джон, запиши домашнее задание. Тебе придется много нагонять.

Учитель был явно в нем разочарован.

Кивнув, Джон быстро сгреб свои вещи. Шагая по коридору, он легонько ткнул дежурного локтем.

— Где найти этого мистера Гушмэна?

У дежурного глаза чуть не вылезли из орбит.

— В директорской, конечно. Он же директор.

— Без тебя знаю, придурок, — огрызнулся Джон.

Джон вошел в «аквариум» и сообщил секретарше свое имя. Через несколько минут мистер Гушмэн вызвал его к себе.

У Джона ничего не было на этого Гушмэна. Тот появился в школе за время отсутствия Джона. Прежний директор его прежней школы заводил шашни с учениками, и это всплыло в одной из вселенных, где Джон побывал. Этот кусок дерьма наверняка был ничем не лучше.

— Ты написал миссис Карсон письмо с извинениями? — спросил директор.

Только теперь Джон сообразил, по какому поводу его вызвали. Никакого письма он, разумеется, не писал.

— Нет, сэр. Я передумал.

Брови мистера Гушмэна сначала удивленно поползли вверх, а затем сурово сдвинулись.

— Надеюсь, ты понимаешь, какие печальные последствия это будет иметь для твоего будущего.

— А вот это вряд ли. Вообще-то я проконсультировался с адвокатом и собираюсь подать на Теда Карсона в суд. — На самом деле до сих пор Джон ни о чем таком не думал, но сейчас решил, что это действительно неплохая мысль. — Судите сами, Гушмэн: я примерный ученик, играю в футбольной команде. Это будет большая потеря для школы. Серьезная потеря.

— Во-первых, мистер Гушмэн. Я требую уважения.

Костяшки пальцев у него побелели, и Джон понял: Гушмэн не ожидал сопротивления. Что ж, может, Джонни-Простак и стал бы перед ним пресмыкаться, но только не он. У него есть компромат на весь департамент образования. И даже на мэра. Так что ему это — раз плюнуть.

— Уважение надо заслужить, — съязвил Джон.

— Все ясно. Мне позвонить твоей матери или ты сам доберешься до дома?

— До дома? С какой стати?

— Начиная с этой минуты ты на три дня отстраняешься от занятий.

Ах да… Он совсем забыл об этом. Джон пожал плечами. Джонни-Простак, наверное, наложил бы в штаны от расстройства. Для него же это не имело никакого значения.

— Я сам о себе позабочусь.

— В таком случае ты не будешь допущен к занятиям вплоть до четверга. Я извещу об этом твоих родителей. Тренеру Джессику я тоже сообщу, что из футбольной команды школы ты исключен.

— Ради бога.

Мистер Гушмэн встал и грозно навис над столом. Посуровевшим голосом он произнес:

— Я был о тебе лучшего мнения, Джон. Я считал тебя приличным мальчиком. Однако с тех пор, как ты вошел в эту дверь, мне пришлось серьезно пересмотреть свои взгляды.

Джон пожал плечами.

— На здоровье, — он поднялся, не обращая внимания на ярость Гушмэна. — Это всё?

— Да. Можешь идти.

По крайней мере, не придется учиться играть в футбол. К тому же этих трех дней ему как раз хватит, чтобы заняться осуществлением своих планов. Проходя мимо секретарши, он улыбнулся — ей и придуркам, дожидающимся своей очереди. На самом деле все устраивалось как нельзя лучше.

Взмахнув в воздухе руками, Джонни всем весом приземлился на левую ногу. Ступня подвернулась, и он со стоном покатился по траве.

«Трава?» — удивился он, в то время как ногу пронзила резкая боль. Джон сел и, раскачиваясь из стороны в сторону, прижал колено к груди. Ветер дышал степными ароматами: пахло землей, цветочной пыльцой и клевером.

Джон попытался вытянуть ногу, но боль оказалась слишком сильной. Одной рукой стащив со спины рюкзак, он откинулся назад и, тяжело дыша, поднял глаза к небу. Боль была просто адская.

Итак, прибор сработал. Он снова перепрыгнул в другую вселенную. Вот только в этой вселенной не было ни библиотеки, ни города Финдли, ни штата Огайо. Здесь вообще, похоже, не было ничего, кроме травы.

Джон проверил показания прибора: на циферблате значилось 7535. Он очутился в следующей по счету вселенной.

Джон огляделся по сторонам, но сквозь желто-зеленые заросли ничего не увидел. Трава шелестела на ветру с таким звуком, словно наждаком скребли по дереву. Джон осторожно поднялся, опираясь на здоровую ногу. Он стоял посреди широкой равнины. На севере и востоке виднелись небольшие рощицы, а к западу и к югу, насколько хватало глаз, тянулась сплошная трава.

Здесь не было библиотеки, чтобы понять особенности этой вселенной. Быть может, здесь вообще нет людей. А может, здесь сохранилась цивилизация майя? Но чтобы это выяснить, ему придется провести разведку боем.

Джон снова сел на траву. Нет, подумал он. Он должен

вернуться в свою жизнь. Джону Первичному придется ответить кое на какие вопросы, и вообще, он дорого заплатит за свой обман… Сейчас воскресенье, середина дня. Значит, у него в запасе еще целых полсуток, чтобы выяснить, как вернуться в свой мир, и успеть к школе.

Коленка распухала все сильнее. Скинув куртку и рубашку, Джон порвал футболку на длинные полосы и перевязал ими колено так туго, как только смог. Перелома вроде не было, а вот растяжение — наверняка.

Джон вытащил из рюкзака приготовленный накануне сэндвич и развернул обертку. Расправившись с едой за пару укусов, он запил водой из фляжки. Вкус сэндвича еще больше разбередил его ярость. Джон Первичный сейчас ест его хлеб и спит в его постели!.. Интересно, каково это — набить морду человеку, у которого она твоя? Поразмыслив, Простак пришел к выводу, что справится.

Послеобеденный отдых Джон посвятил заботе о больной ноге и размышлениям — об известных ему фактах, о том, что он считал фактами, и о тех фактах, которые сообщил ему Джон Первичный. Последнюю категорию сведений приходилось признать недостоверными или заведомо ложными. Однако его собственных знаний становилось все больше.

Итак, он побывал уже в двух вселенных. Следовательно, прибор по-прежнему работает, и его переход из вселенной номер 7534 во вселенную номер 7535 это доказал.

Это также подтверждало его теорию о том, что устройство позволяло перемещаться только в миры с более высокими порядковыми номерами. Подтверждало, но не доказывало. Любая гипотеза требовала многократной экспериментальной проверки. На две вселенные вперед он уже переместился. Придется проделать это еще пару раз, чтобы убедиться: устройство работает именно по такому принципу.

Джон сорвал травинку и задумчиво ее пожевал. Какой девственный, нетронутый мир… Из этого, в свою очередь, можно было сделать еще один вывод: даже «соседние» вселенные могут иметь мало общего. Что же такое случилось в этом мире, чтобы европейцы не колонизировали Северную Америку?

Здесь не было ни библиотеки, ни лестницы, поэтому он свалился на землю с высоты десяти футов. Еще один вывод: нет никакой гарантии, что рукотворный объект из одной вселенной будет присутствовать в другой. И не только рукотворный. С помощью машин можно насыпать и сравнивать с землей холмы, осушать и поворачивать реки, создавать искусственные озера… Если он перепрыгнет в следующую вселенную, а лестница снова

окажется на месте, что станет с ним? Он окажется вмурованным в цемент ступеней? Умрет от удушья, не в силах передвинуть рычаг?

Мысль о том, чтобы оказаться погребенным заживо, в темноте, без воздуха, привела его в ужас. Ну уж нет, так умирать не годится!

Придется соблюдать осторожность при смене вселенных. Он должен, насколько это возможно, увериться, что там, куда он попадет, нет ничего твердого. Вот только откуда взять подобные сведения?

Какое-то движение привлекло его взгляд, и, подняв глаза, Джон увидел в отдалении крупного зверя. Животное было настолько огромно, что Джон увидел его даже с земли, сквозь высокую траву. Похожее на помесь жирафа и носорога, существо обгладывало листья с дерева. Оно было серого цвета, с сучковатыми ногами и лошадиной мордой. Под натиском жадных зубов от листьев и веток очень скоро оставались одни воспоминания.

Джон обалдело таращился на зверя. В его мире ничего подобного не водилось. Жаль, под рукой нет камеры! Такую фотографию не стыдно было бы и на стенку повесить. Может, за нее даже заплатили бы хорошие деньги…

Животное тем временем задумчиво побрело к соседнему дереву.

Джон стал поглядывать по сторонам с возросшим интересом. Теперь это была не просто пустынная равнина. Здесь обитали звери, которых в его пространстве и времени не существовало. А значит, эта вселенная отличалась от его собственной гораздо более радикально, чем он думал.

Вдруг его внимание привлекло какое-то шевеление в траве с западной стороны. Стебли пригибались к земле против ветра, и Джон насторожился. Там, в траве, ярдах в двадцати от него, кто-то притаился. Только теперь до Джона дошло, что там, где присутствуют крупные травоядные, водятся и крупные хищники. По этим равнинам вполне могли бродить медведи, львы и волки. А у него нет оружия. И к тому же ушиблено колено.

Он стал озираться по сторонам в поисках какой-нибудь палки или камня, но ничего подобного поблизости не оказалось. Джон поскорей сунул блокнот в рюкзак и натянул безрукавку.

Ему кажется или эта тварь действительно приближается? Джон пригляделся внимательнее. И как он не подумал об этом раньше?

Нащупав под рубашкой прибор, Джон взглянул на экран и установил переключатель на число 7536. Но на рычаг нажать не

решился: он ведь мог оказаться под зданием библиотеки.

Оглядевшись по сторонам, он попытался сориентироваться. Фасад библиотеки был обращен к востоку, прямо напротив памятника. Если он пройдет на восток футов двести, то окажется в центре парка, и там вряд ли что-то встанет у него на пути. Во всяком случае, более безопасного места для перехода Джон придумать не смог.

Подавив стон, он заковылял к востоку, считая шаги.

На пятьдесят втором сзади послышался какой-то звук. Джон обернулся. В десяти ярдах от него в траве стояло странное существо. Уши и морда у него были собачьи, но узкие вертикальные зрачки и изгиб спины придавали сходство с кошкой. Хвоста у зверя не было. Рыжеватую шерсть по бокам украшали черные пятна размером с монетку.

Джон замер, лихорадочно соображая. Зверь был небольшой, размером с собаку шелти. В качестве объекта охоты Джон для него не подходил, и животным, должно быть, двигало любопытство.

— Пшел вон! — закричал Джон, замахав руками. Зверь не шелохнулся и продолжал изучать Джона сквозь щелочки глаз.

И тут из-за его спины появились еще две особи. Это были стайные животные. Стая может справиться с добычей, значительно превосходящей по размеру любого из ее членов. Пока Джон увидел только троих, но в траве могла прятаться целая дюжина.

Он повернулся и побежал.

Звери набросились на него сзади, хватая за ноги и напрыгивая на спину. Взвыв от боли в ноге, Джон упал. Сзади навалилось что-то тяжелое, но он, позволив лямкам рюкзака соскользнуть с плеч, все же прополз еще один ярд. В надежде, что он ушел уже достаточно далеко, Джонни нажал кнопку.

На двухчасовом «Серебряном Мангусте» Джон ехал в Толедо — после долгого стояния в очереди в Департаменте автотранспорта и попыток уговорить чиновника принять заявление об утере водительских прав.

— Я же вам говорю: я везде искал, — твердил он.

— Все так говорят, а потом права отыскиваются в самом неподходящем месте.

— Да нет же, я вас уверяю.

— Ну ладно уж. Заполняйте вот эту анкету.

Какой соблазнительной ни казалась мысль взять машину напрокат, в Финдли это вызвало бы такие же кривотолки, как и идея нанять специалиста по патентному праву. Джону

необходимо было съездить в Толедо по делам, и трехдневные «каникулы» оказались как нельзя кстати.

Пока за окном тянулись нивы северного Огайо, он думал о том, насколько болезненным мог бы стать переход в другую вселенную, случись он прямо сейчас. Это вошло у него в привычку: всегда готовить пути к отступлению, всегда спать на первом этаже и всегда — в зданиях старой постройки. Его кожа зудела в том месте, где обычно находился прибор. Но всё, теперь это проблемы Джонни-Простака. А он — свободен! Он слился с этим миром. Здесь никто не станет его искать. И никакая полиция не вломится к нему в три часа ночи. А агенты ФБР и не подумают за ним охотиться.

Каким же наивным он был раньше! И что ему пришлось вынести… Сколько раз рисковал жизнью, сколько раз выкарабкивался буквально за дюйм от гибели.

На мгновение его охватило чувство вины перед тем Джоном, чье место он занял. Оставалось лишь надеяться, что тот кое-что поймет раньше, чем случится беда. Может, он тоже подыщет себе местечко, где сможет осесть навсегда… Пожалуй, стоило написать ему записку, подумал Джон, но тут же рассмеялся про себя. Поздно. Пусть выкручивается сам. Теперь его очередь.

Взвизгнули тормоза, и на Джона надвинулась массивная тень. Он хотел отпрянуть в сторону, но ладонь словно приклеили к асфальту. Запястье изогнулось под немыслимым углом, и руку пронзила острая боль.

Джон оглянулся через плечо — и уперся взглядом в решетку радиатора автомобиля. До парка он не добрался. Он лежал посреди улицы, в нескольких футах от тротуара.

Джон поднялся на ноги. Ладонь осталась вмурованной в асфальт. Он уперся ногами и попытался освободиться. Кроме дикой боли в руке, это ни к чему не привело.

— Эй, парень, ты в порядке?

Возле распахнутой дверцы стоял водитель машины. Джон, глаза которого находились как раз на уровне капота, не ответил. Вместо этого он предпринял еще одну попытку и наконец вытащил руку, подняв фонтан из щебня и гудрона. На асфальте остался отпечаток его ладони.

Водитель обошел вокруг машины и взял Джона за руку.

— Тебе лучше присесть, чтобы прийти в себя. Прости, что так вышло, но ты выскочил буквально из ниоткуда. — Он подвел Джона к обочине, оглянулся и вздрогнул. — О господи! Это что, твоя собака?

Подняв глаза, Джон увидал голову и грудь одного из

котопсов. Прыжок в другую вселенную затронул лишь половину этой твари. Разинутая пасть открывала желтоватые зубы; молочно-белые глаза подернулись пеленой. Из разорванного туловища на дорогу вытекала кровь. Часть внутренностей вывалилась на тротуар.

— О черт! Я задавил твою собаку, — воскликнул автомобилист. Судорожно глотая воздух, Джон кое-как произнес:

— Не… моя… собака. Гналась за мной. Мужчина огляделся по сторонам.

— А вот и Харви, — сказал он, указывая на тучного офицера полиции, сидевшего в той самой закусочной, где сегодня утром завтракал Джон. Нет, конечно, не в той же самой, одернул он себя. Это ведь другая вселенная. Машины-то здесь ездят на газе.

Обернувшись, офицер уставился на залитый кровью асфальт.

Для человека такой комплекции Харви двигался весьма проворно. Недоеденный пончик и стаканчик из-под кофе он сбросил в мусорный бак и, вытирая руки о штаны, подбежал к месту происшествия.

— Что тут у вас произошло, Роджер? — спросил он и взглянул на Джона, который от боли и слабости не мог пошевелиться. Затем взгляд полисмена упал на лежащего посреди дороги котопса. — А это еще что такое?

Он пошевелил труп носком ботинка.

— Насколько я понимаю, эта зверюга напала вот на этого молодого человека. Я едва на него не наехал и, похоже, задавил эту тварь. Не знаю даже, кто это. Барсук, что ли?

— Кем бы он ни был, ясно одно: ты вышиб этому зверю мозги. — Харви повернулся к Джону. — Сынок, ты сам-то как?

— Так себе, — признался Джон. — Кажется, колено растянул и запястье. Боюсь, эта тварь была бешеная. Она выскочила на меня из-за библиотеки.

— Дай-ка взгляну. — Полицейский присел на корточки рядом с Джоном. — Ого, да она тебе полноги оттяпала! — Закатав штанину Джона, он показал ему цепочку следов от укусов. — Что ж, сынок, укола от бешенства тебе не миновать.

Харви вызвал ветеринаров, чтобы те забрали труп, и «скорую» для Джона. На поиски второй половины котопса у одетого в белоснежную униформу работника ветслужбы ушло немало времени, но все впустую. На вопрос Харви о том, что это за зверь, он пожал плечами и сказал, что никогда прежде ничего подобного не встречал. Когда труп унесли, на асфальте остались лежать оторванные лямки от рюкзака. Джон застонал. Его рюкзак и тысяча семьсот долларов наличными остались в предыдущей вселенной, под второй половиной котопса.

Медсестра «скорой помощи» промыла Джону рану на лодыжке и осмотрела колено и запястье. Потрогав ему лоб, она спросила:

— А это откуда?

Джон ойкнул в ответ и поморщился.

— Возможно, есть сотрясение мозга. Ничего себе выдался у тебя денек: угодил под колеса, убегая от бешеной собаки.

— Да уж, невезуха.

— Невезуха? — повторила медсестра. — Сто лет этого словечка не слышала. Кажется, так говорила моя бабушка.

— И моя тоже.

Джона уложили на носилки и погрузили в «скорую». К тому времени, когда за ним захлопнулась дверца машины, на улице собралась толпа зевак. Джон все ждал, что кто-нибудь его окликнет, но этого не случилось. Возможно, в этой вселенной его тоже не существовало.

Парня отвезли в городскую больницу, которая выглядела точно так же, как и в его мире — типовое здание пятидесятых годов. Джон просидел в приемном покое около четверти часа, прежде чем вышел пожилой доктор и тщательно его осмотрел.

— Так… Рваные раны на ладони. Небольшое растяжение запястья. Незначительное. С рукой все в порядке. — Пощупав колено Джона, он добавил: — Растяжение правого колена. Это надо забинтовать. Возможно, пару дней тебе придется походить с костылями.

Несколько минут спустя появилась женщина с папкой.

— Нам нужно заполнить кое-какие бумаги, — сказала он. — Тебе уже есть восемнадцать?

Соображать приходилось быстро. Джон отрицательно помотал головой.

— Скоро приедут мои родители.

— Ты им позвонил?

— Да.

— Нам понадобятся их страховые полисы.

Морщась от боли, Джон встал и смотрел на дверь, дожидаясь, когда женщина скроется из виду. После этого он заковылял в противоположную сторону, пока не добрался до пожарного выхода. Открыв дверь, он под звуки сирены похромал на стоянку.

Первая женщина-юрист, к которой Джон обратился со своим проектом, внимательно слушала его в течение пятнадцати минут, после чего сообщила, что с новыми клиентами она не работает. Джон чуть не заорал на нее:

— Так какого черта я тут перед вами распинался столько

времени?!

Второму юристу, чтобы сказать «нет», понадобилось тридцать секунд. Третий с сомнением выслушал идею Джона по поводу кубика Рэйберна — и, не моргнув глазом, взял пачку наличных за то, чтобы изучить и получить три патента.

Из дешевого отеля, где он остановился, Джон позвонил Кейси.

— Привет. Это Джон.

— Привет! Говорят, тебя исключили из школы?

— Слухи о моем исключении сильно преувеличены, — сострил Джон.

— Что же случилось?

— Да так, очередная глава саги о Теде Карсоне. Я сказал Гушмэну, что не собираюсь извиняться, и он в ответ вышвырнул меня из школы. Видела бы ты, какого цвета у него было при этом лицо!

— Ты сказал Гушмэну «нет»?! — изумилась Кейси. — Ничего себе! Я слышала, в армии он был полковником.

— А я слышал, что он пристает к малолетним.

— Да брось!

— А что? Это на него похоже.

— Нет, не может быть.

— Еще как может.

— Но мы ведь не знаем наверняка. Джон решил сменить тему.

— Слушай, на самом деле я звоню узнать, не хочешь ли ты куда-нибудь сходить в субботу?

— Конечно, — не раздумывая, ответила Кейси. — С удовольствием.

— Может, в кино?

— Отлично. А какой фильм?

— Не все ли равно? Кейси хихикнула.

— Пожалуй. — И, помолчав секунду, добавила: — А родители тебя отпустят?

— О черт…

— Что?

— Я им еще не говорил, — сказал Джон. Он взглянул на стоящий возле кровати дешевенький приемник с часами: шесть тридцать. — Проклятье!

— Думаешь, тебе удастся отпроситься?

— Что бы ни случилось, в субботу обязательно увидимся.

— Буду ждать.

Он повесил трубку. Родители… Он забыл позвонить родителям. Они, должно быть, уже с ума сходят. Проклятье! Он

так долго без них обходился, что уже и забыл, каково это — быть послушным сыном.

Он набрал свой домашний номер.

— Мама?

— О господи! — вскрикнула она. Потом, обращаясь к отцу, сказала: — Билл, это Джон. Это Джон!

— Где он? С ним ничего не случилось?

— Мам, со мной все в порядке. — Он помолчал. Он знал, как должен был поступить Джонни-Простак: он, разумеется, ни за что бы не поехал без спросу в Толедо. Однако Джон собирался использовать свое «отлучение» от школы с максимальной выгодой. — Ты уже говорила с Гушмэном?

— Да, Джон. Не волнуйся, все в порядке. Мы все понимаем. Возвращайся домой, мы не будем ругаться.

— Мам, ты ведь понимаешь, как я себя сейчас чувствую? Я поступил правильно, а у меня все отняли.

Так сказал бы на его месте Джонни-Простак.

— Знаю, милый. Знаю.

— Но это несправедливо!

— Да, Джонни. Скажи, где ты находишься? Возвращайся домой. — В голосе матери появились нотки мольбы.

— Мам, я сегодня не вернусь. У меня есть кое-какие дела.

— Билл, он сказал, что не вернется сегодня!

— Дай-ка мне трубку, Джанет. — В телефоне раздался голос отца. — Джон, я требую, чтобы ты явился домой сегодня. Мы все понимаем, ты расстроен, но ты должен быть дома. Мы во всем разберемся здесь, в этих стенах.

— Папа, я приеду завтра.

— Джон…

— Пап, я приеду завтра.

Он повесил трубку и чуть не расхохотался. Потом включил телевизор и до полуночи смотрел какие-то дурацкие фильмы.

Джон дрожал от утреннего холода. После ночи, проведенной на ступенях библиотеки, в распухшей, как дыня, коленке пульсировала боль. Часы на башне пробили восемь. Джон Первичный сейчас, должно быть, идет в школу. На английский. Надеюсь, эта сволочь хотя бы написала сочинение про Джерарда Мэнли Хопкинса, подумал Джон.

Спал он плохо: колено ныло, на душе скребли кошки. Он потерял 1700 долларов — все деньги, которые дал ему Джон Первичный, кроме тех восьмидесяти, что лежали в бумажнике. Он потерял рюкзак. Одежда его превратилась в лохмотья. Он удрал из больницы, не заплатив врачу. И он никогда еще не был так

далеко от дома.

Ему требовалась помощь.

Оставаться здесь означало сильно рисковать — из больницы уже наверняка позвонили в полицию по поводу неоплаченного счета. Джону нужна была новая вселенная.

Прихрамывая, он перешел через улицу и зашел в «Бен Франклин», где купил новые штаны и рюкзак. Потом он встал в центре площади и дождался момента, когда прохожие отойдут подальше. Тогда он переставил счетчик вселенных на следующую по счету и нажал на рычаг.

— Он поворачивается вот так, вот так и вот так!

Джон в четвертый раз делал пассы руками, проклиная себя за то, что не купил этот чертов кубик Рубика, когда имелась такая возможность.

— Но каким образом? — Джо Патадорн был заведующим в магазине промышленного дизайна. Лист ватмана на его чертежной доске пестрел карандашными эскизами кубиков. — Вокруг чего он может вращаться? Это же куб!

— Вокруг себя! Вокруг себя! Каждый столбец и каждый ряд вращаются.

— Так он сам в себе запутается.

— Да, еще! Если попытаться повернуть его, когда это не куб, он не повернется.

— И что, люди захотят играть в такую игру? — с сомнением заметил Джон.

— Это уже мое дело. Джо пожал плечами.

— Ладно. Хозяин-барин.

— Вот именно.

— Пробный экземпляр будет готов через две недели. На том они и расстались.

Наконец-то все дела Джона в Толедо были решены. Его адвокат занялся патентными изысканиями, а Патадорн — созданием образца. Если повезет, первую партию кубиков изготовят к Рождеству — лучшего момента не придумаешь.

От автобусной остановки три мили до фермы Джон прошагал пешком и припрятал контракты в сарае, вместе с деньгами. Спускаясь с сеновала, он увидел отца, хлопотавшего возле стойл.

— Привет. Я успел к ужину? — спросил Джон как ни в чем не бывало.

Отец не ответил, и Джон понял, что надвигается туча. У отца побагровело лицо, ноздри раздувались. Он стоял в своем рабочем комбинезоне, упершись руками в бока.

— Иди в дом. — Это прозвучало тихо, но веско.

— Пап…

— В дом, сейчас же. — Отец поднял руку, указывая на дверь. Джон повиновался, но пока шел до дома, тоже разозлился. Да как он смеет им командовать!

Возле кухонного стола ждала мать: пальцы стиснуты в маленькие белые кулачки.

— Где ты был? — спросил отец.

— Не твое дело, — ответил Джон.

— Пока ты в моем доме, ты будешь отвечать на мои вопросы! — прорычал отец.

— Хорошо. Сейчас соберу вещи и уйду, — парировал Джон.

— Билл… — промолвила мать. — Мы же договорились… Отец отвел глаза, а затем сказал:

— Он поперся в амбар с таким видом, как будто он тут вообще ни при чем!

Мать обернулась к Джону:

— Где ты был, Джон?

Парень хотел уже огрызнуться, но вместо этого ответил правду:

— В Толедо. Мне хотелось… развеяться. Мать кивнула:

— Да, это важно.

— Ну да.

— Сейчас тебе уже лучше?

— Да… нет.

В горле вдруг застрял комок. Теперь Джон злился уже на самого себя.

— Ничего страшного, — сказала мама. — Ничего страшного не произошло, и мы очень рады, что ты вернулся. Правда, Билл?

Поворчав, отец сказал:

— Сынок, мы рады, что ты вернулся.

И обнял его своими большими крестьянскими руками. Не в силах ничего с собой поделать, Джон всхлипнул и разрыдался так, как не плакал с десятилетнего возраста.

— Прости, пап… — пробормотал он в отцовское плечо.

— Ничего, ничего. Все хорошо.

Мама присоединилась к ним, и вдвоем родители долго-долго держали его в объятиях. Джон с удивлением почувствовал, что ему совсем не хочется высвобождаться. Он так давно не обнимал своих родителей.

Джонни поднялся по лестнице библиотеки. Эта вселенная выглядела точь-в-точь как его собственная. Хотя теперь ему было безразлично, чем именно она отличалась. Единственное, чего он хотел, — узнать, как вернуться домой. Перед этим, стоя на

площади, он раз десять нажимал на рычаг перемещения, но прибор не позволял ему двигаться в обратном направлении, даже в те вселенные, которые стояли следом за его собственной.

Ему требовалась помощь, и помощь профессиональная. Необходимо было разобраться в природе параллельных вселенных.

Порывшись в карточках каталога, Джон очень скоро пришел к выводу, что городская библиотека в Финдли — не самое подходящее место для проведения научных изысканий по гипотетической физике. Несколько научно-фантастических романов, от которых не было никакого проку, — вот и все, что ему удалось найти по этой теме.

Значит, придется ехать в Толедо. В тамошний университет он собирался поступать, если не поступит в Университет Кейза. Во-первых, вуз был государственный, а во-вторых, находился близко к дому. Половина его одноклассников тоже собиралась учиться в Толедо. К тому же там был вполне приличный, пусть и не слишком выдающийся, физический факультет.

Он сел на автобус и продремал всю дорогу до Толедо. Кто-то из местных показал ему дорогу к университету.

…Библиотека физического факультета представляла собой одну-единственную комнату с тремя столами. Стеллажами были заставлены не только стены, но и центр комнаты, отчего та казалась совсем крохотной и тесной. Здесь пахло пылью, совсем как в библиотеке в Финдли.

— Студенческий билет.

Джон обернулся: за передним столом сидел какой-то очкарик. Замешкавшись на секунду, Джон похлопал себя по карманам.

— Забыл в своей комнате.

Студент посмотрел на него с раздражением, после чего махнул рукой и сказал:

— Ладно, растяпа, принесешь в следующий раз.

— Обязательно.

Джон сел за компьютер, вошел в электронный каталог и набрал в строке поиска: «Параллельные вселенные». Получившийся в результате список оказался невелик. А точнее, книг по физике в нем не значилось вовсе. Видимо, он неверно задал ключевые слова. Ну конечно! Ведь физики не говорят «параллельные вселенные». Так их называют только в кино и по телевизору.

Как еще искать, Джон не представлял. Возможно, какой-то более научный термин и существовал, но он никогда о таком не слышал. Придется демонстрировать свое невежество

непосредственно преподавателям.

Он вышел из библиотеки и, спустившись на второй этаж, пошел по коридору, разглядывая таблички с фамилиями на дверях кабинетов. Стены пестрели досками, к которым были прикноплены сообщения о докладах, объявления о поиске ассистентов и компаньонов для найма жилья. Большинство помещений пустовало. В самом конце коридора Джон обнаружил небольшой освещенный кабинет, принадлежавший доктору Фрэнку Уилсону, адъюнкт-профессору физики, и заглянул в приоткрытую дверь.

Джон знал, что на иерархической лестнице адъюнкт-профессора стояли не слишком высоко, потому, возможно, тот и сидел в кабинете один. Но молодой преподаватель наверняка выслушает его более благосклонно, чем убеленный сединами мэтр.

Парень постучал в дверь.

— Да?

Джон вошел в кабинет, заставленный книжными шкафами, которые чуть не лопались от папок и книг. В центре комнаты было посвободнее: там за пустым столом сидел человек и читал журнал.

— Сегодня ты первый, кто пришел в приемные часы, — заметил он.

Профессор Уилсон выглядел лет на тридцать, носил черные очки и светлую бородку, а его волосы давно нуждались в стрижке. Поверх синей рубашки был надет серый пиджак.

— М-да… — промямлил Джон. — Понимаете, у меня есть несколько вопросов, но я не знаю, как их задать.

— По поводу домашней работы?

— Нет. По другому поводу. — Джон вдруг смутился. — Насчет параллельных вселенных.

Профессор Уилсон кивнул.

— Хм-м…

Он отхлебнул кофе из чашки, после чего поинтересовался:

— Ты что, один из моих студентов? Первый курс?

— Нет, — честно ответил Джон.

— Тогда почему тебя это интересует? Ты, случайно, не с факультета журналистики?

— Нет, я…

— Этот вопрос хотя и кажется тебе простым, на самом деле чрезвычайно сложен. Ты уже проходил счисление?

— Только полсеместра…

— В таком случае ты просто не поймешь математического обоснования. Специалисты в этой области — Хокинг, Уилер,

Эверетт, — он стал загибать пальцы. — Речь идет о квантовой космологии. Это программа последнего курса.

— Но меня интересует не теория, а, скорее, практическая сторона вопроса, — поспешил вставить Джон, пока собеседник не перебил его снова.

— Практический аспект параллельных миров? Чепуха. Теория квантовой космологии утверждает, что существование множества вселенных возможно, однако наиболее вероятной является наша. Согласно антропоцентрическому принципу. Что означает: поскольку мы существуем здесь, мы можем принять это как данность. Но, разумеется, на самом деле все гораздо сложнее.

— А как насчет таких же, как мы, людей в других вселенных? Преподаватель рассмеялся:

— Весьма маловероятно. Принцип «бритвы Оккама»: отсекай лишнее.

— Меня интересует, как можно перемещаться между вселенными? — спросил Джон, цепляясь за последнюю надежду.

— Никак. Это абсолютно неосуществимо.

— Но если я скажу, что это возможно? Если я видел это своими глазами?

— В таком случае я бы ответил, что твои наблюдения были либо сфабрикованы, либо неверно истолкованы.

Джон дотронулся до раны на ноге, оставленной котопсом. Ну нет, он видел то, что видел. И чувствовал то, что чувствовал. Никаких сомнений!

— Я знаю, что я видел. Уилсон отмахнулся:

— Я не собираюсь обсуждать твои наблюдения. Это пустая трата времени… — он помолчал, а потом все-таки добавил: — Что именно ты видел.

Джон помедлил, не зная, с чего начать и о чем рассказывать, и профессор Уилсон не преминул этим воспользоваться:

— Вот видишь? Ты и сам не уверен в том, что видел, не так ли? — Он наклонился вперед. — У настоящего физика должен быть наметанный взгляд. Он должен уметь отделять зерна от плевел.

Профессор снова откинулся назад и посмотрел в окно, на расположенный внизу двор.

— Лично мне кажется, что ты насмотрелся фильмов со Шварценеггером и начитался фантастики. В следующий раз, когда увидишь что-то необычное, не стоит сразу кидаться объяснять это сложными физическими теориями. Для начала следует поискать более реальное объяснение. А сейчас меня дожидается другой студент, из моей группы, так что тебе, я думаю, стоит пойти и поразмыслить над тем, что ты видел в

действительности.

Обернувшись, Джон увидел девушку-студентку — стоя за его спиной, она дожидалась своей очереди. В нем закипела ярость. Этот человек говорил с ним так снисходительно, что было ясно: он просто хотел от него отделаться.

— Я ведь могу и доказать, — процедил он сквозь зубы. Преподаватель едва взглянул в его сторону, после чего жестом пригласил студентку войти.

Джон повернулся и зашагал по коридору. Он пришел сюда искать помощи, а его подняли на смех!

— Ну, я ему покажу… — пробормотал Джон. Перепрыгивая через две ступеньки, он сбежал по лестнице, распахнул дверь и вылетел во двор, выходивший на улицу Маккормика.

— Смотри, куда прешь, придурок! — обругал его какой-то студент, которого он чуть не сшиб дверью. Джон промчался мимо.

Схватив горсть камней, он принялся швырять их в окно кабинета Уилсона. Он успел бросить с дюжину камешков и собрать вокруг себя целую толпу студентов, когда наконец Уилсон высунулся из окна и крикнул:

— Охрана будет здесь через минуту! В ответ Джонни заорал:

— Смотри сюда, тупица!

Затем переставил прибор на следующую вселенную и нажал на рычаг.

Джон проснулся среди ночи от кошмара: ему снилось, будто он в темноте, без воздуха и не может пошевелиться. Он сел на кровати и отбросил одеяло: любое прикосновение было ему невыносимо. Потом он сорвал с себя пижаму и голый встал посреди спальни, тяжело дыша. Как душно! Джон подошел к окну и распахнул его.

Сердцебиение понемногу унималось. Вместе с тягучим воздухом октябрьской ночи в комнату проникали деревенские запахи земли и навоза. Джон перегнулся через подоконник и весь покрылся гусиной кожей.

Он уже не раз видел этот сон и знал, откуда он взялся. Однажды он переместился в другую вселенную возле озера Эри, с маленького пустынного пляжа неподалеку от Порт-Клинтона — и оказался погребенным в песчаной дюне. Он наглотался песка и погиб бы, если бы не рыбак, заметивший его молотившую воздух руку. Он был обречен. По чистой случайности тот парень оказался поблизости и вовремя его откопал. С тех пор Джон никогда больше не перемещался вблизи водоемов.

И тот раз был не единственным. В Коламбусе, штат Огайо, он оказался по грудь вмурован в бетонную лестницу. Снова нажать

на рычаг он уже не мог и был вынужден ждать, пока кто-нибудь пройдет мимо и вызовет спасателей. Тем удалось высвободить его только с помощью отбойного молотка. Когда Джона стали спрашивать, как он там очутился, он симулировал обморок и переместился в другой мир уже из машины «скорой».

С тех пор каждый раз, касаясь рычажка, он замирал от страха, что снова окажется в чем-то твердом, не в силах пошевелиться, не в состоянии дышать и нажать кнопку. В такие минуты к горлу подступала тошнота, желудок начинал бунтовать, а подмышки — потеть. Нет, мысленно произнес он. Это никогда больше не повторится.

Теперь у него есть семья, в какой-то степени неожиданно для него самого. Встреча с родителями началась со скандала, а окончилась всеобщими рыданиями и объятиями. Он собирался быть твердым. Он собирался сказать им, что уже вырос и в состоянии сам о себе позаботиться, но вся его решимость растаяла перед лицом их неподдельной тревоги. И он разрыдался, черт возьми.

Он обещал им еще раз хорошенько подумать насчет извинительного письма. Пообещал снова переговорить с Гушмэном. Пообещал быть более внимательным к старшим, поберечь их чувства. Неужели он превращается в Джонни-Простака?

В постель он отправился опустошенным, уставшим, но со спокойной душой. И вот откуда-то из подсознания выплыл этот сон. Он задыхался, умирал от удушья, из легких рвался крик, но тело оставалось неподвижным. Поежившись, Джон закрыл окно. Весь жар из тела уже вышел.

Он забрался обратно в кровать и закрыл глаза.

— Я становлюсь Джонни-Простаком, — прошептал он. — Твою мать.

Маккормик-холл выглядел абсолютно идентично. Даже студент, сидевший на страже у дверей библиотеки, встретил его теми же словами:

— Студенческий билет.

— Забыл в комнате, — ответил Джон, на этот раз без запинки.

— Ладно, растяпа, принесешь в следующий раз.

Джон улыбнулся в ответ.

— И не смей называть меня растяпой, подонок.

Студент ошарашенно уставился на него.

Встреча с профессором Уилсоном все же оказалась не совсем бесполезной. Уилсон упомянул слова, которые Джону следовало

искать вместо параллельных вселенных. Он сказал, что эта область науки зовется квантовой космологией.

Космология занимается изучением происхождения вселенной — это Джон знал. Квантовая теория же касалась отдельных частиц, таких, как атомы и электроны. И моделировались эти частицы статистическим методом. Из этого Джон сделал вывод, что квантовая космология является статистическим методом для создания модели вселенной. И не одной вселенной, а всех (во всяком случае, он на это надеялся).

Он сел за компьютер. На этот раз попаданий оказалось целых тридцать. Джон распечатал список и начал прочесывать стеллажи.

Половина книг представляла собой сборники материалов различных конференций и семинаров. Статьи пестрели формулами, и все они были рассчитаны на достаточно глубокое понимание предмета. Джону не хватало базовых знаний, чтобы осмыслить все эти математические выкладки.

На титульном листе одной из книг он прочел высказывание видного ученого по поводу теории, названной «теорией множественности миров». «Когда происходит некое необратимое и значительное изменение, что в нашей вселенной случается практически постоянно, это вызывает появление новой вселенной, которая ответвляется от той, где данного изменения не было. Наша вселенная — всего лишь одна из мириадов копий, где каждая слегка отличается от остальных».

Джон сразу же проникся расположением к автору. Он сам видел другие миры, где небольшие изменения в прошлом привели к радикальным отличиям в будущем — как в том мире, где Александр Грэхем Белл изобрел электрический двигатель.

Джон захлопнул книгу, решив, что теперь он достаточно подготовлен к новой встрече с профессором Уилсоном.

Коридор второго этажа выглядел совершенно идентично: такие же пустые кабинеты и увешанные объявлениями доски. Кабинет профессора Уилсона снова оказался в конце коридора, а сам он снова сидел за столом, почитывая журнал.

— Да? — произнес Уилсон в ответ на стук в дверь.

— У меня к вам несколько вопросов.

— По поводу домашнего задания?

— Нет, задание тут ни при чем. По поводу квантовой космологии.

Уилсон отложил журнал и кивнул.

— Довольно сложный предмет. Так что за вопрос?

— Вы согласны с теорией множественности миров? — спросил Джон.

— Нет.

Джон помедлил, не зная, как реагировать на этот односложный ответ. Потом сказал:

— Так значит, нет?

— Нет. На мой взгляд, это просто бредятина. А почему тебя это интересует? Ты один из моих студентов?

Уилсон щеголял в точно таком же сером пиджаке поверх точно такой же синей рубашки.

— Вы не верите, что множественность вселенных объясняет… э-э…

Джон снова растерялся. Он знал совсем не так много, как ему казалось. И все еще не умел правильно формулировать вопросы.

— …Объясняет квантовую теорию? — закончил за него Уилсон. — Нет. Не обязательно. Ты знаком с теорией «бритвы Оккама»?

Джон кивнул.

— Что проще? Одна вселенная, живущая по статистическим законам на квантовом уровне, или бесконечное количество вселенных, которые плодятся от каждого случайного события? Вот сколько вселенных видел ты?

Джон уже подыскивал ответ на этот риторический вопрос, но Уилсон не дал ему и рта раскрыть.

— Одну, — сказал он. Потом оглядел Джона с головы до ног. — А ты что, здесь учишься?

— Гм, нет. Я учусь в школе, — признался Джон.

— Ясно. Это, молодой человек, действительно весьма сложная штука. Программа выпускного курса. Ты уже проходил счисление?

— Только полсеместра.

— Тогда попробую объяснить иначе. — Он вытащил из ящика стола пресс-папье — булыжник с нарисованными глазами и ртом. — Допустим, я собираюсь уронить этот камень в течение следующих десяти секунд. — Он помедлил, после чего позволил камню упасть, примерно через семь секунд. — Процесс абсолютно случайный. В десяти других вселенных (допустим для простоты, что я мог бросить камень не через доли секунды, а только через целые) я уронил бы этот камень в каждую из этих секунд, от одной до десяти. И создал десять вселенных, произведя одно случайное действие. Согласно теории множественности миров, все эти вселенные существуют. Вопрос в том, откуда взять столько вещества и энергии, чтобы создать десять новых вселенных, таких, как эта? — Он щелкнул пальцами. — А теперь представь практически бесконечное число мельчайших изменений, происходящих в данный момент на земле. Сколько энергии потребуется, чтобы создать все эти вселенные? Откуда она

берется? Совершенно очевидно, что теория множественности миров — абсурд.

Джон покачал головой, пытаясь переварить эту мысль. Он был не в состоянии опровергнуть аргументы Уилсона. Он действительно знал слишком мало.

— Но что если другие миры все же существуют? — спросил он. — Возможно ли перемещаться между ними?

— Невозможно, нереально, абсолютно неосуществимо.

— Но…

— Это невозможно, даже если бы теория была верна.

— Значит, она ошибочна, — пробормотал Джон про себя.

— Я же тебе говорил. Никаких параллельных вселенных не существует.

Джон почувствовал, как в нем растет разочарование.

— Но я знаю, что они есть. Я их видел.

— Значит, твои наблюдения были либо сфабрикованы, либо неверно истолкованы.

— Хватит говорить со мной, как с ребенком! — взорвался Джон. Уилсон спокойно посмотрел на парня, затем встал.

— Вон из моего кабинета, а еще лучше — из этого университета. Сейчас же. И советую немедленно обратиться за медицинской помощью, — холодно произнес Уилсон.

Разочарование Джона сменилось яростью. Этот Уилсон ничем не отличался от предыдущего. Он считал, что Джон ошибается, только потому, что ведет себя как провинциальный мальчишка. Уилсон был уверен, что Джон не может знать ничего такого, чего бы не знал он сам.

Перегнувшись через стол, Джон схватил профессора за грудки. Бумаги разлетелись по столу и упали на пол.

— Я докажу тебе, черт возьми! — заорал Джон в лицо профессору. — Докажу!

— Отстань от меня! — взвизгнул Уилсон, отталкивая наглеца. Руки Джона соскользнули с пиджака, и Уилсон, потеряв равновесие, рухнул на пол вместе со стулом. — Маньяк!

Джон стоял возле стола, тяжело дыша. Нужно какое-то доказательство. На глаза ему попался диплом, висевший на стене кабинета. Джон схватил его и выбежал в коридор. Не удалось убедить этого Уил-сона — убедим следующего. Отыскав укромное местечко рядом со зданием, он перенесся в другую вселенную.

Джон стоял, прижимая к груди диплом Уилсона, с колотящимся сердцем — и чувствовал себя полным дураком. Накинуться с кулаками на человека, украсть его диплом — и все это ради того, чтобы доказать другой версии этого человека, что он не псих…

Он окинул взглядом университетский двор. Какой-то мальчишка играл во фрисби. Джон увидел, как он поймал тарелку… и вдруг его образ размножился. В одну и ту же секунду Джон видел, как мальчик спотыкается и не успевает поймать летящий диск, как он чуть-чуть промахивается влево, вправо — миллион различных вариаций. Все поплыло у Джона перед глазами.

Он потряс головой, а затем перевернул диплом так, чтобы его можно было прочесть. Попытаюсь еще раз, решил он. Теперь испробуем прямой подход».

Джон поднялся по лестнице и постучал в кабинет Уилсона.

— Входите.

— Есть одна проблема. Уилсон кивнул и спросил:

— Чем могу помочь?

— Я прихожу к вам в третий раз. Дважды вы мне не поверили, — сказал Джон.

— Что-то не припомню, чтобы мы встречались раньше, — возразил преподаватель. — Ты ведь не из моих студентов, верно?

— Нет. Именно с вами мы не встречались никогда, но я общался с вашими версиями.

— Вот как? Джон не выдержал:

— Перестаньте разговаривать со мной таким тоном! Каждый раз вы это делаете, и с меня уже хватит! — У него тряслись руки. — Я не из этой вселенной. Из другой. Это понятно?

Лицо Уилсона оставалось спокойным и бесстрастным.

— Нет. Пожалуйста, объясни.

— Меня обманом заставили воспользоваться неким прибором. Это сделал мой вариант из другой вселенной, потому что хотел заполучить себе мою жизнь. Он сказал, что я смогу вернуться, но этот прибор то ли неправильно работает, то ли позволяет двигаться лишь в одном направлении. Я хочу вернуться в свою вселенную, и мне нужна помощь.

Уилсон кивнул:

— Почему бы тебе не присесть?

Джон кивнул. В глазах стояли слезы. Наконец-то он достучался до этого Уилсона!

— Значит, ты пытался разговаривать со мной — то есть с моими версиями — в других вселенных, и я не захотел тебе помочь. Почему?

— Мы начинали беседовать о параллельных вселенных, или о квантовой космологии, или о теории множественности миров, но каждый раз все кончалось тем, что вы сводили все к «бритве Оккама».

— Пожалуй, так бы я и поступил, — кивнул Уилсон. — Так

значит, у тебя есть какой-то прибор?

— Да. Вот здесь. — Джон ткнул пальцем в грудь и расстегнул рубашку.

Уилсон серьезно посмотрел на прибор.

— Что это у тебя в руках?

Джон взглянул на диплом.

— Это… ваш диплом, из предыдущей вселенной. Я взял его… как бы в качестве доказательства.

Уилсон протянул руку, и Джон передал ему документ. Точно такой же висел на стене кабинета. Профессор перевел взгляд с одного на другой.

— Угу, — произнес он через минуту. — Ясно.

Затем положил диплом на стол и сказал:

— Только мое второе имя — Лоуренс.

Присмотревшись, Джон увидел, что на украденном дипломе было от руки вписано «Фрэнк Б. Уилсон», в то время как на том, что висел на стене, значилось имя «Фрэнк Л. Уилсон».

— Думаю, это просто небольшое различие…

— Послушай, кто тебя надоумил? Наверное, Грин, да? Подобные шутки в его стиле.

Лицо Джона исказило страдание.

— Да нет же! Я говорю чистую правду!

— И эта штуковина у тебя на груди… Это же просто классика! Да еще и диплом. Очень мило.

— Нет, правда. Это не розыгрыш!

— Ну хватит. Я тебя раскусил. Грин там, в коридоре? — Уилсон крикнул в дверь: — Можешь войти, Чарлз! Я догадался.

— Нет никакого Чарлза. И никакого Грина, — тихо вымолвил Джон.

— А ты, должно быть, с театрального факультета. Здорово сыграно! Еще две моих копии! Ха-ха! Как будто для вселенной недостаточно меня одного.

Джон встал и пошел к двери, еле волоча внезапно отяжелевшие ноги.

— Не забудь реквизит, — окликнул его Уилсон, помахав в воздухе дипломом.

Джон пожал плечами и вышел в коридор.

Он сел на ближайшую скамейку и сидел там долго-долго. Солнце зашло за горизонт, и теплый летний день постепенно растворился — вместе с играющими во фрисби детишками.

Наконец он встал и пошел в общежитие. Надо было что-нибудь поесть. В какой-то из вселенных он пропустил обед, и теперь желудок недовольно ворчал на хозяина. Тело требовало пищи, хотя голода Джон не ощущал. Он чувствовал только

усталость.

В общежитском кафе готовили пиццу под названием «Папа Боб». Джон заказал маленькую порцию и стакан колы, после чего машинально все это проглотил. На вкус пицца напоминала картон, причем твердый.

Тут было пустынно: студенты уже разъехались по домам или разошлись по своим комнатам — готовиться к занятиям или смотреть телевизор. Пока Джон сидел и размышлял, что делать дальше и не сходить ли еще раз к Уилсону, он заметил телефон-автомат. Джон подумал, что стоило, наверное, сфотографировать упрямого профессора или попросить его написать записку. А впрочем, тот заявил бы, что это подделка или компьютерная имитация.

Джон подошел к телефону и набрал свой номер. Автомат потребовал 75 центов. Джон вставил монетки в прорезь, и в трубке послышались гудки.

— Алло, — ответила его мать.

— Алло, — машинально ответил он.

— Джонни, это ты? — удивилась она.

— Нет. Могу я поговорить с Джоном? Она рассмеялась.

— Голос у тебя в точности как у него. Я даже испугалась, когда услышала. Но вот он, стоит рядом. Даю ему трубку.

— Алло? — Это был его собственный голос.

— Привет, это Карл Смит. Мы вместе ходим на английский. — Джон выдумал имя.

— Да?

— Я сегодня пропустил занятия и хотел узнать, на завтра что-нибудь задали?

— Да. Сочинение по поэме Теннисона «Мод». Выделить поэтические компоненты. В общем, как в прошлый раз.

— Ага, понятно, — сказал Джон. Он помнил это стихотворение, оно было в том же параграфе, что и стихи Хопкинса. — Спасибо.

Он повесил трубку.

Эта вселенная была копией его собственной. Здесь он мог бы остаться. Вздрогнув от этой мысли, он спросил себя, что же его останавливает.

А потом пошел к автобусной остановке и купил билет до Финдли.

На следующий день Джон помогал отцу по хозяйству. Это было что-то вроде наказания за причиненные родителям огорчения. Они все еще не замечали подмены, так что приходилось играть эту роль — по крайней мере, пока не

заработают его проекты.

Когда они с отцом подновляли забор, Джон сказал:

— Пап, я хотел взять машину в субботу вечером. Отец помолчал, расплывшись в улыбке.

— Важное свидание, да? — Он сказал это таким тоном, что было ясно: мысль о «взрослом» свидании сына еще не приходила ему в голову.

— Да. Иду гулять с Кейси Николсон.

— Кейси? — Отец придержал доску, пока Джон молотком вбивал в нее гвоздь. — Хорошая девочка.

— Да, пойдем с ней на какой-нибудь фильм в «Бижу».

— Что еще за «Бижу»?

— То есть я хотел сказать в «Стрэнд», — поправился Джон, мысленно проклиная себя за неосторожность. Лишние детали могли его выдать. Кинотеатры в Финдли всегда назывались либо «Палас», либо «Бижу», либо «Стрэнд».

— Угу.

Джон взял лопату и принялся укреплять следующий столб.

— А что за кино?

Ответ сам сорвался у Джона с языка:

— Какая разница?

Отец помолчал, а потом от души расхохотался:

— Да, если сидишь на последнем ряду, разницы нет. Джон сперва удивился, а потом рассмеялся тоже.

— Только не проболтайся маме. Мы с ней тоже все время ходили в «Стрэнд». Кажется, так ни одного фильма и не посмотрели.

— Папа! — воскликнул Джон. — У вас, значит, было свое эротическое шоу?

— Другого места не находилось, — ухмыльнулся отец. — Встречаться здесь было нельзя: твой дедушка избил бы меня до полусмерти. У нее тоже: твой второй дедушка пристрелил бы меня. — Папаша подмигнул Джону и кивнул: — Тебе повезло, что нравы сейчас посвободнее.

Джон усмехнулся, вспомнив вселенную, где идеи свободной любви шестидесятых были настоящей крамолой. От СПИДа там погиб каждый четвертый, а к 1980 году сифилисом и гонореей было заражено девяносто процентов населения. В том мире встречаться с девушкой можно было только под присмотром дуэньи и после сдачи кучи анализов.

— Да, мне повезло.

Ранним утром Джонни незаметно проскользнул через Гурни-роуд, потом через поле Уолдеров и отыскал укромное местечко в

кленовой роще, откуда удобно было наблюдать за фермой. Опускаясь коленями на мягкую землю, он спросил себя, не здесь ли поджидал его Джон Первичный.

У него покалывало в ладонях от нетерпения. Он рассуждал так: ему задолжали жизнь. Его собственная жизнь была украдена, и теперь ему причитается другая. Он предпочел бы вернуть свою и честно пытался это сделать. Он изучал, спрашивал и размышлял, но так и не отыскал пути назад.

Теперь он решил избрать другой путь.

Он обманет здешнего Джона Рэйберна, точно так же, как когда-то обманули его. Прельстит бескрайними возможностями. Сыграет на любопытстве. А если тот все же не заинтересуется, придется применить силу. Оглушить, пристегнуть к груди прибор и послать куда подальше.

Пусть выкручивается, как знает. Он тоже через это прошел. Пусть ищет себе другую вселенную. А Джон заслужил свою жизнь. Он всегда играл по правилам: он был примерным мальчиком, любил своих родителей, ходил в церковь каждое воскресенье…

Слишком долго судьба испытывала его терпение. Сначала Джон Первичный, потом котопсы, затем профессор Уилсон… А он все бежал и бежал, не зная куда, без всякой цели. Хватит. Пришло время вернуть украденное.

Рассвет медленно окрашивал деревья алым. Отворилась задняя дверь дома, и во двор с корзиной в руках вышла женщина. Джон видел, как она открывает курятник и собирает яйца. Она была далеко, но он сразу узнал в ней маму. Умом он понимал, что это не его мать, но глаза говорили обратное, и все остальное уже не имело значения.

Направляясь к сараю, отец чмокнул ее в щеку. На нем были тяжелые, толстые ботинки, комбинезон и кепка от «Джона Дира». Джон знал, что через час он вернется к завтраку. Подадут яйца, ветчину, тосты и, конечно же, кофе.

Это были его родители. Его ферма. Жизнь протекала именно так, как он помнил. И этого ему вполне хватало.

В его комнате зажегся свет. Джон Рэйберн проснулся. Скоро он выйдет из дома, чтобы заняться своими обычными делами. Дождавшись, когда его двойник зайдет в сарай, Джон промчался через пустое тыквенное поле к задней двери сарая. Она была заперта, но он знал, что если ее потрясти, дверь откроется.

Прислушиваясь к доносившимся из сарая звукам, Джон взялся за ручку и хорошенько дернул несколько раз. Дверь не поддавалась. Он подождал, потом снова подергал — и дверь, грохнув, внезапно открылась. Джон проскользнул в сарай и спрятался между тюками с сеном.

— Эй, дружище Стэн! Ну, как ты сегодня?

Голос доносился со стороны стойла. Это Джон (он мысленно дал ему имя Джон Третичный) кормил лошадь.

— Вот, держи яблоко. Может, немного овса?

Джон прокрался вдоль тюков и остановился, когда смог различить лицо Джона Третичного на другом конце сарая. Здесь, в тени, Джон мог оставаться незамеченным, но ему необходимо было подобраться поближе.

Стэн заржал, ткнулся носом Третичному в лицо и облизал ему лоб своим большим языком.

— Ну-ну, перестань, — сказал парень с улыбкой, отвернулся и занялся овцами. Джон тем временем обошел вокруг тюков с сеном и притаился за культиватором.

Джон кое-что понял, пока ждал в роще, и план его, соответственно, изменился. Он не умел лгать. Он никогда не блистал красноречием. Он был просто не в состоянии проделать то, что удалось Джону Первичному, — то есть уговорить деревенщину воспользоваться прибором. Нужно было сделать это как-то иначе. Существовал только один способ, и это был очень жесткий способ.

Джон взял в руки прислоненную к культиватору лопату. Лопата была короткая, с тупым лезвием. По его расчетам, одного удара по голове должно было хватить, чтобы Третичный отключился. Потом он прикрепит прибор к его груди, переставит счетчик на следующую вселенную, а затем черенком лопаты нажмет на спуск. Правда, половина лопаты при этом исчезнет, но это пустяки. После этого он покормит остальную скотину и отправится домой, завтракать. И никто никогда ничего не узнает.

Стараясь не обращать внимания на сжимавшую желудок тошноту, Джон поднял лопату двумя руками и стал подкрадываться.

Должно быть, его добычу спугнула едва заметная тень.

— Пап, это ты? — спросил парень, оборачиваясь. — О господи! Он отшатнулся от занесенного над ним оружия, а когда его взгляд упал на лицо Джона, недоумение в его глазах сменилось ужасом.

Джон так и застыл с поднятой над головой лопатой. Джон Третичный попятился к загончику для овец, одной рукой инстинктивно закрывая лицо, а второй…

У него была только одна рука.

Джон задрожал всем телом от накатившей тошноты и выронил лопату. Отскочив от дощатого пола, она подкатилась прямо к ногам Третичного.

— Что я делаю! — закричал Джон. Желудок скрутило рвотой,

но ничего, кроме желтой желчи, из него не вышло. Джон сплюнул на пол, и от этого привкуса его вырвало снова.

Он оказался ничем не лучше Джона Первичного. Он не заслуживал жизни.

Пошатываясь, Джон побрел к задней двери сарая.

— Стой!

Он побежал через поле, но запнулся и упал. Высвободив ногу, Джон встал и снова побежал к роще.

— Подожди! Не убегай!

Оглянувшись, Джон увидел, что за ним, размахивая единственной рукой, бежит Джон Третичный. Футах в двадцати от Джона он замедлил шаг и остановился, протянув ему руку.

— Ты совсем как я, — сказал он. — Только у тебя две руки. Джон кивнул: на то, чтобы говорить, не осталось ни дыхания, ни сил. На глаза навернулись слезы, когда он посмотрел на человека, которого только что намеревался оглушить лопатой.

— Но разве такое возможно?

У Джона наконец прорезался голос:

— Я твоя версия из параллельной вселенной. Джон Третичный энергично кивнул:

— Только ты не лишился руки.

— Нет, не лишился. — Джон покачал головой. — Как это произошло?

Третичный поморщился.

— Я помогал отцу убирать сено на сеновал. Поскользнулся, упал. Вилы воткнулись в руку, рассекли бицепс…

— Да, помню. — В своей вселенной Джон в двенадцать лет свалился с сеновала, когда они с отцом закладывали туда сено. Он думал, что сможет поднять здоровенный тюк, но ему не хватило сил, и он упал прямо на землю — да так, что потерял сознание и выронил вилы. Они воткнулись совсем рядом, оцарапав ему плечо. Отец тогда был в ужасе, а потом пришел в ярость. Нагоняй от матери был куда неприятнее, чем царапина. — Я тогда только плечо поранил.

Джон Третичный рассмеялся:

— В одном мире я потерял руку, а в другом отделался царапиной. С ума сойти, да?

Чему он смеялся? Неужели он не понял, что Джон покушался на его жизнь?

— Да уж.

— Может, пойдем в сарай и перекусим?

Джон посмотрел на своего двойника, недоумевая, как он может такое предлагать.

— Я чуть не убил тебя!

Джон Третичный кивнул:

— Так ты для этого взял лопату? А потом увидел мою руку, верно? И сразу пропал всякий смысл. Ведь у тебя две руки.

Он снова рассмеялся.

— Не только из-за этого, — возразил Джон. — Я просто не мог заставить себя ударить…

— Понимаю.

— Да что ты понимаешь? — заорал Джон. — Я потерял все! — Он сунул руку под рубашку и переключил счетчик вселенных. — Извини, но мне пора.

— Нет, подожди! — крикнул Джон Третичный. Джон попятился и нажал кнопку.

Мир расплылся, и Джон Третичный растаял.

…Здесь были и дом, и сарай, а в отдалении на тракторе работал его отец. Еще один мир, которому он не принадлежит. Он снова переключил прибор и нажал кнопку. Еще один дом. И здесь ему нет места. И снова он двинулся вперед сквозь вселенные. Дом исчез. Еще раз. Здание появилось, только оно было зеленое, а не красное. Раз за разом Джон нажимал на спуск, стремясь как можно дальше убраться от чуть было не совершенного преступления. Облака метались вокруг в беспорядочном танце. Рощица, в которой он стоял, то появлялась, то исчезала. Его родной дом скакал из стороны в сторону: фут вправо, полфута влево. Сарай двигался еще активнее: иногда он оказывался позади дома, иногда к востоку от него. Только земля не менялась: это всегда было поле с пологим спуском. Однажды Джон увидел, что дом обшит алюминием, но после нового прыжка строение исчезло.

Должно быть, он раз сто перемещался из одной чужой вселенной в другую, пока наконец, разрыдавшись, не рухнул на землю.

Он потерял свою жизнь. Потерял навсегда, и никогда не вернет ее обратно.

Джон прислонился головой к стволу клена и закрыл глаза. А когда высохли слезы и успокоилось дыхание, он заснул от усталости.

— Эй, приятель! Пора вставать.

Кто-то легонько толкнул его. Джон открыл глаза и увидел лицо отца.

— Папа?

— Это вряд ли. Разве только моя женушка что-то от меня скрывает.

Мужчина протянул руку и помог Джону подняться. Вокруг росли клены, а рядом, опираясь на палку, стоял его отец из этой

вселенной. Джона он не узнал.

— Извините, что заснул на вашем участке. Устал немного.

— Ничего, бывает. — Он махнул палкой в сторону Гурни-роуд. — Город в той стороне. — Он указал на север. — Милях в двух отсюда.

— Да, сэр. — Джон зашагал прочь, но потом остановился. Отец не узнал его, а это значит… Все еще сомневаясь, Джон обернулся к отцу. — Сэр, я с удовольствием поел бы чего-нибудь. Если, конечно, у вас найдется лишняя порция. А расплачусь работой.

Билл Рэйберн (Джон заставил себя называть его так, ведь этот человек все же не был ему отцом) взглянул на часы и кивнул.

— Желудок и часы мне подсказывают, что до ланча осталось всего ничего. У нас обычно холодное мясо. А что до оплаты, то в этом нет нужды.

— Отлично.

— Как тебя зовут?

— Джон… Джон Уилсон.

Фамилия преподавателя физики просто первой пришла ему в голову.

Джон повернулся и через тыквенное поле вслед за Биллом пошел к дому. Тыквы все еще не были собраны, и это за неделю до Хэллоуи-на. Некоторые уже попортились. Джон прошел мимо здоровенной тыквы с изъеденной верхушкой, над которой вилась целая туча мошкары.

Ему вспомнилась шутка, которую он услышал от отца неделю назад.

— Здравствуйте, миссис, поклонился он тыкве.

Билл обернулся и посмотрел на него, как на полного идиота.

— Чего это ты? — удивился он.

— Преклонный возраст этой тыквы вызывает уважение, — ответил Джон с самым честным лицом.

Билл остановился, с минуту глядел на него, и лишь после этого по его губам поползла усмешка.

— Надо будет запомнить.

Сарай стоял за домом — он был меньше, чем в его мире, и с облезлой краской. В крыше зияла дыра, которую нужно было срочно залатать. Да и вообще, вся ферма казалась какой-то обветшалой. Неужели здесь для его родителей настали тяжелые времена?

— Джанет, еще одного едока привел, — крикнул Билл, входя в заднюю дверь. И, обращаясь к Джону, добавил: — Разувайся.

Джон снял ботинки и поставил их на обычное место. Рюкзак он тоже снял и повесил на крючок. Крючок был другой —

медный, а не деревянный, как те штырьки, которые они с отцом когда-то приклеили к стене.

Джанет явно не обрадовало появление нежданного гостя, но виду она не подала. Джон улыбнулся ей и поблагодарил за гостеприимство.

На женщине был тот же самый передник. Нет, вдруг понял Джон. Этот передник, клетчатый, с глубокими карманами, мама носила, когда он был маленьким.

Джанет сделала Джону сэндвич с мясом и ломтиком сыра. Он еще раз поблагодарил ее и стал неторопливо жевать бутерброд. Джанет тоже его не узнала.

— Вроде яблоки неплохи для сидра, — заметил Билл, обращаясь к жене. — Думаю, несколько бушелей соберем.

Джон с удивлением поднял брови. Они с отцом собирали по паре бушелей с каждой яблони. Может, здесь сад меньше? Или на деревьях завелись вредители? Он взглянул на Билла и заметил, как дрожат у него руки. Мысль о том, что отец уже не молод, никогда раньше не приходила ему в голову. А может, в этой вселенной он, по каким-то неведомым причинам, состарился раньше? Может, урожай в несколько бушелей — это всё, что он мог собрать…

— Завтра надо будет подновить сточную канаву на дальнем поле. Там уже сейчас целое озеро, а на будущий год оно испортит мне все посевы.

С этим дальним полем всегда была сплошная головная боль: середина была ниже краев, и там часто скапливалась вода.

— Хорошо бы вам еще тыквы собрать, — сказал вдруг Джон. — Пока не испортились.

Билл обиженно посмотрел на парня:

— Много ты в этом понимаешь!

Джон проглотил кусок сэндвича, проклиная себя за то, что невольно обидел хозяина. Он ведь прекрасно знал: нет ничего хуже, чем лезть к фермеру со своими советами.

— Э-э… Я вырос точно на такой же ферме. Мы с отцом тоже выращивали тыквы, и к Хэллоуину продавали их по хорошей цене. Если протянете до воскресенья, то половину придется выбросить. Да и кому нужны тыквы после Хэллоуина?

Джанет повернулась к Биллу:

— Ты ведь сам хотел их собрать!

— Да сейчас уже, наверное, поздно, — махнул рукой Билл. — Парень прав. Половина урожая сгнила на корню.

— Я могу помочь вам с этим делом, — предложил Джон. Ему хотелось остаться здесь подольше. Впервые за долгое время выдался случай передохнуть. К тому же, хоть они и не были его

родителями, Билл и Джанет казались хорошими людьми.

Билл посмотрел на него испытующе.

— Так говоришь, работал на такой же ферме? А что еще ты умеешь делать?

— Могу собирать яблоки. Могу залатать дыру в крыше сарая.

— Билл, ты что, до сих пор ее не заделал? — воскликнула Джанет.

— Тяжело туда забираться, на такую верхотуру. Да и других дел набралось, — объяснил Билл и снова обернулся к Джону. — Ну что ж, попробуй поработать денек. Плачу три доллара в час, плюс обед и ужин. Если не сработаемся — на закате двинешься дальше. Без обид.

— По рукам, — согласился Джонни.

— Джанет, позвони-ка Макгенри. Спроси, не привезти ли ему вечером тыквы на продажу.

Джон стоял возле окошечка секретаря и ждал, понемногу закипая от злости. Какого черта столько времени выписывать разрешение на брак! Кейси уже ждала его возле здания суда, на девятом месяце беременности. Если этот тип за стеклом не поторопится, ребенок родится незаконнорожденным. А родители Кейси и его родители в этом вопросе непреклонны. Никаких бастардов. Хотя он пообещал заботиться о ребенке и действительно собирался это делать, они настояли на том, чтобы все было официально.

Наконец служащий выдал ему разрешение и два нотариально заверенных анализа. Джон чуть не вырвал бумаги у него из рук.

— Спасибо, — буркнул он, развернулся и помчался к зданию суда. После свадьбы они с Кейси планировали съездить в Толедо. Через неделю он выходил на работу в «Дженерал Электрик», на сборочный конвейер. Но это только на первое время, пока не выйдет в свет книга под названием «Сияние», которую он сейчас писал.

Поездка в Толедо была связана не только со свадебным путешествием, но и с важными встречами, которые назначил Джон по поводу злосчастного кубика Рубика. Эта штуковина все еще не давала ему покоя. Патентные поиски не дали никакого результата, и когда был создан пробный образец, который наконец заработал как надо, Джон ухнул в его производство девяносто пять тысяч долларов. А потом им позвонил адвокат из Бельгии. Оказалось, этот подлец Рубик запатентовал свое изобретение в Венгрии. Фирма, которую Джон нанял в Нью-Йорке для его продажи, пошла ко дну.

Адвокат Джона хотел бросить его, как горячую картофелину,

но тот кое-как убедил крючкотвора, что на этом деле еще можно сделать деньги. По крайней мере, какие-то деньги. Возможно, придется выплатить штраф за нарушение авторских прав, черт бы их побрал. Но дело все-таки стоящее.

Кейси помахала Джону рукой, когда он показался в коридоре, перед дверью кабинета судьи. Она сидела на скамье, и казалось, живот лежит прямо у нее на коленях. Лицо у бедняжки опухло и покраснело, словно накачанное солевым раствором.

— Привет, Джонни! — сказала она. — Получил бумагу?

Он терпеть не мог, когда его так называли, и тысячу раз говорил об этом Кейси, но все без толку. Все звали Простака «Джонни», и с этим ничего не поделаешь. Некоторые вещи изменить невозможно.

Джон изобразил на лице улыбку и помахал в воздухе разрешением.

— Все готово, — сообщил он и чмокнул Кейси в щеку. — Дорогая, ты выглядишь просто блестяще.

Скорей бы родился ребенок, тогда Кейси снова сможет одеваться так, как он любит. Джон искренне надеялся, что спортивная юбочка не окажется ей мала.

Церемония была короткой, но Кейси все же успела смахнуть с глаз пару слезинок. Джон не удивился, что никто из ее подруг не пришел на свадьбу: беременность Кейси оказалась слишком серьезным испытанием для девичьей дружбы. О хоккее на траве тоже пришлось забыть.

Судья подписал свидетельство о браке, и на этом все закончилось. Джон был даже рад, что ни его родители, ни родители Кейси не появились на церемонии. Вообще-то, они собирались, но Джон быстро пресек эти поползновения. В конце концов, все сошлись на том, что торжественный прием устроят уже после рождения малыша.

Джон понимал, что родители расстроены из-за случившегося. Они мечтали, чтобы сын поступил в колледж, получил хорошее образование. Но эти мечты были связаны с Джонни-Простаком. К нему они не имели никакого отношения.

Ничего, когда деньги польются рекой, они по-настоящему оценят своего сына.

Джон осторожно погрузил Кейси на сиденье «понтиака транс ам». Это была роскошь, которую он позволил себе на последние деньги. В конце концов, приличная тачка была ему просто необходима. «Транс ам» сорвался с места, и Джон повел машину по направлению к трассе 16.

— Слава богу, с этим покончено, — вздохнул он с облегчением.

— Ты рад? — спросила Кейси.

— Ну да. Я рад, что все кончено, и мы наконец женаты, — быстро поправился он.

— Я поняла, что ты хотел сказать.

Джон кивнул. В разговорах с Кейси ему приходилось быть очень осторожным. Примерно в то время, когда живот стал уже заметен и пришлось во всем признаться родителям, Джон пожалел, что у него больше нет прибора. Что он не может перепрыгнуть в другую вселенную и начать все заново. Надо было все же убить Джонни-Простака, спрятать труп и оставить прибор себе. А теперь надежда лишь на то, что эта затея с кубиком все-таки выгорит. Сейчас, когда деньги на исходе, другого шанса не остается. Для очистки совести Джон несколько раз порывался рассказать Кейси о своем прошлом, но так и не решился. Да и разве бы она ему поверила?

Всё, теперь он привязан к этому месту и должен как-то выкручиваться. Эту жизнь он выбрал сам.

Джон похлопал Кейси по колену и улыбнулся. Ничего, вот появятся деньги, немного, но достаточно, чтобы прокормить ее и поднять на ноги ребенка — и можно будет распоряжаться своими деньгами так, как вздумается. Пусть это произойдет несколько позднее, чем он рассчитывал. У него всё должно получиться. Не будь он Джон Первичный.

Весна уже наступила, но в тени было еще прохладно. Джонни начал возиться с машиной рано утром, когда светило солнце, а теперь, после обеда, стало прямо-таки холодно. Он даже подумал, не завести ли трактор, чтобы выволочь разбитый «транс ам» на солнцепек, но потом решил, что оно того не стоит. Было уже поздно, и до ужина карбюратор ему все равно не собрать.

Машину Джон купил всего за пятьдесят долларов, но ее еще надо было завести. А ведь она ему понадобится совсем скоро. В мае он выходит на работу на завод «Дженерал Электрик», во вторую смену. А осенью начнутся занятия в университете.

Он поступил в университет по так называемой «программе продолжения образования». В качестве обычного студента-первокурсника его не приняли, поскольку вместо школьного аттестата у него имелся лишь диплом об общем образовании. До интересующих его предметов — теории квантового поля, космологии и общей теории относительности — он доберется лишь на последнем курсе. Но и это было не страшно. На данный момент его все устраивало. Особенно если не думать о доме.

Работая на конвейере по сборке стиральных машин с четырех до полуночи, он будет получать достаточно, чтобы оплачивать

учебу. К тому же Билл и Джанет все еще платили ему три доллара в час за то, что он помогал им на ферме. Джон иногда посмеивался про себя, что в его родной вселенной за ту же самую работу он не получал ни цента. А в сентябре он подыщет еще какую-нибудь работенку, чтобы иметь деньги на карманные расходы, и снимет жилье поближе к университету.

Джон положил карбюратор на переднее сиденье и закатил машину назад в сарай. Это был неплохой мир, но он не собирался здесь оставаться. Он был счастлив, что Билл и Джанет приняли его как родного. Они были добры к нему и щедры, почти как его родители, но он не мог остаться. Во всяком случае, надолго.

Вселенная — это дом с миллионами комнат. Люди не знают, что их мир — это всего лишь одна комната. Не подозревают, что можно пройти сквозь стены и попасть в другие. Но он-то знает! Знает, что эти комнаты есть. И знает еще кое-что: эти стены проницаемы. Между мирами есть проходы.

В качестве профилирующего предмета Джон указал физику и долго смеялся, когда получил по почте конверт с печатью университета, где сообщалось, что его научным руководителем назначен доктор Фрэнк Уилсон. В один прекрасный день привычный мир профессора Уилсона рухнет, Джон за это ручался.

Он знал то, чего не знал ни один физик в этом мире. А именно — что человек способен пройти сквозь стены вселенной. Это знание, без тени сомнения (достаточно закатать штанину и взглянуть на шрамы, оставленные зубами котопса), поможет ему найти соответствующее научное обоснование.

Это и есть его цель. У него есть знание и есть прибор. Он разберет его по винтику, обратится к лучшим специалистам в этой области, в конце концов, сам станет таким специалистом…

А потом, когда тайны вселенной откроются, он вернется и хорошенько накостыляет этому «Первичному».

Джон улыбнулся и закрыл дверь сарая.

Перевела с английского Зоя ВОТЯКОВА

© Paul Melko. The Walls of the Universe. 2006. Печатается с разрешения автора. Повесть впервые опубликована в журнале «Asimov's SF» в 2006 г.

ВИДЕОДРОМ

«ЗВЕЗДОЧКА МОЯ ЯСНАЯ…»

Аркадий ШУШПАНОВ

Адекватная экранизация книги сама по себе задача нелегкая. А нетривиальной книги — сверхтрудная. Но, похоже, создатели нового фильма по роману Нила Геймана с этим справились.

Здесь все не то, чем кажется. Первая же девушка может обернуться заколдованной принцессой, лихие воздушные браконьеры ведут незаконный промысел молний, а звезды сияют от счастья. Добро пожаловать в мир «Звездной пыли»!

У многих произведений Геймана извилистая судьба. Перед тем как стать литературными текстами, они частенько появляются на свет совсем в ином формате. Сказывается то, что до прихода на писательскую стезю их автор немало потрудился на ниве комиксов и телевидения. Так, «Задверье» успело побывать телесценарием, а «Звездная пыль» — графическим романом. Первоначально «Stardust» публиковалась в виде четырех выпусков с иллюстрациями Чарлза Весса, которые составляли единое целое с текстом. Но потом Гейман выпустил роман отдельной книгой без иллюстраций, в таком варианте тот был переведен и на русский язык. И вот теперь «Звездная пыль» вернулась к графике, на этот раз киноэкранной. В титрах, кстати, в качестве авторов упомянуты и Гейман, и Весс.

За небольшими изменениями сюжет перекочевал на пленку весьма точно. Середина девятнадцатого века. Паренек Тристран Торн из английской деревушки Застенье добивается расположения Виктории — неприступной, как стена, подарившая

населенному пункту его название. Пообещав даме сердца упавшую с неба звезду, Тристран отправляется в волшебную страну по ту сторону стены. Но в сказочном мире многое поставлено с ног на голову, вот и звезда носит гуманоидный — и прелестный — облик. Зато коварство и любовь здесь вполне человеческие. Тристрану и его находке по имени Ивэйна доведется испытать и то, и другое…

Сам автор назвал свою книгу сказкой для взрослых, однако каждый сказочный поворот вывернул наизнанку в совершенно постмодернистском духе. Добавил и немало такого, о чем детской аудитории читать противопоказано. Экранизация — редкий случай — уважительно относится не только к букве, но и к духу оригинала, с его иронией и ёрничеством. А ряд сюжетных узлов в киноверсии связан и развязан даже более искусно. При этом создатели усилили комедийный элемент и смягчили печальные нотки темы одиночества из финала книги. Сияние «Звездной пыли» от этого явно не потускнело.

Новая картина не сразу обрела режиссера. Кандидатом побывал даже Терри Гиллиам, незадолго до того выпустивший похожих по стилю «Братьев Гримм». Наконец, Гейман даром уступил права британцу Мэттью Вону Ранее известный продюсированием комедий Гая Ритчи о мошенниках и «звездным» браком с небожительницей Клаудией Шиффер, Вон сел в режиссерское кресло всего лишь второй раз. И хотя пробовал силы в новом для себя жанре, «криминальное» прошлое таки всплыло. Черный юмор «Звездной пыли» уходит корнями не только в первоисточник, но и в культовые фильмы дуэта Ритчи-Вон «Карты, деньги, два ствола» и «Большой куш». Так, безобидная команда воздушного корабля из книги выведена здесь воинственными, но жуликоватыми головорезами.

А некоторые актеры из «Карт…» даже перешли в новую картину: Джейсон Флеминг сыграл комичного лорда Праймуса, а Декстер Флетчер — почти бессловесного пирата. Они же участвовали и в режиссерском дебюте Вона, триллере «Слоеный пирог».

Вообще, подобно тому, как роман Геймана привлекает обилием маленьких эффектных деталей и персонажей, его экранизация поражает каскадом ролей второго плана или вовсе крошечных появлений. Сказать, что они искрометны, мало. Лучше всего любое такое появление, будь то единственный эпизод патриарха Питера О Тула или камео Руперта Эверетта, характеризует популярное интернет-словечко «отжиг». Каждый выход Роберта Де Ниро в роли нестандартного во всех отношениях капитана Шекспира превращается в бенефис.

Постановщик с небольшим опытом режиссуры, видимо, предоставил именитым актерам карт-бланш на создание образов второго плана, и те «перетянули одеяло» с более молодых исполнителей: Клэр Дэйнс (Ивэйна) и Чарли Кокса (Тристран). Однако и молодые сделали все, что смогли, чему немало поспособствовали уместные визуальные эффекты и филигранный, тоже вполне достойный «Оскара» монтаж.

Резюмируем: на выходе получилось яркое развлекательное действо с «двойным дном» и моралью. Как и полагается настоящей сказке.

РЕЦЕНЗИИ

ПАРШИВАЯ ОВЦА

(BLACK SHEEP)

Производство компаний New Zealand Film Commission и Live Stock Films (Новая Зеландия), 2006.

Режиссер Джонатан Кинг.

В ролях: Натан Мейстер, Даниель Мэйсон, Питер Финни и др.

1 ч. 27 мин.

«Фигушки! Я плотоядная!» — заявляла корова из Страны невыученных уроков. В советской сказке двоечник Виктор Перестукин изменил природу мирного парнокопытного незнанием биологии. Излишнее рвение в изучении той же науки, как утверждают создатели комедии ужасов «Паршивая овца», приведет к похожему результату, и знакомые всем по идиллическим пейзажам из экранизации «Властелина Колец» изумрудные луга Новой Зеландии содрогнутся от рычания ягнят.

Человечество давно подозревало, что, перефразируя классику мистического кино, овцы вовсе не то, чем кажутся. Иначе откуда бы взялись в мировой культуре образы волка в овечьей шкуре или библейского «агнца рыкающего»? Словом, неудивительно, что у Генри, сына трагически погибшего овцевода, возникает боязнь этих безобидных с виду животных. Из-за нее он покидает родные места, оставив отцовское дело на своего старшего брата Ангуса. И тот за пятнадцать лет, отделяющих пролог картины от основного действия, во многом преуспел.

Но вот беда, из принадлежащей ему лаборатории не без помощи ретивых «зеленых» вырвался на свободу плод неудачного генетического эксперимента — овца-хищник. Каждый укушенный ею через какое-то время сам становится таким же овцемонстром.

Зараза распространяется с неотвратимостью лавины, и Генри, вернувшемуся в родные пенаты, чтобы излечиться от детских страхов, приходится делать это радикальным образом: расстреливая их источник из дробовика. Разумеется, такая терапия не может не привести к хэппи-энду.

Режиссерский дебют однофамильца «короля ужасов» Джонатана Кинга вышел в меру пугающим, сверх меры кровавым

и невероятно смешным. А если кто и упомянет после просмотра «дурной вкус», то наверняка имея в виду название одной из ранних работ другого новозеландца — режиссера уже упомянутого «Властелина Колец» Питера Джексона. Несомненно, ставшей одним из источников вдохновения для создателей «Паршивой овцы».

Матвей ГРИБКОВ

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

Производство компаний Monumental Pictures Production (США) и Top Line Group (Россия), 2007.

Режиссер Евгений Бедарев.

В ролях: Екатерина Копанова, Владимир Крылов, Нина Русланова, Антон Макарский и др.

1 ч. 37 мин.

Отечественное кино пробивается в кассовые хиты двумя магистральными путями. Первый — спагетти-блокбастеры в духе «наш ответ Голливуду». Второй, открытый фильмом «Питер FM», — романтические истории для молодежи. Сказочно-комедийная мелодрама «В ожидании чуда», по идее, следует по второму пути. Однако, как и в первом случае, делает попытку перенести на российскую почву еще один голливудский рецепт. Недаром в числе их дистрибьюторов — компания «XX век Фокс», и рекламный бюджет едва ли не перекрыл производственный. Свою роль в относительном прокатном успехе ленты сыграл и умело подобранный саундтрек. Даже те, кто фильм не смотрел, наверняка слышали песню о «Девочке, которая хотела счастья».

Девочку зовут Майя, она работает в питерском рекламном агентстве, страдает от лишнего веса и отсутствия парня, но не делает ничего, чтобы хоть как-то изменить ситуацию. Зато день и ночь мечтает о чуде. Мечты, как ни странно, начинают сбываться. Сперва Майе достается в наследство шикарная квартира с выходом на крышу, а потом в ее жизни появляется невидимый для окружающих «фей третьего разряда». Во всех смыслах нереальный друг показывает своей протеже каскад веселых и поучительных номеров, но в самый ответственный момент, разумеется, пропадает…

Лента нередко вызывает бурный восторг женской аудитории и суровую критику мужской. Восприятие тут зависит от того, примет зритель сказочные условности, взглянет на происходящее женскими глазами (а современные девичьи стереотипы авторы

отыграли на все сто) или же подойдет к сюжету со строгой мужской логикой. Но все же у фильма есть и объективные достоинства. Главным «аттракционом» стал обаятельный и пластичный Владимир Крылов в образе Фея. Вкупе со спецэффектами его игра временами создает ощущение, что мы смотрим русифицированный вариант «Маски». И тем более картина не заслуживает упреков в пропаганде пассивного взгляда на жизнь. Ведь подлинные чудеса в жизни Майи совершаются лишь благодаря ее поступкам.

Аркадий ШУШПАНОВ

КРЫЛАТЫЕ МОНСТРЫ ЛЮФТВАФФЕ

(REIGN OF THE GARGOYLES)

Производство компании Sci-Fi Pictures, 2007.
Режиссер Эйтон Дэвис.
В ролях: Джо Пенни, Уэс Рэмси, Джулия Роуз и др.
1 ч. 28 мин.

В произведениях массовой культуры о второй мировой войне, выходящих на Западе, просматривается любопытная тенденция: часто на стороне нацистов выступают «чудовища вида ужасного». Что движет создателями компьютерных игр вроде незабвенного «Вольфенштейна» с ожившими мертвецами и пулеметорукими киборгами на гусеничном ходу? Чем объяснить регулярное появление на экране фильмов наподобие недавнего «Суперштурмовика СС», где войскам союзников противостоят продукты арийской генной инженерии? Попыткой адекватно персонифицировать бесчеловечные преступления нацистов? Желанием превратить грязь, пот и кровь окопной правды в хорошо продаваемую страшную сказку? Нам трудно судить. Но факт остается фактом: подобные произведения продолжают выходить, доказательство чему — «Крылатые монстры Люфтваффе».

Конец второй мировой, американские войска шлют президенту победные реляции, обещая вот-вот занять Берлин. Давно бы заняли, если бы не немцы. Чего только не выдумают, чтобы испортить бравым янки Рождество. Взяли, да и разбудили кровожадного языческого бога, мирно дремавшего в развалинах французского замка. Стратеги рейха рассчитывали, что древний монстр возьмет под козырек и вместе с ордой горгулий нанесет мощный удар по технике и живой силе противника. Так и

случилось, только оказалось, что дремучие чудовища не видят особой разницы между представителями враждующих сторон и крушат все, что под руку (или крыло) попадется.

И вот однажды они сбивают американский бомбардировщик. На свою беду. Потому как часть экипажа спаслась, и теперь звездно-полосатые пилоты в компании с британскими десантниками и симпатичной француженкой из Сопротивления найдут Копье Судьбы (куда же без него в фильме про третий рейх), перебьют кучу фашистов во главе со злобным эсэсманом и, конечно, языческого бога упромыслят. И красиво улетят в закат на трофейном бомбардировщике — те из них, кто во всех этих перипетиях ухитрится уцелеть.

Сергей ЦВЕТКОВ

ТЕМА

ДИАГНОЗ: КСЕНОФИЛИЯ

Александр РОЙФЕ

Одно совпадение — случайность, два — закономерность, три — уже тенденция… Видимо, этим принципом руководствовался наш постоянный автор, когда на основании своих зрительских впечатлений последних лет попытался нарисовать картину происходящего в фантастическом кинематографе — по крайней мере, в значительной его части.

…в бронированном фургоне и хмуро глядел на город. В городе хозяйничали зомби, ходячие мертвяки, — они отлавливали живых, разрывали их на куски и жадно эти куски поедали. Сидевшая рядом с Рили боевая подруга положила руку на гашетку пулемета, чтобы стереть мертвяков с лица земли. Но рейнджер остановил ее. «Не надо, — сказал он. — Они просто ищут себе место под солнцем, как и все мы». И фургон, из которого так и не прозвучала пулеметная очередь, отправился на север, в неизвестность, оставляя город на растерзание толпам зомби. Спастись от них было суждено немногим…

Так заканчивается фильм американского режиссера Джорджа Ромеро «Земля мертвых» (2005).

Называя вещи своими именами — показана почти полная капитуляция рода человеческого перед абсолютно враждебными

ему созданиями. И эта концовка выглядит тем более странно, если сравнить ее с первым фильмом Ромеро о зомби, который принес ему большой финансовый успех и культовый статус в некоторых кругах, — с «Ночью живых мертвецов» (1968). Там ведь тоже людям, мягко говоря, несладко пришлось. Однако зомби оставались зомби, воплощением беспримесного зла. Ромеро не пытался как-то оправдать их, проявить к ним сочувствие и понимание. Он просто пугал зрителей (и, кстати сказать, проявил в этом деле недюжинный талант). Но за последние десятилетия кое-что изменилось. Сегодня модно не пугать Чужими, а, напротив, восхищаться ими. И Ромеро, который, что называется, уже вступил в преклонный возраст, чутко уловил этот тренд (а может, ему подсказали). Так что теперь его мертвяков, пожалуй, нужно уже называть не зомби, а, например, «людьми с нетрадиционным метаболизмом и пищевыми предпочтениями».

Зомби, вурдалаки и все остальные

Случай Ромеро, наверное, наиболее показателен, потому что режиссер, по совместительству выступавший и в роли сценариста, попытался оправдать предельно одиозных тварей, сосуществование с которыми на одной планете для человечества просто немыслимо (если не учитывать, конечно, что твари эти вымышленные). Или мы их, или они нас… Но ведь в рядах ксенофилов (любителей Чужих) не один только Ромеро — ныне они полнятся буквально на глазах. И, похоже, не осталось уже такого монстра, за которым чрезмерно сердобольные кинематографисты не признали бы гражданских прав. Началось все с вампиров, что и неудивительно, учитывая наше с ними внешнее сходство. Ведь вампира от человека не отличить — если, конечно, кровосос не вышел случайно на солнечный свет, а его зубы не успели дотянуться до вашей шеи. И в 1992 году Фрэнсис Форд Коппола, экранизируя «Дракулу» Брэма Стокера, постарался убедить зрителей, что вурдалак, хотя и чудовищен, все же заслуживает жалости. А спустя всего два года в картине «Интервью с вампиром» режиссер Нил Джордан и вовсе выдал «детям ночи» карт-бланш на расправу с ворами и насильниками — что же касается самих кровососов, сцена испепеления девочки-вампира Клодии заставила трепетать много жалостливых зрительских сердец…

За вурдалаками настала очередь роботов, бездушных машин, способных в одночасье истребить человечество. Так происходило в фильме «Робот-монстр» (1953), где заглавный персонаж был

прислан с другой планеты; примерно то же мы наблюдали в кинотрилогии о Терминаторе (1984–2003), где машины были земного производства, однако в какой-то момент они вышли из-под нашего контроля (впрочем, «плохим» роботам, как мы помним, в этой трилогии противостоял «хороший»). Тем временем в кинематограф пробрался и другой взгляд на вещи. Сначала Ридли Скотт снял «Бегущего по лезвию бритвы» (1982), предложив зрителям выказать толику сочувствия киборгу-убийце, который не сам дошел до жизни такой, а оказался жертвой собственных создателей. Потом Крис Коламбус в ленте «Двухсотлетний человек» (1999) озаботился судьбой доброго робота, несколько десятилетий добивавшегося равного с людьми юридического статуса. И наконец, Алекс Пройас, сделавший вольную экранизацию цикла рассказов Айзека Азимова «Я, робот» (2004), щедрой рукой даровал механическому племени не только права и свободы, но и отдельного Мессию… Очень характерна в этой связи эволюция взглядов братьев Вачовски, создавших главную киноикону наших дней — сериал «Матрица» (1999–2003). Если в первом фильме машины, бесспорно, воплощали абсолютное зло, то во втором-третьем выяснилось: воевать с ними бессмысленно и самоубийственно, а лучше всего будет заключить союз — если они соизволят согласиться.

Для объяснения такой эволюции братья Вачовски даже сделали специальный мультфильм — он называется «Второй Ренессанс» и входит в сборник «матричных» мультфильмов «Аниматрица» (2003). Оказывается, некогда машины вели мирную жизнь и хотели дружить с людьми, но люди отвергли эту дружбу и захотели уничтожить не подконтрольный им разум силой оружия. Ну и в результате добились только экологической катастрофы, оставив машинам единственный источник энергии — человеческие тела. Пришлось создать Матрицу… Скажете, бред? Да, но какой показательный!

Рассмотрим теперь таких традиционных персонажей христианского искусства, как черти и сам Сатана. Их довольно часто показывают в фильмах ужасов. Еще недавно их появление на экране вызывало самые тягостные ощущения — возьмем для примера классический киносериал «Восставшие из ада» (1987–1996): какими жуткими выведены там сенобиты и их патрон, явленный в виде гигантского веретена… Но теперь и в этом нельзя быть уверенным. Скажем, в мистическом триллере «Константин» (2005) именно Сатана предотвращает захват Земли инфернальными силами и избавляет главного героя от смертельной болезни.

Ну а киноангелы становятся все менее и менее

ангелоподобными. Можно вспомнить фильм «Майкл» (1996) — довольно непритязательную комедию с Джоном Траволтой, который представляет архангела Михаила как заурядного и не очень умного американца. А в том же «Константине» архангел Гавриил — самое мерзкое и двуличное создание, из ревности к людям (любимым игрушкам Творца) строящее козни против них.

А что же главные Чужие в фантастике — инопланетяне? Надо сказать, фантастов — и писателей, и кинематографистов — давно занимает этическая проблема: можно ли относиться к инопланетянам с заведомым подозрением? Ответы давались и даются диаметрально противоположные: скажем, писатель Барри Лонгиер в повести «Враг мой» (есть одноименный фильм) убеждает, что с самыми мерзкими алиенами можно найти общую почву и подружиться, ведь инстинкт продолжения рода есть у каждого. А маленький алиен — это так мило… Давний фанат инопланетян — Стивен Спилберг, на его счету кинокартины «ИП» (1982), «Близкие контакты третьего вида» (1977). В относительно недавнем «Искусственном разуме» (2001) люди у него всячески издеваются над несчастным роботом-ребенком, хорошо еще, цивилизация на Земле в итоге таки сгинула, а прилетевшие гуманоиды окружили бедняжку любовью и заботой… С другой стороны, есть и такие мастодонты, как Найт Шьямалан, у которого в фильме «Знаки» (2002) достаточно было показать инопланетянскую лапу с кривым когтем, чтобы стало страшно — и все понятно с той расой… В общем, встречаются разные подходы, но тенденция проникла и сюда. Стоит сравнить ранних «Чужих» и «Хищников» с картиной «Чужой против Хищника» (2004). Из этой ленты зрители узнали, что Хищники — неплохие, в общем, ребята, с ними можно договориться, а людей они иногда убивают — так «у каждого свои недостатки»…

Грехи прошлого, ужасы будущего

Знатоки кинофантастики, дочитавшие мою статью до этого места, могут возмутиться: кого собрался обмануть автор? Неужели он и вправду хочет нам доказать, что в современном фантастическом кино все так однозначно? А как же, к примеру, фильм «Война миров» (2005) того же Спилберга — разве не выведены в нем инопланетяне злобными и жестокими существами, которые заслуживают смерти? Ну, конечно же, выведены, уважаемые знатоки. Но обратите внимание: фильм-то на самом деле о том, что сопротивляться алиенам ни в коем случае не нужно. Все персонажи, вышедшие против инопланетных

агрессоров с оружием в руках, немедленно погибают. И только те, кто бежит, прячется, хитрит, в конечном счете оказываются в выигрыше. Итак, не стоит бороться, нужно ждать, пока все само собой образуется, — такова житейская философия, пропагандируемая Спилбергом. В приложении к нынешней социальной ситуации, характерной для многих стран мира, эта философия прямо направлена на нейтрализацию «иммунной системы» так называемого традиционного общества.

Впрочем, к данной теме я вернусь чуть ниже, а сейчас хочу прояснить вопрос насчет «однозначности». Разумеется, было бы в корне неверно выискивать пламя любви к Чужим буквально в каждой картине. В конце концов, львиная доля наиболее кассовых фантастических фильмов последних лет — это фильмы вообще не о людях (и их отношении к нелюдям). Чтобы надежно уйти от любой актуальной проблематики и создать чисто развлекательный киноаттракцион, пригодный, скорее, для эскапистских нужд, людей следует «задвинуть» глубоко на задний план. Это превосходно удалось, например, в ленте «Возвращение Супермена» (2006), трилогиях о Людях Икс (2000–2006) и о Человеке-пауке (2002–2007), картине «Трансформеры» (2007), эпосе о Гарри Поттере (2001–2007). Плохие волшебники против хороших, плохие роботы против хороших, плохие мутанты против хороших — вот нехитрая сюжетная схема, дающая создателям подобной кинопродукции почти гарантированную возможность заработать на любителях современных сказок очень большие деньги. Лишь бы спецэффекты оказались на уровне, а прочее приложится!.. Кстати, самые кассовые фантастические ленты нового русского кино — «Ночной Дозор» (2004) и «Дневной Дозор» (2006) — построены по той же самой схеме.

Если же мы взглянем на мало-мальски серьезную кинофантастику нашего времени — что мы увидим? Единственного режиссера, который всегда ставил интересы человечества на первое место, — Джона Карпентера («Князь Тьмы», «Они живут!», «Вампиры», «Призраки Марса»). Однако в последние годы он почти не снимает… Ну, есть еще пара римейков, покадрово воспроизводящих неполиткорректные оригиналы 30-летней давности, вроде «Омена 666» (2006). Ну, тоненькая прослойка «фантастики без Чужих», конкретно — о путешествиях во времени. Ну, немного Стивена Кинга… Словом, маленький остров ревнителей традиций — и разливанное море кинематографической ксенофилии. И коль скоро оно такое большое, давайте попробуем разобраться, откуда оно взялось.

Во-первых, представляется очевидной связь этого кинотренда с глобализацией экономики — объективным процессом,

важнейшим последствием которого является «размытие» традиционных культур и обществ с замещением последних стандартизованной цивилизацией. Грубо говоря, устранение извечного предубеждения к Чужим приносит существенные экономические выгоды транснациональным корпорациям, которые заинтересованы в свободном перемещении товаров и рабочей силы. Им вовсе не нужно, чтобы вывезенные в Америку китайские и индийские ученые сталкивались с ку-клукс-кланом, им не нужно, чтобы в России или во Франции кто-то протестовал против «Макдональдсов». Разумеется, аналогичные вещи происходят не только в фантастическом, но и в реалистическом кино («Играй как Бэкхем», 2002). И это вполне понятно, учитывая, что большая часть киностудий и прокатных контор принадлежит сегодня именно транснациональным корпорациям.

Во-вторых, здесь прослеживается и комплекс вины, который, бесспорно, присутствует в западном общественном сознании в связи с грехами эпохи колонизации. Иногда это выявляется наглядно. Скажем, в упоминавшемся мультфильме «Второй Ренессанс» один из кадров воспроизводит известнейшую фотографию «Офицер южно-вьетнамской армии расстреливает партизана». В мультфильме на коленях стоит расстреливаемый робот.

В-третьих, кое-кто из режиссеров готов оправдать любые действия Чужих в порядке социального протеста, потому что люди «еще хуже». Яркий пример — опять-таки Ромеро. Еще в «Ночи живых мертвецов» он вывел главным положительным персонажем негра, которого в конце фильма, приняв за зомби, убивала полиция. Сама картинка, само построение кадра было обличительным… В «Земле мертвых» все гораздо глупее. Город, который там показан, — последнее пристанище цивилизации. А правит в нем олигарх с «говорящей» фамилией Кауфман, устроивший на этом клочке земли жесточайшее социальное неравенство. К счастью, в финале он гибнет, не успев увезти свои чемоданы с деньгами. О том, что в данной обстановке ни ассигнации, ни даже золото не будут иметь никакой ценности, Ромеро даже не задумался… Достойным преемником этого режиссера оказался англичанин Дэнни Бойл. В его ленте «28 дней спустя» (2002) поведение «зараженных», в которых проник «вирус ярости», мало чем отличается от поведения некоторых «здоровых», а именно — солдат. О всегдашней агрессивности рода человеческого и его склонности к самоуничтожению в картине говорится прямым текстом.

Напоследок выскажу и фантастическую версию, пусть она и не покажется кому-то оригинальной. Если Земля уже находится

под контролем Чужих, которым рано или поздно придется открыться перед нами, то общественность надо мягко приучить к мысли, что жить с Чужими, жить чужим умом — это, как минимум, приемлемо, а то и просто замечательно. Кино же по-прежнему остается «важнейшим из искусств». И если однажды выяснится, что деньги на подобные фильмы давали коварные алиены, лично я совершенно не удивлюсь.

ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ

А вы, случайно, не ощущаете влияния инопланетных сил (Чужих) на свое творчество? Никогда не возникало ощущения, что едва вы касаетесь темы пришельцев, как кто-то незримый указывает вам, КАК правильно подать инопланетный образ читателям-землянам?

Алексей КАЛУГИН:

Да о чем вы говорите! Как же не влияют! Чужие давно и прочно обосновались среди нас. И даже странно, что почти никто этого не замечает. Их много, и они разные.

Кому не доводилось испытывать странного ощущения, когда, разговаривая с человеком на одном вроде бы языке, вдруг ясно осознаешь, что не понимаешь собеседника? А если послушать, как говорят телеведущие, дикторы и «звезды», становится ясно, что так издеваться над родным языком ни один нормальный человек не способен. Тут мы имеем дело с пришельцами из параллельных миров, которые и наш мир хотят причесать под свою гребенку.

Второй тип чужих — это дети. Когда общаешься с ними, отчетливо понимаешь, что это пришельцы из другого времени. Мы живем в прошлом, а они — в будущем. И нам страшно повезло, что мы встретились на пересечении этих двух временных отрезков. Эти пришельцы не желают нам зла, они всего лишь хотят, чтобы мы им не мешали.

И наконец, третий, самый кошмарный тип чужих. Не знаю, откуда они явились, что у них на уме и что они затевают, но, совершенно определенно, ничего хорошего от них ждать не приходится. Это — политики, чиновники и прочие государственные деятели. Когда я вижу их на экране телевизора, рука сама собой тянется к книжной полке, где стоят «Похитители плоти» Джека Финнея. Неужели с ними действительно невозможно бороться?

Александр БАЧИЛО, Игорь ТКАЧЕНКО:

Нужно откровенно признаться, что от автора, собственно,

вообще ничего не зависит. Он может страстно желать что-нибудь написать, но не сможет выдавить из себя ни строчки, пока где-то в небесах зеленая пупырчатая рука не перекинет тумблер и не включит для него так называемое вдохновение.

Бывает и наоборот (правда, значительно реже). Среди ночи вас вдруг поднимает с постели мощный творческий импульс и, не дав умыться-побриться, гонит за клавиатуру компьютера. Помните, как у Пушкина: рука тянется к перу, перо к бумаге, а человек, называющий себя писателем, продолжает спокойно спать.

Есть счастливцы, творческий тумблер которых заело в положении «Вкл.». Они постоянно что-то строчат на клочках бумаги, тычут стилосом в экранчик КПК или интимно нашептывают любимому диктофону. Многотомные собрания их сочинений отягощают собой полки книжных магазинов и лучше, чем что-либо другое, раскрывают вкусы небесных сил, управляющих людским творчеством. Очевидно, инопланетянам больше всего нравятся бесконечные саги об эльфах, гномах, вампирах и космических спецназовцах. Впрочем, возможно, они просто готовят человечество к его близкому будущему.

Так или иначе, написать что-либо без вмешательства извне невозможно.

Крепкий кофе, сигареты и шоколад — это всего лишь припой для надежного контакта с каналом, по которому к нам поступает информация от хозяев.

Попробуйте написать что-нибудь вопреки их желанию — вы сейчас же услышите, как за стеной взвоет соседская дрель, этажом выше начнут циклевать паркет, а внизу грянет свадьба с криками «Горько!» в сотню глоток, непременной дракой и караоке под Сердючку: «Хорошо! Все будет хорошо!»

Опытные авторы, к которым мы причисляем и себя, давно уже смирились с таким положением вещей. Они не тужатся, подбирая непослушные слова, не выдавливают из себя литературу по капле, руководствуясь дурацким принципом «ни дня без строчки», а смиренно ждут вдохновения, покуривая и потягивая кофеек.

Если небесам будет угодно, дойдет очередь и до их тумблера, и тогда только успевай записывай, будто под диктовку: «Джек поднял свою левую ногу на высоту головы противника, крутнулся на правой пятке и нанес сокрушительный удар в челюстно-лицевой сустав. Негодяй покатился по земле, разбрызгивая зеленую маслянистую жидкость».

Остается лишь надеяться, что инопланетяне неспроста гонят в писательские головы всю эту пургу, ведь ни одно разумное существо не может желать зла другому разумному существу.

А значит: «Хорошо! Все будет хорошо!»

Сергей СИНЯКИН:

Я — фантаст.

С тех пор как пришельцы принялись формировать свой положительный имидж среди жителей Земли, работы у меня прибавилось. Следует убедить среднего землянина, что зубастые ротохваты с Антареса добры, что защечники с Бетельгейзе бескорыстны и честны в расчетах, а много-членники с Плеяд не проявляют сексуальной агрессивности по отношению к землянкам. Сириусянские хомоеды просят меня разъяснить, что они с одинаковым вниманием относятся к любому жителю нашей планеты, независимо от национальности и религиозных убеждений. Едуны с Алькора платят мне за то, что я показываю их безобидными травоядными. Обитатели системы Денеба просят разъяснить человечеству, что они не собираются порабощать его, у них на планете давно воцарились равенство, братство и справедливость и даже последний землепашец имеет не менее трех рабов. Работы у меня хватает. Ведь все эти расы давно уже прижились у нас на Земле, достаточно внимательно изучить состав Конгресса США или Государственной думы России.

За создание положительного имиджа инопланетного гостя мне хорошо платят. Пожалуй, нет такой галактической валюты, которая не хранилась бы в подвалах моего дома.

Насколько мне известно, мои коллеги тоже работают в этом направлении. Недавно Е. Лукин закончил рассказ, в котором, отвлекая внимание от инопланетных гостей, взвалил ответственность за все беды человечества на коренных русскоязычных жителей Москвы. Лео Каганов на днях обратился с предложением поменять мешок фарсаймов на пятьсот ригелианских стозевок, мотивируя, что ему негде держать мешки с фарсаймами в тесной московской квартире. Более всего удручают молодые, перехватывающие выгодные заказы прямо из-под носа. И все-таки я сдерживаюсь. Бизнес есть бизнес. Счастье, что о нем пока ничего не знают Маринина, Донцова, Незнанский и остальная наглая компания детективщиков. Правда, пока мы не можем потратить галактическую валюту, но это явление временное — надо лишь подождать, пока человечество не доберется до ближайших звезд. Вот тогда-то мы все и развернемся на всю ширь жаждущей счастья души.

При условии, конечно, что человечество уцелеет, останется свободным, доберется до звезд и там не придется кому-то платить за создание положительного имиджа человека с планеты Земля.

ПУБЛИЦИСТИКА

МИРЫ, В КОТОРЫХ МЫ ЖИВЕМ

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

В № 7 за этот год известный фантаст и постоянный автор нашего журнала уже поделился с читателями своим отношением к эвереттике, учению о множественности «ветвящихся» миров, которое Павел Амнуэль разрабатывает как писатель и в которое верит как ученый… Не он единственный: в последнее время эта тема становится популярной в зарубежной НФ. Учитывая, что о научных (если так можно выразиться) аспектах журнал рассказал в № 1 за 2006 год — в послесловии к повести Грега Игана «Синглетон», — мы попросили фантаста обратить внимание прежде всего на литературные возможности этой теории.

Многомирье — это представление о космосе, состоящем из множества миров, существующих одновременно с нашим; предположение о том, что есть «на самом деле» не единственная Вселенная, представленная нашему опыту, но множество вселенных, отличающихся от нашей и развивающихся независимо. Многомирье связано с нашим миром самыми разными отношениями — духовными и материальными.

О Многомирье сейчас говорят все чаще — и не только писатели-фантасты. Точнее, фантасты как раз рассказывают о Многомирье не так часто, как физики. Почему-то странные и очень интересные идеи Многомирья в нынешней фантастике либо вообще не показаны, либо предъявлены с одной только стороны — как существование параллельных миров. Тоже интересно, но это самый простой взгляд на сложнейшую и далеко не до конца понятую учеными проблему.

Давайте, однако, начнем с начала.

Концепция существования иных миров, отличных от нашего, возникла в литературе гораздо раньше, чем в науке. Произошло это в XVIII веке. Помните: в «Кандиде» Вольтера Панглос заявляет, что «все к лучшему в этом лучшем из миров»? Вот и получается, что наш мир, по крайней мере, один из многих — лучший, конечно, но не единственный. Однако вплоть до XX века идея Многомирья ни в фантастике, ни в науке своего развития не получила.

В 1895 году Герберт Уэллс опубликовал роман «Машина времени» и рассказ «Дверь в стене», открыв для фантастики два принципиально новых литературных поля: возможность

путешествий во времени и существование параллельных миров. Для литературы идея «Двери в стене» была столь же революционна, как идея Эверетта (высказанная 62 года спустя) для физики. Но, как это часто бывало в истории литературы, поначалу новые идеи не очень-то вдохновили авторов тогдашней фантастики: было много и других тем, не столь, видимо, экзотичных как для писателей, так и для читателей.

В 1910 году, например, был опубликован рассказ русского автора Николая Морозова «На границе неведомого» — уэллсовская идея Иномирья была повторена, но дальнейшего развития все же не получила.

В 1923-м Герберт Уэллс вернулся к своей идее параллельных миров и поместил в один из них утопическую страну, куда отправились персонажи романа «Люди как боги». Роман заметили, но больше, впрочем, как произведение утопическое, а не научно-фантастическое. В 1926 году появился рассказ Григория Дента «Император страны «Если», а еще два года спустя — «Катастрофа пространства» Сергея Красновского и «Бесцеремонный Роман» Владимира Гиршгорна, Игоря Келлера и Бориса Липатова. В рассказе Дента впервые была высказана идея о том, что могут существовать страны (миры), история которых могла пойти не так, как история реальных держав в нашем мире. И что важно: государства эти не менее реальны, чем наши. Персонажи «Бесцеремонного Романа» попадают в прошлое, вмешиваются в исторические события, в результате чего направление развития человечества меняется, возникает иной мир, «боковая линия истории», отличающаяся от нашей.

В 1944 году Хорхе Луис Борхес опубликовал в своей книге «Вымышленные истории» рассказ «Сад расходящихся тропок». Здесь идея ветвления времени, впоследствии развитая Эвереттом, была выражена с предельной ясностью:

«Стоит герою любого романа очутиться перед несколькими возможностями, как он выбирает одну из них, отметая остальные; в неразрешимом романе Цюй Пэна он выбирает все разом. Тем самым он творит различные будущие времена, которые, в свою очередь, множатся и ветвятся…

В отличие от Ньютона и Шопенгауэра, ваш предок не верил в единое, абсолютное время. Он верил в бесчисленность временных рядов, в растущую головокружительную сеть расходящихся, сходящихся и параллельных времен… Вечно разветвляясь, время ведет к неисчислимым вариантам будущего».

Тогда же, в сороковых годах прошлого века, классик американской фантастики Джек Уильямсон написал в рассказе «Легион времени» такие слова: «Число возможных геодезических

ветвлений бесконечно растет по прихоти субатомной неопределенности».

Вполне по-научному изложено, в отличие от литературной, но, как показало время, тоже вполне научной концепции Борхеса.

Несмотря на появление этих произведений, фантасты начали серьезно развивать идеи Многомирья лишь в середине пятидесятых годов XX века, примерно тогда же, когда аналогичная идея возникла в физике. И популярной эта идея в фантастике стала, как ни удивительно, не из-за «Двери в стене» или «Сада расходящихся тропок»: фантасты пришли к идее ветвлений мироздания, раздумывая над странными парадоксами путешествий во времени.

Герберт Уэллс в «Машине времени» впервые описал перемещение персонажа в будущее и прошлое по той единственной временной линии, которая существовала в представлении человека о природе времени, как о последовательности событий. После Уэллса в течение примерно полувека многочисленные авторы в сотнях хороших и плохих произведений описывали историю будущего так, как они ее представляли, но при этом ни у кого не было сомнений в том, что прошлое безальтернативно, вся история не только человечества, но и мироздания в целом до настоящего момента уже свершилась и не может быть изменена. О будущем и говорить нечего: именно к нему, единственному, мы движемся в потоке времени.

Квантовая механика (в так называемой копенгагенской трактовке) говорила то же самое: да, уравнение движения частицы, описываемое ее волновой функцией, имеет, в принципе, не одно, а множество решений, но ведь мы наблюдаем единственный результат взаимодействия! Значит, все, кроме одного, решения волнового уравнения физического смысла не имеют. Как говорили физики, все «лишние» решения волнового уравнения «коллапсируют», исчезают в тот момент, когда происходит взаимодействие. Остается одно-единственное решение, которое и описывает состояние нашего реального мира, нашей неповторимой Вселенной. Обладающей единственным прошлым и, конечно, единственным будущим.

Вернемся, однако, к фантастике.

Айзек Азимов в романе «Конец Вечности» (1952) довел до совершенства уэллсовскую идею путешествий во времени, но и он не покусился на основополагающий принцип единственности оси времени и перемещения человечества из прошлого в будущее по этой единственной оси. Да, существует свобода воли, и потому Вечные в романе Азимова меняют по собственному свободному выбору те или иные события в истории с благой целью улучшения

человеческого бытия. Но изменение причины вызывает изменения всех следствий — меняется событие в истории, меняется и вся история после этого события. Для человека, находящегося внутри этого мироздания и движущегося вдоль оси времени, не меняется ничего, и лишь для Вечных, живущих вне временного потока, ясна суть происходящего: не истинная многовариантность времени, впрочем, а лишь потенциальная многовариантность. Ведь ось времени одна и для самих Вечных, только события, нанизанные на нее, изменяются в зависимости от изменений в той или иной точке оси.

Качественный скачок произошел в 1956 году: был опубликован небольшой рассказ Джона Уиндема «Хроноклазм». Писатель задал простой вопрос: если существует (в фантастике, разумеется) возможность перемещения по оси времени не только в будущее, но и в прошлое, то кто запрещает персонажу отправиться на сотню лет назад и убить собственную бабушку прежде, чем она встретит на жизненном пути своего будущего супруга — дедушку нашего персонажа?

Собственно, не обязательно быть таким кровожадным — достаточно уговорить девицу не ходить на тот бал, где, как внуку уже известно, случайно произошла достопамятная встреча.

Если бы девушка согласилась, встреча не произошла бы, не родился бы отец (или мать) нашего героя и сам герой не мог бы появиться на свет.

Но ведь появился! Он существует, он отправляется в прошлое, уговаривает бабушку…

Получается, что в поставленной писателем задаче существуют события, не имеющие причины?

Фантастика этот парадокс разрешила: возникли идеи о том, что если изменить что-либо в прошлом, то линия времени расщепляется, история начинает идти по иному, альтернативному пути, но и прежний путь, прежняя Вселенная продолжает существовать, поскольку она уже есть, ее «мировая линия» не может исчезнуть.

С «Садом расходящихся тропок» Борхеса и «Хроноклазмом» Уиндема в литературу пришла новая парадигма, существенно увеличившая физическую Вселенную. Да, человек обладает свободой воли. Он может совершить любой выбор. В результате ось времени расщепляется, в будущее протягиваются две независимые временные линии. Событие может быть изменено вновь, и линия расщепится еще раз. Иными словами, время оказывается не осью, не лучом, но разветвленным деревом, причем число ветвей не только может быть сколь угодно большим (и следовательно, сколь угодно большим может быть число

мироздaний), но и число это бесконечно увеличивается, ибо свобода воли позволяет человеку влиять на события, создавая все новые и новые варианты будущего.

Независимо от писателей-фантастов к аналогичному представлению о мироздании пришли физики — точнее говоря, один из физиков по имени Хью Эверетт-младший.

Эверетт занимался сложной научной проблемой, связанной с определением волновых функций. Как известно, электрон в одной ситуации может проявлять себя, как частица, в другой — как материальная волна, не имеющая четких границ ни в пространстве, ни во времени. Масса электрона (да и любой другой элементарной частицы) так мала, что любое измерение сказывается на его движении, ставя частицу «перед выбором» дальнейшей траектории. До Эверетта физики считали, что происходит этот выбор случайным образом, ведь у элементарной частицы, в отличие от человека, нет свободы воли!

Эверетт произвел в физике революцию, заявив: «Свободы воли и права выбора у элементарной частицы действительно нет, но это означает, что в любой момент времени осуществляются все возможности выбора, только каждая — в своей вселенной». Иными словами: если в каком-то физическом процессе возможны не один, а два или несколько вариантов развития, то осуществляются в реальности все варианты без исключения.

Но мы-то наблюдаем какой-то один вариант! Все правильно. Просто другие варианты осуществляются в другой вселенной. Каждый момент времени наша Вселенная расщепляется, а поскольку событий в любое мгновение происходит множество, то и расщепляется наш мир на великое множество почти неотличимых копий, каждая из которых развивается по-своему. И потому на самом деле существует не одна Вселенная — та, что представлена нашему взору и сознанию, — а великое множество вселенных, которое современная физика и называет Мультиверсом, или Многомирьем.

23 апреля 1956 года Эверетт успешно защитил свою диссертацию, и в тот день Вселенная наверняка расщепилась — возникла ветвь мироздания, в которой диссертацию защитить не удалось и опечаленный Эверетт бросил занятия теоретической физикой.

В нашей же реальности Эверетт изложил свои идеи в июле 1957 года в статье «Формулировка квантовой механики через соотнесенные состояния», опубликованной в престижном журнале «Reviews of Modern Physics».

Научный мир предпочел не заметить статью молодого

ученого. Ее так упорно обходили вниманием, что лет двадцать спустя профессор Джеммер назвал работу Эверетта «одним из самых крепких секретов нашего века».

В конце семидесятых годов физики стали наконец упоминать работу Эверетта в своих публикациях, но известным его имя сделали писатели-фантасты. Путешествия и приключения героев в разных вариантах Вселенной стали в фантастической литературе столь же популярны, как и путешествия во времени, а журнал «Analog» опубликовал об Эверетте большую статью. Известный американский космолог Джон Уилер (руководитель диссертационной работы Эверетта), в то время преподававший в университете Остина в штате Техас, показывал статью коллегам, рассказывая, что именно он дал путевку в жизнь теории, изменившей мир.

Главное в идее Мультиверса — проблема выбора. Выбор происходит не только при элементарных взаимодействиях, но и при любых физических процессах, огромное число которых случается в Универсе (нашей Вселенной) каждое мгновение. При такой трактовке ветвление мироздания происходит, в частности, и тогда, когда вы утром решаете, выпить чаю или кофе, когда по дороге на работу переходите дорогу на красный свет или ждете зеленого. Вы выбираете — поспорить с начальством или стерпеть незаслуженный упрек, купить ребенку игрушку или новый костюмчик… И всякий раз, какой бы выбор вы ни сделали, Вселенная ветвится, и возникают новые ветви Мультиверса.

Это выглядит фантастическим, но современная физика находит все больше аргументов в пользу эвереттики и гипотезы Мультиверса. Нынешние космологические представления эвереттичны по сути, включая новейшую гипотезу о природе темного вещества и энергии. Известный русский физик Андрей Линде, автор космологической теории инфляции, выступая в декабре 2005 года в МГУ, говорил о Многомирье как о прямом следствии своей инфляционной модели. С этим мнением согласны такие авторитеты, как Джон Уиллер, Брюс Де Витт, Мюррей Гелл-Манн, Джулиан Барбур, Мартин Рис, Дэвид Дойч… Российский физик Михаил Менский опубликовал в 2005-м в «Успехах физических наук» (а затем в своей книге «Человек и квантовый мир») теорию о том, что реальность есть отображение с различных точек зрения единого кристалла бесконечно сложной формы — Мультиверса. Этот символ получил в физике название «кристалла Менского». Другой российский ученый Юрий Лебедев, автор книги «Неоднозначное мироздание» (2000), ввел в обращение определение «склеек» — ситуаций взаимодействия двух или нескольких ветвей Мультиверса. Развиваются даже идеи

эвереттической истории, с которыми более детально можно ознакомиться на сайте Международного института эвереттических исследований: http://www.everettica.org/index.html.

29 мая 2007 года в МГУ прошел международный семинар «Время и история с точки зрения эвереттики», посвященный 50-летию выхода в свет статьи Эверетта. В подготовке и проведении семинара участвовали ученые различных специальностей — доктора и кандидаты физико-математических, технических, философских, исторических и даже медицинских наук из академий, университетов, научно-исследовательских центров России, Белоруссии, Украины, Израиля и Германии. К участникам семинара обратился с приветствием физик с мировым именем Макс Тегмарк (Массачусетский технологический институт, США).

Десять лет назад 58 % ведущих американских физиков допускали, что трактовка Эверетта «возможна», 13 % полагали, что она «скорее правильная, чем ошибочная», и только 18 % отвергали возможность существования Мультиверса. За прошедшие годы число приверженцев эвереттики лишь увеличилось. Лауреат Нобелевской премии, известный физик Стивен Вайнберг сказал во время одной из своих лекций: «О Мультиверсе существует многообразие мнений, и точки зрения ученых значительно отличаются. В аэропорту Остина, по пути на эту встречу, я заметил на прилавке октябрьский выпуск журнала «Астрономия», имевший на обложке заголовок: «Почему вы живете в множественных вселенных». Внутри я нашел сообщение о дискуссии на конференции в Стэнфорде, где Мартин Рис сказал, что он уверен в реальности Мультиверса настолько, чтобы держать пари на жизнь его собаки, в то время как Андрей Линде заметил, что готов держать пари на свою собственную жизнь. Что касается меня, то у меня достаточно веры в Мультиверс, чтобы держать пари на жизнь и собаки Мартина Риса, и Андрея Линде».

Идея параллельных и разветвляющихся миров оказалась не менее богатой в литературном отношении, нежели идеи путешествия во времени и контакта цивилизаций. Однако, несмотря на огромное количество фантастических произведений о параллельных мирах, на самом деле не так уж много таких, где предлагался бы качественно новый опыт, давалось бы новое, оригинальное объяснение тому или иному мысленному эксперименту. И совсем пока мало в фантастике истинно эвереттических идей, мало произведений, в которых Многомирье существует не в форме «параллельных вселенных», а как бесконечно сложная, ветвящаяся структура со своими законами и

неисчислимыми возможностями для увлекательных и оригинальных идей и сюжетов.

Одним из пионеров нового направления в фантастике был Джон Биксби, предположивший в рассказе «Улица одностороннего движения» (1954), что между мирами можно двигаться лишь в одну сторону. Отправившись из своего мира в параллельный, вы уже не вернетесь назад, так и будете переходить из одного мира в следующий. Впрочем, возвращение в свой мир также не исключается — для этого необходимо, чтобы система миров была замкнута, и где-то когда-то переход из мира N в мир N + 1 вновь привел бы героя в мир № 1, тот, из которого он родом.

В 1957 году (одновременно с публикацией статьи Эверетта) американский фантаст Филип Дик опубликовал роман «Глаза в небе», действие которого происходило в параллельном мире.

В 1962-м был опубликован роман английского писателя Джона Браннера «Времена без числа» — о мире, в котором Испанская армада не погибла во время морского перехода, а благополучно добралась до берегов Англии, высадила десант и победила.

В романе Клиффорда Саймака «Кольцо вокруг Солнца» (1982) описаны многочисленные планеты Земля, существующие каждая в своем мире, но на одной и той же орбите, и отличаются эти миры и эти планеты друг от друга лишь незначительным (на микросекунду) сдвигом во времени. Многочисленные Земли, которые посещает герой романа, образуют единую систему миров.

Саймак неоднократно возвращался к проблеме параллельных миров — кроме «Кольца вокруг Солнца» можно упомянуть опубликованные ранее роман «Вся плоть — трава» (1965) и рассказ «Пыльная зебра» (1954), ставший «прародителем» множества аналогичных произведений других фантастов.

Любопытный взгляд на ветвление миров высказал Альфред Бестер в рассказе «Человек, который убил Магомета» (1958). «Меняя прошлое, — утверждал герой рассказа, — меняешь его только для себя». Иными словами, после изменения прошлого возникает ответвление истории, в котором лишь для персонажа, совершившего изменение, оно и существует. Несколько десятилетий спустя идея «личного прошлого» пришла и в физику — как это часто бывает не из фантастики, а в результате развития эвереттических идей и гипотез.

В 1962 году был опубликован роман советских авторов Ариадны Громовой и Рафаила Нудельмана «В институте времени идет расследование» — классический фантастический детектив,

действие которого начинается с убийства научного сотрудника. Сыщик расследует преступление, которое невозможно понять, не осознав, что время ветвится, что каждое новое изменение в прошлом порождает новую ветвь мироздания, причем старое и новое существуют независимо друг от друга. Именно так описывал ветвление волновых функций Хью Эверетт пятью годами ранее. Однако для фантастики произведение Громовой и Нудельмана было новаторским, именно в нем идея ветвления впервые была перенесена с микро- на макроуровень.

В 1968-м английский фантаст Брайан Олдисс опубликовал роман «Доклад о вероятности А». Это произведение действительно построено в форме научного доклада, написанного различными наблюдателями, следящими каждый из своего мира за событиями, происходящими в мире параллельном. Каждый из миров назван «вероятностью», поскольку возник как осуществление некоего события, возможного в каждом из этих миров.

Шестидесятые годы прошлого века стали временем интенсивной разработки идеи Многомирья в самых разных ее вариантах. Это и параллельные миры, развивающиеся независимо друг от друга, это и миры, развивающиеся независимо, но связанные друг с другом множеством подпространст-венных переходов, это миры, друг из друга вытекающие, как ручьи… Трудно назвать фантаста шестидесятых-семидесятых годов, который не написал бы романа, повести или хотя бы рассказа на тему о многочисленных вариантах нашего мироздания, о возможности прожить несколько альтернативных жизней, а человечеству — пережить множество альтернативных исторических событий.

По большей части это были миры, физически мало отличающиеся от нашего, — варьировались поступки героев (например, «Лавка миров», 1959, и «Три смерти Бена Бакстера», 1957, Роберта Шекли), человеческие судьбы («Дракон» Рэя Брэдбери, 1955) и судьбы целых народов (например, в романе «Трансатлантический туннель, ура!», 1972, Гарри Гаррисон описал мир, в котором Джордж Вашингтон был убит, а потому американская революция не состоялась). Развилки во времени, менявшие историю Земли, происходили в далеком прошлом, когда нашу планету населяли динозавры (трилогия об Эдеме Гарри Гаррисона, 1984–1988), и в недавней истории («Гамма времени» Александра и Сергея Абрамовых).

Развилки и ветвления могут приводить к самым неожиданным последствиям. В цикле романов Рэндалла Гаррета «Слишком много волшебников» (1966) развилка произошла в

средние века, когда люди интенсивно интересовались магией и в результате сумели направить развитие цивилизации по принципиально иному пути. Не наука получила право на жизнь, а магия, и к XX веку в Англии совершают преступления и разгадывают детективные загадки маги и волшебники, пользующиеся потусторонними силами так же легко, как в нашей «вероятности А» мы пользуемся простыми физическими законами.

Чрезвычайно популярны фантастические произведения, написанные в поджанре альтернативной истории. Внешне это выглядит как эвереттический взгляд на мир: когда-то некое событие произошло не так, как в нашей реальности, а иначе, и история пошла иным путем. Однако на самом деле альтернативная история — это некий вариант параллельных вселенных, здесь не происходит ветвлений, нет (как в романе «В институте времени идет расследование») развития нескольких ветвей мироздания. Нет главного, что отличает эвереттическую фантастику — нет Многомирья.

В романе Андрея Лазарчука «Каждый, кто может держать оружие» (1996) историческая развилка та же, что была «исследована» Филипом Диком в романе «Человек в высоком замке»: вторая мировая война заканчивается победой Германии, Россия завоевана, действие романа Лазарчука происходит много лет спустя после «исторической победы».

Интересен цикл альтернативно-исторических романов Хольма Ван Зайчика (2000–2005), в котором рассказывается о событиях, происходящих в государстве Ордусь, возникшем в годы завоевания Руси татаро-монголами.

Фантастические идеи, связанные с Многомирьем и параллельными мирами, можно разделить на две категории. Первая и самая популярная: идеи типа «что было бы, если бы…» Что произошло бы, если бы татаро-монголы и русские создали единую империю? Что случилось бы, если бы Гитлер победил? Что было бы, если бы Авраама Линкольна не убили? Таких произведений в фантастике огромное количество. Однако они мало что дают для развития самой идеи ветвления, это сугубо литературные, а не научно-фантастические идеи. Используя западную терминологию, можно назвать это направление soft SF Многомирья.

Вторая категория: новые научно-фантастические идеи о структуре и законах Мультиверса, идеи о том, как взаимодействуют различные ветви Многомирья. Таких идей в фантастике пока немного, хотя именно они, как в свое время идея хроноклазма, могли бы придать новый импульс развитию

направления в фантастической литературе, которое можно назвать hard SF Многомирья. Ведь новые идеи такого рода значительно расширяют и поле чисто литературных идей, поле сюжетов и, как следствие, увеличивают эмоциональное воздействие описываемого мира (миров!) на читателей.

В американской фантастике интересен в этом смысле роман Дина Кунца «Краем глаза» (1999). Развитие теории Многомирья состоит здесь в возможности взять из идеи каждого мира понемногу — так, чтобы там это оказалось незаметно, а здесь получить результат.

К hard SF относится идея повести Грега Игана «Синглетон». Однако, в отличие от Кунца, Иган не предлагает новую эвереттическую идею, он лишь иллюстрирует своим произведением определенные положения теории о Многомирье.

О возможности постановки решающего физического эксперимента для доказательства эвереттовской гипотезы Многомирья говорится в научно-фантастическом очерке Юрия Кемиста «Мама» (2007).

Научно-фантастическая литература часто описывает еще не осуществленные научные проекты, еще не сделанные открытия и идеи. Примеров тому достаточно много (голография, лазеры, клонирование и пр.), один из них — предвидение Многомирья. Фантастические идеи не обязаны находиться в полном согласии с современными научными представлениями. Научно-фантастическая идея (как и научная!) может выглядеть безумной, но должна оставаться внутренне непротиворечивой. Это касается и эвереттики.

Вот уже несколько лет я и сам пытаюсь придумать что-то новое в эвереттической hard SF Удачно или нет — судить не мне, но некоторые свои идеи перечислю.

В романе «Тривселенная» (1999) речь идет о трех параллельных вселенных, возникших в результате Большого взрыва. Одна из вселенных (наша!) материальна, другая состоит из нематериальных идей, а в третьей законы природы позволяют идеям переходить в материальную форму, а материи — обращаться в идеи.

Роман «Дорога к себе» (2004): несколько человек, живущих на Земле, на самом деле являются частями многомерного существа — мультивидуума. Гипотеза о том, что разумное существо является мультивидуумом, живущим во многих разветвившихся вселенных, сейчас становится предметом изучения в эвереттике, а для фантастики это просто кладезь необычных сюжетов, странных характеров и увлекательных приключений!

Идея повести «Шесть картин» (2005): различные ветви

Мультиверса соеденены друг с другом бесконечным количеством связей, которые постоянно проявляются в повседневной жизни. Связи эти спонтанны и неожиданны, проявиться могут в любом месте и в любом времени. Мы постоянно это ощущаем и видим, но не придаем значения.

В повести «Что там, за дверью?» (2005) различные ветви Мультиверса смещены друг относительно друга во времени, и те миры, которые мы называем «загробными», на самом деле являются вполне материальными, но сдвинутыми относительно нашего вперед во времени.

Герою рассказа «Голубой Альциор» («Если», № 7, 2006) удается управлять «склейками» миров — он спасает от смерти свою дочь, но законы сохранения в Многомирье по-прежнему неумолимы: умирает девочка, живущая в другой ветви Мультиверса…

Литературная идея рассказа «Зеленый лист» («Если», № 1, 2007): личное счастье возможно лишь после обретения себя и осознания себя как мультивидуума. Научно-фантастическая идея рассказа: существует двумерное пространство, в котором есть только фотоны, обволакивающие ветви Многомирья и позволяющие им существовать раздельно и не пересекаться. Когда «просвет» истончается, возникают «склейки»…

Если мы действительно живем в постоянно ветвящемся мироздании, то проблема правильности предсказаний будущего приобретает новый смысл. Критики пророков, астрологов, ясновидцев и писателей-фантастов часто обвиняют всех или кого-нибудь конкретно в том, что их пророчества, прогнозы и предсказания не сбылись. Нужно, однако, иметь в виду, что увиденное в состоянии транса, рассчитанное по астрологическим знакам или придуманное в результате анализа прошлых научных достижений может быть на самом деле полным и ясным отражением реальности, но не нашей, а возникшей на другой ветви Мультиверса. На одной из того множества ветвей мироздания, где оказались не мы, а те, кто осуществил в свое время иной выбор.

Чем более разветвлен Мультиверс, чем больше выборов в нем осуществляется, тем меньше вероятность того, что пророк предвидит событие, происходящее именно на нашей ветви, а не какой-то иной. И поскольку ветвления мироздания происходят каждое физическое мгновение, то древо Мультиверса со временем становится все более ветвистым, и все больше шансов, что пророк или предсказатель увидит не свое будущее и предскажет то, что никогда на нашей ветви не произойдет.

Древние пророки, предсказатели, сивиллы и оракулы умели правильнее предсказывать, чем нынешние их коллеги, по той причине, что две тысячи лет назад вероятность ошибиться была меньше, чем сегодня. Три тысячелетия назад пророки ошибались еще реже, потому что меньше была их возможность выбора, вероятность попасть взглядом или мыслью на «чужую» ветвь Мультиверса.

Если сопоставить число осуществившихся пророчеств с числом ошибочных, то можно, в принципе, оценить количество наиболее важных ветвлений Мультиверса — тех ветвей, куда имеет шанс заглянуть пророк в своих снах и видениях, являющихся, по сути, обычными физическими «склейками».

До появления эвереттики я бы сказал: не верьте астрологам, ясновидцам, экстрасенсам и даже писателям-фантастам при всей моей любви к этому литературному жанру. Но сейчас есть возможность выбора из двух гипотез: или современные пророки ошибаются, или они действительно предвидят будущее, но в другой ветви Мультиверса, куда нам — к счастью или сожалению — не попасть. Эти ветви в результате «склеек» так или иначе становятся видны специалистам, исследующим будущее развитие человечества.

Что до меня, то я выбираю последнюю гипотезу, а читателю предлагаю сделать выбор самому. В конце концов, именно индивидуальный выбор определяет, в какой ветви Мультиверса вам предстоит прожить оставшуюся жизнь.

Фантастика предвидела появление эвереттики, эвереттика же, утвердившись в науке, позволяет прийти к выводу об онтологической ценности всякой литературной фантазии, поскольку в результате практически бесконечного количества ветвлений мироздания, произошедших после Большого взрыва, в Мультиверсе могут существовать (и скорее всего, реально существуют) все или большая часть описанных фантастами (и тем более авторами-реалистами) миров. В этом смысле фантастическая литература, создаваемая в нашей Вселенной, может быть сугубо реалистической прозой в другой ветви Мультиверса.

Эвереттическая проза — реалистическая литература Многомирья.

РЕЦЕНЗИИ

Саймон БРАУН
НАСЛЕДСТВО. ОГОНЬ И МЕЧ
Москва: АСТ — Хранитель, 2007. — 729 с.
Пер. с англ. Н. Дружининой и В. Федорова.
(«Золотая серия фэнтези»).
3000 экз.
ГОСУДАРЬ
Москва: АСТ — Хранитель, 2007. — 509 с.
Пер. с англ. В. Федорова.
(Серия «Век Дракона»).
3000 экз.

Издательство «АСТ», хоть и несколько экстравагантным (в двух сериях сразу), но по результату совсем неплохим способом познакомило российских читателей с известной и сравнительно свежей трилогией австралийца Саймона Брауна.

Браун часто рассматривается критикой в числе восходящих звезд «высокой», эпической фэнтези. Что же, это вполне возможно. Во всяком случае, австралийская фэнтези даже в России не вызывает уже ироничных вопросов по поводу наличия на ее страницах кенгуру. Однако на всякий случай уточним: ни кенгуру, ни иной австралийской экзотики в трилогии не обнаруживается.

А что же там есть?

Обычный арсенал приемов классической авантюрной фэнтези. Прилично разработанный мир. Хитросплетения династических, политических и религиозных интриг. Вдоволь кровавых битв. Немного вампирской мифологии. Казалось бы, стандартная литература на любителей, которых, скажем прямо, немало. Правда, с одним очень существенным «но», которое может ограничить круг читателей.

Австралийцы давно известны в мире фэнтези как поборники всяческого ревизионизма. Вот и на страницах текстов Брауна идет ожесточенная, просто дарвинистская борьба за существование. Не борьба добра со злом. Даже, наверное, не большего с меньшим. Страдания как бы отрицательных героев вызывают сочувствие. Деяния как бы положительных персонажей омерзительны и ужасны. Финал — победа героического принца под вопли убиваемых и разоряемых жертв — наверное, весьма реалистичен. Но этого ли реализма ждет читатель от «литературы побега»? На самом деле это вопрос вопросов фэнтезийного ревизионизма. И Браун ставит его во всей остроте. Именно в этом смысле он и есть

явление на фэнтезийном небосклоне, заслуживающее внимательного прочтения.

Сергей Алексеев

Елена БЫЧКОВА, Наталья ТУРЧАНИНОВА
РУБИН КАРАШЭХРА. ЗАЛОЖНИКИ СВЕТА. ЛУЧЕЗАРНЫЙ
Москва: Армада — Альфа-книга, 2007. — 990 с.
7000 экз.

Сложившаяся в издательстве «Альфа-книга» практика выпуска огромных фолиантов, объединяющих тексты одного цикла одного автора, уже вызывала справедливые нарекания. Неудобно — в поездку не возьмешь, в метро не почитаешь… Однако в данном случае эта спорная традиция оправданна. Хотя бы потому, что три романа представляют собой не столько трилогию, объединенную общим местом действия и главными персонажами, сколько единое произведение, эпопею из трех частей. Читатель просто запутался бы и многое не понял, читай он трилогию в разрозненном виде.

Мир, созданный соавторами еще в 2002 году в повести «Бесценная награда», в трилогии получил наконец логичное космогоническое обоснование. Правда, чтобы это обоснование уяснить, двум наиболее симпатичным персонажам — ангелу Энджи и демону Гэлу, добрую половину книги выступающему в роли героя-рассказчика, пришлось совершить путешествие на пять тысяч лет назад. Лишь тогда выяснилось, как появились земли, за влияние на которые боролись ангелы и демоны. А один из главных персонажей оказался не просто заметным и привлекательным героем, но Денницей и Лучезарным, творцом данной реальности. Увы, эта реальность так и осталась зараженной Хаосом, а потому правят бал в ней силы зла. И Энджи с Гэлом необходимо что-то сделать, дабы изменить ситуацию в самом начале времен…

Искушенный в религиоведении читатель, конечно же, отметит гностические мотивы в концепции авторов. Только ничего страшного я в этом не вижу. Во-первых, в той или иной степени идеи гностиков свойственны большинству отечественных авторов фэнтези. А во-вторых, безотрадный гностический миф о нашем мире, созданном из Хаоса творцом-неумехой, Бычкова и Турчанинова преподносят в более оптимистической трактовке, давая в финале надежду на исправление и исцеление Вселенной. Причем делают это легко и занимательно, без навязчивой дидактичности.

Глеб Елисеев

Василий ГОЛОВАЧЕВ
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН
Москва: ЭКСМО, 2007. — 384 с.
(Серия «Абсолютное оружие»).
55 000 экз.

Василий Головачев в русской НФ — фигура более чем заметная. Дебютировав в далеком 1969-м рассказом «Великан на косогоре», писатель не сбавляет темпа до сих пор. Через тридцать восемь лет после старта романы Головачева не только продолжают выходить с завидной регулярностью, но остаются по-прежнему востребованными читателем. Правда, коллеги по цеху и фантастическая критика не всегда благосклонно воспринимали плодовитого автора: одни говорили о снижении качества произведений в угоду количеству, другие сетовали на то, что из надежды НФ он превратился в поборника мистических учений. Действительно, пик продаж и популярности для Головачева пришелся на середину 1990-х, когда в его творчестве была чрезвычайно сильна эзотерическая составляющая.

Однако новый роман московского писателя всецело принадлежит научной фантастике. Здесь вам и дальний космос — не просто расстояние между планетами, а сложная структура, сама по себе достойная всяческого внимания. Здесь и лихо закрученный сюжет, и непременная великая тайна, и шпионский детектив…

Главный герой, агент контрразведки Руслан Горюнов, оказывается втянутым в противостояние сил человечества и цивилизации чужих. Цели пришельцев туманны, действия отличаются наглостью и беспринципностью. Вселяясь в тела людей, они действуют подобно компьютерному вирусу, проникая не только в гражданские ведомства, но и в силовые структуры. Горюнов отправляется в самый центр шпионского конфликта, разыгравшегося вокруг строительства самого большого в истории человечества ускорителя частиц. Он собирается сорвать личины и узнать, кто есть кто в этом смертельном маскараде.

Пока молодые авторы играют в упырей и волколаков, мастера старой школы срывают чехлы с запыленных звездолетов.

Николай Калиниченко

Вадим ПАНОВ
ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МЕХАНИКА
Москва: ЭКСМО, 2007. — 448 с.
(Серия «Тайный город»).
80 000 экз.

Две последние книги Вадима Панова — «Таганский

перекресток» и «Занимательная механика» — показали значительный прогресс автора по сравнению с боевиками, принесшими ему коммерческий успех.

Батальных сцен не стало ни больше, ни меньше. Литературное качество медленно, но верно растет. Однако важнее другое: Панов вводит в художественную ткань этические мотивы, которые на страницах последних его текстов сложились в своего рода доктрину. Если не сказать — идеологию. В центре этической системы Панова — стремление к личному совершенству. Московский фантаст упорно, раз за разом возвращается к этой теме, разглядывая ее под разными ракурсами, в подробностях обсуждая узловые проблемы. Его «учение» состоит в том, что маршрут к личному совершенству, совершенству в том деле, которое ты избрал для себя главным в жизни, — наиболее достойный из всех маршрутов, ныне существующих в России. Человек, избравший его, должен запастись терпением, волей, отвагой. Но когда он минует определенную ступень, все его усилия окупятся сторицей. Собственно, дело не в том, что ему на голову упадет дар «искусничества» — особой магии личного совершенства, носители которой ведут в Москве жестокую войну между собой (именно такова сюжетная основа романа «Занимательная механика»). Просто эта личная стратегия, во-первых, сохраняет за человеком право на самоуважение, и во-вторых, она гарантирует уважение со стороны других людей. Во всяком случае, со стороны *достойных* людей.

Есть в пановской этике явственный ориентальный оттенок, модернизированная версия гражданского самурайства. Автор этих строк и для себя, и для страны предпочел бы иные стратегии. Но, во всяком случае, роман московского писателя достоин пристального внимания: в нем искренне и последовательно изложено мировоззрение, стоящее на порядок выше тупого стяжательства, угнездившегося у нас в 1990-е годы.

Дмитрий Володихин

Александр ЖИТИНСКИЙ
ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ
Москва: Яуза — ЭКСМО, 2007. — 448 с.
10 000 экз.

Что фантастического в романе Александра Житинского, человека, издревле родного миру фантастики? Попытка государственного переворота, которая должна была, теоретически, привести к восстановлению самодержавия в России, но обернулась, по большей части, каскадом флэшмобов?

Да это сама реальность — идеология, политика и современная практика информационной борьбы! Создание сети закрытых учебных заведений, где готовят государственных мужей будущей России? Собственно, после того, как на почве борьбы с закрытыми учебными заведениями акунинский Фандорин потерял возлюбленную, этот поворот сюжета потерял привкус фантастичности. Возникновение виртуальной Российской империи с царем Кириллом I во главе? Широко известный в Европе паспорт с пометкой в графе, где говорится о гражданстве, «Новое словенское искусство», напомнит: и тут ничего небывалого. Явление Богородицы? Оно-то как раз и выглядит наиболее чужеродным элементом в романе.

Элемент фантастического прежде всего содержится в отношении Александра Житинского к российской действительности.

На протяжении большей части романа Россия виртуальная теснит Россию настоящую. Под конец виртуальность вроде бы терпит поражение — хотя бы частичное, ограниченное — и уступает дорогу «семенам» новой России, которая создается в этих самых закрытых образовательных центрах архитекторами душ человеческих. Да. Но при всем том сам творческий стиль автора сделал действительность не слишком важной для читателя. Фактически, Житинский приравнял ее к фантасмагорическому набору символов, даже не символов, а юзерпиков-переростков.

Недаром центральный персонаж романа, Кирилл Демидов, государь виртуальной империи, выступая перед школьниками, говорит им, что нельзя ставить знак равенства между словами «виртуальный» и «ненастоящий». Ведь иногда это значит: «Более настоящий, чем реальность…»

Дмитрий Володихин

КРУПНЫЙ ПЛАН

ПОЛДЕНЬ МАКДЕВИТА
Джек МАКДЕВИТ. ДВИГАТЕЛИ БОГА. ОБРЕЧЕННАЯ. АСТ — ХРАНИТЕЛЬ

Сергей ШИКАРЕВ

Археология — это не только поиск мистических артефактов и лихие ковбойские трюки в исполнении дипломированных археологов. В случае межзвездной археологии по Джеку Макдевиту — это еще и таинственные Монументы, оставленные своими создателями в разных уголках Галактики, и по-голливудски эффектный аттракцион со спасением исследовательской миссии с обреченной планеты, и — куда уж без этого — поиск могущественных внеземных цивилизаций.

В книгу вошли два романа Джека Макдевита, открывающих цикл об Академии и межзвездных археологах. Тема археологии в широкой ее трактовке в качестве постепенного и последовательного раскрытия истины, сокрытой в руинах исчезнувшей цивилизации, среди звездных просторов, в глубинах минувших лет или просто в человеческой памяти, красной нитью проходит сквозь все творчество автора.

В фантастике Макдевит дебютировал по всем меркам довольно поздно — уже разменяв пятый десяток. Первой

публикацией стал рассказ «Эффект Эмерсона» (1981). Спустя несколько лет вышел и первый роман писателя «Послание с Геркулеса», посвященный теме Контакта и во многом перекликающийся с известной книгой Карла Сагана, прежде всего своей атмосферой научного поиска и околонаучных столкновений. С завершением «холодной войны» роман был существенно переработан, лишившись сюжетной линии, связанной с противостоянием двух сверхдержав, и приобретя взамен общечеловеческий характер. Уже в этой книге можно отметить черты, наиболее ярко проявившиеся в последующих произведениях Макдевита, а именно: внимание к характерам персонажей, достоверность в отображении происходящих событий и приверженность собственно науке и научной фантастике в классических ее образцах.

В своей статье «Постмодернизм в фантастике: Руководство пользователя», ставшей для многих отечественных любителей жанра своего рода «дорожной картой» по американской НФ, Майкл Суэнвик относит Макдевита к «одиноким волкам» жанра, не примыкающим ни к одной из литературных групп и направлений, занимающим собственную уникальную нишу. Действительно, в сегодняшней НФ Макдевит по-своему уникален, ведь он последовательно продолжает и развивает традиции таких «несовременных» авторов, как Артур Кларк и Хол Клемент. Иначе говоря, он выстраивает увлекательные сюжеты, опираясь на реальные научные гипотезы и предположения (или хотя бы не противореча таковым).

Рецензируемый цикл как раз и является таким характерным образцом неоклассической НФ.

Первый из романов, «Двигатели бога», уже выходил на русском языке лет десять тому назад. Его герои — исследователи загадочных Монументов, сооруженных неизвестной внеземной цивилизацией и связанных со столь же загадочными Омега-облаками, которые появляются из отдаленной галактики, преследуя и разрушая высокоразвитые цивилизации. Впрочем, трудности, с которыми сталкиваются герои произведения, вызваны в равной мере и силами природы, и внутренними конфликтами. Последние для этого мира, строго говоря, не характерны и еще больше подчеркивают притягательность образа будущего, описанного Макдевитом. Оно отличается отсутствием глобальных военных и политических конфликтов и, в полном соответствии с различными международными декларациями, «устойчивым развитием человечества», пусть и не решившего всех проблем (в частности, особенно остро стоит проблема перенаселения Земли и необходимость колонизации других

миров), но смотрящего вперед куда как с большим оптимизмом.

Нарисованная автором утопическая картина, конечно, не нова, но по-своему уникальна на фоне антиутопической сегодняшней НФ. Но вот что интересно: ближе всего к этому будущему миры советских фантастов — И. А. Ефремова и братьев Стругацких. Кстати, с миром Полдня цикл Макдевита роднит и наличие внеземной цивилизации, за которой землянами установлено скрытое наблюдение.

Книги Макдевита лишены идеологической подоплеки, сюжет в них играет доминирующую роль, но с точки зрения достоверности и притягательности нарисованного будущего с автором мало кто может потягаться.

Первая книга цикла рассказывает о судьбах цивилизаций, сталкивающихся с несоизмеримо более могущественными силами (возможно, более корректным переводом названия было бы «Орудия Бога»), и является самодостаточной. Однако именно в ней появляются и основные сюжетные линии, и основные персонажи цикла.

После этого Макдевит опубликовал, возможно, лучший свой роман «Военный талант», посвященный опять-таки кропотливым поискам истины, на сей раз не в межзвездных изысканиях, а в историческом расследовании давно минувшей войны. Последняя книга этой трилогии завоевала в 2006 году премию «Небьюла». Однако спустя несколько книг автор вновь вернулся в мир Академии.

Второй роман, «Обреченная», во многом наследует сюжетные линии «Двигателей бога». Присутствуют в тексте и природные катаклизмы, на сей раз планетарного масштаба, и руины давно исчезнувшей цивилизации, и следы загадочных творцов Монументов. Действие происходит спустя двадцать лет после событий первой книги, и наряду с пилотом Хатч нам представляют уже новых персонажей, участвующих в грандиозной спасательной операции, которая завершается совсем уж невероятным, но эффектным и даже зрелищным образом. Талант создания ярких, объемных персонажей не подвел Макдевита и на этот раз. Среди многочисленных действующих лиц особо выделяется Грегори Макаллистер, философ и резонер, списанный автором с реального исторического лица Генри Луиса Менкена, прославившегося своими афоризмами.

«Обреченная» в значительной мере является необходимой передышкой, пусть и весьма энергичной и насыщенной действием, перед возвращением к основным сюжетообразующим линиям цикла. На настоящий момент он включает в себя шесть романов, последний из которых должен увидеть свет в конце 2007

года. Читателя ждет и встреча с загадочными создателями Монументов, и экспедиция к источнику таинственных Омега-облаков.

Даже отвлекаясь от уже упомянутых картин будущего, созданных Макдевитом, можно заключить, что его цикл является своеобразным производственным триллером из жизни космических археологов, наподобие «Отеля» Артура Хейли, с присущими жанру масштабностью и проблематикой. Один из афоризмов упомянутого ранее Генри Луиса Менкена говорит: «Главное, чему нас учит чтение книг, что лишь очень немногие книги заслуживают прочтения». Книги Джека Макдевита по праву можно отнести к числу тех немногих книг, которые заслуживают внимательного прочтения.

КУРСОР

Девятый фестиваль

фантастики «Звездный мост» проходил с 13 по 16 мая в Харькове. В силу ряда причин в этом году фестиваль не смог принять всех желающих, поэтому оказался малочисленнее предыдущих — собралось чуть более 200 человек. В рамках фестиваля состоялись разнообразные мероприятия: презентации уникального энциклопедического справочника «Фантасты современной Украины» и новых книг в коллекционной серии «Звездный мост», доклады и диспуты о современном состоянии фантастики, работа семинара молодых авторов, творческой мастерской «Второй блин», секции альтернативной истории, философской секции и т. д. Были проведены поэтические встречи, художественные выставки, турнир по пейнтболу «НФ против фэнтези», концерт и праздничный фейерверк. По результатам голосования участников фестиваля были определены победители. В номинации «Циклы, сериалы и романы с продолжениями» приз «Золотой кадуцей» получил Вячеслав Рыбаков («Звезда Полынь»), «Серебряный» — Вадим Панов («День Дракона»), «Бронзовый» — Федор Березин («Создатель Черного корабля»). В номинации «Крупная форма» первыми стали Марина и Сергей Дяченко («Vita Nostra»), вторым — Дмитрий Скирюк («Блюз Черной собаки»), третьим — Владимир Васильев («Сокровища «Капудании»). В номинации «Дебютные книги» «золото» досталось Сергею Малицкому («Миссия для чужеземца»), «серебро» — Сергею Палию («Изнанка»), «бронза» — Михаилу Назаренко («Новый Минотавр»). В номинации «Критика, публицистика и литературоведение» в этом году произошли изменения, теперь она вручается не по результатам голосования участников, а присуждается профессиональным жюри. Неудивительно, что лидерами стали серьезные труды, а не статьи: первое место завоевал Геннадий Прашкевич за книгу «Красный Сфинкс. История русской фантастики от В. Ф. Одоевского до Б. Г. Штерна»; второе место получила книга К. Бритиковой и Л. Смирнова «Библиография отечественной фантастики. Том 1»; третье — «Завоевание Марса: Марсианские хроники эпохи Великого Противостояния» Антона Первушина.

Самым популярным

зарубежным писателем в Китае оказался канадский фантаст Роберт Сойер. Ему присуждена высшая НФ-награда Поднебесной — Galaxy Award. Церемония состоялась в городе Чэнду на международном фестивале фантастики и фэнтези.

Компания «АМЕДИА»,

признанный российский лидер по производству телесериалов, начала съемки 24-серийного телесериала «Тунгусский метеорит», нашего ответа культовому американскому сериалу «Lost» («Остаться в живых»). Действие происходит в районе падения Тунгусского метеорита — речки Подкаменная Тунгуска. Одни герои попали сюда в результате аварийной посадки, другие пробрались под видом туристов-экстремалов. Сверхъестественные силы, бушующие в аномальной зоне, не позволяют героям покинуть Тунгуску, вынуждая ввязаться в жестокую игру на выживание. Районом Тунгуски во время съемок станут белорусские леса.

«Еврокон-2007»

проходил в Копенгагене с 21 по 23 сентября. Почетными гостями конференции стали Энн Маккэфри, Стивен Бакстер, Гарри Гаррисон и др. Посетила конференцию и многочисленная российская делегация во главе с Сергеем Лукьяненко. Кроме семинаров, пресс-конференций, кинопоказов и прочих мероприятий состоялись голосования национальных делегаций. По их результатам определилась страна проведения «Еврокона-2009» (этого права добилась Италия) и лауреаты призов «Еврокона-2007». Лучшим автором признан Шандор Желези (Венгрия), художником — Владимир Бондарь (Россия, его иллюстрации — частые гости на страницах «Если»). Лучшим издательством названо ЭКСМО (Россия), журналом — «Robot» (Италия), переводчиком — Рихард Поданы (Чехия), промоутером — Николай Макаровский (Украина, бессменный организатор «Звездных мостов»), фэнзином — «Science Fiction» (Дания). Национальные делегации назвали лучших молодых авторов своих стран: Россия отметила Дмитрия Глуховского, а Украина — Михаила Назаренко.

Следующий «Еврокон» пройдет с 15 по 18 мая 2008 года в Москве.

Агентство F — пресс

60 лет

исполняется 16 ноября писателю и публицисту Эдуарду Вачагановичу Геворкяну, члену Творческого совета «Если» и давнему другу редакции журнала.

Родился будущий писатель в 1947 году в городе Хараноре Читинской области, но большая часть жизни связана с Москвой. Получил два высших образования — на физическом факультете Ереванского госуниверситета и на филологическом МГУ. После этого работал лингвистом в НИИ, в журнале «Наука и религия», а

в 1996 году пришел в редакцию журнала «Если» и уже через год стал заместителем главного редактора. В это время у сотрудников редакции не было нужды заглядывать в справочники: энциклопедически образованный и неправдоподобно начитанный Эдуард знает ответ на любой вопрос. Так что нет людей более подкованных по части черных дыр, нанотехнологий, теории и практики фэншуя или толкования сновидений, нежели редакция «Если». Выпускник легендарных Малеевских семинаров Э. Геворкян дебютировал в фантастике в 1977 году рассказом «Храните фотографии любимых». Широкую известность писателю принесла повесть «Правила игры без правил» (1983), выдвинувшая Геворкяна в число лидеров «Четвертой волны» российской НФ. Однако первая книга увидела свет лишь в 1995 году — это был вызвавший большой ажиотаж роман в жанре посткатастрофической социально-философской НФ «Времена негодяев». Роман собрал несколько литературных премий, включая «Бронзовую улитку». Не меньше споров вызвала и следующая книга писателя — новаторский роман «Темная гора» (1999), заслуживший премию жанровых критиков «Филигрань». Вторую «Филигрань» писатель получил за опубликованный в родном журнале рассказ «Ладонь, обращенная к небу» (2004). Лучшие повести и рассказы автора собраны в книге «Правила игры без правил» (2001). Острая публицистика Геворкяна неоднократно была отмечена ведущими жанровыми премиями. Эмоциональный и взрывной внешне, в душе Эдуард — тонкий лирик и чуткий слушатель. Рассчитывать на его добрый и умный совет можно всегда. И конечно, на новые рассказы и повести — изобретательные и неожиданные. Мы поздравляем Эдуарда Вачагановича с юбилеем и желаем здоровья и творческого долголетия.

Редакция

PERSONALIA

ЕВТУШЕНКО Алексей Анатольевич

Писатель-фантаст, поэт и художник Алексей Евтушенко родился в 1957 году в Дрездене в семье офицера и учительницы русского языка и литературы. Семья сменила несколько мест жительства — от Туркмении до Ростова-на-Дону. В 1980 году закончил факультет архитектуры Львовского политехнического института и в течение нескольких лет после учебы работал архитектором и художником-монументалистом в различных организациях. С 1999-го живет в Москве.

В 1979 году занялся литературной деятельностью, публиковался как поэт, а с 1985-го работал журналистом в различных периодических изданиях. Сейчас — старший редактор газеты «Оракул». Лауреат премии «Литературной газеты» как художник-карикатурист (1999).

В фантастике дебютировал в 1991 году рассказом «Сеня и спекулянт». С тех пор выпустил десять книг в жанрах НФ и приключенческой фантастики, в том числе: «Отряд» (2000), «Древнее заклятье» (2000), «Под колесами — звезды» (2001), «Человек-Т, или Приключения экипажа «Пахаря» (2003), «Охота на Актеона» (2005), «Ловушка для Артемиды» (2006), «Стража Реальности» (2007); автор двух поэтических сборников — «Избавление» (1991) и «Третья твердь» (1996).

ЗОРИЧ Александр

Александр Зорич — литературный псевдоним харьковского писательского дуэта Яны Владимировны Боцман и Дмитрия Вячеславовича Гордевского. Оба соавтора родились в 1973 году, учились в одной школе с музыкальным уклоном, затем вместе закончили по два факультета Харьковского университета — философский и прикладной математики. До сентября 2004-го работали на одной кафедре Харьковского национального университета, где Яна преподавала религиоведение, а Дмитрий — культуру Древнего Востока. В 1999 году соавторы защитили кандидатские диссертации по специальности «Философская антропология и философия культуры».

Писатель А. Зорич появился в 1991-м, когда соавторы написали роман-фэнтези в стихах, но первая публикация состоялась в 1996-м — цикл прозаических и стихотворных миниатюр «Heraldica». А уже в следующем году вышли первые романы цикла «Звезднорожденные» — «Знак Разрушения» и «Семя Ветра». В дальнейшем А. Зорич попробовал себя почти во всех

фантастических жанрах: фэнтези, киберпанк, космическая НФ, историко-мистическая фантастика, военная драма и даже сценарии копьютерных игр…

Среди наиболее известных книг, созданных харьковским дуэтом — романы «Люби и властвуй» (1998), «Ты победил» (2000), «Сезон оружия» (2000), «Последний аватар» (2000), «Боевая машина любви» (2001), «Светлое время ночи» (2001), дилогия «Карл, герцог» и «Первый меч Бургундии» (2001), названная газетой «Exlibris НГ» лучшей фантастической книгой 2001 года, «Консул содружества» (2002), трилогия в жанре космооперы (хотя сами авторы определяют свою трилогию как военную драму) «Завтра война» (2003), «Без пощады» (2004) и «Время — московское» (2005). По трилогии создана компьютерная игра «Завтра война». В 2007 году вышел новый роман — «Римская звезда», представляющий собой синтез исторической фэнтези, альтернативной истории и интеллектуального детектива. А. Зорич — лауреат многих премий: фестиваля «Звездный мост», «Серебряная полка» еженедельника «Книжное обозрение» (2006) и других. В этом году коллекция наград пополнилась премией критиков «Филигрань» за повесть «Дети Онегина и Татьяны».

МЕЛКОУ Пол (MELKO, Paul)

Американский писатель Пол Мелкоу родился в 1976 году и закончил университет с дипломом специалиста по компьютерам.

В фантастике автор дебютировал в 1996-м, когда в полупрофессиональном журнале появился рассказ «Нефункциональный семейный кот», а первой профессиональной публикацией стал рассказ «Горящий человек» (2002) в журнале «Realms of Fantasy». С тех пор Мелкоу, проживающий в Коламбусе (штат Огайо) и работающий программистом, опубликовал десять рассказов в журналах и антологиях, не считая многочисленных публикаций в фэнзинах и сетевых изданиях. На февраль 2008 года запланирован выход первого романа «Кольцо сингулярности», созданного на основе его рассказов о «детях сингулярности», уже известных читателям «Если».

Повесть «Стены Вселенной», опубликованная в этом номере журнала, номинировалась в нынешнем году сразу на две высших премии жанра — «Хьюго» и «Небьюлу».

МОФФЕТТ Джудит (MOFFETT, Judith)

Американская писательница, поэтесса и профессиональный филолог Джудит Моффетт родилась в 1942 году. После окончания университета она писала стихи (а также статьи о

поэтах) и только в 1986-м опубликовала свой первый НФ-рассказ «Выживание», который в том же году был номинирован на премию «Небьюла», а в следующем принес Моффетт только что основанную Премию имени Теодора Старджона. В следующем году коллекция литературных трофеев пополнилась новой наградой — Премией имени Джона Кэмпбелла.

К настоящему времени Джудит Моффетт выпустила четыре романа и полтора десятка рассказов и повестей. Ее повесть «Втулка» (1988) также была номинирована на «Небьюлу», а повесть «Маленькое танго» (1989) — на «Хьюго» и «Небьюлу». Еще одно произведение Моффетт — стихотворение «Время как непрекращающийся поток» (1992) — выдвигалось на Премию имени Джеймса Типтри-младшего.

ПРАТТ Тим (PRATT, Tim)

Американский писатель-фантаст Тим Пратт родился в 1976 году и проживает в Окленде (Калифорния), работает старшим редактором и книжным обозревателем журнала «Locus». Его дебют в научной фантастике состоялся в 2001-м рассказом «Бегемот». С тех пор Пратт опубликовал 28 рассказов и повестей и роман «Странные приключения девушки-рейнджера» (2005). Его рассказ «Маленькие боги» (2002) был номинирован на премию «Небьюла», а рассказ 2006 года «Невероятные мечты», напечатанный в этом номере журнала, осенью 2007-го принес молодому автору премию «Хьюго».

СУЭНВИК Майкл (SWANWICK, Michael)

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 5 за этот год)

В интервью, данном журналу «Locus», известный американский писатель-фантаст Майкл Суэнвик, в частности, сказал:

«Я не пишу в каком-то конкретном жанре. Для меня литература — это своего рода континуум, а та литература, которую мне случилось полюбить, неизбежно странная литература. Все эти возбуждающие и яркие образы могут найти приложение только в научной фантастике или фэнтези, вот почему мои произведения считаются фантастическими.

Сам я, однако, никогда не настаивал на каких бы то ни было жанровых дефинициях. К примеру, когда я писал роман «Джек Фауст», я не задумывался, что пишу — фэнтези (поскольку речь идет о дьяволе) или научную фантастику (поскольку речь идет и о «безумном ученом»). Американский издатель позиционировал роман как мейнстрим, а британский — как «литературу ужасов».

Но мне-то что до того?»

ФРЕДЕРИК Карл (FREDERICK, Carl)

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 1 за этот год)

На своем веб-сайте американский писатель-фантаст и дипломированный физик-теоретик Карл Фредерик рассказал много любопытного о своих увлечениях помимо фантастики и науки:

«Несколько лет назад в Итаке (штат Нью-Йорк) прошел большой космический фестиваль под названием «Итака космического Одиссея». Главным событием фестиваля стала выставка российской космической живописи (созданной, в основном, космонавтами). Коллекция должна была проследовать с Нью-Йоркской выставки в Чикаго. Путь грузовика с картинами проходил совсем рядом с Итакой. Наши мольбы и рыдания помогли нам «захватить» грузовик, чтобы на один день устроить выставку на нашем фестивале. Но при условии, чтобы мы (на самом деле, я) привезли картины в Чикаго. Прежде я никогда не водил грузовик. Счастье, что остался жив… Помимо этого, мы договорились о визите астронавта, устроили НФ-конвент, собрали много экспонатов для своей выставки и тому подобное. Организаторы фестиваля и их самые активные помощники решили, что будут Марсианским Правительством в изгнании. У нас появился флаг, придуманный и воплощенный, футболки с символом, а также Марсианский Государственный гимн — кстати, очень популярная песня среди детей Итаки в те дни».

ЧАН Тед (CHIANG, Ted)

Тед Чан родился в 1967 году в городе Порт-Джефферсон (штат Нью-Йорк). Окончив Университет Брауна в Провиденсе (штат Род-Айленд) с дипломом специалиста по компьютерам, Чан работал в различных компаниях и правительственных учреждениях, после чего перебрался на Западное побережье, в штат Вашингтон, где выбрал жизнь «на вольных хлебах»: он зарабатывает компьютерными программами и время от времени пишет научную фантастику.

Впечатляющим дебютом Чана в жанре стал рассказ «Вавилонская башня» (1990), сразу же принесший автору-дебютанту премию «Небьюла» плюс две номинации — на «Хьюго» и премию журнала «Locus». С тех пор писатель опубликовал всего одиннадцать рассказов и повестей, но практически каждое произведение номинировалось на высшие премии жанра. В итоге рассказы принесли писателю еще четыре награды — две премии

«Небьюла», одну «Хьюго» (произведением, сделавшим дубль, стал рассказ 2001 года «Ад — это отсутствие Бога»), плюс Премию имени Джона Кэмпбелла и Премию имени Теодора Старджона. В 2002-м вышел первый авторский сборник Чана «Истории твоей жизни и прочее». Его рекорд остается недостижимым: более двух десятков номинаций и шесть высших премий жанра на десяток произведений малой формы!

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

notes

Примечания

1

Спектры звезд зависят в основном от температуры. Их последовательность разбита на несколько спектральных классов, обозначаемых латинскими буквами: O — ярко-голубые, B — бело-голубые, A — ярко-белые, F — белые с желтоватым оттенком, G — желтые, K — оранжевые, M — красные, L — инфракрасные «коричневые карлики», T — инфракрасные «метановые карлики». (Прим. перев.)

2

Звездный. (Здесь и далее прим. перев.)

3

Четырехугольная плитка, мозаика, здесь имеется в виду сложный рельеф, как бы разделенный на квадратные плитки.

4

Последователи «Теории Гайя» (Gaiatheory; от Гея, древнегреческая богиня Земли). В основе теории лежит гипотеза о взаимодействии живой материи с ее окружением. Наша планета обладает «разумом», связанным с остальными «живыми» планетами. Автор теории, британский эколог Джеймс Лавлок, утверждает, что Земля, стремясь к самосохранению, может уничтожить человечество, которое оказывает на природу негативное воздействие, она активно отвечает ураганами, цунами, жарой, морозами. (Прим. ред.)

5

Астролябия — старинный геодезический и астрономический прибор для измерения углов. (Здесь и далее прим. перев.)

6

Устод — общее название высококвалифицированных мастеров-ювелиров, бытующее на Ближнем и Среднем Востоке.

7

Табиб (арабск.) — лекарь, врач.

8

В параллельной вселенной Япония, судя по неизвестному фильму Уэйна, капитулировала после высадки десанта. Пит делает вывод, что Хиросиму не бомбили. «Доктор Стрэйнджлав, или Как я перестал беспокоиться и полюбил атомную бомбу» (реж. Стэнли Кубрик, 1964 г.) — острый антивоенный фильм в жанре «черной комедии». В фильме речь идет о том, как военные США и Советского Союза едва не развязывают третью мировую войну с применением ядерного оружия. Отсутствие его в «параллельной» фильмографии Кубрика подтверждает догадку о том, что мир безъядерный.

9

Клуб «Завтрак» (реж. Дж. Хьюз, 1985 г.) — молодежная мелодрама с элементами комедии. По сюжету фильма пятеро подростков должны провести выходные в школе. Две девочки и трое мальчишек принадлежат к разным социальным слоям и к разным внутришкольным группам, однако время, проведенное взаперти, сближает их, они ощущают, как стираются общественные и культурные границы. В финале фильма явственно звучит печальная нотка — подростки понимают, что уже завтра иллюзия общности исчезнет, они вернутся в семьи, в свои группировки… Одну из героинь фильма зовут Элли, как и героиню рассказа. В реальности Элли драматическая тема фильма развивается в сиквеле «Поход на обед», который в нашем мире даже не предполагалось снимать.

10

«План 9 из открытого космоса» (реж. Эд Вуд-мл., 1959 г.) — знаменитый фантастический трэш-боевик, считается «худшим фильмом всех времен и народов». В свою очередь, Эдвард Вуд-младший почти официально признан «Самым Бездарным Режиссером в Истории Кино» — его фильмы сняты с таким удивительным отсутствием вкуса, что это само по себе превратилось в эстетический идеал. Бела Лугоши — известный американский киноактер венгерского происхождения, прославился ролью графа Дракулы в фильме реж. Тода Броунинга (1931). На закате жизни Лугоши снимался в «худших фильмах» Эда Вуда. Эти работы помогли ему преодолеть зависимость от наркотиков и на какое-то время вернуться в большое кино. Так как Лугоши умер в 1956 году, то в «Плане 9» режиссер использовал архивные кадры и статиста с лицом, закрытым плащом.

11

«Игра Эндера» — несуществующий пока фильм по роману Орсона Скотта Карда. В настоящий момент фильм находится в производстве, выпуск его предполагается в 2008 году, реж. Вольфганг Петерсен. Позиционируется как подростковый фантастический боевик о чудо-ребенке, спасающем Землю от инопланетного вторжения.

12

Кодекс Хейза — свод правил, принятых Американской ассоциацией кинопроизводителей в 1930 году. Регламентировал производство фильмов в части тематики, устанавливал жесткие правила отображения неприглядных моментов реальности (таких, как употребление алкоголя, наркотиков, убийство, насилие), а также строго ограничивал показ секса и политики в кино. В период становления кино как подлинно массового вида развлечений Кодекс Хейза (назван по фамилии первого председателя Ассоциации Уилла Хейза) сыграл стабилизирующую роль, позволив ему стать респектабельным семейным зрелищем. Однако уже в 1950-е годы он стал тормозить развитие кинопромышленности. Развитие телевидения, не стесненного вопросами проката, и конкуренция со стороны иностранных фильмов привели к тому, что в 1967 году Кодекс был окончательно отменен, и ему на смену пришла действующая до настоящего времени система рейтингов.

13

Рэй Хэррихаузен — выдающийся аниматор и мастер спецэффектов 60–70 годов XX века. Отечественному зрителю хорошо известен по фильмам «Седьмое путешествие Синдбада», «Золотое путешествие Синдбада», «Синдбад и Глаз тигра».

14

«Эта чудесная жизнь» (реж. Ф. Капра, 1946 г.) — мелодрама о том, как Джордж Бейли (Джимми Стюарт), молодой политик и бизнесмен, собрался под Рождество покончить с собой, так как считал, что причиняет близким только боль и страдание. Однако ему явился ангел и показал, какой была бы жизнь родного города Джорджа, его близких и друзей, если бы он никогда не родился. Таким образом, по контрасту Джордж увидел ту радость бытия, которая была связана с его существованием в жизни других людей.

15

Уильям Херст (1863–1951) — создатель мощного медиа-треста, один из первых газетных магнатов в США, отец «желтой прессы». Некоторые обстоятельства его биографии были обыграны в сюжете фильма «Гражданин Кейн» (реж О. Уэллс, 1941 г.). Для Уэллса это был дебют в качестве режиссера игрового кино. Херст предлагал студии RKO оплатить все расходы по производству фильма, если руководство согласится уничтожить негатив. Однако фильм вышел в прокат и, несмотря на бойкот и травлю со стороны херстовских изданий, сделался событием в истории американского кино. В настоящий момент вместе с «Касабланкой» и «Крестным отцом» входит в тройку «лучших американских фильмов всех времен».

16

Бланш Дюбуа — героиня пьесы Теннесси Уильямса «Трамвай «Желание» и одноименного фильма (реж. Э. Казан, 1951 г.). Джессика Танди с огромным успехом сыграла Бланш Дюбуа в театральной постановке на Бродвее, однако в кино эта роль досталась Вивьен Ли. Бланш живет воображением, мечтами о том, что вот-вот выйдет замуж за богача, в то время как реальная жизнь ее рушится: она вдова, так как муж-гомосексуалист покончил с собой, дом ее заложен, карьера учительницы не складывается. В конце концов, Бланш спивается и сходит с ума.

17

Пит цитирует последнюю фразу главного героя из фильма «Касабланка» (реж. Майкл Кертиц, 1942 г.). «Касабланка» входит в тройку шедевров американского кинематографа благодаря мастерству актеров (Хэмфри Богарт и Ингрид Бергман), а также благодаря динамичному, напряженному сюжету о любви, предательстве и войне. Фраза о «начале прекрасной дружбы» известна в США примерно так же, как у нас: «Штирлиц, а вас я попрошу остаться», в списке популярных киноцитат она стабильно занимает место в первой полусотне.

18

20 июля 1993 года Винс Фостер был найден мертвым в своем автомобиле в лесу под Вашингтоном. Смерть наступила вследствие огнестрельного ранения в грудь. Фостер был центральной фигурой в деле об уайтуотерских земельных участках, впоследствии ставших поводом для крупного скандала с участием президента и его супруги. (Здесь и далее прим. перев.)

19

Компания, специализирующаяся на выпуске сельхозтехники.